

A woman with long, wavy red hair and a pink, strapless, ruffled dress is holding the head of a tiger. The tiger has its mouth open, showing its pink tongue and sharp white teeth. The background is dark with some green foliage and small white flowers. The text is overlaid on the image.

Гусейнова Ольга

**У любви
пушистый хвост,
или в погоне
за счастьем!**

Annotation

Хочу выразить огромную благодарность своим любимым помощникам: Вере Борисковой, за редактуру этой книги и моей сестре Юлии. Вы — мои главные Музы и вдохновительницы на литературные подвиги!

- [Ольга Гусейнова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [Эпилог](#)

Ольга Гусейнова

У любви пушистый хвост, или в погоне за счастьем!

Глава 1

Гул нескольких голосов, донесшийся из большой нижней повалуши, только порадовал — все собрались. Пропустила я момент, когда первые лица клана прошли туда важные вопросы решать. Ну ничего, подожду, когда выйдут, а у самой все поджилки трясутся, ведь одно — задумать, а другое — сделать это самое задуманное. Дело мне предстоит неслыханное и потому пугающее до дрожи в коленках. Сердце бьется пойманной птицей, кровь приливает к щекам, а руки холодеют и не хотят слушаться.

Судорожно вздохнув, я проверила свою одежду: свободный сарафан длиной в пол и унылый синий плат из плотной ткани, который положено носить не созревшим самкам-малолеткам, полностью скрывающий фигуру до пояса, а руки — по локоть. Мало того, лицо по самые глаза прикрывает, только для ушей прорези оставлены. Без ушей нам никак. Одна поблажка — закрепляют это безобразие на голове яркой лентой с бусинками, вышивкой, подвесками. У кого на что выдумки и денег хватает, ну или кому что родителями дозволено.

Так, веревка к подолу пришита незаметно: уж я постаралась, чтобы не было видно ни стежочка. В сотый, наверное, раз дернула за веревку — и подол сарафана задрался вверх, открывая спрятанную под широкими складками нижнюю тонкую рубашку, выгодно облегающую женские изгибы моего тела. Вот это «сокровище» я и хочу показать всем мужчинам, собравшимся за массивной деревянной дверью. А то мало того, что засиделась в девках, да еще вынуждена носить опостылевший большой платок.

В повалуше отчего-то слишком громко зашумели, подстегнув меня поторапливаться. Опасливо огляделась по сторонам: добротная лестница, ведущая на первый ярус; резные балясины вдоль площадки второго яруса, где находятся светлица и покоевые горницы, наши и для гостей, которыми за годы правления брата редко пользовались; потемневшие от времени деревянные панели и надежные потолочные балки. Меня они точно выдержат.

Солнечный свет, проникающий в высокое узкое окно у лестницы, отражается от огромной круглой люстры, которую я якобы собралась чистить от свечного нагара — брат мой может себе позволить подобное дорогое и «прожорливое» освещение. Положила тряпки, туес с чистящим порошком, скребок, чтобы потом оправдаться перед братом, что работала в

поте лица. И вообще, вся в делах и заботах исключительно о его доме, благоденствии и спокойствии. И ни о чем худом или — не дай Луна! — сугубо своем, считай бабском, не думаю! Ни-ни!

Приподняв подол, я легко запрыгнула на перила. Держась за столб, подпирающий потолок, подтянула к себе люстру и накинула веревочную петлю на специальный крюк. Заранее не единожды все продумала: если аккуратненько «упасть», то есть спрыгнуть, то повисну как раз под ней — бедненькая, неуклюжая, сдуру... ой, нет, по недоразумению попавшаяся в ловушку собственной одежды. Зато полуобнаженная, красивая, фигуристая и... желанная. Вот! Холостяки среди тех, что сейчас разговаривают в повалуше, еще остались. Может хоть один, да позарится. Такие мечты и надежды снедали меня последние несколько дней.

Затаив дыхание, я прислушалась к гулу голосов. О чем конкретно говорят уважаемые представители клана в кои-то веки за плотно закрытой дверью не разобрать, хоть на слух не жалею. Но грозный рык моего брата Амаля ни с чьим не перепутать. С него станется, мог бы и дальше просторной передней никого не пускать, что делал обычно, когда приближенные клановцы по одному с докладами являлись.

Да видно сегодня не тот день. Впрочем, мне только на руку. Как вчера услышала, что всех позвали на важную и, теперь убедилась, не для всех ушей встречу, так и начала готовиться. Интересно, о чем они там сейчас спорят? Ох, не по нраву мне это, не по нраву! Сдается, братец рычит по поводу дани, которой обложил наш клан новоявленный князь Валиан Северный, потому как накануне его поверенный прибыл. Важный ата, остановившийся на постоялом дворе.

Пару месяцев назад закончилась война, после которой большая часть кланов, стоявшая под другими знаменами, была вынуждена присоединиться к Северному. Княжество небольшое, но планы у Его Светлости Валиана — великие, раз, поговаривают, на королевство замахнулся. Мысленно я пожелала ему подавиться, как вслух частенько шипел мой старший грозный брат. Волки ненавидят ограничение свободы, а Северный явно решил затянуть удавку на нашей шее.

Неожиданно в повалуше притихли, видно закончили, сейчас разойдутся. Пробил мой заветный час! Еще раз дернув веревку, зацепленную за крюк, приготовилась. Дверь отворилась, но не полностью, чья-то сильная рука придержала ее. Донесся незнакомый, вкрадчивый мужской голос:

— ...согласно указу Его Светлости князя Валиана Северного, ваш клан обязан представить ко двору на смотрины в качестве невесты незамужнюю

девицу, не вдову, из семейства ближнего наследуемого круга...

— Это невыполнимо! Нет у нас свободных женщин по таким запросам. Да и какая здоровая самка останется в девицах к детородному возрасту? — раздался зловеющий надтреснутый голос Амаля.

Отдавать что-либо он ненавидел всеми фибрами души.

— Я поверенный его светлости, а не гадалка! И на вашем месте сделал бы все возможное, чтобы без проволочек исполнить волю князя. Тем более, воевали вы на стороне его врагов, и только несколько недель назад присягнули на верность.

— Помимо присяги мой клан платит дань. Не дровами и рыбой, как некоторые, а чистым золотом!

— Его светлость учел этот факт, поэтому с вашего клана потребовали всего одну девицу. Более того, у вас появилась редкая возможность породниться с самим князем!

Собеседников я не видела, но отчетливо слышала, как тщательно скрываемая ярость и злоба прорывались в голосе брата. Амаль — волк, глава клана и вожак стаи. Этим все сказано. Не привык, чтобы кто-то перечил ему, полному территориальному собственнику, тем более давил или принуждал. И сейчас с трудом сдерживает свой бешеный нор.

— Я уверен, что ситуация с женщинами в столице не лучше, чем у нас... на окраине... княжества, — не сумел сдержать желчь Амаль. — Здоровые сильные самки нужны любому клану!

— Светлейший князь заинтересован в сильном многочисленном потомстве, поэтому решил разбавить высокородную, но застоявшуюся кровь столичных родов свежей. Суровые условия жизни и традиционный уклад, что до сих пор сохраняются... на окраинах, по его разумению, поспособствуют поиску достойных жен.

Мое сердце затрепетало от восторга: вот оно — решение моих проблем и ответ на чаяния! Под ногами скрипнули перила, ладони взмокли от волнения, и я еще крепче вцепилась в веревку.

— Жен? — прервал мои восторги изумленный голос брата.

— Да, его светлость набирает себе гарем, и лишь избранные станут законными супругами князя Валиана.

— А остальные? — поинтересовался Свят, один из помощников Амаля, ох и противный же оборотень этот ушлый волк.

— Остальных вернут кланам... если женщины выкажут на то желание, — спокойно ответил невидимый столичный гость; правда, в последнем слове послышалось насмешливое сомнение в подобном исходе.

Моя радость потухла так же быстро, как и загорелась. Гарем? Для

волков неприемлемо, ни одна самка не потерпит соперничества в семье. Хотя, новый князь — леопард, а у кошек, как я слышала, с этим немного проще. Редко правда!

— Дешен вас проводит, а мы пока обсудим, кого послать ко двору, — процедил Амаль, скрипнув клыками.

— Не думаю, что поиски достойной девицы затянутся, — еще более вкрадчиво, многозначительно заметил княжеский посланник. — Каждый в округе наслышан о вашей сестре — скромной девице, прекрасной хозяйке и наделенной ценным даром знахарки.

— Савери не обсуждается! — грозно прорычал Амаль.

Я вздрогнула и пошатнулась, нога в мягкой, домашней войлочной чуне соскочила с балясины. А я вцепилась в веревку еще крепче, нечаянно выпустив опору, и теперь, скрючившись, повисла в воздухе, отчаянно цепляясь ногами за перила.

Темные полы плата знаменем колыхаются над первым ярусом. Проклятые тряпки мешают, не дают освободиться и вернуть себе устойчивое положение, а влажные от волнения ладони как назло скользят по веревке. Луна! А ведь сама виновата в своем нынешнем глупейшем положении. Надо выбираться и быстро.

— Ваша сестра полукровка. Вероятно, ее кошачья натура позволит принять нашего князя как мужа и отца своих детей. Даже будучи не единственной его женой.

Я неловко дернулась, услышав мнение княжеского чиновника. Оно стало последней каплей в череде моих жизненных проблем. Зачем, спрашивается, еженедельно собственноручно полировала и натирала воском перила — чтобы они сейчас уходили из-под ног?! Чуни предательски скользили, разъезжались, хоть я тянула носки, как завзятая танцовщица.

Двери распахнулись — и худощавый высокий шатен, видимо тот самый поверенный, первым вышел из повалуши, по-кошачьи мягко, прямо загляденье, направился к выходу. За ним твердо ступал Дешен — сильный, умный, хороший волк, ради которого собственно и затевалась эта чистой воды... авантюра. И, к сожалению, не удалась, потому что оба мужчины вышли из дома.

Хлопнула входная дверь; загомонили остальные оборотни. Но мне было не до обсуждения кандидатки в невесты Его Светлости, а по сути — заложницы. Ведь не зря новоявленный князь требует именно высокородных оборотниц, а не любую представительницу клана. Кому как не мне ясно, что дело пахнет горелым маслом.

Амаль грохнул кулаком по столу, отчего я невольно вздрогнула — а перила, в конце концов, ушли из-под ног. Зависнув над полом и качаясь будто маятник, я даже испугаться не успела, как и среагировать, чтобы мягко спружинить на лапы. Ведь, как и задумывала, веревка, пришитая к подолу, ловчей сетью стремительно задрала его вверх. Рассчитывала, что всего-то окажусь пленницей собственного задравшегося сарафана, но оказалось — веревка выскользнула из моих рук и обвила шею.

Я захрипела, беспомощно болтая в воздухе обнаженными ногами и вытаращив глаза — одежда мешала освободиться, веревка сдавливала горло. Словно рыбина, выброшенная из воды, я хватала воздух ртом, но не могла вдохнуть. В глазах начало мутнеть, когда совет клана, наконец, вынудил Амаля признать, что выбора у него нет и меня придется отправить ко двору Северного. Новая война нам не по карману и не по силам.

Было слышно, как мужчины вышли из гостиной, но, наверное, ни один не глянул вверх, где я болталась, отчаянно дрыгая ногами. Все, по обыкновению, спешили покинуть наш негостеприимный дом. Мои потуги привлечь к себе внимание холостяков развеялись прахом. Причем вскоре, надо думать, и мой собственный развеют — я сипела, проваливаясь в темноту. А ведь всего лишь мечтала о муже, своем мужчине, с которым могла бы обрести женское счастье и семью.

— Савери! — Амаль привычно рывкнул на весь дом.

Раньше бы я уже спешила на его зов — промедления и непослушания брат не терпел. А сейчас из последних сил сучу ногами, пытаюсь привлечь его внимание, а удавка еще сильнее перехватывает мое горло. Все, так и умру невинной, нелюбимой и несчастливой — какой позор!

— Савери? — потрясенно взвыл Амаль.

Неужели заметил меня?! Скрежет когтей по дереву, движение воздуха от мощного прыжка — и через секунду брат спрыгнул на первый ярус, со мной в руках. Торопливо выпутал из собственноручно устроенной самой себе тупейшей ловушки и удивил до глубины души, неожиданно печально спросив, с сочувствием разглядывая меня:

— Ты слышала про княжеский указ, да?

Я осторожно кивнула, кашляя и пытаюсь отдышаться.

— Поэтому решила повеситься? — сделал потрясающий мое воображение вывод Амаль. — Поверь, возможно князь не выберет тебя. Ты сможешь избежать гарема. Вернешься обратно, домой... ко мне.

К этому моменту я успела отдышаться и начала соображать. Признаваться, что вешаться уж точно не собиралась, не стала. Как и в том, что напортила с хорошей задумкой... заставить вождельца себя

неженатых клановцев, пробравшись в их сны. А как еще вынудить их пойти против брата, чтобы он согласился на мой брак? Как сделать так, чтобы не побоялись главы клана, запретившего приближаться ко мне под страхом смерти?

— Я нечаянно... хотела люстру почистить, — прохрипела заранее приготовленное оправдание.

— Кто бы сомневался, — насмешливо хмыкнул Амаль, несколько не поверив.

Повезло, однако, что княжеский поверенный подвернулся, а то не представляю, что вышло бы...

Я шмыгнула носом и, старательно вздрагивая всем телом, заревела у брата на груди:

— И что теперь со мной бу-у-дет?..

Амаль вновь поразил, ласково погладив меня по голове и... утешая:

— Дань собрали. Но этот плешивый Валианов прихвостень требует отправить вместе с золотом тебя. Думаю, за пару дней соберешься, а потом под охраной поедешь в столицу. Не бойся, охранники подождут княжеского решения. Если повезет, ты вернешься ко мне.

Я с тяжелым вздохом кивнула, не отрывая лица от груди Амаля. Сама же в этот момент ликовала: «Наконец-то, свобода! От тебя!»

— Иди, приведи себя в порядок и накрой на стол, я проголодался. — Отстранился Амаль, вновь словно коркой льда покрывшись.

Жаль, что мой самый сильный и умный брат — душевно ущербный.

Жители Фарна могут прожить до ста двадцати лет полными сил, а затем быстро угасают. После тридцати многие оборотни заводят семью — большинство находится в поиске своей половинки. Так устроено природой: чем старше оборотень, чем дольше он одинокий, тем сильнее его звериная сущность. Потерять свое человеческое «я» никто не хочет, за редким исключением, но это скорее безумцы. Или такие, как Амаль.

Он никого не любит, не жалеет, лишь желает время от времени. Единственное, что им владеет безраздельно, — жажда власти. Именно из-за нее я рано потеряла отца, будучи не созревшей малолеткой. Амаль вызвал его на бой помериться силой и выиграл право возглавить клан. Убил! Собственного отца. Нашего отца! Затем сделал меня пленницей и собственностью. Мне двадцать три, но снять плат малолетки он так и не позволил. Я, единственная, ношу его так долго, до сих пор закрывая большую часть лица, когда выхожу из братовых хором — вдруг найдется тот, кто возжелает меня, полюбит и отберет у Амаля.

Отберет не сестру-кровинушку, а знахарку! Фарн, наш прекрасный

мир, раздает редкие дары: большей частью полезные, иногда никчемные, а иной раз похожие на проклятья — никто не знает, почему это случается; кроме того, дар передается по наследству.

Мне достался сложный, двойной знахарский дар, я интуитивно чую природную силу каждой травки, корешка и листочка. Умею соединять их полезные свойства, создавая чудодейственные настойки и сборы. Но главное и самое важное в мире двуликих — я повитуха. Оборотницы разных видов из-за второй сущности часто теряют свое потомство во время вынашивания и родов. А такие как мы, повитухи, не даем этой беде случиться.

Я одна такая сильная до самых гор, поэтому к нам в клан многие обращаются за помощью, привозят своих жен и дочерей. За мою работу Амалю платят золотом или услугами, часто загоняя себя в неоплатные долги или давая клятву верности. Именно на этом держится его непоколебимая власть в клане и строятся отношения с соседями. И если бы не княжеские смотрины, брат никогда бы не позволил мне уйти от него, чтобы завести собственную семью. Передать хоть часть своего авторитета и моего ценного дара другому волку — да ни в жизнь!

Конечно, Амаль будет усердно, истово молиться Луне и другим высшим Фарна за удачу, чтобы меня не выбрал князь, а уж потом постарается вернуть себе.

Ха, я тоже постараюсь, только наоборот!

Глава 2

Рассвет только-только озарил небеса, а я уже возвращаюсь из леса. Неслышно, словно тени, за мной следуют два охранника-волка — после вчерашнего «повешенья» брат не выпускает меня из виду. Хотя сейчас неудачная попытка привлечь к себе внимание и докучливая братова «забота» вызывают лишь насмешливую улыбку, благо никто ее не увидит. Набрав травок и кореньев, я удовлетворенно выдохнула: теперь полностью подготовилась к охоте на мужа! И не ударю, как говаривала старая Марая, мордой лица в грязь на смотрах княжеских невест.

Лес просыпается, ночное зверье спешит укрыться в норах и дуплах, сочная зелень в капельках росы благоухает сотнями свежих, налитых живительной силой ароматов, приветствуя утро рождающегося дня вместе с дневными птицами. Мое обоняние волею providения было заточено как раз под распознавание запахов растений, словно я травоядное какое-нибудь, а не обычная двуликая кошка. Над этой особенностью брат частенько насмехался, несмотря на то, что мой дар травницы, сильной знахарки и особенно повитухи обеспечивает ему надежную власть и уверенность в союзниках.

Эх, елки зеленые, как же хочется обернуться и побегать, как все, на четырех лапах, наперегонки с ветром, а еще — попрыгать, полазить по деревьям, но пока нельзя. Брат грозил оторвать мне хвост и открутить лопахуе уши, а впереди — смотрины! Амаль пару лет назад неохотно признался, что моя хорошенькая рыжеватая кошачья мордочка и изящное тельце могут привлечь какого-нибудь дурня настолько, что тот на глупость и необдуманные поступки сподобится, чем доставит неприятностей. Так что, если раньше Амаль самолично выгуливал мою кошку в чаще, то теперь об этом даже заикнуться ни-ни. А ведь долгое время без оборота и так со мной злую шутку сыграло: отвыкла, вот и не выпустила вчера когти. Чуть не удавилась.

По дороге обратно я еще раз мысленно перечислила дела первостепенной важности, которые нужно закончить к завтрашнему утру, к отправлению обоза. Вроде бы ничего не забыла и с соседской ребятней попрощалась, а выспаться успею в пути, до столицы княжества больше недели ехать.

Сразу за подлеском начинаются пашни, за ними в рассветной туманной дымке видны избы, принадлежащие более слабым и, как

правило, менее имущим оборотням. Дальше пойдут дома побогаче, двухъярусные. Но и те, и другие добротные, деревянные, с двускатными, а то и четырехскатными крышами, резными наличниками, ведь логово для любого волка — это самое важное в жизни. Да и леса для стройки хватает.

Волчий клык — клан, испокон веков проживающий в долине с таким же грозным названием, родной до щемящей нежности, на многие версты окрест раскинувшейся, приютившей самый большой и богатый северный клан. Никому особо не кланявшийся клан, пока князь Валиан не счел, что собственное княжество ему маловато, а вот заморское королевство очень даже подходит и размерам его гордыни, и намерениям.

Еще лет десять назад, нам, щенкам и кошкам, наставник рассказывал, что Фарн велик и огромен. По замыслу богов, наш мир поделен на две части: Зеленую и Желтую. Первую — богатую растительностью — боги отдали разумным существам, наделенным двумя ипостасями с двумя душами, и обычному зверью.

Желтая — мир песков — досталась змеелюдам; они тоже двуликие двудушники, но, в отличие от жителей Зеленой, чаще используют для передвижения хвост, нежели ноги, постоянно находясь в неполной, смешанной ипостаси. По мере развития обеих частей Фарна, даже океан не смог стать преградой для встречи двух рас, и боги постарались, чтобы не случилось войны: змеелюды не переносят холода Зеленой, а четвероногие плохо приживаются в жарких песках Желтой, зато торговля идет полным ходом.

Кроме того, у обеих рас Фарна есть виды. Хвостатые змеелюды разнятся от мелких, безобидных, покладистых представителей до крупных и смертельно опасных. Чешуйчатые — даром, что жители песков, — прекрасные мореплаватели, торговцы и строители, которых часто нанимают на Зеленой. Еще змеелюды объединены в королевства и империи, которые насчитывают сотни тысяч двуликих. Но одновременно забирают у тех свободу, даруя власть лишь немногим избранным!

А вот на Зеленой получили вторую ипостась сразу несколько видов. Самые распространенные — псовые. Первые среди них — вольнолюбивые, гордые волки, собравшиеся в кланы с четкой иерархией силы. Затем идут гиены, в большинстве своем живущие небольшими родовыми стаями и часто выбирающие стезю наемников.

В торговых рядах нередко зазывают народ хитрые, с хорошо подвешенными языками лисы, а вот между торговцами или покупателями часто промышляют в поисках раззяв наглые, ловкие шакалы.

На востоке край болот и озер издавна облюбовали еноты. Водяные, как

их прозвали, поставляют в города древесину, рыбу и крепкие рабочие и честные руки.

Еще дальше Волчьего клыка живут наши северные соседи — песцы. Этих метких охотников и хороших охранников часто нанимают торговцы для сопровождения обозов по Зеленой.

Второй вид менее многочисленный, но довольно распространенный, — кошки: крупные и помельче, как я. Кошки предпочитают холодному горному северному краю южные степи и горы. Мы ценим свободу даже больше, чем волки, но часто привязанность играет с нами злую шутку — невольно прикипаем душой к неблагодарному «хозяину» или «гнилому» месту. Может по этой причине кошки осторожные и заслужить их дружбу и доверие довольно сложно.

Неискоренимое любопытство, авантюризм и чувственность, увы, тоже не лучшим образом сказались на кошках. Крайне редко, но бывали случаи многоженства или многомужества: не каждый согласится делиться, особенно любовью и преданностью с кем-либо. В подобных случаях либо самец, либо самка, что позволили себе завести гарем, должны обладать невероятной одаренностью — внутренней силой, притягательностью и обаянием. Чтобы их по-настоящему любили. Ведь только искреннее желание любой оборотницы, ее внутренняя готовность позволяют принести семье потомство.

А вот у змеелюдов, я слышала, распространены гаремы, если есть на что содержать.

Третий, малочисленный, но весьма уважаемый вид — медведи; их часто выбирают городскими головами или судьями. Мудрость, основательность, сила и справедливость медведей славятся на весь Фарн.

Пока на Зеленой стороне существуют только княжества. Так издавна называют огромные кланы, которые подминают под себя стаи поменьше или отдельные рода. Конечно, вольнолюбивые жители Зеленой стороны княжества не особо жалуют и, опасаясь, чтобы другие свободные кланы или стаи не подмяли, налаживают тесные отношения с соседними родами, стараются поддерживать друг друга, еще устраивают договорные браки, даже межвидовые. Как жизнь показала, не зря.

До сих пор на Зеленой стороне не больше десятка княжеств, а преобладают свободные кланы или стаи. Иногда целый город принадлежит одному клану, а лес — стае. Всех это долго устраивало. Но нашелся-таки Валиан Северный, видимо очарованный, захваченный положением дел на Желтой стороне и размерами владений тамошних королей. Собрал войско и успешно выиграл войну, унесшую жизни многих оборотней. Еще вчера я

надеялась на скорую смерть этого пришлого леопарда, а сегодня поумерила пыл, ведь, возможно, стану его любимой женой.

Наверное, не ко времени, но в мечтах я уже нарисовала чудесную картинку будущей семейной жизни, где на задворках княжеских палат блеклым пятном расплывается вторая жена. Я же — первая и любимая, несущая радость мужу и благоденствие народу. Точнее, моему клану. Ну, мало ли, вдруг да получится, мечтать-то не вредно. Как говорит мудрейший Фрол, старый, потрепанный годами волк из нашего клана, до сих пор наставляющий юных псов и кошек грамоте и истории: «Вредно не мечтать! Это ограничивает мышление и может привести к заведомому проигрышу в любом начинании». Правда, смысл этой Фроловой науки я не совсем поняла, но усиленно мечтаю, раз полезно.

Улицы оживают, главный город волчьей долины просыпается под залиvistое петушиное «ку-ка-ре-куууу!», криканье, мычание, бляение... Представила, как хозяева, позевывая и поеживаясь от утренней прохлады, выходят во двор заниматься ежедневными делами. Вот и небольшая центральная площадь, недалеко от которой стоят хоромы брата. Раньше я считала их семейным логовом, пока жажда власти не свела с ума Амаля, да так, что он убил нашего отца на поединке.

Справа привычно раздался грозный рык, тут же привлечший мое внимание.

— Да-да, Феня, не лютуй, пришла навестить тебя, — мурлыкнула я снисходительно ласково.

На краю площади, под сенью высокого раскидистого дуба, в огромной стальной клетке, держась за прутья, встал двухметровый монстр с почти человеческим телом и головой, напоминающей волчью. Этот широкоплечий, сутулый, с длинными когтистыми руками-лапами и мощными ногами-лапами полузверь, покрытый шерстью, вперился в меня цепкими, голодными, глубоко посаженными, желтыми глазами, ожидая подачки.

В народе подобных Фене называют душниками. Ходят они на двух ногах, как обычные оборотни в человеческой ипостаси. По-своему разумны, но лишь с одной, изуродованной душой и формой. Не зверь и не человек, а чудище, замершее посередине оборота. Именно из-за душников на Зеленой стороне правильные оборотни стараются придерживаться либо звериной, либо человеческой ипостаси, не смешивая их, порой претерпевая неудобства.

— Фенечка, не переживай, мимо не пройду и подарочек тебе, горемычный ты мой, принесла, как всегда, — грустно улыбнулась я

городскому пугалу, направляясь к клетке.

Приблизилась, но, наученная прежним опытом, осталась на безопасном расстоянии и кинула полузверю час назад пойманного моими телохранителями зайца. Феня ловко схватил окровавленную тушку и, усевшись в центре клетки, с голодным жадным урчанием когтистыми лапами начал рвать ушастого, брызгая кровью и с удовольствием чавкая. Я вновь печально вздохнула: жалко зайку — хоть и сама хищник, но убивать так и не научилась. И несчастливца Феньку жалко, порой до слез, ведь даже имя ему сама дала.

Пять лет назад наши воины вернулись с ним после вылазки в горы. Там, далеко на севере, в шахтах, можно разжиться самоцветными камнями. Да не каждый смельчак решался забираться на территории отверженных или душников. Мохнатые звероподобные чудища, подвластные лишь стремлениям убивать, питаться и размножаться, иных пугали до дрожи в коленках.

Стаи полузверей могут водиться в любом месте Зеленого мира. Уже не оборотни, но еще и не обычные животные. Одним словом, полузверь — внешне и внутри. Они рождались у родителей-душников, либо становились таковыми, если оборотень не обретал семью, озлоблялся и сходил с ума от бунтующих животных инстинктов, которые нечем приглушить, нельзя направить на защиту и заботу о любимых и родных. Или, если душа человека в нем была так слаба, безвольна или наоборот столь злобна, что зверь полностью подавлял, поглощал, превращая в коварного, яростного убийцу.

Когда Феньку только притащили в город на потеху публике, а главное — для того, чтобы молодняк видел, что бывает с самонадеянными оборотнями, которые не блюдают традиций и не выполняют правил, испокон веков твердивших: разум двуликий может сохранить лишь в семье, меня потряс его злобный взгляд, с ненавистью перебегавший с одного на другого зрителя из горожан, столпившихся на площади поглазеть на огромное чудовище.

Спустя год плена в Волчьем клыке Феня сумел-таки меня обмануть. Его угнетала клетка, ненависть проходивших мимо оборотней, собственная ярость и kloкотавшая внутри жажда убийства. Все чаще, приходя тайком от Амаля к полузверю, чтобы принести сладостей или свежего мяса, я видела, что Феня лежал у края клетки и тоскливо ковырял когтями землю. Словно рыл путь на свободу. Я долго терпела, но, будучи сострадательной знахаркой и жалостливой одиночкой, сдалась: на рассвете тайком отправилась на площадь — и выпустила пленника на волю.

Четыре года назад я верила в сказки, верила в то, что нельзя убить единственного друга, того, кто приносит тебе еду, единственного, кто жалеет и понимает. И в очередной раз столкнулась с реальностью: все рано или поздно предают, а душники — звери неблагодарные; с одним желанием — убивать.

В то незапамятное утро меня спас Дешен, ради которого я вчера чуть не повесилась на собственной одежде. Он возвращался от очередной зазнобы и успел отбить второй, уже смертельный, удар душника. Первым тот разорвал кожу на моей спине в лохмотья. Затем Феня сбежал в лес и, пока его ловили, тяжело ранил трех охотников.

За подобную «жалость» не только глава самолично, а всем кланом убили бы глупую девку, но меня простили. В отличие от брата, в городе и окрест меня любят и жалеют, правда молча. Ведь уже с двенадцати лет, когда мой дар закрепился и развился, я стала помогать повитухам, а потом и в одиночку принимала роды, отбивала у смерти рожениц и новорожденных. Много детей в Волчьем клыке появилось на свет благодаря мне, и мужья не потеряли своих жен в огне родовой горячки.

Тот печальный опыт научил, что жалость к врагу бывает смертельно опасной. Боль и раны заставили меня — совсем молоденькую знахарку — понять, что нельзя быть слабой душой, нужно иметь силу сказать твердое «нет» желанию спасти всех и каждого. Ведь это, увы, невозможно.

Пока кровожадный сиделец Фенька ел зайца, я, присев на корточки недалеко от клетки, мысленно прощалась с ним. А после, выполнив этот личный долг души, отправилась домой.

* * *

Грусть после общения с душником Феней развеялась как утренний туман, когда я победным взглядом окинула три своих дорожных сундука с нарядами. Несмотря на то, что Амаль заставлял меня носить плат, в средствах не ограничивал. Тонкое, отделанное кружевом и шитьем нательное белье, наряды из дорогих тканей я не только шила себе, как другие женщины клана, но и покупала готовые, даже иноземные. Ведь надежда на брак с хорошим мужчиной упорно теплилась в моей душе. Удобные короткие сапожки телячьей кожи, теплый шерстяной плащ, нарядная одежда и обувь, в которой буду ходить по княжескому дворцу, а так же ароматные масла для тела, мятное мыло и всякая всячина — все тщательно сложено в дорогу.

Я довольно крутанулась вокруг своей оси, раскинув руки. Хотелось кричать, как вылетевшей на свободу птице. Поймала свое отражение в огромном зеркале в углу: подол легкого зеленого сарафана закрутился вокруг стройных ног, обрисовав тонкие лодыжки, икры и округлые бедра. Облегающий покррой наряда не скрыл и тонкую талию, и упругие ягодицы, и высокую грудь в низком вырезе нижней рубахи, украшенной вышивкой. Я хорошая мастерица, ведь, ухаживая за будущими матерями, можно многому научиться, даже если в детстве осиротел.

Разглядывая свое отражение, скорчила забавную рожицу, сморщив прямой веснушчатый нос. Сейчас меня переполняет радость от предстоящей поездки; зеленые глаза буквально светятся от счастья. Полные губы не могут удержать улыбку и обнажают аккуратные парные клыки. Тряхнув головой, я разметала по спине и плечам густые, медного оттенка волосы, словно ласково обнимающие овальное личико, не такое скуластое, как у местных волчиц.

Мягкие, милые черты лица настоящей кошки, о чем никто бы не поспорил, если бы увидел меня без закрывающего пол-лица плата. Только большие, лопоухие, покрытые мягкой черной шерсткой уши с длинными кисточками, торчащие на макушке из копны волос, немного портят внешность хорошенькой кошечки-оборотня. Кошечкой меня мама в детстве называла, а Амаль за уши в детстве часто таскал, если ослушивалась. Ну ничего, скоро не будет у него ни моих ушей, ни ценной знахарки, чтобы пригрозить местным оборотням в случае чего.

— Пес смердящий, — прошипела я в сторону брата-злыдня.

— Это ты кому так неласково? — заставил меня подпрыгнуть на месте неслышно подкравшийся Амаль.

Мои уши, украшенные кисточками, — да-да, украшенные, пусть он хоть облается, — сами по себе прижались к голове, и я спешно оправдалась:

— Феньке.

— Снова к нему бегала? — презрительно хмыкнул Амаль, окидывая суровым, подозрительным взглядом мои сундуки. И неожиданно мрачно добавил: — Гляжу я, ты основательно собралась, надумала не возвращаться?

Я вытянулась в струнку перед волком со злобно горящими желтыми глазами с вытянутыми зрачками. Верхняя губа угрожающе дрожит, будто он сейчас решает: разорвать ли меня на клочки или подумать? В отца Амаль пошел, недаром их бой длился мучительно долго, кроваво. Наверное, навечно отпечатавшись у меня в памяти. А вот я — в мать. Даже

дар от нее достался. Жаль, не помог ей наш дар выжить — умерла, не сумев произвести на свет сразу трех моих братьев.

— Ни на что я не рассчитываю, просто хочу быть готовой ко всему. Амаль, не ты ли меня этому учил? — не смогла удержаться от подковырки.

В другое время мне бы за длинный язык досталось от брата тяжелой лапой, но не сейчас. Живая дань и заложница должна иметь привлекательный вид, а то, не приведи нелегкая, увеличат денежное бремя клану.

Но и Амаль не был бы собой, если бы пропустил подобное мимо уха. Приподнял мой подбородок, больно схватив двумя пальцами, и заставил смотреть себе в лицо. Дрожа от страха, я упрямо пялилась в его сверкающие злостью желтые глаза.

— Маран проследит, чтобы ты, как и раньше, скрывала свой запах, сестрица. Ослушаешься, он найдет способ наказать тебя за непослушание. И плат ты не имеешь права снимать до брака! За этим он тоже проследит. Поверь, я сделаю все, чтобы вернуть тебя в Волчий клык.

Кажется, мои надежды на счастье с шумным грохотом рухнули куда-то вниз и вдребезги разбились. Амаль невероятно хитер и коварен: заставил меня не только лицо скрывать, как обычной малолетке, но и вкусный кошачий запах, на который бы однозначно среагировали холостяки.

А ведь сама виновата — придумала чудную настойку, которая прячет ненужные запахи. Вновь жалость подвела, а дело было житейское. Живет у нас в городе семья — кошка Лена и волк Эрой. И все было бы у них отлично, ведь любовь больно крепкая и души верные. Да только беременная Лена на дух не переносила запах псины от мужа. А жить без любимого несколько месяцев у верной кошки душа не вынесет. Вот и страдали оба, пока я не придумала настоечку, приглушающую собственный запах. Хотела помочь влюбленным пережить несколько месяцев беременности, пока игры обоняния не пройдут сами собой. А брат прознал и заставил самой пить. Скоро, наверное, забуду собственный аромат.

— За что ты так со мной? — понурилась я.

В зеркале за спиной Амаля отразилась испуганная девушка с прижатыми к рыжей макушке темными ушами, почти круглыми зелеными глазами, в которых заблестели слезы. Затем одна капелька медленно покатилась по смуглой щеке. Губы задрожали от обиды и непонимания.

Как же жалко стало себя за годы юности, когда видела от Амаля, дававшего мне уроки смирения и послушания, сплошь унижение. Если бы он хотя бы любил меня, единственную родную сестру, а не только использовал для давления на соперников, я бы, возможно, смирилась с

участью одиночки. Но кому как не мне знать, что брат не умеет любить. И, боюсь признаться даже себе, слишком близко подошел к грани, после которой превратится в отверженного. Еще лет десять от силы, если не случится в его жизни чуда и любви, зверь окончательно возьмет над ним верх. Быть может, сам тогда по горам с бывшей Фенькиной стаей будет бегать.

Горькие мысли прервал Амаль, пальцем вытер слезу с моей щеки, поморщился и ответил:

— Эта долина наша испокон веков. Только предки были более сильными и суровыми и не терпели слабости. Нам никто не смел перечить, не мог противостоять! А мы... наша слабая мать умерла в родах, причем, будучи сильной повитухой...

— Как ты смеешь?! Ты хоть представляешь, какую боль испытывают роженицы?

— Умерла, забрав с собой трех будущих воинов, сильных, но не рожденных щенков, — оборвал мой возмущенный возглас Амаль, опять больно вцепившись пальцами в подбородок. — А отец? Столь слаб духом, что несколько лет после нее мучился и чуть не потерял весь клан. За это время мы лишились части северных территорий, нас перестали уважать соседи, даже внутри клана стаи устроили грызню за верховенство.

— Поэтому ты убил отца? За то, что он слишком сильно любил маму и мог лишить тебя власти? — с обидой спросила я, чувствуя, что еще немного — и хрустнет моя челюсть, но остановиться не могла.

— Чтобы не позорил наш род и предков, — неожиданно спокойно ответил Амаль, оглушив быстрой сменой настроения. — Власть любит только сильных, запомни, сестрица, на будущее.

— Я же помогаю твоей власти, но меня ты тоже считаешь своей слабостью. И мне порой кажется, что если бы не дар, то убил бы, как и отца.

Амаль оттолкнул меня, но смотрел пристально, словно оценивая.

— Ты ошибаешься Савери, у меня ни разу не было желания убить тебя. Если бы не дар, я бы нашел способ получить выгоду и от твоего брака. А сейчас проще держать тебя на коротком поводке. Но в одном ты права: ты мое слабое место. Если бы дар достался мне, было бы одной проблемой меньше.

— Тогда тебе, Амаль, придется самому вскоре жениться и найти способ влюбить в себя женщину, иначе наш род может прерваться окончательно! — ядовито прошипела я, отступая от него подальше.

Мужчина, до обидного несправедливо считающий меня слабым

местом, а дар — проблемой, презрительно усмехнулся, заметив, что я попыталась выдохнуть с облегчением, и заявил:

— Нашла о чем переживать, кошка. Любая волчица полюбит сильнейшего волка клана! Хозяина долины! Стоит только пальцами щелкнуть.

На этот раз я благоразумно промолчала, но Амаль, кажется, заметил в моих глазах неверие. Да, он прав, у волков иерархия силы очень важна, но мама говорила, что любовь не подвластна законам. Она приходит к тем, кто ее совсем не ждет, а там, где ее требуют, могут безнадежно ждать годами. Значит и потомства брат может не дожидаться!

Амаль смерил меня нечитаемым взглядом, спрятав все «страсти», бушующие у него в душе, и строго наказал:

— Следи за своим хвостом! Негоже женщине из Волчьего клыка демонстрировать слабость человеческой воли.

Наконец-то за ним захлопнулась дверь. Я тяжело вздохнула: разговор оставил мутный, гнетущий, горький осадок. Невольно бросила взгляд в зеркало: да, хвост и впрямь на вершок приподнимает подол сарафана над полом, незаметно для посторонних, но Амаль, кто бы сомневался, подметил.

— За собой бы следил, а то еще чуть-чуть — и не только хвост из штанов вылезет, но и шерстью навсегда покроешься, — огрызнулась в закрытую дверь.

В человеческой ипостаси по ушам и запаху можно определить, к какому виду относится незнакомец. Выпускать когти, хвосты и прочие звериные части тела — дурно и непозволительно, как и выражаться между собой словами, применимыми для домашней скотины и лесного зверья. Это признак слабости человеческой души. И все из-за душников — отщепенцев, от которых оборотни стараются держаться подальше. Хотя, по слухам, в больших торговых городах многим плевать на эти «мелочи», там в чести удобство. Частенько заезжие купцы и прочие гости были одеты в штаны, как у наших охотников для походов в лес или горы. Ткань на заднице крепится крест на крест для свободного доступа хвоста наружу.

И женщинам там тоже больше дозволяют, да и под платьем кто увидит хвост? Я свой не слишком длинный хвостик редко прячу. Мне вообще сложно следить за ним: вся выдержка уходит на брата, чтоб ему икалось.

И плевать!

Присев на лавку, осмотрела свою горницу, с детства, всю жизнь мою. С ней больше всего расставаться. Здесь мама мне колыбельные своей родины пела. Вновь глянула на сундуки и медленно, вдумчиво проговорила

про себя: «У меня есть цель: не вернуться к брату никогда, и значит — светлое будущее. Не хочу! Не могу! И не позволю рушить мою жизнь в угоду его чересчур честолюбивым желаниям, доходящим до безумия!

Сразу стало легче на душе и светлее вокруг. Это добрый знак!

Глава 3

Темно-синий плат привычно закрыл пол-лица и фигуру до пояса. Закрепила его петелькой под подбородком и нарядной красной лентой на голове — таким послаблением, утешением для сопливых, несозревших девчонок, которым только дай покрасоваться. Но обязанным носить эту накидку, впрочем, нисколько не сковывающую движений. А то мало ли что может случиться, еще помешает обороту.

«Как же обрыдла мерзкая, уже в печенках сидящая тряпка! Задрала!» — раздраженно прошипела я, морщась, рассматривая себя в зеркале.

И ведь только у северян принят девичий плат. Наверное, уже даже и не помнит никто толком, откуда пошла эта традиция: когда девочка становится подростком, отроковицей, и у нее меняется запах, то должна надеть плат и носить, пока не придет возраст невесты. Считается, что таким образом будущая хранительница очага и мать учится терпению, ведь юным свойственны порывы, необдуманные выходки, желание показать всем, что самая красивая. А ценится в жизни больше не красота, а характер женщины, сила воли.

Правда, сами матери семейств частенько шутили, что плат для того, чтобы девочки учились привлекать парней не столько хорошеньким личиком, сколько каждым плавным движением, каждым выразительным жестом, мягкой, бесшумной поступью, приятной беседой. В общем, с помощью плата воспитываются настоящие женщины, будущие страстные, но верные волчицы, чтобы семьи были крепкими и дети сильными.

Я бы с ними согласилась, если бы не была принуждена носить его и в двадцать три года, когда пора юности уже миновала. Унизительно до боли, до глубины души.

— Савери! — привычно рявкнул снизу брат.

Вздвогнув, я быстро поправила плат, проверяя, все ли в порядке, забрала мамин амулет с изображением Богини Луны, и с колотящимся сердцем подошла к двери. Замерла, поднесла амулет к губам и поцеловала на удачу. Я частенько обращалась к этой богине — покровительнице женщин и семейного очага — за помощью, но пока она неизменно помогала мне оберегать чужую жизнь, любовь и семью.

Выйдя на высокое красное крыльцо, я на миг замерла от изумления: в предрассветной розовой дымке, помимо обоза из нескольких добротных телег, увидела огромную толпу народа, собравшуюся во дворе, у ворот и

вдоль улицы. Надо же, даже из ближайших селений приехали целыми семьями, чтобы с грустными, сочувствующими улыбками проводить меня. Глаза защипало от слез радости, благодарности, признательности, на душе полегчало.

Брат, фыркнув, величаво двинулся к охранникам обоза и замершему возле них княжескому поверенному. Этот кот с превеликим интересом наблюдал за происходящим, не скрывая удивления и, кажется, был ошеломлен количеством жителей нашей долины всех сословий и лет, явившихся проводить заложницу из Волчьего клыка, а может и будущую невесту князя. И не мудрено, обычно столько народу на праздничные гуляния собирается, ярмарку, проводы войска, бывает, что и на большую свадьбу.

На неверных ногах я спустилась по ступеням и подошла к ближайшим клановцам. Прямоком к выделяющейся из толпы Ладе — высокой, статной, красивой, волчице с толстой косой, уложенной вокруг головы. По-моему, Амаль любил ее когда-то, а если не любил, то, наверное, она ему очень нравилась. Но выбрала она скромного, неразговорчивого волка Родиона — лучшего охотника клана. Скорее всего, из-за этого брат и озлобился, ведь именно после свадьбы Лады и Родиона он вызвал на бой отца. Но я не держу на нее обиды: любовь приходит к достойным.

Лада приблизилась ко мне и, крепко обняв, едва слышно шепнула на ухо:

— Береги себя, Савери! Ты достойна самого большого счастья, поэтому постарайся не вернуться обратно! А я помолюсь за твою удачу Богине!

На миг мы замерли, встретившись взглядами. Лада стала моей старшей подругой, тайной, ведь Амаль не допускал, чтобы я с кем-то сближалась. Но с тех пор, как я выходила беременную Ладушку и помогла родиться ее близнецам-волчатам, между нами установилась своеобразная, но крепкая дружба.

— Я очень постараюсь, — улыбнулась ей глазами.

Лада-Ладушка, снова обняв меня, выдохнула на ухо:

— Не делись ни с кем! Там деньги... на счастье! — И громко добавила, подавая мне вышитый петухами и цветами холщовый мешочек, вкусно пахнущий мятными сладостями: — Это подсластить дорожку.

Чмокнула меня в щеку и затерялась в толпе. А я роняла слезы радости и печали — с единственной подругой попрощалась. Настоящей! Выходит, она вместе с мужем позаботилась о моем будущем, копила...

Дальше женщины подходили ко мне одна за другой и одаривали на

дорогу. Все улыбались, хотели поддержать и ободрить. Кто-то всю ночь простоял у печи:

— Пирожки свежие, еще теплые...

Кто-то принес украшения и амулеты — ценные, оттого, что своими руками сделанные, с душой.

— Храни вас Луна...

— На удачу...

— На счастье...

Дарили вышитые рубахи и юбки нарядные.

Наш местный сапожник богатые, сафьяновые, расписные сапожки справил:

— Нашей кошечке сапожки бегать по дорожке...

Скорняк преподнес тончайшей выделки овчинную курточку в цвет. Видно, вместе с сапожником подарок обсуждали:

— Теплая обновка для южной кошечки-мерзлячки...

Под конец удивил здоровенный пожилой волк Моха-кузнец. В благодарность за своих внуков вручил мне тонкий кинжал с резной ручкой и ножами из дубленой кожи:

— В хозяйстве сгодится.

Пока мои сопровождающие складывали дары в телегу, я поясno кланялась всем. Сквозь слезы благодарила, тоже желала им удачи и здоровья, просила не поминать лихом, как принято перед долгим расставанием. Ни за что и никогда бы не подумала, что вот так буду уезжать из Волчьего клыка. Что кто-то всплакнет, что одарят подарками, добрым словом. И что еще долго будут махать вслед обозу.

Я тоже махала, с болью в сердце глядя на одинокую грозную фигуру брата, широко расставив ноги и заложив руки за спину, мрачно глядевшего на меня. Он точно не прощался и своим видом показывал, что расстаемся мы ненадолго. Единственного брата, самое родное по крови существо — и того теряю! Даже не так, бегу от него!

Когда город скрылся за поворотом, я, всхлипывая, опустила полог, осмотрелась. Амаль, как обычно, не поскупился «напоследок», сено на полу кибитки накрыли парой толстых шерстяных ковров, чтобы поменьше трясло, бросили несколько шкур, чтобы ночью укрываться от холода. Рядом с сундуками положили складной столик, корзины со снедью и подарки, глядя на которые, я улыбнулась и полезла за вкусно пахнущими пирожками.

После бессонной ночи, волнительного прощания и нескольких пирожков глаза закрывались сами собой. А то ночью так и не смогла

заснуть, боялась, что сорвется поездка ко двору князя Северного — и все, конец мечтам.

* * *

Проснулась я оттого, что тряска прекратилась и душновато стало. Выбралась из-под шкур — весной поутру еще прохладно — и до хруста, с удовольствием потянулась. Хотела было привычно прикрыть лицо краем платка, прежде чем высунуться из кибитки, да замерла в раздумьях: а почему, собственно, нет? Ведь я будущая невеста князя. Более того, свободная кошка. И наконец-то рядом больше нет главного надсмотрщика — Амаля; единственного, кто имел хоть какое-то право заставить меня носить плат после созревания. Вернее, не имел, но заставлял своей властью. Еще, конечно, смелости добавили столь дружные и трогательные проводы.

Смелости и уверенности в себе!

Но сначала я решила полностью открыть лицо, завязав платок, как обычные хозяйки, если прохладно или чтобы волосы не мешали, а дальше посмотрю, как моя охрана себя поведет. Волк Маран — один из самых верных приближенных Амаля. С таким же жестким, непримиримым нравом. Самый преданный. Недаром брат этого пса приставил ко мне таким же надзирателем, как сам.

Взяв фляжку с водой, я приподняла полог и выглянула наружу. Зажмурилась от удовольствия — солнышко, хоть и клонится к закату (здорова же я спать), а хорошо пригревает. Прямо красота! Обоз наш всего из четырех подвод: первую нагрузили провиантом для сопровождающих — тратить время на охоту и покидать ценный груз Амаль строго-настрого запретил; затем моя кибитка и телега с золотым obroком; на последнюю сложили мешки с овсом для лошадей. Лошади времени зря не теряли, воспользовавшись остановкой, пощипывали траву на обочине.

— Доброго дня, лу Савери, — раздался со стороны леса ехидный голос Марана. Затем он еще более ядовито добавил: — Вы ничего не забыли?

Я вздрогнула, словно девочка, пойманная на шалости. Высокий, широкоплечий, черноволосый Маран и одежду предпочитал темную, словно для устрашения. Ну уж нет, не запугает, вряд ли он страшнее главы Волчьего клыка, которого я за столько лет рядом как облупленного изучила. Приподняв бровь, недоуменно и слегка высокомерно посмотрела на него и

приторно любезно улыбнулась:

— Нет, ата Маран, я ничего не забыла, наоборот, нашла день удивительно солнечным.

Неторопливо вылезла из повозки, аккуратно придерживая юбку, открыла флягу и вылила воды в ладонь. Умылась, охладив горящие щеки, а Маран стоял, расставив ноги и скрестив руки на широкой груди, и с едва заметной кривой ухмылкой пялился на меня. Так и хотелось спросить: давно в лицо не видел? Неторопливо, тщательно стряхнула с рук капельки воды и опять подняла глаза на надзирателя, продолжавшего настаивать:

— Лу Савери, вам напомнить, что приказал ваш брат насчет плата?

— Ата Маран, вам напомнить мой возраст? — Мы сверлили друг друга непримиримыми взглядами.

— Еще утром вы не были столь смелы, — кривая усмешка Марана стала еще более обидной, голос буквально сочился ядом.

— Мой характер не вашего ума дело, — одарила его, надеюсь, не менее кривой ухмылкой.

А у самой внутри все дрожало от страха. Был бы у меня запах, этот волк тут же ощутил бы его и понял, что смелость эта напускная.

— Давайте договоримся в начале нашего пути, лу Савери, — слишком спокойно предложил Маран, — вы не будете ослушиваться приказов вашего брата и дадите мне правильно выполнять свою работу.

— Я не мешаю вам выполнять работу, ата Маран. Вы охраняете золото и меня? Вот и охраняйте на здоровье, пожалуйста, — стараясь, чтобы голос не дрогнул, издевательски вежливо посоветовала.

Маран вдохнул рывком. Злитесь, но виду не подает.

— Ата Амаль сам отбирал охрану обоза. Каждый волк, сопровождающий вас и ценный груз, предан ему. Лу Савери, все мы женаты. Поэтому предупреждаю: нет смысла заигрывать с кем-то из нас в расчете на то, что кто-то польстится на ваше очаровательное личико.

— Правда очаровательное?! — выпалила я не в силах перебороть любопытство.

Маран весело хмыкнул, но быстро помрачнел:

— Прошу вас больше не нарушать приказ главы клана, иначе...

— А иначе — что? — подначила я. — Изобьете, как Амаль? Посадите на хлеб и воду в подвал? Что вы теперь можете сделать, если откажусь? Я в своем праве одеваться так, как сочту нужным. Я свободная кошка!

— Иначе: мне дали право напоить вас шепотником. Всю дорогу будете находиться в плену сна и шепота своих фантазий.

Я едва не задохнулась от возмущения:

— Как... как вы можете на такое решиться? Я понимаю Амаля, для него сестра — надежный резон прижать к когтю любого, ключница и порой хуже прислуги. На кого еще можно выплеснуть злобу лишнюю. Но вы?.. А вы знаете, что шепотник память может напрочь отбить, нюх и дурачком сделать?

Маран нахмурился, поморщился и осторожно пояснил:

— Я согласен с главой в одном: нашему клану жизненно необходима сильная повитуха, да еще с даром знахарки. Последние годы только в нашей долине не умирали роженицы, благодаря вам. Другие подобным счастьем похвастать не могут. У меня молодая жена; и глава дал слово, что вы проследите за моей Дамирой и будущими щенками.

Я неосознанно качала головой: да, меня всем кланом и окрест жалели, но ни один не вступился, не возмутился положением бесправной пленницы. Каждый мужчина опасался, что придет его черед просить за беременную супругу или сестру у главы клана.

— Ведь я бы никуда не уехала, жила бы в родной долине, вышла бы замуж за одного из наших, а теперь еду на смотрины. — Мотнула головой и решила на откровенность: — Вы хоть понимаете... видите, что с ним происходит? Он же на грани!

Маран облизнул губы, блеснув крепкими белоснежными клыками, — сильный, матерый волк.

— Может и видим. И понимаем, что вам недолго унижения терпеть осталось, — решился таки признаться он, хоть тихо говорил, но твердо. — Посему каждый из нас заинтересован, чтобы в клан вернулась сильная повитуха и знахарка. Не обессудьте, лу, но мы в точности исполним приказ главы помочь вам не пройти смотрины. Проследим за этим.

Я ошарашено таращилась на Марана несколько мгновений, а потом внутри у меня словно пузырь мыльный лопнул. Ах вот оно как... значит. Только Ладка тайком деньги дала и велела не показывать никому. А провожавшие сладости, пироги да вещи дарили, может и не прощались вовсе. Настрой благостный создавали, чтоб родной дом не забывала, помнила, благодаря амулетам да нарядам.

Глаза защипало, но я прикусила до крови щеку, а потом зло и упрямо прошипела:

— Лицо больше прятать не стану!

— С нами ата Роман — поверенный князя — едет, ушлый молодой кошак и...

— Нет! — даже уши угрожающе прижала к голове, приготовившись сопротивляться не на жизнь, а на смерть за кроху свободы, которую снова

забрать хотят.

Маран посверлил меня испытывающим взглядом и, видимо, не решился, портить отношения с повитухой — согласился, словно кость кинул:

— Хорошо, в дороге можно, но в трактирах или городе надо будет. И про запах не забудьте, береженого Луна бережет!

Я длинно выдохнула Марану в спину:

— Ладно...

Вокруг сновали охранники. Сноровисто обустраивали ночлег, разводили костер, поили-кормили лошадей. Мужчины с любопытством посматривали на меня, но ничего, кроме праздного интереса, в их взглядах не было. Оно и понятно: счастливо женатые и замужние оборотни никогда на измену не пойдут. А несчастливые браки на Зеленой стороне крайне редко случались, ведь потомства в этом случае не дождаться. До брака любой может гулять сколько влезет, лишь бы на здоровье, никто не осудит свободолюбивое существо, но семья — святое. Семья душу бережет от грани, за которой отверженными становятся, в душников вырождаются.

Свежий вечерний ветерок, наполненный лесными ароматами и смолистым дымком костра, приправленного аппетитным запахом булькающей в котелке похлебки, ласково охладил мои щеки, словно шепнув: а жизнь-то налаживается!

Глава 4

Дорога петляет мимо заросших холмов, то спускается в очередную долину или ложину, то поднимается. Солнце медленно клонится к земле. Вот-вот остановимся на ночевку. После скорого обеда подаренной на прощание снедью, во время которого я стеснялась поднять глаза на моих спутников, чувствуя себя не совсем уверенно с открытым лицом, решила сесть рядом с возницей. Хотя словом перемолвиться, все не так скучно. Не привыкла я к праздности и отоспалась уже.

Старый Вит — возница из песцов — давно обосновался в клане, еще при моем деде, тоже главе. И заметно выделяется среди пожилых оборотней нашей долины лохматой, густой, седой шевелюрой и круглой головой, за что детишки дразнят его одуванчиком, за глаза, конечно. Лицо у Вита изборождено множеством морщин, а голубые глаза в обрамлении белесых ресниц светятся молодым задором.

Давным-давно Вит попал под обвал вместе с моими бабушкой и дедом — родителями отца. Они погибли, а песец везучим оказался — жив остался, но потерял руку. Точнее, чтобы не погибнуть, сам себе перегрыз лапу, будучи придавленным огромным камнем. Не знаю, смогла бы я на такое решиться? Однорукого Вита мой отец принял, обогрел, помог найти работу, чтобы жил, не стыдясь ущербности, не просил милостыньку, а достойно содержал семью. Да, мои предки были справедливыми и милосердными главами, с большим сердцем. Все, кроме Амаля.

В который раз я отметила на деревьях вдоль дороги венки из сухостоя с цветками бессмертника и выжженные прогалины неподалеку. Так в наших северных краях мертвых провожают в последний путь: сжигают тело и помечают место упокоения. Со временем венки разметет ветер, земля, политая дождем, порастет травой. Тогда и траур завершится по почившим.

— Как же много погибших, — я тяжело вздохнула, глядя на очередное дерево с венком.

Вит покосился на меня и печально покивал:

— Да, очень много. К сожалению, не все свободные кланы и стаи, выставили против Валиана своих воинов. Вот и поплатились ярмом на шее — данью ежегодной. Княжество теперь уселось на нашем горбу. А Северный этот, леопард плешивый, чтоб у него кость в горле поперек встала, со своим войском вона как далеко зашел. Почти у порога Волчьего

клыка оказался, а такого, чтобы нашему клану кто на хвост наступил, ни разу еще не бывало...

— Дак может Валиан такой сильный и умный? — подначила я Вита с улыбкой.

Грустно видеть следы войны, ничего не поделаешь, но леопард, о котором идет речь, значит в моем жизненном раскладе как будущий жених, поэтому где-то глубоко внутри у меня шевельнулась гордость за него. Сильный самец любую оборотницу привлекает, а уж умный и хваткий — тем более.

Вит посмотрел на меня с укоризной, подметив и подначку, и улыбку. Покачал головой и добавил неожиданно со злостью и презрением:

— Знающие оборотни бают, что не сам он умом блещет, а завел себе шептуна чешуйчатого. Мелкий гаденыш из болотных гадюк с Желтого, но с гонором и повадками, противными природе четвероногих. Сказывают, умеет взглядом зачаровывать, свои мысли навязывать, да так, что любой их за свои принимает...

— Да неужто?! А еще что-нибудь рассказывали? — вытаращилась я на собеседника, затаив дыхание. Байки я тоже любительница послушать.

— Даром что знахарка, не девчонка чай, а сама хуже моей внучки несозревшей еще. Одним словом, все бабы — дуры! — сплюнул Вит коню под копыта.

Я хмыкнула понятно. Чего обижаться? Мнение старика песка об уме женского рода известно во всей долине. И многие знают о причине: супружница старого Вита — знатная спорщица, скандалистка и сплетница, вот ему и прощают многое. А сам Вит не болтливый, добрый, хоть и однорукий, но хозяйственный мужик.

Наконец, Маран определился с местом ночевки, выбрав большую поляну. К ней и наезженные тропки ведут, значит многие выбирали для отдыха. И весело журчащий рядышком ручей порадовал возможностью поплескаться перед сном.

— Дочка, а нет ли настоечки какой, а то суставы ломит что-то, к дождю видать. — Вит кряхтя спрыгнул с козел, отбросив поводья на круп лошади, и, морщась, потер обрубок кисти.

— Есть кое-что получше, дедушка Вит, — улыбнулась я. — Сейчас мазь вам дам добрую, пахучая, конечно, но боль снимет непременно. А на ужин заварим травок — и уйдет вся ломота. Правда, на время, но если пить всю дорогу, то хорошо себя чувствовать будете.

Пока мы возились со стариковым обрубком, остальные устраивали ночлег. Расседлали лошадей, выставили охрану. В наступающих сумерках я

заметила в кустах светящиеся волчьи глаза караульных, тенями сновавших вокруг лагеря.

К большому костру, вокруг которого расселись остальные спутники, я шла, после того, как вымыла руки в ручье, испытывая смущение и неловкость. Однако, поймав несколько любопытных мужских взглядов соплеменников без плотского и обидного намека, приободрилась. Лишь поверенный князя, поблескивая красивыми, почти круглыми, желто-карими глазами, слегка прикрыв веки, наблюдал за мной с каким-то своим интересом. Он чуть наклонил голову, отчего темная, со светлыми крапинами шевелюра рассыпалась по широким плечам. По характерным круглым ушам — чёрного цвета, небольшим, с крупными белыми точками на задней стороне — я догадалась, что Роман довольно крупный кот оцелот.

Под его взглядом я вновь невольно вспомнила о смотринах и прискорбном факте, что соблазнять-то не умею. Или заигрывать, как еще говорят. Если бы Амаль хоть раз заметил мою попытку кому-то понравиться, убил бы беднягу и меня избил. А привлечь внимание князя лишь за счет природного обаяния рыжей мордочки моего каракала надежды мало. Необходимо срочно научиться обольщать, ну или что там еще нужно, чтобы застолбить князя... точнее, выгодно... тьфу, опять не о том думаю, счастливо выйти замуж...

Ой, чуть не споткнулась, задумавшись о насущном. Посмотрела я на спутников и выбрала, на ком сейчас попробую женские хитрости применить. Отбросив сомнения и расхрабрившись, кокетливо, плавно — кошка я или кто? — одернула темно-синий сарафан, расшитый красными узорами. И словно невзначай перекинула край плата с правого плеча на спину, открыв длинную шею в вырезе рубашки. Скрамном, правда, вырезе, но с чего-то же начинать надо? Буду как новичок в школе, как будто первую ступень обучения начала. Вот подучусь маленько и — ух-х-х... сведу с ума князя.

Уже хотела дальше идти, но вспомнила об одной важной ухватке, без которой обольщение в неумелое заигрывание превращается. Облизнула губы, как наши волчицы делают, приманивая взгляды холостяков, и попыталась напустить в глаза поволоки.

«Эх, тяжела доля невинной, нецелованной девицы моего возраста!» — посетовала про себя и, по-кошачьи мягко ступая, направилась к костру, покачивая бедрами и не сводя зазывного взгляда с Романа.

Поддействовало! У него глаза вспыхнули в темноте, будто две звезды, жадно, с горячим интересом и... весельем. Кошак облезлый!

Маран, сидевший напротив от Романа, захохотал, видимо отметив мои

старания. Вслед ему и другие зрители тоже развеселились.

— Дочка, так... юбками голодные вдовушки крутят. А приличные девицы смотрят долу, да алеют перед мужиком как маков цвет, — проворчал Вит. Потом брюзгливо добавил: — Не срамилась бы.

От стыда хотелось сбежать к себе в кибитку и зарыться там под мехами поглубже, но меня неожиданно поддержал Роман:

— Не обращайтесь внимания, лу Савери, вы все делаете... правильно. И походкой можете пробудить в мужчине очень многое...

Вымучено улыбнувшись, я попыталась обернуть конфуз в шутку:

— Рассмешить уж точно могу.

Роман потянулся, тут же привлекая внимание к своему гибкому, сильному телу. Прищурился, словно не человек, а кот его играет с будущей жертвой, успокаивает, потом обвел взглядом враз переставших ухмыляться охранников:

— Смех без причины либо признак малого ума, либо... — Маран и остальные насмешники напряглись, а Роман, спокойно выдержав их подозрительные взгляды, закончил, — ...попытка удержать кого-то весьма нужного клану, отведя от вполне успешных... действий.

Тяжело вздохнув, грустно посмотрела на соклановцев. Даже мое желание нравиться мужчинам для них как кость в горле, что уж говорить об Амале. Я же верила, что после провала смотрин и возвращения в клан, мужа мне должны подобрать. А они... Кто им дал право решать что-то за меня?

Желание обольщать пропало напрочь, а вот покусать — захотелось со страшной силой, даже клыки зачесались. Или это голод дал знать, уж больно аппетитно пахнет похлебка с копченым мясом и луком. Обидевшись на своих, клановских, села рядом с мужчиной, проявившим хоть немного понимания к моей несчастной девичьей доле и сразу обратилась:

— Ата Роман, а вы можете рассказать о князе побольше? Какой он?

Волкам мой интерес опять не пришелся по нутру, но разве я не вижу, что они и сами не против послушать столичные сплетни и слухи от самого княжеского поверенного, а не от торговцев.

— Разносторонний! — ответил Роман, вернее, отвертелся. Но, отметив мое разочарование, добавил с улыбкой: — Не переживайте, лу, Его Светлость Валиан весьма видный и... большой, сильный леопард. Вряд ли вы останетесь равнодушной к его мужскому обаянию.

— А помимо размеров и обаяния есть другие полезные качества? Али нет? — ехидно проворчат Вит.

К счастью, на Зеленой стороне стариков жалеют, уважают и довольно

многое прощают. Вот и этот резкий полунамек поверенный князя пропустил мимо уха, не поморщившись. Только Маран бросил предупреждающий взгляд на возницу.

— Думаю, в его воинском таланте вы убедились на себе! — уел нас Роман.

— А говорят, что советник у князя из чешуйчатых. Неужто правда? — не унимался Вит.

— В кои-то веки не врут ваши говорящие, — усмехнулся оцелот. — Но выбрать и приблизить мудрого советника тоже большой ум иметь надо...

— ...или не иметь вовсе...

— А как же змей у нас на севере-то прижился? — поспешила я оборвать нарывающегося на неприятности старика. — Ведь известно, что они холода не переносят.

— Зато, бают, до власти охочи, — мрачно выплюнул один из волков. — Видно на Желтом советчиков хватает, вот и приходится невзгоды терпеть ради любимого дела. Кто ж командовать-то не любит...

Роман сперва нахмурился, а затем, скорее всего согласный с мнением собеседников, ответил:

— Все может быть. Первый советник его светлости мелкий гаденыш... я имею в виду его вторую ипостась, — быстро поправился княжеский поверенный, — но ума и... самомнения высокого.

Мои соклановцы насторожились, почуяв, что поверенный тоже не слишком доволен происходящим при дворе князя. Даже уши у них дрогнули, слегка прижались к голове, словно на охоте. А я спросила о заботившем меня обстоятельстве:

— Ата Роман, скажите, много ли девиц созвали на смотрины?

Волки хмыкнули, но при этом мой интерес разделили. Ведь им тоже важно, чтобы соперниц у меня было как можно больше и красивее.

Роман вновь по-кошачьи сощурился, потянулся, разминая шею, и вкрадчиво проурчал:

— Я полагаю, не ошибся, ваш зверь — каракал?

— Да, — уныло кивнула я.

В детстве гордилась своим зверем, ведь мама тоже, как и я, была каракалом. Ее считали яркой, красивой кошкой с гибким, грациозным телом. Папа посмеивался: более ручного, верного и желанного ему зверя в жизни не найти. Да только постоянные насмешки брата над моими большими черными ушами с кисточками, лопухами, да выволочки, когда несчастным ушам доставалось в первую очередь, заставили сомневаться в собственной привлекательности.

— Уверен, ваша кошка так же хороша, как вы сейчас, — улыбнулся столичный кот — неожиданно и по-доброму. — На смотрины велено собрать девиц из более двадцати родов и кланов. От многих прибудет не по одной...

— Если найдут таковых, — не смолчал Вит. — Невинных девок-то нынче днем с огнем не сыщешь, дюже ранние да быстрые. Только плат снять дозволю, дык словно голодный душник в погоню за удовольствиями кидаются.

— Ну одну красавицу-девицу вы легко отыскали, хоть и не девчонка она уже, — не обидно хохотнул Роман.

— Можно сказать, с превеликим трудом сохранили, — съязвил Маран. — Одна на весь Волчий клык и осталась.

Я зло посмотрела на него и тоже в долгу не осталась:

— Меня сомнения одолевают, что вряд ли все семьи столько усилий приложили, чтобы сохранить невинными других желающих занять место рядом с князем.

— Значит соперниц у вас будет мало, — поверенный Валиана вроде мне говорил, а смотрел прямо на Марана.

Доверенный брата все сильнее мрачнел. А вот у меня наоборот крепла надежда на светлое будущее.

Но продолжить занятный разговор не вышло. Сначала донесся странный шорох, который выбился из общего лесного шума, — слух у моего каракала чуткий и чувствительный к любым звукам, почище волчьего будет. Больше того, лучше, чем у многих именитых охотников. Я сразу наострила уши, прислушалась к чужеродным звукам, слегка повернув голову. Следом за мной насторожились остальные. Медленно встали, хмурясь и доставая оружие. У меня в груди екнуло от дурного предчувствия. А дальше началось...

Маран стремительно перелетел через костер и, повалив меня наземь, накрыл своим телом. Ох и тяжелым, аж дух выбил! Следом начался жуткий свист — так стрелы поют на стрельбище за городом. Романа, миг назад сидевшего рядом со мной, снесло с бревна стрелой, вонзившейся ему в плечо и толкнувшей вперед, прямо в огонь. Остро завоняло паленым.

Вит не по-стариковски резво оттолкнул ногами раненного Романа от костра, затем, схватив за воротник, пригибаясь, потащил за ближайшее дерево. Еще бы, не приведи Луна, погибнет он на нашей земле — князь решит, что не подчиняемся ему, убиваем верных слуг. И что тогда будет — не знаю!

Раздался злобный волчий вой — это наша стража, охранявшая

подступы к обозу, столкнулась с первыми врагами.

Ох, Луна, как же все быстро происходит, страшно, куда бежать, что делать?!

— Под телегу, быстро! — рыкнул Маран, скатываясь с меня, и пнул под зад в нужном направлении.

Путаясь в сарафане, как здоровенная гусеница, я сначала ползком, а потом, задрав подол, на четвереньках поспешила к своей кибитке. Мужские дела точно не для меня, а уж битвы и подавно. Я знахарка, а не наемник. Могу только морду расцарапать. Или страшную рожицу скорчить. Хотя тут таких рож и без моей хватает.

Подвывая от страха, вопреки приказу Марана (тоже мне, нашел место надежное!), юркнула в кибитку под полог и быстренько огляделась, где бы спрятаться. Но, кроме кипы шкур, ничего подходящего не нашла. Рядом кто-то резко вскрикнул от боли — и я рыбкой нырнула под шкуры, зарылась поглубже и замерла. Даже почувствовала себя в безопасности и выдохнула с облегчением.

Радовалась недолго — раздался противный треск рвущейся ткани. Кто-то снаружи рубанул. Закрыла рот ладонью, чтобы не разораться и затаила дыхание. Дикий страх накрыл с головой, ведь я ни разу в жизни, кроме как по глупости с Фенькой, не рисковала своей жизнью. Даже в драки не попадала. А здесь стрелы смертельно поют.

Еще удар чем-то железным — и распорка, державшая полог, рухнула, приложив меня по спине. Я вскрикнула. Внутрь вломился кто-то тяжелый — кибитка просела под весом «гостя». Чуть приподняв уголок нижней шкуры, я убедилась: разбойник — пятнистая гиена — в один прыжок оказался у сундуков с явным намерением проверить содержимое. А у меня никакого оружия нет!

Первой — умной — мыслью было не подавать признаков жизни: добро нажить потом можно, а собственной шкурой рисковать не стоит. Но тут в проделанную в пологе дыру попытался залезть один из моих охранников. Не успела я порадоваться спасителю, как грабитель, метнувшись вперед, саданул того в лоб рукоятью длиннющего кинжала. Но самому, видимо, в ответ тоже досталось чем-то — он отшатнулся назад и наступил мне на хвост. Я взвизгнула так, что у самой в ушах зазвенело. А покусившийся на мои сундуки грабитель, гиена подлая, упал на меня, то ли от неожиданности, то ли просто споткнулся.

Я опять «мрявкнула» под тяжелой тушей, выбившей дыхание. Пока ползавший по мне грабитель возился, выпутываясь из шкур, я тоже пыталась выпростаться. Под руку попалась ручка ночного горшка, который

мне специально здесь поставили, чтобы не мешала отлучками в кусты по надобностям. Да так и не воспользовалась.

То, что потом творилось в кибитке или ловушке, которую сама себе устроила, я вспоминала на другой день урывками. Как будто со стороны смотрела и не верила, что это со мной было.

Воздуха не хватает, мех лезет в рот, ребра вот-вот треснут под тяжестью разбойничей туши, ничего не видно, но я упорно тянусь за горшком...

«Сверху» творится непонятно что... Шум, гам, вой, визг, свист...

Грабитель почти встал с меня, позволив судорожно вздохнуть... Яростный клич — и кто-то новенький кинулся на него. Только не это!..

Вух-х-х! На меня свалились оба, опять выдавив из груди весь воздух, и давай драть друг друга когтями, лупить кулаками, рычать. Того и гляди размажут меня под шкурами, потому что половина ударов достается мне. А между ударами я ругаю себя последними словами. Хватило же дури выбрать себе укрытие. Скоро последний дух выбьют вместе с пылью...

— Бе-е-е... — выбили, выдавили из меня странный звук, когда нижний вояка рывком оттолкнул от себя верхнего и, судя по глухому удару, выкинул его наружу.

Незнакомец привстал, дав мне возможность разок вдохнуть воздуха, пыльного... На этот раз мне хватило ума постараться выползти из-под шкур. Наполовину удалось. Свобода-а-а!...

— Апчхи!.. — В следующее мгновение я взмыла вверх.

Столкнулась взглядом с разбойником гиеной — детиной раза в два больше себя, упершегося в полуобороте волосатой звериной головой в полог и сцапавшего меня за шкирку будто котенка.

Полугиена оскалился, показав жуткие клыки, и злобно рыкнул мне в лицо. Моя рука сама собой взлетела вверх, чтобы защититься, а попутно, совершенно непредсказуемо огрела грабителя по морде горшком.

— Ы-ы-ы, — взвыл он, скосив глаза к переносице.

— Ой, простите, пожалуйста... — просипела я в ужасе, разглядывая неожиданно взявшееся откуда-то оружие.

Надо же, оказывается, пока по мне свои-чужие ходуном ходили, не выпускала из руки горшок.

А рука с горшком, словно они сами по себе жили, проявляя чудеса сообразительности, — били оглушенную полугиену по лбу снова и снова... снова и снова.

Только подумала, что посудина на редкость полезная попалась, толстый глиняный горшок лопнул, оказавшись все-таки хрупким оружием,

а я опять свалилась на пол под немалым весом. На этот раз быстро вывернулась из-под наконец-то потерявшего сознание грабителя.

Ну и крепкий же у него лоб, зараза, уф-ф-ф, даже вспотела. Неужели спаслась? Но, опустив взгляд на побежденного грабителя, заныла, испугавшись, что убила — вон морда гиеня вся в крови. А что сделают со мной его подельники? Дрожащей рукой коснулась жилки на мощной шее — бьется. Живой! Мой стон облегчения не слышал, наверное, только глухой.

На поляне шум стоит страшный — кипит не шуточный бой! А я тут одна, слабая и беззащитная ручку с остатками горшка прижимаю к груди. Надо из этой ненадежной меховой норы-ловушки выбираться!

Больше не раздумывая, трясущимися руками содрала с себя одежду и сменила ипостась на кошачью. Прокралась к пологу и осторожно высунулась наружу. Жуть! Сроду такого не видала: звери и полузвери бьются насмерть зубами, когтями, клинками... Страшно! Даже зажмурилась сперва. Огляделась: на меня вроде никто внимания не обращает. Юркнула вниз и, каждое мгновение ожидая очередного подвоха, стелась по земле, между камнями и пнями поползла к деревьям. Уж каракалы умеют подкрадываться к врагам так, что ни один не заметит. Не зря нас называют теньями. Воинов мужчин, конечно, но вдруг во мне кровь предков взывает.

Мимо свистели стрелы, летали короткие топорики, какими часто северяне пользуются. Эх, выходит свои напали. Гады! Знали, что дань должны везти князю, а значит — поджидали золото Волчьего клыка.

Рядом сцепились волки — я с визгом в сторону. Кровь, шерсть, плоть летели в разные стороны. Запах зверя, упорно тянувшегося к глотке почти поверженного соперника, был мне совсем незнаком. Вражья морда! Эх, клыки у меня давно чешутся кого-нибудь покусать, а разбойника не жалко. «От всей души» цапнула за хвост вероломного чужака. Затем с искренним удовольствием еще раз, слушая хруст костей и рев раненого зверя. Свой волк, пользуясь моментом, вскочил на лапы, а я, выплюнув остатки хвоста, ловко увернулась от острых клыков покусанного чужака. Спрятавшись за камень, притаилась, чтобы снова не затоптали. Знай наших! Каракалов!

Остро пахнет кровью и свежим мясом, но почему-то от этого запаха не сжимается в сладком предвкушении живот, а наоборот — тошнит. Фу-у-у... какая гадость!

Прижав уши к голове, сливаясь с землей, я ползла в лес. Об меня пару раз споткнулись свои. Немыслимо, но один раз я сама, со страху подскочив и зарывав, напугала какого-то грабителя. Слабонервный, наверное,

оказался. Но увидев двух громил-волков, собравшихся порвать меня на меховые лоскуты, с визгом взлетела на сосну. Псам kota на дереве не достать!

Спокойно мне на ветке не сиделось: сменила ипостась и начала кидаться шишками по врагам.

— Лу Савери, вам надо бы заняться стрельбой из лука, у вас меткий глаз, — раздался сверху хриплый голос Романа.

От неожиданности я чуть не свалилась вниз; хорошо, обернуться успела, а мой каракал ловко прыгает и карабкаться по деревьям может хоть с закрытыми глазами. Княжеский поверенный, испачканный в крови, но уже без стрелы в плече, уселся на ветке, держась здоровой рукой за ствол и туда-сюда менял ипостась, чтобы вылечить рану. Я невольно залюбовалась его оцелотом — крупным, симпатичным, с пятнистой шкурой. Причем пятна переходят на шее в полосы, а на лапах — в точки, спинка и бока темнее, чем брюхо и лапы, и от того выглядит редкий в наших краях зверь еще более привлекательно. И полосатый хвост длиннее, чем мой.

— Почему вы не внизу? — изумилась я, вернув человеческую ипостась и стыдливо прикрывшись разлапистой веткой. — Там же много разбойников...

— Пожалуй, их слишком много! — мрачно согласился Роман. — Это не моя битва и не моя забота! Посему и ответственности за потерю чужого имущества я нести не могу!

— Вы знаете, как это называется...

Сказать «струсил» не успела, поверенный окинул меня заинтересованным взглядом и задумчиво промурлыкал:

— А знаете, у вас есть все шансы стать супругой нашего князя. С такой очаровательной рыженькой мордочкой, красивыми черными ободками вокруг глаз и носика, а в сочетании с милыми ушками... да еще ваши длинные ноги, стройная фигура и игривый хвостик... И ползли по поляне как... ум-м-м...

Я удивленно уставилась на хитрого kota, сидящего веткой выше. Затем недоверчиво переспросила уже у обнаженного окровавленного мужчины:

— Правда-правда? — Опомнилась и буркнула: — Все равно это не по-мужски, бросать спутников в беде.

Сорвала шишку, прицелилась — и запустила в лоб грабителю, собравшемуся выпустить стрелу в Вита, державшего лошадей, норовивших пуститься вскачь и унести за собой телегу с золотом.

Разбойнику шишка уцербя серьезного не принесла, зато помешала паразитить возницу и злости добавила. Меня он обнаружил быстро и в два

прыжка оказался под сосной. Частично обернувшись, этот полуволок, сверкая на нас с Романом яростным желтым взглядом и зажав нож в зубах, полез на дерево, цепляясь за ствол огромными когтями.

Я взвизгнула и ловко взобралась выше, а потом и вовсе на соседнюю сосну перепрыгнула. Зато голый Роман, громко ругаясь на «глупую рыжую лопоухую кошку», драки не избежал. Его обнаженный зад так и мелькал в разлапистой зелени, пока он, перебираясь с ветки на ветку, тыкал в грабителя палкой. В конце концов, полуволок получил между глаз и свалился с дерева.

Победили свои, но пока добивали чужих раненных, преследовали уцелевших грабителей, собирали трофеи и трупы, я благоразумно сидела на дереве в звериной ипостаси. Хватит, навоевалась. А то не уберегут еще княжескую невесту! Красивую, как выяснилось. И вниз спустилась, только когда полностью убедилась, что опасность миновала. Затем полночи лечила пострадавших, слушала «историю» каждого благодарного за помощь, ведь даже шишка, попавшая в глаз врагу, спасла чью-то жизнь, хвост отхваченный опять-таки.

В путь мы двинулись засветло. Разве смежишь веки в таком беспокойном, пропахшем кровью, бедой и предательством месте?!

Глава 5

Впереди показался Шварт. Как проворчал на привале Роман, городишко этот — грязная гиенья дыра. И перебиваются они там лишь за счет удачного расположения на перекрестье нескольких трактов. Вит добавил, что стоит Шварт на берегу реки, по которой ходят небольшие торговые и рыбацьи суда. Мимо него с дальнего севера везут рыбу, ценный жир и другие полезности, что дает океан. Вот торговцы и причаливают к местной пристани.

— Мы заедем в город? — я с жадным интересом окликнула проезжавшего мимо Марана, высунувшись из кибитки под морозящий дождь.

Он придержал своего крупного каурого коня, раздраженно дернул серыми волчьими ушами, стряхивая капли воды, вытер ладонью мокрое лицо и недовольно ответил:

— Нет. В город заезжать не будем, на ночь на окраине остановимся. Через несколько дней в столице потешите свое любопытство, лу Савери.

Я расстроилась, ведь впервые оказалась настолько далеко от границ Волчьей долины. Хочется же самой увидеть все-все, хоть одним глазком посмотреть, как другие оборотни живут, а не только байки торговцев да приезжих слушать.

Дорога выдалась нелегкой. Было на нас еще одно нападение, но после первого охрана напоминала ошетинившихся ежей, готовых любого нечаянно чихнувшего рядом чужака посадить на иголки. Теперь со мной в кибитке постоянно ехали двое охранников — раненных, которым тяжело держаться на лошади, но все равно грозное предупреждение любому, кто попытался бы на меня лично покушаться. Клан Волчий клык хорошо бережет свою единственную девицу на выданье и золотой оброк.

«Видно, испортила война многих доселе честных и порядочных оборотней, — ворчал Вит. — Дороги перестали быть спокойными, а древнейшую традицию гостеприимно привечать путников, давая им кров и хлеб, блюсти перестали.»

Остается надеяться, что временно.

Впереди показался постоялый двор, где любой за медяк мог укрыться от непогоды и получить миску супа с куском хлеба, а за серебрушку — комнату и полноценный ужин себе и сарай с сеном для коня.

Двухэтажное, крепкое с виду здание трактира походит на подкову, чуть

в сторонке от которой стоят конюшни и сараи для повозок. Влажный воздух переполнен самыми разными запахами: от навоза и конского пота до аромата копченой рыбы и вкусной мясной похлебки, которым тянет с кухни вместе с печным дымом. Кругом снуют гости и работники, расседывая лошадей, таская воду и сено, перебрасываясь поручениями и приветствиями. Кое-где заметны следы пожара: закопченные балки сарая и по крышам словно кто-то черной краской прошелся широкими мазками — война, чтоб ее, задела каждое селение, пусть краем, но мимо не прошла.

Четыре наши телеги поставили рядом у пустого сарая. Часть охранников осталась заниматься грузом и лошадьми, а я с остальными и княжеским поверенным направилась в трактир. У крыльца мы стали свидетелями неприятной «потасовки»: рослый широкоплечий мужик в плотной коричневой одежде, выдающей речника, и, судя по скуластому лицу и пологому лбу, гиена, грубо тряс за плечи пацана лет десяти. Что-то глухо ему выговаривал, а малец жалко скулил: «Это ты во всем виноват, только ты!»

Не успела я вмешаться, Маран опередил, гаркнув:

— Это что происходит? Неужто война совсем изменила наш край? Раз теперь мужики принародно щенков смеют обижать?

Мальчонка вздрогнул, и, увидев как побледнел от ярости его обидчик, вцепился в него обеими руками и зашептал:

— Пап, пап, не надо. Пойдем к маме...

Горе-отец дернул головой, не то страхивая капли воды, не то прочищая закившие мозги, и, взглянув на сына, согласно кивнул. Через мгновение они оба скрылись в трактире, а вслед за ними мы вошли.

Навстречу нам дынуло благодатным теплом, живительным для уставших и промокших путников. Огромный зал, освещенный десятком масляных ламп, достаточно крепких столов с лавками, сбоку большая печь для обогрева, где весело трещат смолистые поленья. В воздухе плавают вкусные ароматы еды, от которых невольно сглатываешь слюну. Множество гостей — мужчин и даже женщин, — вокруг которых споры носят подавальщики тоже обоих полов.

Одеты постояльцы не шибко дорого, по сравнению со многими наша одежда более добротная и выглядит богаче, хоть и мокрая. Да и на столах еда простецкая, без разносолов. Зато пахнет свежеспеченным ржаным хлебом. Мои здоровенные, сурового вида спутники, обвешанные оружием, сразу же привлекли внимание окружающих, правда осматривали нас исподлобья, не рискуя прямым взглядом будоражить вспыльчивых, по натуре агрессивных волчар. А уж сама я — в сыром кафтане, в плате и

скромных размеров, по сравнению с охранниками, — не получила и толики внимания: кому нужна малолетка?!

Мы расселись за свободным длинным столом у стены рядом с еще более длинным, сдвоенным, занятым большим семейством или родом гиен. Наши недавние «знакомцы» (отец с сыном) как раз подсели к ним. И почему-то выглядит все это семейство словно на похоронах. Даже несколько маленьких ребятишек и подростков смурные. По плотной коричневой одежде гиен, служащей защитой от ветра и воды, видно, что прибыли они сюда по реке. Бедная она у них, правда: ношенная-переносная, штопаная-перештопаная. И обувь стоптанная, латаная-перелатаная. И на столе у них лишь кислые щи да крошки уже съеденного хлеба, правдивее всего отражающие едва ли не бедственное положение дел в семействе.

Маран оплатил ужин и постой и вернулся за стол. И пока мы ждали похлебку, я лениво, от усталости подперев голову кулаком, наблюдала за путниками. И вот незадача: по деревянным, ладно пригнанным доскам стола нагло ползала пара мух, вызывая у моей кошки инстинктивное раздражение и желание поохотиться. Скоро я поймала себя на том, что заинтересованно слежу за мухами: те побегали туда-сюда, почистили крылышки, спарились прямо на глазах у честного народа. Дальше моя рука сама по себе шлепнула по столешнице. Затем, приподняв ладонь, сунулась проверить, насколько удалась охота, — а мухи вырвались из-под пальцев и, задев мой любопытный нос, улетели. Ах вы, заразы!

Я настолько увлеклась мухами, что не видела, как принесли еду, да и вообще ничего вокруг не замечала, пока, наконец, не прибила наглющее насекомое, а потом и ее товарку. И лишь когда торжествующе отправила щелчком трупки мух в последний полет, подняла на своих спутников довольный взгляд. Они откровенно веселились, наблюдая за мной, кажется, тоже позабыв об ужине.

Маран с насмешливой укоризной покачал головой и высказался:

— Плат должен воспитывать терпение и смирение, а для вас, лу Савери, это скорее возможность чувствовать себя по-прежнему котенком — непоседливым, любопытным... охотником на мух.

— Простите, — шепнула я, стыдливо отводя взгляд в сторону.

И невольно натолкнулась на гиен за соседним столом — печальных, сгорбленных, будто на плечи им давит непосильная тяжесть. И тут словно ножом по сердцу полоснул душераздирающе мучительный женский крик. Мои спутники встревоженно закрутили головами, а остальные постояльцы продолжали есть, особо не обращая внимания, как если бы привыкнуть

успели. Гиены речники тем временем совсем сникли, скукожились. А мальчишка, которого трясли на крыльце, уткнулся в сложенные на столе руки и заплакал — тихонько, но так надрывно, что у меня самой сердце защемило.

Маран выслушал подавальщицу, что-то шепнувшему ему на ухо, поморщился, сочувственно блеснув глазами в сторону гиен, и махнул нам рукой, мол, все в порядке. Мои спутники быстро застучали ложками по деревянным площадкам — каждый продрог и проголодался. По примеру остальных, я принялась за еду. И все же не отпускала меня тревога. Ложка-другая — и снова прозвучал глухой, какой-то утробный крик. Крик боли!

Мужчина, встреченный нами у входа сюда, вцепился в собственные волосы, словно вырвать собрался, глухо зарычал, как если бы сам мучился от боли. Тут я не выдержала: отодвинув площадку, встала. Маран схватил меня за рукав, предупреждая вмешательство. Но смотреть на чужие страдания не в моих силах. Выдернула у него руку и подошла к гиенам:

— Уважаемые, скажите на милость, кто это кричит?

Мужчина, что еще мгновение назад готов был содрать с себя скальп, с ненавистью посмотрел на меня:

— Пошла прочь, малолетка!

Я вздрогнула, столкнувшись с его желтыми, почти звериными глазами. С гиенами шутки плохи, а когда их целая стая — крайне опасны. Но снова сверху раздался крик и глаза у мужчины словно потухли, да и сам он сник.

— Сейчас не время ума пытаться, детка, иди к родным, — сипло посоветовала пожилая женщина с испещренным морщинами лицом, походившим на старую, заскорузлую от соли кожу. Точно бывалая рыбачка эта старушка.

— Лу Савери — сильная знахарка, зря вы отказываетесь от ее помощи, — неожиданно возразил гиенам Роман.

Те мгновенно напряглись и уставились на меня. А старушка кряхтя поднялась и выбралась из-за стола. Подошла ко мне и сухонькими руками крепко схватила за руку, словно опасалась, что сбегу. Грозно стрельнула глазами на растрепанного мужика и мальчишку, прижавшегося к его боку, и печально, обреченно просипела:

— Женка его мается, разродиться второй день не может. Мы с севера идем, лучшее место ищем, а то льды слишком близко к дому подступили, голодно стало. В Шварт зашли, потому что Рина раньше срока рожать начала. Это не город, а проклятое Луной захолустье! — в сердцах выругалась она. — Одна знахарка, да и то толком не ученая, а денег запросила целый кошель. Покрутилась вокруг Ринки, а как поняла, что

кровью сильно пахнет, так и сбежала, коза драная.

— Второй день? — выдохнула я испуганно.

— На исходе... как и Ринкина жизнь, — прокаркала старушка, смаргивая слезы с блекло-желтых глаз.

— Ата Маран, мою корзину принесите наверх, — не поворачивая головы, приказала я.

Это привычка. Когда знахарствую, никто поперек слова не скажет, каждый верит и слушается беспрекословно. Ведь для любого оборотня потомство бесценно и страх потери пары и ребенка ощущается одинаково. Вот и привычный Маран даже не поморщился, молча встал и вышел.

А мы со старушкой пошли к лестнице на второй этаж, причем она цепко держалась за мою ладонь натруженной жилистой рукой и идти попевала. Хотя и видно, что тяжело ей быстро двигаться. Двенадцать десятков годков, небось, прожила, раз настолько дряхлой выглядит. И конец ее жизни тоже близок.

Из-за двери, где лежит страдалица, донесся глухой болезненный стон, затем еще и еще... Привалившись к стене рядом с этой дверью сидели две молодые женщины, устало, тоскливо прижавшись друг к дружке. Увидев нас, обе встали, а старушка, распахнув дверь, деловито распорядилась прямо с порога:

— А ну кыш все отсюда! Дайте место знахарке!

Четыре женщины разного возраста, толпившиеся вокруг большой кровати в убогой, темной комнатенке со спертым, хоть ножом режь, воздухом шарахнулись вон. А я, окинув взглядом роженицу — изможденную, посеревшую, лежащую на грязных простынях, заляпанных кровью, — остановила последнюю и приказала:

— Горячей воды сюда быстро и чистых тряпок! И лампу! Две!

Остро, мерзко пахло приближающейся смертью, и я уверена: каждый здесь чувствовал ее сладковато-медный привкус.

Не успела я приступить к осмотру бедняжки-гиены, попавшей в такую передрыгу, появился Маран, поставил передо мной тяжелую, заполненную доверху корзину. Мельком глянув на страдалицу, кивнул мне, словно удачи пожелал, и исчез.

Старушка притулилась в уголке, собралась наблюдать, что я буду делать. Первым делом я открыла окно проветрить комнату, а то дышать нечем даже здоровым, что уж говорить про роженицу. Достала из корзины сбор, настойку и пучок сушеного душистика — известной травки, что забирает боль, страдания, расслабляет хорошо. Закрыла краем плата нос и рот, а то надышусь еще и сама, да будем вместе с подопечной песни

горланить. Случались у меня пару раз подобные представления.

Закрyla окно и подожгла душистик, чтобы окурить комнату. Вскоре стоны прекратились — наверное, роженица впервые за два дня перестала испытывать боль, вернее, боль затихла, дав ей необходимую передышку. Бедняжка даже открыла глаза и с надеждой посмотрела на меня. Старая рыбацка заулыбалась, показывая стертые до корней зубы. А я, ободряюще приговаривая роженице, поспешала, времени у нас в обрез.

Откинула одеяло, растерла ладони для притока крови, чтобы увеличить чувствительность, и начала осматривать преогромный женский живот. Стоило прикоснуться к бедняжке, та опять застонала. А ведь необходимо жать гораздо сильнее. Даже душистик не справился.

Еще раз растерла ладони, чтобы «открыть» дар. Мама так делала и говорила, что сила целителя, а тем более повитухи, — в руках. Они наши глаза и уши, которыми мы «видим» и «слышим», а равно ощущаем, что происходит внутри живого существа. Провела ладонями по словно каменному животу — надо расслабить каждую напряженную, измотанную жилочку и выяснить количество младенцев, их расположение и главную причину столь плачевного состояния роженицы.

Стукнула дверь: принесли воду в ведрах и шайку. Я шикнула, чтобы двери скорей закрыли и не выпускали травяной дух. Старушка махом вскочила, и скоро мы в четыре руки ловко перестелили кровать, вымыли роженицу, напоили ее укрепляющей настойкой, чтобы придать сил.

Я снова начала поглаживать, прощупывать, массировать роженице живот. Моя сила, словно незримый теплый целительный ручеек, должна, постепенно разливаясь по женскому телу, проникать внутрь, расслаблять, согревать, придавать сил, делая все, что нужно, чтобы восстановить природный, самый правильный ход родов. Это мои подопечные оборотницы потом рассказывали, каково им было под моими руками.

Повитухи не волшебницы, хотя сильных именно так и называют в народе. Ведь сила нашего дара способна заставить работать каждую мышцу роженицы так, чтобы развернуть младенчика в правильном направлении, чтобы усилить или ослабить схватки, чтобы помочь женскому телу самому остановить кровотечение. Мы не волшебницы и порой даже наш дар бессилен, но не в этот раз. Слава богам и Луне!

Глубокая ночь... Усталость навалилась так, что хочется свернуться калачиком прямо на полу и спать-спать-спать. Но трое маленьких сморщенных младенцев — будущих сильных гиен, рыбаков, быть может, — лежат на кровати рядком и резво сучат ножками. Их настойчивое попискивание счастливой песней звучит у меня в душе, а сама тем

временем мою измученную родами мамочку, но, к счастью, оказавшуюся крепкой и живучей. Четвертую, девочку, — я боялась, что эту крохотную малышку вряд ли удастся спасти, но получилось! — ласково баюкает ее замечательная прабабка, как выяснилось. Моя помощница Раная старается согреть внучку своим телом, что-то нежно нашептывая и напевая. Чудно: откуда у этой женщины столь преклонных лет столько сил и воли берется, чтобы неустанно помогать мне?!

— Дарья, Мира, подите сюда, быстро! — радостно позвала Раная, и в комнату тихонько зашли две женщины. — Нужно ребятишек утеплить, да переодеть Ринку, а то наша повитуха уже с ног валится!

Смотреть на то, с какой любовью и заботой женщины этого семейства взялись возиться с новорожденными и родственницей, доставило мне редкостное удовольствие. Они словно озарили все вокруг светом любви и счастья, изливая его на детей и Рину, давшую им жизнь. А какая благодарность мне светилась в их глазах! Говорят, гиены с виду скупые до чувств, мало кого из чужаков допускают в свои стаи, но родственные связи чтят высоко.

Рина, стоило разрешиться от бремени, заснула как убитая. Слишком тяжело ей пришлось, но сон лечит, и снадобья помогут быстрее набраться сил. Тем более, эти отзывчивые родственницы возьмут на себя заботу о младенчиках.

— Сколько же тебе лет, девочка? — заглянула мне в глаза Раная, когда я устало привалилась спиной к стене рядом с лавкой, на которую она, наконец, села.

— Двадцать три, ама Раная.

И сама старушка, и суетящиеся рядом оборотницы удивленно замерли и уставились на меня, подозрительно потянув носами.

— Какая же ты лу? Ты, почитай, взрослая ама Савери, но по-прежнему носишь плат? — прищурилась Раная.

— Так вышло, что...

Мой неуверенный лепет прервала одна из них, Дарья, кажется:

— Дак понятно почему, видно клан твой знахарку бережет от чужаков. А так-то, кто подумает, что малолетка несозревшая может быть сильной повитухой, да еще и травницей доброй?

За ней высказалась Мира:

— Или муж ейный ревнивец, вот и хоронит от нескромных взглядов. Вон весь день под дверями прокараулили...

Я удивленно посмотрела на Ринкину родню, отлепилась от стены и выглянула в коридор. Там, как и сама только что, прислонившись к стене,

стоял Маран. Поймав его мрачный взгляд, буркнула через плечо:

— Не замужняя я. Работы слишком много.

Закрyla дверь, собрала свои баночки-скляночки, проверила спящую мамочку. От нее шел хороший, здоровый дух, так что я совсем успокоилась и пообещала старой Ранае, забирая корзину:

— Утром зайду, проверю их.

Она смотрела на меня грустным, все понимающим взглядом; мерно качая праправнучку, кивнула и тихо поблагодарила:

— Низкий поклон тебе, дочка, за моих родных. Прости ты нас всех, грешных. Поверь, так часто бывает, когда к доброму привыкают — начинают спрашивать с него слишком много.

Я хмыкнула и улыбнулась:

— Вы правы, ама, но добро на то и добро, чтобы дарить его, когда нужно, нуждающимся.

Старушка кивнула, а потом, с хитринкой усмехнувшись, заметила:

— Добро должно быть умным и с кулаками, чтобы за себя постоять.

— Оно постарается! — хихикнула я и, уже взявшись за дверную ручку, повернулась и строго наказала: — Если кто-то из моих спутников выставит вам счет за эту работу, скажите, что ваш счет оплачен.

Дарья с Мирой охнули радостно, ведь видно по ним, да по обмолвкам, что не от хорошей жизни они родной край покинули. А Раная прошаркала ко мне, поманила рукой, чтобы я наклонилась, и с благодарностью поцеловала в щеку:

— Запомни, лу Савери, добро, бескорыстно сделанное, всегда возвращается к своему владельцу сторицей. Вот и к тебе вернется счастьем и удачей в заветный час.

Я вздохнула. Устало улыбнувшись, подтянула повыше корзину и, не прощаясь, зевая во весь рот, поплелась под присмотром Марана спать, отметив, что скоро будет светать.

Глава 6

На крыльце я зажмурилась от яркого, слепящего солнца. Ржание лошадей, крики, суета. Утро давным-давно наступило, и мы бы уже были в пути, если бы Маран не согласился задержаться, чтобы я еще раз проверила чудом выжившую молодую мамочку с ребятишками. После встречи с которыми, меня распирало от счастья и довольства. Я снабдила не менее довольную и весьма благодарную Рину сборами и укрепляющей настойкой, неспешно собралась, радостно напевая себе под нос, позавтракала и — готова была обнять весь мир. Ведь Фарн велик и прекрасен, особенно ясным весенним утром, и так милосерден к своим детям.

Восторгалась и ликовала я недолго, ровно до того момента, как увидела, что наш обоз увеличился на четыре телеги, груженные вяленой рыбой и солониной, от которых идет крепкий, характерный запах. Мало того, рядом с телегами Маран разговаривает с незнакомыми гиенами. И те ему явно не нравятся, потому что у него того и гляди шерсть на загривке встопорщится от злости. Вон уши как прижал к макушке.

Чем же не угодили гиены нашему голове? Может это торговцы, которые хотят под нашей защитой добраться до столицы?

— Лу Савери, иди, — проворчал Вит, забирая у меня из рук знахарскую корзину, — садись уже.

— Ата Вит, а кто это такие? — любопытствовала я.

Старый песец раздраженно дернул круглыми серыми ушами и поморщился:

— Швартовские разумники решили выгадать на охране и «доверили» доставить свою дань князю нам. Вот наглое песье племя, хоть плюнь в глаза! Только возницы едут, да оно и понятно почему.

— Почему, ата? — догнала я Вита и, заглядывая ему в лицо, шла рядом, привычно поправляя плат на голове, чтобы концы не мешались.

— Шварт сильно пострадал в войну, обнищал дальше некуда. Об том все знают, засим много отсюдова не ждали.

— Но ведь...

— Они четыре телеги вяленой и сушеной рыбы собрали, бочки с солониной и жиром. И девицу... какую уж нашли... Видно всем миром собирали дань, чтоб за ту девицу им хвосты не пооткручивали...

Вит похлопал по крупу лошадь, поставил на козлы мою корзину и занялся подпругой. Я подождала чуток, надеясь узнать, за что местным

грозит без хвостов остаться. А потом осторожно спросила у молча пыхтевшего Вита:

— Так они что? Не нашли ни одной? Даже не созревших нет?

— Нашли! — рыкнул у меня за спиной Маран, заставив подпрыгнуть от неожиданности. — Псы шелудивые! Главное условие князя гиены соблюли: девица — родственница из ближнего наследуемого круга главы клана. Его племянница! Но, видать, почуяли, что по краю идут, вот и собрали все, что удалось в приданое...

Я изумленно посмотрела на Марана: от чего это он слишком недовольный чужой данью и девицей? Не ему, в конце концов, собирали. Поймала его злой взгляд, проследила — и уставилась на женский зад, обладательница которого с азартом рылась в старой рассохшейся телеге с грудой какого-то хлама и рванья. Ну ничего себе повадки у нее!

Девица-от-швартовских, надо думать, что это она, оделась весьма странно, если не сказать больше. Все-таки племянница здешнего главы и ко двору едет. Видно, семья ее совсем до ручки дошла. На крепких ногах высокие, заношенные едва не до дыр ботинки, выглядывающие из-под выдавшего лучшие времена, вылинявшего до непонятного цвета сарафана. Поверх старенькой душегреи спускается до пояса белая толстая коса. А волосы-то красивые какие...

Невольно сделав несколько шагов в сторону белобрысой девицы, я замерла у телеги и, поморщившись от дурного запаха, окликнула ее:

— Мама меня с детства учила, что приличные кошки по помойкам не лазают...

Чудная девица распрямилась. Покрутив какую-то сломанную побрякушку и, видимо сочтя ненужной, выкинула, а после обернулась ко мне и низким, напоминающим мужской голосом прошепелявила, отряхивая руки:

— А мой дедушка Шмарг говорит, что и на помойке можно отыскать сокровище! И вообще, хорошо, что я не кошка, а гиена! — Затем она издала неприятный хрюкающий звук, будто довольная свинья, получившая объедки с кухни.

Внешность девицы поразила до глубины души: альбинос! А дальше... Большая голова с плоским скошенным лбом, белые-пребелые жесткие волосы низко, едва не от бровей, растут. Из волос несообразно торчат острые мохнатые гиеньи уши, из-под выдающихся белесых бровей косят близко посаженные, маленькие глазки красноватого цвета. Кожа бледная. Нос... тоже выдающийся и, словно рыская в поисках добычи, постоянно двигается. Но еще более приметными на этом лице, вернее физиономии, —

да простит меня Луна! — были толстые губы, не скрывающие выдающихся вперед крупных кривых зубов, наползающих друг на друга. Один верхний клык по непонятной причине отсутствует — не то выбит, не то с рождения нет, из-за чего нижний клык приподнимает верхнюю губу, придавая этому... ну ладно, скажем, непривлекательному лицу ехидно-насмешливое выражение.

Ошарашенно разглядывая швартовскую партию на княжескую руку и трон, похожую на белого сумасшедшего кролика, я ничего лучше не придумала:

— Ты уверена?

Гиена, вновь довольно «хрюкнув», ответила, коверкая слова, потому что вместо «с» у нее выходило «ш»:

— А то! Я наизусть знаю имена своих родных. Папа каждый день их вспоминает, особенно маманину. Так до седьмого колена и перебирает.

— Ну да, родных лучше не забывать, — рассеянно кивнула я, разглядывая это чудо природы.

Интересно: шутит она или серьезно говорит?

Между тем девица, окинув меня изучающим взглядом, презрительно шмыгнув носом, добавила:

— Так, ну ты мне не соперница. Даром что лопаухая, так еще и без запаха. Дедуня говорит, что настоящая баба должна быть запашистой, чтобы любой мужик мог за версту учуять.

Я невольно шмыгнула носом: уж больно куча хлама зловонная, вдобавок и от этой «княжеской невесты» несет не лучше. За версту, может, и не почуешь, но мимо точно не пройдешь равнодушно.

«Красотка» подхватила меня под локоток и потащила к телегам. Причем, напрямик к моей кибитке. Мысленно я взмолилась, чтобы она промахнулась, но не судьба. Во истину путь к счастью порой полон препятствий и страданий!

— Ты со мной поедешь? — уныло, обреченно спросила я.

— А то как же! Помогу тебе стать настоящей бабой, тем паче дорога длинная, небось скучаешь, — радостно сообщила горе-попутчица, опять хрюкнув.

Я предприняла последнюю попытку избавиться от нежелательной компании:

— Спасибо, конечно! А ты не боишься, что соперницей стану?

— Не, не боюсь. Что я — совсем глупая, что ль? Я ж тебе все секреты для завлечения мужиков не выдам, самые лучшие себе оставлю.

— Вот, спасибо, — нервно хихикнула я.

— Тебя как звать-то? — спросила настырная гиена, залезая в кибитку вперед меня. И получив ответ, назвалась: — Можешь меня Глашей кликать, но у князя лучше Глафирией.

— Глафирой?

— Не, Глафирией, так внушительнее. Мне маманя наказывала, а она от благородных гостей слыхала.

Вслед за мной, недовольно пыхтя, залез на козлы Вит. Уселся и, хмуро посмотрев на нашу попутчицу, пробурчал себе под нос:

— Неужто в Шварте больше девиц не нашлось на выданьи?

— Лучше меня не нашли, — похвалилась Глаша. — Папаня сказал, чтобы я не терялась: князей — много, а настоящих мужиков — не дюже. Может в дороге найду кого поприличнее Валиана Северного. А то дедуня ворчал, что гарем — это срамно для настоящей гиены...

— Это тот дедуня, что по помойкам сокровища ищет? — подковырнула я чересчур самоуверенную настоящую гиену, помянувшую мои уши.

— А то кто же! — горделиво кивнула Глаша. — Он у меня — ого-го какой стоумовый! Не все, правда, замечают, но все равно уважают!

Я чуть не закашлялась, когда рядом захрюкал (впервые от него подобные звуки слышу) от смеха Вит:

— Конечно, уважают. Почитай, уж лет пятьдесят уважают. Про старого Смарга только глухой не слышал, как он сокровища ищет, волшебные замки в облаках видит и белокурых девиц, которые с небес ему машут и зовут, обещая ублажать и вечно любить.

Глаша на миг помрачнела, потом, воинственно шмыгнув носом, вновь воспряла духом:

— Маманя говорит, что верить в сказки не зазорно. И сказки — урок.

Вит, округлив глаза, обернулся и, подозрительно посмотрев на внучку известного швартовского «сказочника», как выяснилось, осторожно поинтересовался:

— Глафирия, а сколь тебе годков-то стукнуло?

— Пока еще тридцать, — гиена, вновь самодовольно глянув на меня, торжествующе ухмыльнулась. Словно в том, что она до сих пор девица, есть какое-то несусветное преимущество передо мной. Затем добавила: — Как дедуня сказал, я яблочко в самом соку. Главное, чтобы кому попало надкусывать не давала, но попробовать лизнуть — можно. Вдруг будущий жених привлечется вкусом, потеряет разум и решится...

Рядом с телегой остановился Маран, осматривавший обоз, перед дорогой, но, услышав Глафиру, споткнулся. Замер. Недоверчиво смотрел на

швартовское «яблочко в соку», а та, заметив внимание к себе, заиграла белесыми бровями и, завалившись на скрученные сбоку кибитки ковры, приняла, по ее мнению, соблазнительный вид. Мы с Витом, открывшим рот, то переглядывались, то смотрели, как Глаша оглаживает свои бедра и плотоядно сверлит нашего волка маленькими глазками.

Наконец, в кои-то времена оторопевший, Маран мотнул темноволосой головой, словно стряхивая с себя этот взгляд, зло, брезгливо сплюнул и пошел дальше. А Вит усмехнулся и, проводив глазами верхом проехавшего мимо нас в голову обоза княжеского поверенного, неожиданно обратился к Глаше:

— Детка, ты нашему голове свои яблочки лучше не суй: не оценит, женатый он давно. А вот тот молодец, что сейчас гарцевал мимо, — поверенный самого князя Валиана. Кот молодой, холостой, — Вит смерил подобравшуюся и внимавшую ему девицу озорным взглядом. — Из оцелотов он, поняла? Видала бы ты его в обороте: мех, стать, прыть — красавчик, одним словом. Кажись, яблочки наливные уважает. У нас в Волчьем клыке только и хрустел теми, что с прошлого года чудом сохранились...

— Я приличная девица, между прочим, и надкусывать только жениху позволю, — заявила «детка», а сама, молчком спихнув меня с козлов, села рядом с Витом и озаботилась: — Точно-точно холостой? А кто еще из ваших?

Тяжелый случай, даже жалко эту гиену стало: бедняжка — ни умом, ни лицом не вышла.

Вит открыл рот, собираясь съязвить, но я тронула его за рукав, и он, улыбнувшись понятиливо, ответил:

— Точнее некуда! Прости, детка, но среди наших оборотней нет холостых, все давно и счастливо женатые. Ведь молодняк в такие важные поездки не берет. Чай дань и женщин везем самому князю.

Стрела, хитро пущенная Витом, попала в цель: Глаша-Глафирия, судя по хищно блеснувшим глазам, решительно настроилась покорять Романа, кажется, впервые за несколько напряженных, унылых дней обещая нам развлечения.

* * *

Всю дорогу Глаша не смолкала, только мне часто приходилось направлять беседу из опасений злить старого доброго Вита ее советами по

завлечению мужиков. Из рассказов о жизни в Шварте мы узнали, что война действительно сильно прошла по землям гиен: расположение городка на перекрестье больших трактов, речная пристань, да и самое обычное имущество — все это влекло и княжеских наемников, и охочих до чужого добра и женщин соседей и мародеров. В схватках погибло много молодняка, были разграблены торговые дома, склады, хозяйства. Украл много молодых женщин, а оставшихся быстро разобрали вернувшиеся с войны холостяки.

Сейчас в Шварте зорко следят за несозревшими девчонками, прячут и берегут для своих. Девиц и десятка не наберется, поэтому решили на совете рискнуть и отправить на смотрины Глашу, во всех отношениях видную и к замужеству готовую. Даже на гарем согласную. А чтобы не прогневать светлейшего князя, подчистили все запасы и собрали дань. Теперь вся надежда на длинное благодатное лето: наловят рыбы, соберут урожай — авось выживут, если дружно постараются. Впрочем, гиены известны крепкими стайными и родовыми узами. Это вам не пройдошливые шакалы, где каждый сам за себя и собственный кошелек.

Время от времени назойливая попутчица порывалась делиться со мной советами своей «мамани», главным правилом у которой было: в погоне за счастьем, считай мужиком, нет преград, а на дороге оно не валяется. Так что, если нашла, хватайся четырьмя лапами, зубами, хвостом и не выпускай. Не можешь перелезть преграду к счастью — обойди, пролезь, прокрадись. Не можешь купить — укради. Не сговаривается — загони в ловушку. Самый боевой совет звучал так: если не можешь соблазнить, возьми силой — женщине все простят! Услышав этот совет, я глубоко задумалась о том, как можно «взять силой» будущего жениха — мужчину, который непременно сильнее женщины.

Теперь понятно, отчего Глашин отец хорошо знает всех родственников ее матери, — поминает частенько!

После остановки на ночлег Глаша преобразилась: многозначительно посмотрев на меня, распустила волосы и без конца перекладывала их то на плечи, то за спину в одном ей понятном беспорядке. Видно, для большей соблазнительности. Выпячивала губы, усиленно моргала, будто ей что-то в глаз попало. Потешно!

Я закашлялась, когда, хитро мне подмигнув, швартовская прелестница расстегнула пуговички на нижней рубаше и приоткрыла бледную грудь. Чуть оттянула сарафан пониже, но старенькая одежда никак не хотела слушаться хозяйку, сбивалась. Пришлось бедняжке без конца тянуть вниз подол и полы рубахи в стороны. При этом она не забывала перекидывать

волосы туда-сюда и вилять полными бедрами перед усевшимся на бревне Романом.

Наблюдая за охотницей за счастьем, я невольно застыдилась, уж больно это зрелище напоминало собственную попытку увлечь мужчину. Ох-ох, и у меня самой беда с головой.

— Ох, срамота-то какая! Да разве ж приличная девка ляжками так вихлять будет? На такую никто и не взглянет! — вторил моим подозрениям старый Вит, проходя мимо с ведром, чтобы набрать воды в ручье.

Глаша остановилась, мрачно посмотрела на песца и высказалась:

— Не бывает непривлекательных женщин, бывают слабые мужики!

Вит резко остановился, грянув ведром:

— Это кто ж тебе сказал?

— Дедуня!

Старик посверлил гиену внимательным взглядом, потом неохотно согласился:

— Может ты и права.

Роман, как в прошлый раз, склонив голову к плечу, наблюдал за Глашиными заигрываниями. Конечно, он сразу понял, на кого она «охотится», но при этом лишь довольно щурился и снисходительно улыбался, откровенно забавляясь.

Четверо возниц гиен развели для себя костер отдельно и, судя по запаху, варили уху, не обращая внимания на соплеменницу. А вот мужчины моего клана кидали на нее мрачные, хмурые взгляды, и морщинки между бровями у них становились все глубже. Что-то их растревожило.

Я подошла к нашему костру, намереваясь присесть, но тут за моей спиной раздался приглушенный рык Марана:

— Ата Роман, почему ж вы в этот раз не учите девицу, как правильно мужчин соблазнять? Нам еще дней восемь пути, так, может быть, взялись бы за столь деликатную работу? Лу Глафирии явно не терпится сразить женихов наповал женскими чарами. А такой... кот-ухажер, как вы, верно знаток в этом деле.

До того благостно отдыхавший возле костра кот лишь ушами шевелил, прислушиваясь к лесным звукам. А после Маранова предложения подобрался и улыбаться перестал, поскольку Глаша, словно оголодавшая хищница, все свое внимание на него устремила, причем по-охотничьи плавно и неслышно, едва не пригибаясь к земле, направилась к «дичи».

— Ат-а-а Рома-а-н, это правда-а? — нараспев проурчала она, медленно, замирая от удовольствия, приблизилась и плавно присела рядом с вожаком котом, не сводя с него горящего красноватого взгляда.

Выглядела при этом освещенная огнем Глаша-охотница весьма устрашающе.

Поверенный князя вымучено улыбнулся ей, а затем, бросив мрачный взгляд на Марана, пристыдил:

— Я, конечно, понимаю, что вас так беспокоило, ата Маран. Стоящих претенденток все меньше, а повитуха ваша — редкое, бесценное сокровище для клана, но зачем же так мужика подставлять, который вам ничего плохого не сделал.

Ах ты! Вот же пройдохи мои сопровождающие, гуси лапчатые! Враз сникли. Озаботились. Кто бы сомневался, что на смотринах я более выгодная партия, чем Глафирия. Настроение у меня, в отличие от остальных, наоборот, круто поперло вверх. И дальнейшее представление, как Глаша обхаживала пока еще вяло сопротивляющегося Романа, я смотрела с огромным удовольствием. Думаю, скучать в дороге больше не придется.

Глава 7

— Тпру-у-у! — неожиданно остановил лошадей Вит.

Очнувшись от дремы, я невольно наострила уши. Из-под шкуры вылезла такая же заспанная Глаша, шмыгнула носом, потерла некрасивое помятое лицо широкими ладонями и подозрительно уставилась на полог, закрывающий вход в кибитку.

Я окликнула возничего:

— Ата Вит, почему остановились, мы же мало проехали, вроде?

— Похоже на то, что о нашем обозе только глухой да ленивый не знает. Вот и пользуются, лиходеи... Сейчас разузнаю.

Я резко села, испуганно прижав руки к груди:

— Опять напали?! — сердце у меня понеслось вскачь.

— Маманя! — сипло со сна, совсем не по-женски «пискнула» Глаша, подтаскивая к себе шкуры, явно намереваясь, как и я давеча, зарыться поглубже со страху.

— «Маманя»... — передразнил ее Вит. Затем отогнул полог, посмотрел на нас обеих с укоризной, мол, эх вы, трусихи. Усмехнулся и пояснил, видно сжалившись: — В паре верст отседова клан шакалов обретается, небольшой клан, но князюшка наш никого своим высоким вниманием не обделил. Поверенный его светлости утречком вперед обоза ускакал, а сейчас вернулся, заодно еще телегу привез с данью от шакалов и девицу тоже.

Глаша мигом выпросталась из шкур и недовольно прошепелявила:

— Принесла нелегкая лишнюю бабу. Если она на моего оцелота лапу наложит, я ей все космы повыдергаю...

— Лу Глафирия, вы уж определитесь, кто вам важнее: цельный князь или его служака-поверенный? — привычно потешался наш возница.

Гиена ухмыльнулась хитро, отчего одинокий нижний клык смешно вылез наружу, а рот перекосило:

— Дедуня сказал, что гарем — это срамота, а вот маманя считает, что третий не лишний, а про запас. А женщина всегда права...

— Маманя, значит, сказала? — мрачно перебил дочь чересчур предприимчивой родительницы Вит.

— А то как же, маманя! — хвалилась Глаша. — Она баба толковая, не по годам. Особенно когда спит клыками к стенке.

— А это кто...

— Папаня! Это он любя говорит, потому как запросто так никого нахваливать не будет, значит — точно умная.

Старый Вит, хмыкнув, подыграл Глаше:

— Повезло твоему папке с женою. Прямо как мне с моей ненаглядной.

Тут уже я не выдержала, захихикала. Но наше немудреное развлечение длилось не долго. Раздался звук приближающихся к кибитке шагов, затем, распахнув полог, на нас уставился Маран:

— Лу Савери, лу Глафир... ия, принимайте попутчицу. Эта лу из клана шакалов Призрачный хвост вместе с нами на смотрины к князю едет.

При этом Маран клацнул зубами и по-волчьи зло блеснул глазами, сдерживая бешенство. Но девицу-шакала в кибитку посадил бережно и вежливо. Следом за ней со всего маху шмякнул на пол два туго набитых кожаных баула. Понятно почему: перед нами, сразу ошарашено замолчавшими, в замешательстве мялась тоненькая девчонка-веточка лет четырнадцати, не более. В таком же, как на мне, плате малолетки, в теплой стеганой черной душегрее поверх новехонького синенького сарафанчика, расшитого по подолу ромашками, в ладных, хоть и не новых, начищенных сапожках.

Девчушка зыркнула по сторонам, оценивая навязанную компанию, вымученно улыбнулась, показав маленькие белые клыки, тонкими пальчиками нервно поправила плат на щеках и широкую, белую, шелковую ленту, закрепляющую его на голове. Уши, прижатые к макушке, выдали ее волнение и страх — остроконечные, мохнатые, по краешкам рыженькие, с серой полоской по середине. Видимо, и сама девочка двухцветная. Мы с Глашей и Витом потянули носами, знакомясь с запахом слишком молоденькой невесты и удивленно выдохнули: девочка-шакаленок только вошла в пору созревания — женский аромат едва-едва проявился.

— Это чего творится на белом свете-то?.. — у Вита от возмущения голос пропал, дыхание перехватило. — Детей уже на смотрины посылают.

— Мне уже пятнадцать, — попыталась оправдаться девочка, но вышло у нее плохо.

— А других не было что ли? Постарше? — посочувствовала я.

— У нас маленький клан, остальные все замужние или просватанные. Я одна подошла...

— Садись детка, в ногах правды нет, — Вит по-отечески приветливо указал на ковер рядом с Глашей, и шакаленок, немного потоптавшись, села между нами.

— Меня можешь звать Глафирией, а это Савери, — встрепенулась гиена, исковеркав мое имя: ну никак у нее «с» не получалось. — Назовись

и ты, коли вместе едем.

— Марийка, — тихо ответила девочка, исподлобья разглядывая нас карими, широко распахнутыми глазами.

Плат мешал рассмотреть ее, но хорошенький курносый носик и четко очерченные пухлые губки выдавали вполне симпатичное личико.

— Сегодня хороший день, — прошепелявила Глаша, вальяжно откидываясь на борт телеги.

— Это почему? — искренне удивилась Марийка.

Мне тоже стало любопытно: почему?

Глаша снова самодовольно хмыкнула и заявила:

— Скоро я стану богатая и любимая. И князь почти мой и ата Роман... может быть.

Вит, отвернулся и скомандовал лошадям «Но!», при этом слегка согнувшись, затрясся. Смеется, конечно. Я бы тоже повеселилась с ним, но правила гостеприимства требовали разговор поддержать, как и шакаленка с круглыми, изумленными глазами, поэтому серьезно спросила у самонадеянной гиены:

— Ого, Глаш, значит, в выборе князя ты уже не сомневаешься?

— Ну какие из вас соперницы? Тоже мне... — поморщилась она и с нескрываемым высокомерием добавила: — Вы ж еще малолетки совсем. Так, ни рыба ни мясо. Не чета нам, настоящим бабам!

Марийка быстро обернулась, осмотрела меня с ног до головы и удивленно приподняла темные брови.

— Мне двадцать три уже, Глаш, — вяло возразила я, сказав о своем возрасте больше для нашей новенькой, — ненамного ты старше. И учти, помимо нас ко Двору еще много девиц прибудет.

— Я очень надеюсь! — невольно выдала свои страхи и чаяния Марийка. Выходить замуж за князя она, как мне показалось, не горит желанием.

Гиена хмуро посмотрела на меня, потом, отмахнувшись, заявила:

— Врешь! Ты ж не пахнешь совсем!

Марийка резко повернулась ко мне и повела носом, принюхиваясь. Напрасно она пыталась уловить мой аромат. Потом о чем-то задумалась, уткнувшись взглядом в сжатые на коленях руки.

— Может к смотринам и проклюнется мой аромат, — расплывчато пояснила я.

— Не проклюнется, лу Савери, не беспокойтесь, — не оборачиваясь, мрачно буркнул Вит.

Марийка покосилась на спину возничего, затем внимательно

посмотрела мне в лицо. Такое впечатление, что ребенок она только с виду, а вот в глазах совсем не детский, сметливый, цепкий ум, хитринка... С этой «деткой» лучше быть настороже. Хотя, кому на Зеленой не известно, что любой шакал с детства непрост? Среди этих проныр нередко встречаются воришки, жулики и тому подобные скользкие личности.

— За мной еще огромное приданое дают: целых четыре телеги рыбы и солонины. А за вами, что князю светит? — хмуро заявила Глаша, обеспокоившись своим будущим.

— Ковры да золото, — хохотнул Вит, ему прямо-таки особое удовольствие доставляет поддразнивать глупенькую гиену.

— А за мной телегу дорогих тканей, — почему-то устало и безрадостно ответила Марийка.

— Золото и ткань — это хорошее приданное, куда уж лучше, — угрюмо признала Глаша. Помолчала чуть-чуть и поделилась новостями: — У нас вот давеча на южных купцов кто-то напал, когда те рекой шли. Говорили, ткани везли на север продавать. Так там, по слухам, много всего было: и сукна, и даже шелков, а теперь купцы те с носом остались. Да и суденышко то грабители на мель посадили, его потом папа с мужиками помогал с мели снимать. А то перекрыли проход, целый затор устроили...

— Значит ткани, говорите, лу Глафирия?.. — задумчиво проскрипел Вит, при этом, наконец, обернувшись на Марийку.

Девочка сжалась под всезнающим взглядом много чего повидавшего старика, как если бы попала на чем-то, но ее голосок прозвучал на диво спокойно, безмятежно:

— Ага, ходили такие слухи. Мы ниже по течению реки живем, так что новости мимо нас не проходят.

— Ну да, ну да, — по обыкновению «согласился» Вит. А затем поинтересовался: — Лу Марийка, а что же старшие в Призрачном хвосте говорят? Что думают о теперешней жизни? И верно, вам тоже сильно досталось во время войны?

Девочка хотела было, видимо по привычке, ноги к груди прижать, обняв их руками, но кибитку бросало из стороны в сторону и, завалившись на очередном ухабе, она, раздраженно фыркнув, уселась, как и мы. Неуверенно, опасаясь, что одернут, постелила под зад и под спину шкуру и привалилась к бортику. Мы терпеливо ждали ее рассказ, даже разговорчивая Глаша помалкивала.

Марийка опустила голову, и спрятав лицом за платом, наконец поведала:

— Мой дядя дань для князя по осени собирал. Еще тогда понял, что

князь войну выиграет и придется нам под ним ходить... Только он не думал, что Валиан Северный жениться задумает. Да оборотниц с дальних краев соберет, а то бы успел и меня пристроить...

У нас, так же как и у остальных, дела сейчас плохи. Кому в неволе жить охота? Да только война еще хуже. Самых сильных и молодых сколько полегло...

И столько боли, и тоски в ее голосе выплеснулось, что я выпалила, почти не сомневаясь почему:

— Кто-то из твоих погиб?

Девочка совсем поникла, сгорбилась, как от непосильной ноши, и с болью в сердце выдавила:

— Наш дом богатый и хозяйство крепкое... было. На всю деревню красовался. Отец никого не боялся — сильный и смелый... а матушка — красавица, каких поискать. К нам первыми пришли, ночью. И не Валиановы наемники, а шайка мародеров без роду-племени... Меня после дядя забрал в свою семью. Так вот вышло, что я у них ночевала. Мы с сестрами на луну гадали, женихов перебирали... пока моего отца с матерью убивали.

— Вот оно как, — Вит обернулся и горько вздохнул. Его старческие глаза заблестели от слез, и я не выдержала, всхлипнула.

Глаша подвинулась к сироте, протянула ей корзину с пирожками, начиненными всякой-всячиной, и печеной картошкой с луком, что я в таверне вчера утром купила.

— Ешь, горемычная, мне еда всегда с горя помогает и от любой хвори, — посоветовала она, заботливо поднимая холстину.

Затем, громко шмыгнув носом, тоже решила «подлечиться».

Вит согласно покачал головой, отворачиваясь, и я, глядя на дружно жующих Марийку и Глашу, присоединилась к перекусу, не забыв ему предложить тоже полакомиться. Макнула картошечку с лучком в берестяную солонку. До чего вкусно-о!

Как ни странно, но «несравненная» Глафирия довольно быстро и без особых затей помогла Марийке успокоиться и обвыкнуться в нашей маленькой компании княжеских невест. Мы до самого вечера слушали Глашины истории о жизни в клане гиен. Теперь я понимаю тех бедняг, всем миром решивших собрать приданое, чтобы сбавить это «швартовское яблочко» хоть куда-нибудь. Уверенности в себе и непрошибаемого упорства самой старшей из нас девице было не занимать.

Красный, полыхающий закат — верный предвестник жаркого денька — расцветил небо яркими красками. Сочная, радующая глаз, молодая листва тихонько шелестит на легком ветерке, словно обменивается с ним новостями. По одну руку лес, по другую — река плавно несет свои воды вдаль. Помимо топляка в прибрежных зарослях встречаются хатки бобров, а иной раз и сами бобры — забавные, с перепончатыми лапами и хвостами-веслами. В небе летят косяки перелетных птиц, возвращающихся на гнездовье из теплых краев. И ехать нам вдоль берега еще пару дней.

Мы с Марийкой замерли, словно по команде, и устались на обнаженного по пояс Романа: зашел по колено в реку и моется, горстями обливаясь водой и довольно отфыркиваясь. Мы невольно залюбовались его ладной, крепкой фигурой, гладкой кожей, под которой красиво перекачиваются мускулы — сплошное загляденье. Тем более, кот оцелот не сдерживает свою сущность: выпустил блестящий пушистый хвост из специально скроенных штанов и тот размеренно ходит туда-сюда, выдавая благодное, расслабленное состояние хозяина.

Заметив нас, Роман выпрямился и приветливо улыбнулся, склонив голову:

— Рад видеть прекрасную травницу и юную красавицу. — Затем, махнув ладонью на реку, почти промурлыкал: — Лу Савери, лу Марийка, присоединяйтесь. Весна нынче добрая, вода освежает.

— Благодарствую, ата Роман, но я до ближайшей крыши потерплю. Только умоюсь, — вежливо улыбнулась я в ответ.

— Здесь берег высокий, руками не достать, давайте я помогу вам спуститься.

Эх, как же приятно, когда тебе выказывает внимание молодой красивый мужчина, даже слово подходящее вспомнилось, подслушанное у приезжих, — «подкатывает». В груди потеплело...

— Какой вы любезный кавалер, ата Роман! — раздался Глашин возглас за моей спиной; похоже, не у одной меня потеплело. А через несколько мгновений она пронеслась мимо в одной нижней рубаше, явно намереваясь с разбегу прыгнуть к мужчине в капельках воды, с радостным воплем: — Ловите меня!

«Кавалер» не то от изумления, не то из опасения свалиться под тяжестью крупной девицы, а может, просто не ожидая такой выходки, как-то не по-кошачьи шарахнулся в сторону, на ходу оправдываясь:

— Простите лу Глафирия, у меня от тряски в седле что-то спина разболелась.

Глаша рухнула в воду, подняв кучу брызг. Вынырнула и, потряхнув головой, разочарованно проводила взглядом спешно выскочившего на берег Романа. Посмотрела на нас и как ни в чем не бывало начала мыться, важно пояснив:

— Бывают в жизни и неудачи. Ну да ладно, хотя бы вымоюсь, раз все равно уже мокрая, и то какая-никакая польза!

Марийка зябко передернулась, подозрительно глядя на хорохорящуюся купальщицу, ведь у нас до середины лета вода холодная, но, услышав очередную поучительную речь, переспросила:

— Это мама или папа подсказал?

— Нет, дедуня. Он старой закалки и воды побаивается, — все-таки начала стучать зубами Глаша, — поэтому в речку полезет лишь по нужде.

— Я смотрю, весело тут у вас, — проворчал Вит, набирая в ведро воды для лошадей и качая головой, глядя на купальщицу с посиневшими губами.

Глаша упрямо сидела по грудь в воде и шумно плескалась, пока, наконец, даже мне, глядя на нее, стало холодно. Зябко передернув плечами, я позвала ее:

— Глаша, Глашенька, я тебя очень прошу: выходи, а то вода холодная, простынешь еще. А впереди смотрины.

Не то послушав меня, не то пораскинув мозгами, она поднялась. Мокрая рубашка облепила ее тело второй кожей — и перед нами предстала женщина с прекрасной фигурой, просто глаз не оторвать: высокая полная грудь, тонкая талия, округлые бедра, длинные стройные ноги... Вот так подшутила матушка-природа, щедро одарив эту гиену-оборотня роскошной статью и обделив умом и лицом.

Тем временем на берегу собрались желающие поглазеть на Глашину весьма соблазнительную фигуру. А у самой Глаши уже зуб на зуб не попадал. К счастью, пришел коренастый пожилой возница из ее клана, протянул холстину, чтобы она закуталась, и накрыл от нескромных взглядов и вечерней прохлады стареньким потертым зипуном, своим, наверное. Другой возница подхватил Глашину одежду, и они вдвоем проводили ее греться к своему уже во всю разгоревшемуся костру.

Затем пожилой оборотень тихо, но строго выговаривал незадачливой охотнице за женихами за неподобающее княжеской невесте поведение, чтобы не позорила их клан перед князем. Ведь поверенный Валиана Северного как пить дать доложит тому о выходке девицы из швартовских. А князь может не простить подобного оскорбления. Сплошное бу-бу-бу...

Слушая злой шепот и глядя на поникшие Глашины плечи, я искренне жалела эту бедовую гиену.

— Так ты в самом деле травница и знахарка? — тихо спросила Марийка.

— Угу, — я рассеяно кивнула, пребывая в невеселых мыслях.

— А ты сама-то князя видала? — не отставала Марийка, заставляя меня очнуться от дум.

— Нет, откуда ж?

— А плат почему носишь? — продолжила выпрашивать шакаленок.

— Вынужденно, — мрачно буркнула я.

Ну не рассказывать же реалии своей жизни чужачке, хоть и вполне милой, и приветливой.

— Поэтому и не пахнешь? — весело блеснули карие Марийкины глаза.

— Не пахну... — отделалась я от ненужных откровенностей.

— Угу, — теперь она кивнула каким-то своим думам и легкой походкой направилась к сопровождающему ее шакалу. Кажется, слишком молодому, чтобы быть надежным защитником для девицы с ценным приданым.

Я оказалась не одинокой в своих сомнениях — зорким ястребом за девочкой и парнем следил Маран, прищуренным взглядом провожая ее тоненькую фигурку и недоверчиво посматривая на него. Потом зло клацнул зубами и направился к реке.

После плотного ужина мы улеглись в кибитке втроем. Только Глаша больше не травила байки за жизнь, наоборот хмурилась и молчала. А вот Марийка, словно пудовый груз с плеч сбросила, только что не пела.

Глава 8

В детстве от мамы слышала, что кошки встают спозаранку. Ей, конечно, виднее было, особенно когда она меня утром будила, называя кошечкой, любимой малышкой...

Все равно терпеть не могу вставать на рассвете!

Позавтракав остатками вчерашней каши, сдобренной сушеным барбарисом и медом, в полусонном состоянии, с такими же неразговорчивыми, клюющими носами попутчицами, я поплелась к ручью, чтобы окончательно проснуться. Умылась, тщательно причесалась, ведь сегодня к полудню мы должны добраться до столицы нового княжества — города Аверта. Если поторопимся.

По возвращении меня ждал сюрприз, который лучше ведра колодезной воды помог проснуться. И все из-за привычки ходить по лесу в поисках полезных трав, стараясь не нарушать покой зверья, да ботиночки из мягкой кожи помогали ступать неслышно.

Отодвинув полог кибитки, я озадаченно уставилась на Марийку, увлеченно рывшуюся в моей знахарской корзине:

— Ты что там ищешь?

Она испуганно дернулась и злобно зашипела, сжимая в руке пузырек из темного стекла:

— А ты думала, никто не догадается, почему от тебя не пахнет?

— Ты о чем, Марийка... — попыталась я напомнить о ее нахальной, если не сказать больше, выходке — дома еще никому в голову не приходило лазить в мои вещи.

— Да все ты понимаешь, я же по лицу вижу, — продолжала злиться девчонка, но голос не повышала, шипела, опасаясь других свидетелей своего непотребного поведения. — Все говорят, что ты сильная травница и знахарка к тому же. Разве ж такой нужен князь пришлый, да еще с гаремом? Позор-то какой! Все ясно, любезная лу Савери, понятно, почему созрелая кошка до сих пор плат носит и запах прячет. Что я — дура, по-вашему?! И гарем тот княжеский треклятый мне и даром, и за золото ненать!

— Стой! — в панике дернулась я к Марийке, когда она, выплеснув гнев, глотнула из пузырька.

Я прыгнула в кибитку и схватила ее за руку, чтобы залпом не осушила. И только после того как увидела, что там за отвар хранится, у меня от

сердца отлегло.

— Поздно хватились! — усмехнулась чересчур шустрая девчонка. — Я уже спаслась! Кому нужен шакал без запаха? И без таких способностей, как у вас, лу Савери?

Я приложила ладонь ко лбу, чуть сдвигая ленту, удерживающую плат, и облегченно выдохнула:

— Ты что натворила, дурочка?!

— Я себя спасала и плевать на все хотела! — гордо, уверенно заявила Марийка. Ткнула пальцем на пузырек с надписью «Запор»: — Думаешь, я такая же глупая, как Глаша? И не догадаюсь, как ты свой запах перебиваешь?

Теперь я взглянула на нее гордо и уверенно, усмехнулась, представляя, что скоро начнется, и с чистой совестью пообещала:

— Знаешь, придется тебе, умница-разумница, на своих ошибках учиться! Полезно для такой нахалки, чтобы в следующий раз в чужую корзину не лезла и в рот не тащила неизвестно что!

Марийка сперва насторожилась, а потом беззаботно махнула рукой:

— Ой, да ладно пугать-то. Просто ты боишься, что кто-то прознает о твоём секрете. Ну что будет-то? Написано же: «Запах». Ну выпила я немножко кислятины этой...

Тут уж я не выдержала, криво усмехнулась и «раскрыла секрет»:

— Видишь ли, грамотейка липовая, этот отвар для стариков предназначен. У них частенько живот пучит, да запорами маются. А этот отвар помогает... расслабляет... очищает... кишки болезным. — Пока перечисляла, выражение торжества на симпатичном личике шакаленка сменялось недоумением, сомнением, страхом. — Ошиблась ты, догадливая наша, не «Запах» тут написано, а «Запор». Просто последняя буква стерлась!

Я нашла в кибитке новый глиняный горшок, раздобытый Мараном, после того как первый не выдержал удара о крепкую разбойничью голову, и сунула его в руки Марийке, не без ехидства посоветовав:

— Бери-бери, горюшко, не стесняйся. Дня на два вы с ним сроднитесь ближе некуда, потому что отварчик мой хороший, я плохих не держу, а выпила ты достаточно, чтобы за троих пронесло. Ехать нам с тобой теперь хлопотно будет, зато на смотрины к князю явишься, как новенькая, очищенная и благоухающая.

Дальше громкий, рычащий звук, издаваемый Марийкиным животом, был тому подтверждением.

— Ой! — пискнула дуреха, испуганно обхватывая себя руками, и

поспешила к пологу.

— Заодно лопухов с собой набери. Да побольше! — крикнула я ей вдогонку.

* * *

Неунывающая и неумолкающая Глаша, не выдержав длительного молчания и заметив трусивших мимо нас на кобыле двух седоков — парня, крепко и бережно обнимавшего девушку, — вернулась к излюбленной теме:

— Мамаля сказала, что любовь, она такая, всегда неожиданно приходит...

На другом конце повозки маялась животом Марийка, стыдливо прикрывшись от нас на горшке одеялом, издавая уже изрядно надоевшие звуки, сопровождаемые скверным запахом. Мы с подругой по несчастью дружно уткнулись носами в платки, пережидая очередной приступ.

— О силы небесные! — взывала я. — Когда же это закончится.

И тут Марийку неожиданно прорвало:

— Сама виновата! — она чуть не плакала, обвиняя меня. — Надо лучше бутылки подписывать! А то путаешь честной народ ...

— Это кто здесь честной народ? — возмущению моему не было предела, тем более от вони глаза слезились. Вытерла и ядовито добавила: — Хорошо! Будь по-твоему, в следующий раз подпишу: здесь лежат деньги, а вот здесь, уважаемые воришки, — ядовитые настойки. Смотрите не ошибитесь!

Вит, не оборачиваясь, прибавил свой алтын:

— А что делать не ученым грамоте ворах? Нешто травиться?

Рядом проехал охранник и, заглянув в кибитку через плечо возницы, прорычал:

— Учиться! Да не совать нос куда не следует. А то с такими девицами задохнуться недолго, вон как смердят.

Я хмыкнула: ох и бедовая девчонка попалась, хлебнула едва не половину пузырька, вот и страдает теперь и от поноса, и от стыда. Кто же из-за нее обоз задерживать в пути будет? Да в такое беспокойное время?! Глава обоза, узнав, отчего шакаленок в кустах засела, в лучших традициях отчитал всех налево-направо, мол, свалили на его голову все кому не лень своих дур малолетних. А ему сопلي вытирай всю дорогу!

Затем, не слушая моих тихих просьб задержаться до завтрашнего утра, приказал Марийке набрать ворох лопухов, посадил ее бедную, с громко

рычащим животом, в кибитку и рыкнул, что раз мы такие недалекие девицы, дурью маемся, вот и посидим в компании друг друга, авось поумнеем. Я хотела было возмутиться нелестным мнением о себе лично, но, увидев заплаканную Марийку, насупилась и не сказала ни слова. Просто сунула ей другой пузырек для поправки.

Вот так и катили мы полдня: я с Глашей — поближе к Виту, высунувшись наружу, а Марийка — с другой стороны, сидя на горшке и время от времени выкидывая наружу лопухи. На «радость» вознице ехавшей позади телеги и Марану, тихо рычавшему, проезжая мимо, де впервые в столицу как навозный жук въезжает. Хотя, честно сказать, к полудню шакаленку полегчало, она даже на корзину со съестным поглядывать начала.

Веселая дорога!

Тракт медленно ползет вверх, лениво огибая обрывистые поймы широкой реки, несущей свои воды на север. С противоположной стороны зеленеют поля с озимыми, жадно тянущимися к весеннему солнышку, перемежающиеся с деревеньками и хуторами. Доносится запах печного дыма, свежего хлеба и собачий лай. Наконец, впереди показался большой город. Аверт! Не какой-нибудь завалящий Шварт, а столица Северного княжества — вотчины Валиана почитай.

Раньше здесь вполне мирно уживались сразу три крупных клана: лис, волков и медведей, и связывали их семейства крепкие брачные узы. Но со временем здешние оборотни роднились с другими четвероногими. Вот так и Валиан еще котенком в Аверте появился. Его мать второй раз вышла замуж за медведя — сурового, но справедливого и уважаемого городского судью, который принял котенка леопарда, став ему приемным отцом.

Как говорят, именно хорошее отношение народа к отчиму будущего князя помогло ему взять власть, подмять под себя глав родов, а затем и объединить в княжество. И еще слухи ходят, что собственная семья у Валиана теперь не в чести, запрещено им в столице показываться. Так и живут в дальнем поместье где-то. А всего-то бывший судья пытался вразумить приемыша, чтобы тот не выдумывал с княжеством, с войной опять же. Но молодой леопард, одурманенный сладкими речами заморского змея о безграничной власти, чуть не казнил отчима. Благо мать вмешалась — валялась в сыновьих ногах, умоляла за супруга.

Это нам пожилой енот, возвращавшийся в город с рыбалки, поведал, которому Вит предложил подъехать в нашей повозке, чтобы разжиться новостями. Вот и слушали мы с Глашей и Марийкой новости от авертца, дружно приоткрыв рты от любопытства. А хитрюга песец, по-компанейски

пригласивший енота сесть рядом, нет-нет, да бросал на меня внимательные взгляды — надеялся, небось, что дурная молва отвратит от князя. На Марийку уж точно повлияла: та сидела тихонько, держась за бортик, и шелохнуться боялась, глаза круглые-прекруглые, все запоминала. Хотя, скорее всего, зелье еще действовало...

Мимо нас проскакал, поднимая пыль, очередной разъезд — наемники Валиана. Все в черных одеждах, с суровыми лицами. Наш спутник енот неосознанно передернулся при виде них, прижав к голове круглые темные уши и нахмутив белесые густые брови. Черными яркими глазами-бусинами с затаенной ненавистью проводил наемников и выругался:

— Звери безродные!

— А папа говорит... — открыла рот Глаша, собираясь поделиться очередным мнением своего родственника

Но Вит тут же шикнул на нее и тихонько обратился к еноту:

— Сильно злобствуют?

Старый рыбак лишь кивнул устало, а потом добавил, собрав на лбу глубокие морщины:

— Наш князюшка больно много воли им дал, а они и пользуются. Эх, собрал ведь свои отряды из разного сброда — отчаянного, бывалого, кто без корней, без роду-племени. Кого свои же взашей погнали за непотребство и разбой. Что от таких перекаати-поле ждать-то?

— Да уж, рискует князь-то... — согласился Вит.

— Народ пока терпит, — рассеянно ответил наш спутник, провожая глазами пару торговцев на телегах.

Я в очередной раз подивилась: и вправду в столице не заморачиваются старыми устоями. Мужчины не прячут хвосты, по которым можно легко определить, даже не приносясь, не только вид оборотня, но и какие чувства тот испытывает. Пятая конечность частенько выдает мысли хозяина.

— Пока? — Вит заломил седую бровь.

Енот на нас мельком оглянулся, заметил, что Глаша отвлеклась, подтягивая к себе ковер, и тихонько поделился:

— Пока! Бают в столице, в торговых рядах, что слишком много власти в одних лапах — неправильно. Валиан исконные авертовские семейства пытается развалить, боле никому не доверяет, вот и жен из дальних выбирает, хоть и заставил городских своих дочерей тоже привести на смотрины.

— Срамота-а-а... — поддакнул Вит, вновь бросив на меня хитрый взгляд.

На въезде в Аверт обоз остановился у перегородившего дорогу бревна. До нас долетел яростный спор Марана с городской стражей, требовавшей подать за въезд, собираемую со всех торговцев. Наш обозный громко втолковывал стражам, что не торговать в столицу едет, а дань князю везет, предлагая им «стребовать подать с его светлости, коль ему поклажу доставили». Судя по злобным лицам служивых, поднявших бревно, Маран спор выиграл.

Вскоре мы ехали по столице мимо первых домов, где и попрощались с разговорчивым енотом. Улицы здесь широкие, задуманные так, чтобы две телеги спокойно разъехаться могли. Видно, что с умом город строили в свое время. Дома даже на окраине добротные, с двускатными черепичными крышами. Жители снуют мимо, все занятые, хотя и праздно прогуливающихся достаточно. Мы с Глашей, будто зачарованные, таращились на окружающий люд. Кого здесь только не было: и нарядные девчонки лу, и более степенные амы, и солидные ата в сафьяновых сапогах, широких штанах и плотных кафтанах, свысока поглядывающих на тех, кто попроще и победнее. Юркими сурками сновала ребятня, кричали лоточники, расхваливая свой нехитрый товар.

Неожиданно к нам подъехал Маран и сунул мне в руки большой туес с еще теплыми пирожками. Красота!

— Благодарствуйте! — восторженно выдохнула Глашка, сцапав верхний пирожок.

Маран смерил ее необычно внимательным оценивающим взглядом, долгим таким, о чем-то раздумывая. Не знаю, может мужчины умеют читать мысли друг друга, а может думают об одном и том же, но Вит, глубокомысленно хмыкнув, предложил:

— Ну да, приодеть ее, покрасивше, глядишь, на тело бы и купился... такая краса пропадает.

Возничий переглянулся с обозничим и оба понятиливо ухмыльнулись.

— Пойду поспрашаю, кто в долю войдет, — неожиданно весело сказал Маран и приотстал.

Затем донеслись голоса соклановцев:

— Я в доле!

— И я! У меня тоже молодая жена и может скоро понесет...

— ...а если ее приодеть, может и повезет: западет.

Сжавшаяся в комочек Марийка, до этого даже икнуть боявшаяся, сразу наострила уши и вострепелась, правда тут же вспомнила про живот. Замерла на миг и, подглядывая в щель за полог, внимательно прислушивалась к разговору за кибиткой. Глаза у нее хитро блеснули —

явно что-то опять задумала, как только отлегло.

Мы огибали пеструю, шумную, гудевшую сотнями голосов торговую площадь, густо заставленную лотками, шатрами, палатками. Пересев к Виту на козлы, я крутила головой по сторонам, старательно подмечая каждую мелочь, улавливая звуки большого незнакомого города — уж больно интересно здесь! Необычно! Поймала себя на том, что поколачиваю кончиком хвоста по юбке, не в силах справиться с уймой впечатлений. У Глаши, выглядывающей из-за моего плеча, тоже уши дергаются то вправо, то влево и глаза разбегаются, и рот смешно приоткрыт.

Мимо проскакали «черные» наемники, народ ринулся врассыпную, чтобы под копытами не сгинуть. Песец рядом со мной заворчал, проклиная бездушных вояк.

— Сколько мужиков... свободных, — восторженно ахнула Глаша.

— Вот глупые бабы, — проворчал Вит.

Я глазела во всю. Открыто, как ребенок на ярмарке. Почему, ну почему в моей долине и окрест запрещается показывать свою звериную суть, а здесь, в столице — нет!? Вон кругом мужчины не прячут хвосты, широко улыбаются, показывая клыки, а когтями порой пользуются вместо ножа.

Слева, вдоль длинного торгового ряда с одеждой, толпилось особенное множество народу. Обоз остановился, но Вит не насторожился, словно ожидал этого. Скоро пришел Маран. Причем, заглянул в кибитку со стороны козел. Видимо, помнил, что с другой — время от времени вылетают наружу использованные лопухи. Хмуρο глянул на недоуменно уставившуюся на него Глашу и распорядился:

— Лу Глафирия, пойдемте, мы вам там подарочек к смотринам приготовили. На память!

Я слегка удивилась: с чего бы нашим волкам гиене подарки дарить?

А вот Вит, поморщившись, предложил:

— Может, лучше завтра займемся этой красотой?

— Я завтраки не люблю — предпочитаю ужины. Желательно с мясом, — по-деловому отрезал Маран. — Пойдемте, Лу Глафирия, время не ждет, дел еще пропасть.

Глаша, как настоящая красна девица, смущенно опутив взгляд долу, спрыгнула с телеги и привязанным теленочком засемила за Мараном. Наш длинный обоз ошетинился бдительной охраной — ворья на базаре всегда хватает. Я тоже увязалась за ними, на свежий воздух да после целого дня мучений, хоть ноги размять да на товар посмотреть. Следом за мной пристроились личные охранники, которые с самого первого дня глаз с меня не спускали. К кибитке тенью скользнул парнишка — возница, правивший

телегой шакалов. Захотел наведаться к «хворой» подопечной? Вряд ли их встреча будет приятной!

Но в следующий момент я потеряла интерес к шакалам, поскольку Маран подвел Глашу к первым же лоткам и с парой помощников начал быстро отбирать наряды... для Глаши. Они с таким азартом прикладывали к ней то один сарафан или рубаху, то другой, что у меня в глазах зарябило и голова кругом пошла. Хорошая, новая одежда, даже не слишком дорогая все достоинства Глашиной фигуры выкажет. Сама же она никак не могла поверить, что получит дармовые наряды и с блестящими от восторга глазами выполняла каждый приказ волков: крутилась, вертелась, трясла волосами. А они, обступив ее, громко обсуждали каждую обновку, будь то рубашка, платок или гребенка.

Задумку наших хитрецов я поняла: гиену решили принарядить, прикрыв некрасивое лицо кружевным тюлем, чтобы привлечь внимание к женственной, покоряющей любой мужской взгляд фигуре. Чтобы она могла со мной соперничать. Причем, даже денег своих не пожалели.

Маран поймал мой грустный взгляд и замер напротив, сверля меня темными внимательными глазами.

— Надо же! Сколько заботы, а вернее, хитрости и уловок, чтобы чужую девицу пристроить. Почему же вы мне не могли помочь? Не защитили, когда брат держал словно заложницу, наказывая за лишний глоток свободы! — с горечью прошептала я. — Вы сильные, умные, вас много, а Амаль не всемогущ...

Закончить не смогла, горло от обиды перехватило. Маран нахмурился, помолчал, раздраженно дернул плечом, будто сбрасывая ненужную тяжесть, кивнул одному из наших волков, который прозрачный платок к Глашиной голове приложил, подбирая к цвету ее кожи. После неохотно ответил:

— С Амалем тебе грозит гораздо меньше, нежели во дворце у Валиана! Сейчас ты этого не понимаешь, но скоро разберешься. Главное, чтобы не поздно было. Я согласен, порой твой брат суров без меры, но со временем все одно изменится. Либо смягчится и пойдет навстречу тебе, признает твои желания, либо... изменится... что-то другое. В жизни нет ничего постоянного, все меняется когда-нибудь.

Задрав голову, я смотрела на мужчину и словно коркой льда покрывалась. Выходит, меня вернут Амалю, и буду я свой век служить клану верой и правдой, напрасно ожидая, когда жизнь изменится к лучшему. И может мне позволят жить своей жизнью когда-нибудь. А Амаль либо сойдет с ума и затравят его как бешеного пса, либо сжалится надо мной и выдаст за того, кто выгоден ему. Ни о какой свободе, мечтах и

любви речь не идет. А как же дети? Счастье для меня?

Я вымученно улыбнулась и кивнула, но Маран уже отвернулся. Тяжело выдохнув, тоже отвернулась. Зевак, привлеченных необычной круговертью возле одной единственной девицы, становилось все больше и больше.

— Вот правду говорят, что жизнь не в радость, если морда в тягость, — прозвучало ехидное словцо из толпы, когда на пару мгновений Глаша показалась с открытым лицом.

Я нахмурилась: она уж получше некоторых насмешников и счастья заслуживает более других.

— А кого это наряжают-то? — раздавалось отовсюду. — Чья деваха?

Толпа быстро увеличивалась, на пяточке у выбранного нами лотка стало совсем тесно.

Маран открыл рот, чтобы послать всех лесом, но тут один из наших волков рыкнул:

— Ты на кого пасть открыл? Это главная князева невеста!

У Марана словно ком в горле застрял и глаза слегка округлились. Тут шутку подхватил другой соклановец:

— Да за ней такие дары дают, что вашим столичным бабам и не снилось.

Глафирия, покрывшая тюлем голову, скрывшим ее лицо, чувственно повела округлым плечиком, отчего в не зашнурованном вырезе рубахи показалось глубокая ложбинка между полными грудями.

Вокруг нашей компании было уже не протолкнуться. Слух о богатой, красивой, знатной невесте князя, которую целый отряд наемников одевает, распространялся по торговым рядам лесным пожаром. И Маран с товарищами немало способствовали тому, бойко нахваливая Глашины стати в нарядах, которые становились все ярче и привлекательнее. А сама гиена — все счастливее и довольнее, если судить по плавным, танцующим, игривым движениям.

В какой-то момент меня отодвинули за два лотка от сопровождающих, затем я наткнулась на кого-то спиной. Оказалось, на того же парнишку шакала. Он расплачивался за полный набор мужской одежды. Вернее, чуть ли не детской, рубашка ему точно маловата будет, разве что на Марийку налезет...

Пока я рассеянно смотрела на товар, парень суетливо забрал покупки и растворился в толпе, продолжавшей собираться вокруг моих волков и Глаши. Раздавались все более скабрзные шуточки в адрес князя и его невесты. Народ откровенно развлекался, как на ярмарочном представлении, а мне бы к своим пролезть.

— Чего желаете, милейшая лу? — обратился ко мне пожилой торговец, лис с когда-то рыжей копной волос.

Я невольно обратила внимание на простого кроя, незатейливые, но добротные штаны, рубахи, жилетки и шапки и шляпы с прорезями для ушей. И вдруг, как будто что-то толкнуло меня изнутри, какая-то мысль, обдумать которую мешал шум-гам.

— Мне бы мужскую одежду, целиком одеть такого парня, как я, — сипло от волнения попросила я приветливо улыбавшегося лиса, — и рыбацкую кепку с шейным платком. Хочу подарок брату сделать.

С опаской обернулась, отыскивая глазами своих спутников, пока торговец складывал мои покупки. Тот ловко свернул вещи, связал бечевкой и отдал мне, получив положенную плату. Кажется, меня провели на цене, потому что я забыла спросить что почем. Да и зачем мне нужна мужская одежда, тем более во дворце? Но в сверток я вцепилась крепко и старательно прикрыла его юбкой. Мои охранники наконец-то откуда-то просочились, слегка напугав, и окольными путями проводили к обозу. Сердце гулко стучало в висках, словно я совершила что-то запретное, но кровь быстро бежала по венам, а губы сами собой расплывались в улыбке.

Я сама все решу! И никто больше!

Вит обернулся в тот момент, когда я положила свои тайные покупки в сундук. Марийка, кажется, тоже не заметила моего волнения. Она вообще дремала, свернувшись клубочком.

Но громкий голос Марана заставил меня вздрогнуть. Подсадив Глашу с обновками в телегу, он объявил:

— Сейчас на постоянный двор вас завезем, а потом доставим поклажу с ата Романом во дворец и узнаем, что дальше делать. Нужно ли еще чего везти.

Ясно, надеются, что князь передумал жениться на данницах.

Глава 9

Маран не поскупился: верно, меня задобрить захотел, чтобы помогла отвадить от себя князя и вернулась в клан, а может, Амаль приказал, — привез нас в большой, сразу видно, хороший, столичный постоялый двор недалеко от торговых рядов. Длинный домище на два входа, двухярусный, с затейливыми резными подзорами, наличниками и ставнями, нарядным крыльцом, коньком на высокой крыше, тоже сработанным искусно, — хоромы, одним словом. Вывеска так и вовсе с коваными завитушками и едва не аршинными буквами гласит, что здесь «Логово большого лиса». И лошади тут, и повозки, и даже кареты — невидаль в наших краях — не чета встречавшимся в дороге. И постояльцы здешние не в пример тем — весьма состоятельные. И прислуга у них не абы какая, а как на подбор.

Нашу кибитку загнали под навес, а телеги с данью двинулись ко дворцу на горе. Нас, будущих невест, оробевших и притихших, отправили в этот большой дом. В котором тепло и чисто, и так вкусно пахнет мясом, хлебом и прочей вкуснятиной — не передать словами, да еще после походных «разносолов». Сглотнув слюну, я понадеялась, что за ужином долго дело не станет.

Один из моих охранников оплатил постой и отнес в светлицу на втором ярусе дорожные сундуки — хвала Луне! — предназначенную мне одной! А вот Глашу с Марийкой поселили в соседней вдвоем. Не успела толком осмотреться, дюжий коридорный, к моему восторгу, принес бадью и наполнил ее горячей водой, где вскорости все обиды и неприятности утонули вместе с целебными пахучими сборами. Усталость как рукой сняло!

«Кр-р-р-асота-а-а!» — проурчала я довольной кошкой и рухнула на широкую, крытую ковром лавку. Развалилась, любуясь свежей, беленой, вышитой листочками-ягодками, дареной рубахой, наслаждаясь ощущением благоухающей чистоты и добротного дома. Не успела подумать, чем займусь дальше, раздался негромкий стук. Следом дверь распахнулась, являя Глашу. Она непривычно робко помялась на пороге, не решаясь переступить:

— Можно к тебе?

— Входи, — благостно разрешила я, — да закрывай скорее, видишь — не одета.

— Благодарствую за приглашение! — Глаша быстренько захлопнула

тяжелую дубовую дверь, и, обернувшись ко мне, словно в омут с головой бросилась: — Лу Савери, помоги мне, пожалуйста! Не откажи, я же знаю, что ты добрая и жалостливая.

— Смотря чем? — заинтересованно улыбнулась я, прикидывая, что бы на себя накинуть, а то в нижней рубахе неловко.

Моя гостья, убедившись, что не прогоню, сразу повеселела и заискивающе затараторила, трогательно сжимая по-мужски крепкие кулаки перед полной грудью:

— Хоть чем-нибудь! Мне бы совсем чуть-чуть, капелюшечку прихорошиться бы, да не знаю как. А здешние амы, хоть мужние, хоть незамужние, видала, как ходят? Чисто тигры! Где мне с ними тягаться.

Бедная швартовская гиена словно в драку с самой судьбой за счастье приготовилась броситься. И я неожиданно заразилась ее воодушевлением, бесхитростным и жарким желанием добиться лучшей доли.

— А давай! — согласилась я, поднявшись с лавки и накинув на плечи большую шаль. — Отчего бы не попробовать!

— О-о-о... — радостно выдохнула Глаша, теперь уже молитвенно сложив большие руки и преданно глядя на меня.

— Так, нам нужно золы немножко...

Договорить не успела — она стрелой подлетела к печи и, разворошив кочергой угли, ловко сгребла кучку золы на совок и аккуратно поставила на пол остывать. А я тем временем начала ворошить свои запасы, выкладывая на стол все потребное для наведения красоты. Затем мы уселись на лавке друг напротив друга, и я начала «волшбу».

— Красота писаная! — вырвалось у меня с веселым хихиканьем, когда я «полюбовалась» на Глашу, облепленную по самую грудь разными кашицами, чтобы кожа сияла здоровым румянцем.

Чтобы ее блестящие белоснежные волосы завтра струились красивой мягкой волной, привлекая мужской взор, промыли их с ромашкой. Со своей стороны, я сделала для гиены все, что умею. Подумала и предложила ей пару листиков крапивника:

— Стоит их немного пожевать и облизнуться, кровь к губам прильет.

Глаша разомлела от моей заботы и печного тепла, кажется, даже дремала, когда в дверь опять постучались. Нерешительно как-то. Я забыла, что и сама с травяной кашицей на лице, — нам же обоим завтра хочется быть красивыми. Распахнула дверь и уставилась на потерявшую дар речи Марийку, вытаращившуюся на меня, будто душника внезапно увидела.

— Че это с вами? — наконец пролепетала она.

— Не видишь — красоту наводим! — снисходительно, как важная

женщина, для которой такое занятие обычное дело, ответствовала Глаша. — Заходи уже, а то сквозняк хорошего не надует.

Девчонка ловко прошмыгнула мимо меня, а затем, облокотившись о закрытую дверь, видно сомневаясь, ко двору ли она здесь, переспросила:

— Можно, да? А чего надует? Плохого?

— Прострел в поясице, или, бывает, незваных гостей, а порой, как маманя моей старшей сестре выговаривала, детеныша в подоле непонятно каким ветром заносит...

Пятнадцатилетняя Марийка круглыми глазищами уставилась на тридцатилетнюю Глафирию. Помолчала, переводя взгляд то на меня, то на нее в надежде, что это была шутка, а потом, переглянувшись со мной, уверенно хмыкнула:

— Боюсь, лу Савери, навряд ли ей поможет.

Я взглянула на «соперницу» с укоризной:

— Ой ли? Ты даже не пробовала, а уже с таким знанием дела говоришь. Опять торопишься!

Марийка обиженно вскинулась, получив напоминание о недавнем позоре с «Запахом», но быстро опомнилась. Кивнула, покосилась на Глашу, блеснула глазами и предложила:

— Я знаю верный способ красоты добавить!

— Я согласная! — тут же прошепелявила Глаша, заставив меня улыбнуться.

Марийка поморщилась:

— Надо с лица смыть все и чуть обсушиться, иначе плохо выйдет.

Дальше я с огромным интересом наблюдала за Марийкой, которая сперва закрутила Глашины волосы на макушке, сказав, чтобы не мешались. Затем, завязав обычную швейную нитку в кольцо, надела его на пальцы и начала ловко водить ею по лицу будущей красавицы, резко скручивая нитки. Сначала Глаша терпела молча, потом охала, ахала, а когда Марийка начала выщипывать таким нехитрым способом совсем неподобающие женщине усики, — голосила. А уж когда отчаянная девчонка решила удалить слишком низко растущие на лбу у гиены волосы, к нам без стука ворвались мои охранники, — уж больно громко вопила «главная князева невеста».

Зато результат Марийкиных стараний превзошел все ожидания!

После того, как я настойкой календулы убрала с Глашиного лица красноту, мы с Марийкой победно улыбались, глядя на присевшую поближе к окну виновницу переполоха, недоверчиво, восторженно разглядывавшую себя в зеркальце. Конечно, совсем Глаша не изменилась,

не в сказке же про Царевну-лягушку, но хоть более приятной на вид стала и не походит на безумного кролика. Высокий чистый лоб, ровные дуги светло-русых бровей, яркий румянец на щеках. Даже скалится теперь мило, несмотря на невосполнимый клык. А красноватые, глубоко посаженные глазки стали более выразительными и блестящими, как угольки. Если особо не присматриваться, то уже никакой жути.

— Красота-а-а! — выдохнула Глаша.

Мы с Марийкой, весьма довольные своей работой, рассмеялись.

* * *

Обновленная, приодевшаяся Глафирия, плавно ступавшая по широкой лестнице и гордо державшая голову, поразила всех наших спутников, когда мы спустились на ужин в трапезную. Даже вернувшийся от князя еще более мрачным, чем обычно, Маран засмотрелся и скупно улыбнулся, одобрительно кивнув.

— Ну кудесницы, девки! — усмехнулся старый Вит, игриво пошевелив кустистыми седыми бровями.

— Рядом с такой красоткой на нашу знахарку никто и не глянет, — невольно проговорился охранник из нашего клана.

Поправляя плат на щеках, я старательно улыбалась, хоть и опять взгрустнула: все мои соклановцы, усевшиеся за длинными столами, заметно расслабились и повеселели — решили, что я помогаю им украсить Глашу ради возвращения в клан, а не ради нее самой. А вот возникший шакал и еще двое сопровождавших швартовскую невесту и поклажу гиен, усевшихся отдельно, по-отечески тепло улыбались, разглядывая лучащуюся счастьем Глашу. Ведь она впервые, как мне думается, оказалась в центре внимания в таком выгодном свете и поэтому радовалась похвале и искренним, добрым улыбкам.

Марийка и Глаша сели подле своих соплеменников, хотя у последней на лбу было написано, что ей хочется побыть в нашей большой компании, чтобы наслаждаться одобрением и улыбками.

На столы накрывали три бойкие хорошенькие лисицы в опрятных серых холщовых передниках — все на одно лицо и ярко-рыжие. Они споро расставляли плошки, кувшины, ложки, миски перед гостями, всем приветливо улыбались, перекидывались словом с гостями и завсегдатаями, образцово виляли бедрами. Даже наши женатые волки с удовольствием наблюдали за прислужницами. Когда мужской взгляд не отдохнет на

женских округлостях? Только если оборотень душником станет!

Пусть их, смотрят-любуются, коли есть на что и душа радуется. Меня же больше заинтересовала необычная посуда — светлая, почти белая, тяжелая, расписная, что вышитый рушник. И ложки по-другому, нежели у нас, точены: черпачок вытянутый, как яйцо, а черенок длинный, плоский, с резными завитушками на конце.

— Ну, как там было? — осторожно спросил Вит у Марана, явно интересуясь передачей дани.

— Ата Роман расстарался, кошак блудливый, — злобно прорычал наш обозничий, нехорошо оскалившись. — Нахваливал и золотишко наше, и Волчий клык, и... привезенную на смотрины девицу.

За обоими столами воцарилась гнетущая тишина. Теперь все тревожно, задумчиво, с надеждой посматривали на меня, словно гадая, на чьей я стороне: клана или княжеской — считай вражеской. Поджав губы, отвернулась и уставилась на стену, отгораживаясь от этих благодетелей липовых. Я — свободная кошка! И тоже хочу счастья, хочу жить полной жизнью, своей, а не вечно прислуживать брату.

Наконец тягостное молчание нарушил Вит, причем, понизив голос до шепота, заставив всех нас разом потянуться к середине стола, хоть слух у оборотней отменный.

— Пока вы, ата Маран, с поверенным дань передавали, я с возничими потрепался на задворках дворца. Слышал, большая часть кланов уже откупились от князя и девиц своих привезла. Мы самые дальние, а от того и припозднились.

— Разве это тайна, чтобы ты как крот тут шуршал? — раздраженно проворчал Маран, задержав мохнатыми ушами, — верный знак, что у главы нашего обоза терпение кончается.

Старый песец лишь ухмыльнулся, лукаво, всезнающе блеснув глазами, вновь подался к нам ближе и, прижав уши к голове, продолжил:

— Твоя правда — не тайна, а вот то, что молоденькая рысь из одного западного клана принародно отказалась от брака с князем — это пытаются скрыть! А то вдруг и остальные побегут...

И так Вит глянул на меня красноречиво, что стало яснее ясного: намекает, что я тоже могу отказаться на смотринах. Маран замер, сначала побуравил глазами нашего возницу, а потом перевел сумрачный взгляд на меня.

Мои мысли и сомнения выразил самый молодой охранник:

— Да как же отказалась-то? А ежели князь осерчает, да клан тот накажет? Войной пойдет али еще какую пакость учинит?

Маран криво ухмыльнулся, блеснув белоснежными клыками:

— Какая война, Тимон? Старых законов никто не отменял! Дань от клана привезли?! Привезли! Князю передали данницу? Передали! Теперь с нас взятки гладки, а с него весь спрос и за нее, и за ее проделки! А уж какие обиды на глупую девку могут быть? Сам подумай. Не удержал — твоя забота! Не приручил, не заинтересовал — слабак! Ведь мог силой зверя на ее самку надавить, подчинить. А уж если та принародно отказалась... Не умеешь с самкой обращаться, значит не вести тебе стаю за собой, не быть главой! Тут Вит прав: нужно скрыть позор, а не на клан войной идти... Хотя, самой даннице той Валиан такой позор не спустит! Говорят, больно злопамятный да мстительный. Лучше бы молчком сбежала — и дело с концом.

Наш правильный дома, в долине, волк отчего-то в столице позволяет себе вольности: и клыки не скрывает, и хвост — вон серый лохматый из штанов торчит и нервно ходит из стороны в сторону.

— Молоденькой, невинной девице по Фарну без оберега мужского бегать не с руки, опасно это по нынешним временам. Раньше баб больше уважали, а сейчас, почитай, как ты, ата Маран, говоришь, зверем-самцом по слабой воле самки давят, — весомо добавил Вит.

Я передернулась. Ведь и правда, война многое изменила в нашем краю: слишком озлобились мужчины, слишком много приходится терпеть притеснений женщинам. Да и помимо войны, старухи на вечерних посиделках давно ляды точили, что замужние бабы все позднее рожают. Раньше сами выбирали себе мужа, никто не перечил, ведь только от любимого женщина может понести потомство. А теперь все чаще слышится: стерпится-слюбится. Старшие ради выгоды клана или семьи решают за молодых, устраивают договорные браки. Одна надежда, что женщины мягкие, влюбчивые, со временем мужа своего душой примут, коли изо дня в день тело делят.

Однако новость об отказе девицы от князя вызвала странный трепет в груди, восхищение: вот где сила, храбрость, свободный выбор!

У Вита нашлись еще новости:

— Я еще возле конюшен с конюхами потолкался. Чего только не рассказывают про князя...

— И чего? — мы все дружно едва не улеглись грудью на стол.

— Валианов советник, гаденыш этот... не любит его народ. А он все по своим Желтым правилам князя нашего настраивает. Потому и гарем этот посоветовал завести, мол, жены меж собой будут собачиться за главенство, а на интриги против самого князя за деревянный стул ентот ...

— ...трон, — с усмешкой подсказал Маран.

— Ага, ну вот на трон тот времени уже не найдется. Ну и хоть одна супружница, да наследников быстрее в семью князеву принесет. А так, была б одна, за ней ухаживать, да баловать пришлось бы...

— Тьфу! — сплюнул на пол Маран.

— По бабам бегают лишь тот мужик, который даже одну ублажить не способен, — Вит выразительно поднял палец вверх, продолжая рассказ. — А так у него на раз оправдание есть, что на всех его не хватает, вот и выходит не дюже ладно с каждой.

Я поймала парочку внимательных хитроватых взглядов от соплеменников, а другой сосед за столом подхватил разговор:

— Точно сказано! Есть у нас один ходок известный — красивый крепкий песец. На него бабы как пчелы на цветы слетались. Но его жена все жаловалась, что здоровьем он не вышел, хлипкий: как в постель, так у него то голова болит, то хвост отваливается. А потом нечаянно выяснилось, от чего болеет, когда жена его с очередной зазнобой у речки застала. Бабы, как водится, подрались, зато в пылу гнева всю подноготную про его мужскую слабость и выдали. Следом и другие дурочки, что на хвост богатый да морду смазливую повелись, признались, что любились с ним по кустам, да ничего путного не получили. А вот слава о нем как известном ходоке была. Вот все мужики окрест и завидовали, а теперича-то посмеиваются.

— Какие занимательные разговоры за столом, да при девице в плате, не созревшей, охальники, — ехидно заявила я, уже догадавшись, что хоть и делятся мои собеседники интересным, да не просто так, а с дальним умыслом отвлечь меня от князя.

Однако усовестить соклановцев не вышло — тотчас лисички нам принесли жаркое из баранины с тыквой, с гречкой, протомившееся в печи с лучком, морковочкой, приправленное укропчиком, исходящее соками и умопомрачительным запахом. К жаркому подали ендову с пивом и квасом и два огромных караваев белого хлеба. И пожелали «кушайте на здоровье».

— Эх, жизнь хороша, когда каша сытна да ароматна! — выдохнул довольный Вит.

Я с ним была полностью согласна и принялась работать ложкой и зубами. К слову сказать, мои сотрапезники заметно подобрались, расслабились, нахваливали столичную стряпню, хозяина постоянного двора и на меня более не косились. И на том спасибо.

Насытившись, я неожиданно обратила внимание на занятную парочку, что среди прочих пришла в трактир: необычайно крупного, плечистого

мужчину с женщиной ростом чуть выше моего. Сразу видно: не здешние — оба в черных плащах, наглухо скрывающих их лица и фигуры. Гости эти западные, наверное, перебросились парой слов с хозяином и хоть разместились неподалеку от нас, но толком рассмотреть их лица у меня никак не получалось. Тем более, за столом они, что очень странно, капюшоны не сняли.

На заедки проказницы-лисы принесли нам блины с топленым маслом и медком. И пока я лакомила, поймала себя на том, что мои уши словно сами по себе поворачиваются в сторону иноземцев, которые в ожидании пищи склонились друг к другу и о чем-то жарко спорят. Женщина, иногда не сдерживаясь, приглушенно шипела подобно разъяренной кошке, царапая коготками стол. Жаль, слов не разобрать, даже голос исказился. А вот мужчина молчал, но молчал так значительно и выглядел при этом столь грозно, что мне даже на расстоянии стало не по себе.

Не знаю почему, ведь в трапезной собралось множество разного народа, но я не могла глаз оторвать от этой приметной парочки, наверняка что-то еще скрывающей, помимо своих лиц. Особенно волновал мужчина — слишком значительный, слишком могучий, даже будучи скрытым плащом, слишком загадочный.

Руки таинственного незнакомца лежали на столе — большие, сильные, загорелые. Неужели южным ветром его занесло сюда? Он лениво постукивал по столу длинными сильными пальцами. Кажется, ему привычней решать чью-то судьбу, нежели подчиняться. Уж больно размеренно и неспешно пальцы ходили по столу. Эх, жаль ушей не видно, и оттого вдвойне любопытство разбирает: кто же этот огромный оборотень? Я жадно, глубоко потянула носом, настраиваясь именно на него. Знахарский дар помог отсеять посторонние запахи, нацеливаясь на один единственный — мужчины в плаще.

Оп, в носу засвербело — я вычленила его запах! А у самой внутри все сжалось, затем ухнуло вниз, волосы на затылке дыбом встали, но их хотя бы не видно, а уши прижались к голове, выдавая волнение, — это кот, причем из крупных! Я чуть было руками под плат не полезла — так кожа зудеть начала.

Запах кота-незнакомца чудил с моим обонянием, проникая в каждый уголок рассудка, поощряя любопытство моего каракала, подавляя и завораживая непомерно сильной мужской сутью, смешанной с солнцем, горячим песком, острой горчинкой и ароматом сорванной аррайи — цветка, завезенного к нам с юга. Растет он только в доме, в тепле, не переносит

холодов. Еще на редкость ядовитый, зато несколько пылинок убивают паразитов. Запах у аррайи приглушенный, раскрывающийся постепенно, свежий и терпкий, согревающий нос изнутри.

Потерявшись в этом аромате, прикрыв глаза, я глубоко вдыхала, не в силах надыхаться, а потом случился настоящий всполох моих чувств. Впервые в жизни!

— Я все сказал! И своего мнения не изменю! — прорычал обладатель обжигающе-трепетного запаха, впервые за время «беседы» открыв рот и тем самым осадив расходившуюся собеседницу.

Я задрожала. Его хрипловатый глубокий голос, исторгнутый широкой мощной грудью, горячей волной прошелся по моей коже. Зажмурившись и опустив голову, я попыталась понять, отчего чувствую себя подобно горячему воску: плавлюсь... того и гляди, лужей растекусь по столу при всем честном народе. А я ведь княжеская невеста! Самая-самая... вроде как...

— ...еще бают, что авертовские дюже недовольные чересчур пронырливым леопардом. Свободу отдавать в чужие лапы тоже никто не хочет. Вот и зреет бунт, и недолго княжество, говорят, продержится. И наемники после войны слишком много с князя денег трясут, вот он их потихоньку и разгоняет: кого дуриком отлучает, а кого и на плаху... — донесся до меня, как через толщу воды, голос Вита.

— Лу Савери, ты чего такая испуганная и взъерошенная сидишь? — На плечо мне легла ладонь охранника.

Наконец я вырвалась из сладкого плена запаха и голоса незнакомца. Тряхнув головой, рассеянно поправила плат и, заставляя себя не оборачиваться на ссорившихся кошек, пробурчала:

— Вы тут страсти-мордасти рассказываете, а еще хотите, чтобы я спокойно сидела?

— А иди-ка ты, лу Савери, спать. Завтра день тяжелый, нужно исхитриться, да так отказать Валиану, чтобы зла на тебя не держал. А мы тебя как сахарную в клан вернем, со всем почтением...

Я устала на проныру Вита, но решила не гоношиться. Время покажет, кто прав, а кто виноват. Может и вправду князь наш похуже участи вековухи придется. И думай потом: то ли в Волчий клык возвращаться несолоно хлебавши, то ли...

Нет, о том я пока не готова и помыслить, сперва надо на смотринах побывать, а вдруг все, что ни болтают горожане, — пустое. И стану я счастливой, любимой, главной княжеской женой.

Глава 10

— Ч-ч-т-то нам подсунули, а? — шепелявила я, не в силах управлять собственным языком.

— А чего? Чудная настоечка! — пьяненько хихикнула Марийка, хватаясь за бортик кибитки, а ведь налили-то ей всего полшкалика.

— На сосновых шишках и пихтовых почках настоящая, да медком сдобренная, — довольно скалилась Глаша, заваливаясь на бок.

Сама-то она, как говорится, приняла на грудь гораздо больше нас двоих; цедила каждый глоточек, смачно причмокивая языком.

Это наш старый прохиндей Вит расстарался: стоило отъехать от «Логова лиса», взял да и сунул Глафире добрый полуштоф темного стекла, предложив «для спокойствия, для храбрости перед смотрами употребить». От настойки исходил приятный лесной дух. И на вкус она была мягкой, хвоей и медом по языку, по небу растекалась. Попробовала-то всего несколько глоточков, однако настойка оказалась коварной: развезла так, что я глупо хихикала по любому поводу.

Тем временем наша повозка, трясясь и подпрыгивая на ухабах, медленно ползла в гору к замку. После веселой поездки из кибитки мы скорее вываливались, а не с достоинством выходили. Тут же закрутили головами, разглядывая огромный дом из дерева и камня, частью в лесах, потому что к нему пристраивают дополнительные клетки и даже четвертый ярус поднимают. По всему видать, расширяется новоявленный князь.

— Какие хоромы огромные, — восторженно выдохнула Марийка, по-детски приоткрыв рот.

Слизнув с губ вкус меда и хвои, я кивнула:

— Да-а-а... я тоже впервые в жизни такие хоромы вижу. Может и неплохо стать здесь хозяйкой, а?

Вблизи княжеский дворец оказался еще красивее и значительнее, чем издали. Первый ярус частично сложили из белого камня, второй — деревянный, а над ним несколько теремов с зеленой кровлей в виде шатров, бочек и луковиц, вокруг которых затейливо расположили крыльца, переходы, сени. Явно не один месяц трудились мастера, причем, по всему видать, не только наши, но и иноземные — на остроконечных, западных, крышах крутятся на ветру красивые резные петухи.

И вся эта величественная домина крепко стоит на скале, позволяя любоваться на нее снизу, да и отсюда весь Аверт видно окрест. Десятки

окон в кружеве пропиленных наличников. Лестницы с балясинами в виде замерших зверей. На широких верандах я заметила нарядно одетых, беседующих мужчин и женщин. И во дворе жизнь бьет ключом: между палатами и службами носятся прислужники, кареты и повозки приезжают-уезжают, на дверях грозная стража караулит.

А тут мы... под хмельком кривые, как кинжалы, что привозят с востока; качаемся, словно забытые в поле хлебные колосья. Лыка не вяжем и слегка помятые, ехали же в телеге. К слову сказать, дорогу ко дворцу начали мостить камнем. Стражники смотрели на нас — пьяненьких, хихикающих девиц — с недоумением и весельем. Пришлось взять себя в руки, дабы не опозориться, выпрямиться и принять вид, приличествующий родственницам первых лиц кланов, явившихся во дворец правителя.

Кибитку с нашей личной поклажей оставили во дворе с охраной, а каждую из нас подхватил под локоток представитель клана и повел к самому нарядному дворцовому крыльцу, указанному внушающим почтение, плечистым стражником медведем. Маран накинул красивый кружевной платок Глаше на голову, чтобы спрятать эту «красоту» до поры до времени. И получил от нее благодарный, обожающий взгляд.

Встретил нашу компанию на крыльце сам ата Роман. Разглядев нас внимательно, повел носом и, задорно посмеиваясь, повел, по его словам, в приемный зал, где мы будем ждать его светлость князя. На том хихоньки да хаханьки закончились, чему немало способствовали суровые взгляды незнакомых оборотней, которые быстро вернули мне ясность мыслей и твердый шаг. А уж когда мы остановились против высоких стрельчатых дверей, ожидая вызова, у меня в животе все в узел скрутило: а ну как не ко двору придусь, и погонят отсюда поганой метлой. Стараясь не привлекать к себе внимания, я поправила нарядный, ярко-зеленого, травяного, цвета сарафан с желтыми лютиками по подолу и на груди. Такого же цвета и шелковый плат — все же зеленый мне к лицу.

Двери перед нами раскрыли лисы — сами важные, в красных ливреях, получше, побогаче тех, что на постоялом дворе на прислуге видели. Мы прошли в зал, а та-ам... та-акое творится — о, милостивая Луна! — летят клочки по закоулочкам! Шерсть, клочья ткани, волосы, кровь, рык, визг... Из-за широких мужских спин толком не разобрать, но я изловчилась и в просвет между плечистыми фигурами спутников увидела драку. Ну прямо как на лесной поляне, несколько оборотней в человеческой и звериной ипостаси дубасят, дерут друг друга почем зря. А уж какой шум-гам устроили, не передать словами. Дворец называется! Я бы, может, обратно в дверь прошмыгнула и сбежала под шумок, но настоечка «для храбрости»

только подстегнула интерес.

Пришлось нагло втиснуться между мужчинами, чтобы, наконец, посмотреть, что там за ними еще делается. Быстро огляделась: довольно большой сводчатый зал, в котором десятка два оборотней или дерутся, или наблюдают за дракой. Сложно сказать почему, но в первую очередь меня заинтересовали трое наблюдающих.

Самой привлекательной оказалась красивая высокая кошка с необыкновенно яркими волосами, отливающими золотом и гречишным медом; с торчащими на макушке ушками, размерами подобными моим, если не больше, — мохнатыми, теплого золотистого цвета, с коричневыми пятнышками. Только мои остренькие и с кисточками. Кажется, ее зверь — сервал, только у них такие округлые ушки. Тоже редкость для здешних мест. И одета эта статная девица-красавица богато, по-городскому: не сарафан на ней, как на нас, свободного кроя, а синее тонкое шерстяное платье, слегка облегающее фигуру сверху и складками спускающееся к лодыжкам. И стеганая черная душегрея, расшитая бисером из самоцветов. Спутник ее — пожилой, солидный, седой волк в дорогушем бархатном кафтане и штанах — уже, кажется, привычно для меня, не скрывает серый мохнатый хвост. Ну не мотал бы им тогда из стороны в сторону.

Эта видная, наверняка из богатого клана пара застыла рядом с возвышением, где, молодой мужчина, вольготно рассевшийся на весьма большом стуле с высокой спинкой, наблюдал за потасовкой оборотней с надменным выражением лица и едва заметной ухмылкой в уголке рта. На нас он еще не обратил внимания, чем я воспользовалась, чтобы его тщательно рассмотреть. Вот он каков, жених мой, князь новоявленный и леопард всесильный. Я вглядывалась в обычное мужское лицо в обрамлении пшеничных волос, перемежающихся темными прядями: скуластое, с чуть впалыми щеками и тонкими, брезгливо поджатыми губами. Большие голубые глаза презрительно светятся, светлые брови сошлись на переносице. Не красавчик, хоть и довольно смазливый мужчина!

Князь поставил руку на подлокотник и уперся подбородком в кулак, как если бы рассчитывал на долгое зрелище, вытянул длинные крепкие ноги и скрестил в лодыжках, словно не на приеме, а у очага вечером отдыхает и греется. Молодой, крепкий, но не особо крупный леопард, каких тысячи на Фарне.

Даже не знаю почему, я немножко разочаровалась. Затем как-то тревожно на душе стало. Почему-то вспомнилась моя неумная радость, когда услышала новость, что привез в Волчий клык ата Роман. Чуть не

повесилась тогда от счастья, узнав, что смогу участвовать в этих смотринах. А сейчас... Может опять Витова настоечка сказывается? Ну ладно, поживем — увидим.

Зато в центре зала жизнь кипит, бьет ключом: шестеро оборотней дерутся и никто им не мешает, как говорится, на здоровьишко. Брат бы подобного у себя и во дворе не потерпел. А здесь, на виду у правителя, четверо мужчин полосуют когтями и клыками друг другу дорогую одежду и слегка измененные морды, рычат, как так и надо.

Не отстают от них и парочка обернувшихся кошек: нагулявшая жирка рысь тяжелоходит вокруг поджарой, хлесткой черной пумы. Обе, злобно оскалившись, угрожающе воют, и, выгнув спины, кружат, обмениваясь ударами когтистых лап по мордам. Слюна летит, мех, по полу разбросаны яркие дорогие одежды, видно сброшенные этими скандалистками при обороте — сплошное непотребство в княжеском дворце устроили. А может в своей звериной ярости никто из них не осознает, где находится и зачем?

Наконец, князь заметил нас, сел ровно и громко, властно объявил:

— Довольно! Только я могу решать, какой клан заслуживает большего, чем уже имеет! И уж конечно, чья дочь более всех достойна стать княгиней!

— Особенно, когда их будет несколько, — тихо добавил не участвовавший в драке волк, опекающий девицу сервала, проводив глазами покорно удалившихся мужчин и кошек.

Валиан Северный перевел на него холодный голубой взор, причем заметно давил, вынуждая пожилого волка склонить голову и прижать уши к макушке, а затем вернул свое внимание подданным:

— Добро пожаловать, уважаемые ата и лу из дальних краев!

Улыбнулся он исключительно нам, девицам, робко выглядывавшим из-за широких плеч сопровождающих. При этом пристально прошелся взглядом по каждой из нас. Мы продвинулись вперед, в центр зала, и начали представляться. Сперва выступил посланец гиен:

— Лу Глафира из Шварта! Клан прислал четыре подводы солонины и сушеной рыбы...

Закончить ему князь не дал, резко подался вперед и с горящим в глазах интересом, предвкушением, мурлыкнул:

— Так это вы, любезная моя, уже известная на весь Аверт, та самая главная княжеская невеста?

Глаша плавно, медленно оправила сарафан на крутых бедрах, картинно повела округлым плечом, привлекая внимание к высокой полной

грудь, и молча скромно кивнула. Ей Маран вчера строго-настрого наказал рот не открывать, пока не скажут. И умница Глаша, даже в подпитии, запрет не нарушила, почуяв, что это для ее же пользы!

— Открой личико, красавица, — в голосе князя, залюбовавшегося Глашиной фигурой, проступила хрипотца; глаза у него заметно потеплели.

Я кожей ощутила, как замерли все наши спутники, даже дышать перестали в ожидании. А Глаша, бесхитростная душа, нисколько в своей красоте не сомневаясь, даром что ли мы с Марийкой столько сил на нее потратили, сняла кружевную накидку и тряхнула блестящей белоснежной гривой, помогая волосам красиво лечь на плечи и спину. Сзади смотрелось прекрасно! Но будущий жених сидит впереди.

Сперва он засмотрелся на ослепительный водопад светлых волос, а потом разглядел Глашино лицо. Я краем глаза тоже видела и одиноко торчащий зуб, отчего якобы таинственная охмуряющая улыбка гиены была похожа на ехидный оскал. И красноватые глазки-буравчики. И... в общем, все разглядела, как и князь. Вон как левый глаз у него нехорошо задергался. Особенно когда Глафира не сдержалась и по-мужицки грубо хохотнула. Следом мы с Марийкой захихикали — крепкая, видно, настойка у Вита получилась. Тихо-тихо кругом, и мы ехидно хихикаем: я — дурная и Марийка — глупышка молоденькая.

Швартовский посланник, отметив, как князь в лице переменился, торопливо зачастил:

— Четыре телеги лучшей на севере солонины и рыбы сушеной, значит. Всем миром собирали, все, что смогли найти, отдали. После войны-то голодно, да подчистую и...

— Следующие! — оборвал князь гиену.

Вперед вышел насупленный паренек от клана шакалов, но сказал по-мужски твердо и четко:

— Лу Марийка из Призрачного хвоста. В придачу телега лучших тканей — шелка да шерсть тонкой работы.

Сама Марийка походила на сгорбленную тростиночку, испуганно жалась к парню, как ребенок к матери. И, наверное, только мне, лучше знакомой с этой отчаянной девчонкой, было известно, насколько это напояз.

— Платними! — строго, не допуская неповиновения, сказал ей Валиан, приняхавшись.

Маран, застывший рядом со мной, теперь словно и вовсе окаменел. Его надежда на то, что меня не будут разглядывать, таяла как снег по весне.

— Кроме несозревшей девчонки у вас, шакалов, больше совсем

женщин не осталось? — проревел князь, бешено взирая на Марийкиного сопровождающего.

— Светлый князь, война забрала много народу, — ровным голосом, без нытья и, не пробивая правителя на жалость, ответил тот. — И мужчин, и женщин!

Я прямо уважением прониклась к этому молодому, худощавому шакалу. За ним любая девчонка будет в безопасности, особенно когда заматереет. Кажется, и Валиан это понял и выглядеть против парня чудовищем перед всеми не захотел. Сразу успокоился и на нас посмотрел бесстрастно.

Маран тяжело вздохнул и, выступив вперед, произнес:

— Приветствую вас, ваша светлость Валиан Северный. Лу Савери из Волчьего клыка. И наша дань: золото и ковры.

— Насколько я слышал, ваша лу уже вышла из малолетства, — мрачно ответил князь. — Так почему же до сих пор носит плат?

Я внутренне усмехнулась, предвкушая ответ, но Маран заставил меня проглотить усмешку:

— По традициям нашего клана, лу снимает плат, только выйдя замуж!

Князь смерил злобным взглядом нашего волка, скривился в недоверчивой ухмылке, не обещающей ничего хорошего, и распорядился:

— У нас в Аверте иные традиции. И жен с мешками на головах мы не выбираем! Снимите его немедленно!

Я не стала ждать разрешения Марана и аккуратно сняла плат, тряхнув волосами и невольно пошевелив ушами.

— Хороша девица — медноволосая, ликом пригожа, — улыбнувшись, расслабился в кресле князь. — Говорят, к тому же и знахарка отменная.

От лестной похвалы, да из уст самого князя, еще совсем недавно я бы прыгала от счастья. Сегодня же ничего не ощутила, кроме раздражения. Словно не меня хвалили. А ведь так хочется, так нужно, просто необходимо радоваться встрече с будущим мужем. Без любви не родятся дети! И не бывает счастья! А я очень хочу быть просто счастливой...

Натянуто улыбнувшись, я поклонилась князю и, как вчера в трактире, отринула посторонние запахи и настроилась на один. На запах мужчины, который, возможно, станет моим мужем. Вдох, другой, третий — глубокий, изучающий, жадный, — чтобы добраться до сути своего каракала, разбудить ее, заинтересовать. Ничего не вышло! Обычный мужской запах у Валиана, как и сам его обладатель, ничем не примечательный.

Может самое важное не в запахе и внешности кроется? А в других достоинствах? Которые глубоко внутри князя таятся? Если я с первой

встречи их не разглядела, то может со временем раскроются?

И тут вперед выступил волк, который неосторожно напомнил всем о том, что жен у князя будет несколько. Жестом указал на свою подопечную — ушастую девицу сервала — и с гордостью сказал:

— Моя племянница лу Эльса из клана Серых охотников. Вы же знаете, князь, Серые — самый большой клан Аверта!

— Не знаю про клан, а уши точно большие! — за спиной внезапно раздался надменный женский голос. — Надо же, сразу две лопухие на смотрины пожаловали, эдакая сладкая парочка, а то, я думала, Эльса одна такая милашка на все княжество. Вот потеха: теперь, если кому душно станет, обе помашут ушами.

Оскорбляла нас обеих вернувшаяся в зал драчливая пума — вертлявая, чернявая девица в красном платье. За ней гордо вышагивала полноватая девица, та самая, не особо поворотливая рысь, и кривила губы в усмешке. Обе кошки остановились в паре шагов от нас и с вызовом уставились на сервала с нахваливавшим ее волком.

Пока я обдумывала достойный ответ, Эльса не осталась в долгу:

— У моего сервала, к твоему сведению, не только уши, но и мозги есть, и соображение. А твоя пума под стать размерам казны вашего клана — весьма и весьма скромная. Впрочем, как и твой умишко!

Похоже, умом пуму Луна точно обделила, наградив лишь скверным, драчливым нравом. Она злобно ощерилась, дальше все опять происходило, словно время замедлилось. Пума оборачивалась еще в прыжке, ее разорванное платье тряпьем оседало на пол. Прямо на меня неслась черная, приличных размеров разъяренная кошка. Крепкая настойка мешала быстро действовать, но я сообразила увернуться и присесть, а черная скандалистка пролетела над моей головой, сверкнув пушистым, более светлым брюхом.

Будто щелчок — и время вновь побежало, как положено, а пума-летяга, миновав меня, стрелой врезалась в рядом стоящую Эльсу, сбила ее с ног. В следующий момент по гладкому полу из дубовых кирпичиков покатались золотоволосая девица и пума. Черная кошка не давала сопернице времени и возможности сменить ипостась и успешно драла ее когтями и клыками.

Мужчины в женские потасовки обычно не вмешиваются, дабы не срамиться, а вот мне, тоже получившей по ушам от наглой пумы, никто не мешает. Поймав момент, я ловко наступила нахалке на длинный толстый черный хвост и про себя порадовалась ее возмущенному воплю: «Больно? А ты, дрянь, как хотела? Уши ей наши не нравятся, видите ли!»

Я уже изготовилась отражать нападение драчуни, присев и прижав

уши к макушке, но в этот момент на помощь неожиданно пришла Глаша:

— Ты на наших свою пасть не разевай, кошка драная! Вишь, забесилась тут! Не в кабаке чай.

Да взревела при этом так, что боевой пыл пумы мигом остудила. Мало того, остальные невольно пригнулись с испугу. Я сначала зажмурилась, а потом, сообразив, что кошкой драной не меня обозвали, выпрямилась, поведя плечами и, будучи под парами крепкой настойки, задорно подмигнула северной подруге. Сама Глаша выглядела при этом восхитительно залихватски: руки в боки, глаза горят, румянец на щеках — прямо на загляденье!

— Приветствую дорогих гостей от лица покорного слуги его светлости Валиана Северного... — время снова неожиданно приостановилось, изменив ход дела и общий настрой. На сильно прищептывающий, непривычно свистящий голос, словно громом поразивший, дружно обернулись все «дорогие гости». — С вашего позволения, князь, прошу любить и жаловать, Шан Гадючный к вашим услугам.

Из неприметной дверцы напротив главного входа, через который мы шли сюда, к князю направлялся — змей. По всей видимости, тот самый, не раз клятый мелкий гаденыш, как его в народе называют, а по жизни, оказывается, — Шан Гадючный. Вон оно как!

Я впервые в жизни живьем увидела жителя Желтой стороны. Невольно затаив дыхание, вытаращилась на него, разглядывая во все глаза. Если не считать хвоста, то невысокий, худощавый, какой-то изнеможенный, блеклый, невзрачный. Серые, зализанные волосенки, заплетенные в тонкую куцую косицу. Узкое бледное лицо с резкими скулами, высокий лоб, губы-ниточки, поверх которых выпирают тонкие клыки-иглы. Приплюснутый нос, карие, с красноватым отливом, широко поставленные круглые глаза с узким зрачком. Бе-е-е...

Этот, в общем-то, молодой змей, облаченный в молочный суконный кафтан до полу, богато украшенный золотым шитьем по высокому вороту и по обшлагам, и вдоль полочек, плавно двигался к князю. Нарядный гаденыш, но при этом худосочный, ничем не примечательный и, вправду говорят, слишком мелкий.

Гадский княжеский советник почти дополз до возвышения, но тут взглядом натолкнулся на Глафиру, все еще грозно взирающую на окружающих, уперевав внушительные кулаки в восхитительно круглые бока. Грудь ее, словно сама по себе, гневно, но зазывно подымалась-опускалась, выдавая боевой настрой.

И вот тут случилось нечто непредсказуемое: Глаша вдруг засветилась

лицом, все в ней будто зашло от упоения и восторга, даже рот влажно заблестел, неужто слюна капает!? Привлекавшая мужские взгляды грудь затрепетала, как будто у девицы дыхание перехватило.

Я ошарашено перевела взгляд на советника — может пропустила чего важного в нем?! И совсем растерялась: Гадючный настолько засмотрелся на Глафиру, едва не с сумасшедшим восторгом облизав ее глазами с ног до головы, да так, что споткнулся о возвышение, на котором стоит трон откровенно забавляющегося зрелищем нашего замешательства Валиана Северного.

Змей, с трудом удержав равновесие, сконфуженно улыбнулся... Глаше и почтительно встал за троном. А я дивилась еще больше, увидев под задравшимся подолом кафтана советника хвост в красном, длинном, толстой вязки чулке. Видимо, в нашей холодной Зеленой стороне хвост у гадюки подмерзает, вот он его и утеплит ярким чулком. Щеголь, однако!

— Вот, значит, какая главная князева невеста! — восхищенно, но в тоже время с грустным придыханием выдал иноземец Шан, заинтересованно разглядывая покрасневшую, смущенную Глашу.

У «жениха» же при этих словах задержались желваки и глаз. Он метнул убийственный взгляд на своего советника. Да только тот не внял, все его внимание было отдано одной девице.

«А ведь у них есть общие приметы, — неожиданно подумалось мне. — Оба белобрысые, с красными глазами, жутковатые, только гад худой и точнехонько мерзнет постоянно, вон и полукафтан на нем для тепла, и хвост в чулке, а наша гиена — девица пышная и горячая».

— Страсти божьи друг к дружке тянутся, — шепнула мне Марийка, дернув за рукав.

— Значит так! — вернул всех из-за облаков на землю князь. — Ждали только вашего прибытия, уважаемые лу. Отдыхайте и осматривайтесь до завтра. А потом начнем смотрины.

— Мы...

Не знаю, о чем хотел просить Маран, но его жестко оборвал Валиан:

— Здесь все девицы на время смотрин под моей надежной защитой. По сему сопровождающие могут ждать в городе моего решения, чья... чьи... женщины каких кланов войдут в мой... гарем. Сейчас невестам покажут покои и проводят. А мужчин, всех, прошу покинуть дворец!

Дальше в зал стремительно вошли слуги — с десятков лисов, которые ловко выводили девиц из толпы, предупреждая, что баулы заберут и принесут сами.

Маран меня напоследок успел предупредить:

— Мы будем ждать тебя на постоялом дворе, сколько надо! И караулить у дворцовых ворот каждый день. Как сможешь уйти, кликни «волчий клык» — и мы тут как тут, отвезем домой как миленькую. — Отметив мой мрачный, осуждающий взгляд, добавил: — Плат с тебя снять легко, но отсутствие запаха — твоя единственная защита. Не вздумай прекратить пить настойку, пожалеешь! Здесь вокруг одни... гады, слишком опасно!

Пока меня вели под белы ручки прочь, я растерянно оглядывалась на хмурого Марана. Как-то неожиданно страшно стало и грустно. Рядом с ним было покойно, хоть он все равно бы меня брату отдал — что ему мое право на счастье и семью. Но этот волк надежный как скала, правильный, без гнили в душе, сильный!

Глава 11

Во дворце мне досталась большая гостевая горница, почти как моя покоевая в Волчьем клыке. Здесь ее называли опочивальней. Только пустовато в ней. Большая кровать да лавка со столом, ну еще мои дорожные сундуки-баулы. Ни поставца, ни стульца. И перина моя гораздо пышнее и мягче, на гусином пуху, не то что дворцовая (соломенный матрас да тощая перинка из утиного и куриного пера). Невольно тоска-печаль взяла: тяжело все-таки расставаться с домом, где всю жизнь жила, где привычно, но и возвращаться в долину нет желания.

«Только вперед! В погоне за счастьем!» — шепнула я утру с улыбкой.

Спалось на удивление крепко и покойно: сказала и настойка, и прием у князя, и переживания перед смотрами. Свесив ноги с кровати, я потянулась и глубоко вздохнула, как всегда окунаясь в окружающие запахи и звуки. Жизнь за украшенным занавесками окном бурлила. Не знаю, где во дворце кухня, но запахи и в комнату доносились вкусные, даже в животе заурчало. И звуки были вполне обычные: блеяние овец, петушиный крик. Видно, где-то в дворцовых закромах своего часа мелкая живность дожидается перед отправкой в печь. Ржание лошадей, лай сторожевых собак, окрики стражников, где-то по соседству прислуга носится. Лишь я дрыхну, ой, нет, почиваю. Как-то непривычно, ведь дома мне приходилось вставать ни свет ни заря, а сегодня прямо поздняя пташка.

Неспешно умывшись, я тщательно привела себя в порядок. Расчесала длинные волосы до гладкого блестящего полотна, полюбовалась их насыщенным медным цветом, доставшимся от мамы, и подвязала расшитой лентой. Пригладила черный мех на ушках, чтобы не топорщился и чтобы кисточки были завлекательными, а не лохматыми. Пальцами провела по бровям, похлопала густыми, длинными, пушистыми ресницами. Слегка отдают рыжиной, но зато красиво осеняют большие зеленые глаза. Нежная кожа от природы мягкого золотистого цвета после хорошего отдыха и «наведения красоты» сияла. Синяков под глазами от походных неудобств как ни бывало. Только веснушки опять лезут после «зимней спячки».

Эх, не бывает без ложки дегтя.

Для хорошего настроения широко улыбнулась сама себе в зеркальце, показав клыки. А что такого? Это в Волчьем клыке за подобное проявление второй ипостаси старшие непременно отчитали бы, а здесь все разрешают себе гораздо больше. Даже непримиримый Маран. Даже во дворце под

носом у правителя. Интересно, как там мои волки, Вит. Ждут, небось...

Хвост ласково прильнул к коленям, словно успокаивая. Люблю я свой хвост за то, что радует глаз солнечно-рыжим цветом, мягким, пушистым мехом. Ой, кажется, он со мной согласился и высоко поднял подол ночной рубахи, мол, хватит рассиживаться, хозяйка, пора одеваться. Вон и наряд, с вечера приготовленный, ждет.

Еще вчера я решила надеть не сарафан, а рубаху с вышитыми рукавами и горловиной вместе с длинной юбкой в складку, очень красивого, насыщенного коричневого цвета. Подол тоже расшит зелеными листиками-веточками. Новые полусапожки, полученные в подарок при отъезде, очень даже кстати пришлись. Пару раз пристукнула о пол каблучками — в пору! — и, довольная собой, покрутилась налево-направо. Поправила ленту на голове. На всех, может, и не угодишь, но не хуже столичных лу. И еще подумала, что сегодня непременно случится что-то. Если не важное, то не обычное точно.

Когда я вчера вытаскивала наряды, чтобы за ночь отвиселись, потрогала сверток «для брата» с мужской одеждой, купленной по случаю. Поверх него лежала кепка, словно намекая на путь-дорогу. Я насмешливо хмыкнула, отмахнувшись от сомнительной мысли рукой.

«Да ну вас!» — шикнула сама себе и закусила губу, вспомнив, что настоечку против запаха надо принять, обновить защиту. А то вчера почувствовала, что пробивается уже аромат моего каракала — тоненький, мягкий, чуть сладковатый.

Хмыкнула презрительно, посмотрев на знахарскую корзину, сиротливо притулившуюся в уголке. Но, вспомнив, о чем предупреждал Маран, и свое первое суждение о князе Валиане, медленно подошла к корзине. Постояла, одолеваемая сомнениями, раздумывая, а потом, пообещав себе, что сегодня в последний раз прячу свою суть, быстро отпила противной настойки.

«Надо бы запасы обновить», — поболтав бутылочку с остатками настойки против запаха, неуверенно прошептала я. А потом, вспомнив о том, что себе обещала только что, поправилась: «Ладно, пригодится на всякий случай!»

В дверь постучали, отвлекая от насущных размышлений, и следом вошли две миленькие лисички прислужницы. Такое впечатление, что какой-то один лисий клан в княжеском дворце по хозяйству управляется. Поклонившись мне, справившись, как почивала и не надо ли чего, лисы быстро выставили на стол пышный аппетитный омлет, пирожки, вареное мясо, масло и мед. Венцом сей красоты стал кувшин с взваром из сушеных груш, яблок и ягод. Хорошо у князя гостей кормят!

— Лу, поторапливайтесь с завтраком, пожалуйста. Всех девиц его светлость собирают в новой палате. Как покушаете, выходите в коридор, вас проводят, — предупредила одна из прислужниц.

Поклонившись, лисы вышли из опочивальни. Я снова разволновалась, но съела все, что принесли. Ведь вчера, вместо ужина, улеглась спать.

В коридоре я встретила Глашу и Марийку, которая наверняка поджидала нас двоих. Ну и хорошо, вдвоем не так страшно; и чувствовали мы себя сплоченной командой, поэтому гораздо увереннее направились за провожатой — очередной лисицей. Марийка сегодня тоже без плата, но в отличие от меня, оставившей волосы распущенными, заплела косу.

— Вот бы вчерашний красавчик тоже пришел, — робко и тихо, но с затаенной надеждой неожиданно пожелала Глафира.

— Тебе князь очень понравился, да? — с хитренькой улыбкой спросила Марийка, на самом деле догадавшись, кого хочет видеть гиена.

Забыла, что на ее открытом хорошеньком личике теперь все написано.

— Причем тут князь? — подтвердила наши догадки Глаша.

— А какого еще красавчика ты мечтаешь увидеть? — поддела ее Марийка.

Я же в недоумении оглядывалась: что-то грязно вокруг, полы в пыли, затоптанные, словно здесь никогда и не убирались.

— Спору нет, князь пригожий, да...

Признаться, кто краше Валиана, Глаша не успела. Нас привели к высоким резным дверям, около которых собралось десятка три нарядных девиц. Они смерили каждую из нас пристальным, изучающим взглядом. Некоторые высокомерно хмыкнули, увидев Глашу, кое-кто презрительно хихикнул, кто-то скривился. Эльса — сервал из волчьего клана, — которой мы вчера помогали справиться с разъяренной пумой, коротко нам троим кивнула, более ничем не выделяясь из стаи невест.

От «разношерстной» компании невест глаза разбегались. Кого здесь только не было! Серебристые песцы — заносчивые девицы, распустившие густые волосы по плечам в светлых мехах. Кошки из крупных напоказ проверяли остроту своих «коготочков», презрительно дергая ушами. Пара медведиц — весьма и весьма крупных, статных девиц, — сложив руки на груди, снисходительно мерили взглядом соперниц. Волчицы, наряженные по столичному броско, неосознанно крутились, проверяя, нет ли кого за спиной.

Трое шакалов ехидно посматривали на соперниц из угла. Эти явно спелись, как мы с Марийкой и Глашей. Одеты поскромнее, чем остальные, но во взгляде сквозит превосходство над всеми.

Девушка оцелот сразила. Наверное, так и должна выглядеть княгиня. С гордой, прямой осанкой и в невиданной красоты плотном шелковом платье, словно стекающем по ее стройному телу к ногам. С монистами из драгоценных камней на стройной белой шее. Это вам не мои немудреные украшения из кожаных шнурков с цветными стеклянными и деревянными бусинами.

Достаточно приметными были три гиены: смазливые, молоденькие, едва плат сняли, но цену себе знают. И по глазам видно, что решили выбить себе самое теплое место под солнцем. На Глашу они первыми посмотрели с презрением и неприязнью.

Наконец двери раскрылись; вся наша разномастная и разноцветная толпа ринулась в зал, словно кто первой туда попадет — той сразу княгиней быть. Одной из нескольких!

А вот я осознала, да не просто поняла, а прочувствовала, что здесь отнюдь не самая красивая, сильная, одаренная. В общем, серединка-наполовинку. Значит, вряд ли запросто попаду в любимые жены князя. И главное, даже если такое чудо случится, любимой жене придется делить его с другими женами — особами отнюдь не робкого десятка, жадными до власти, удовольствия и много чего еще.

Не удержав сжавших сердце мыслей, я выдохнула:

— Вот дурна-ая...

— Ты? — неожиданно слева раздался голос сервала. Я повернулась и получила от нее «по заслугам»: — Разве кто-то в этом сомневался? Насколько я слышала, каракалы особым умом никогда не славились...

— Да-а? А я слышала, что сервалы не только умом не блещут, но еще и трусливые, к тому же, — за словом в карман для Эльсы я не полезла.

Она тряхнула золотоволосой головой и язвительно заявила:

— Всегда бывают исключения из правил. Но это не про тебя.

Я уже развернулась, чтобы, невиданное для меня дело, расцарапать лицо наглой паршивке, но тут раздался громкий, властный голос князя:

— Доброе утро, красавицы! Мне несказанно повезло встречать здесь, в новой палате, лучших из лучших девиц Северного княжества.

— Особенно главную княжескую невесту! — не удержалась от ядовитого замечания склочница черная пума.

И поскольку князь замолчал, ее услышали все.

Валиан вперился в шутницу таким взглядом, что следом мы услышали, как она громко сглотнула, словно поперхнувшись собственным ядом. Я опять во все глаза смотрела на мужчину, предполагаемого мужа, будущего обладателя целого гарема. Снова пыталась отыскать в нем что-то такое, что

изменит мое первое впечатление о нем, затронет моего зверя. К сожалению, ничего! Пока ничего — поспешила я утешиться.

Князь тем временем вернул себе некстати утраченное благодушие и расположение:

— Собралось тридцать две девицы. Любая из вас наделена многими достоинствами: кто-то красотой, а некоторые ценным даром. Я уделю время каждой из вас, чтобы найти самых-самых достойных, способных разделить бремя моей власти и... богатства.

На этом большинство невест воодушевились; правда, нашлись и такие, которые недовольно поджали губы. Меня, если честно, тоже озадачила речь князя. А как же любовь? Счастье? Почему о них речь не идет? От разочарования я прогулялась глазами по палате, или залу, как здесь называют. И дивилась все сильнее.

Вокруг голые стены, грязные окна, затоптанные пыльные полы, обратив внимание на которые, я приподняла подол юбки, чтобы не испачкать. Кое-какая утварь имеется: лавки, сундуки, столы, стульча — но все такое, словно только занесли сюда, как в новый дом, и как зря поставили. Брат бы прибил за подобную грязь у себя дома. А князь здесь гостей принимает, да еще невест. Похоже, ему во дворце срочно нужна хозяйка!

Заросший в грязи хозяин меж тем продолжил:

— Начнем смотрины, уважаемые лу. Первым туром станет... — мы все затаили дыхание, гадая, что же нас ждет. — Как видите, дворец расширяют, эту палату, вернее, правое крыло уже завершили. Так вот, первым вашим заданием будет — навести здесь порядок!

Словно гром среди ясного неба грянул!

— Разве мы в прислуги наниматься пришли?! — возопила оцелот. — Это позор! С какой стати дочь и наследница главы Мягких лап будет елозить тряпкой...

Ей возмущенно вторила большая часть невест.

— Если я, пресветлый князь Валиан Северный, прикажу, будете своим меховым брюхом мыть! — холодно, яростно сверкая голубыми глазами, пригрозил правитель.

А мы с Марийкой переглянулись. И пусть эта девчонка младше меня на несколько лет, но ума ей не занимать. Обеим без слов понятно, что князь наш вспыльчивый, гневливый и, похоже, не прощает даже малейших ошибок.

— Уважаемые лу, — обратился к нам представительный старый лис в дорогой ливрее, — здесь вы можете взять все, что потребно для уборки.

Выбирайте любую работу, не стесняйтесь. Любезные будущие хозяйюшки, с вами будут помощники, которые с удовольствием оценят вашу сноровку.

— ...позор...

— ...какое бесчинство...

— ...чтобы я, знатная волчица, своими руками убиралась ...

Вокруг ярились, шипели «любезные хозяйюшки», боязливо косясь на князя, который вальяжно уселся на обитый красным бархатом стул, приготовившись наблюдать за нами. Откуда ни возьмись, появились и разошлись по залу помощники в хороших кафтанах. Наемники, наверное, а может еще какие-то придворные. По всему видно, что помогать они будут князю — следить за невестами.

Последним явился и присоединился к Валиану змей-щеголь Шан Гадючный. Сегодня на нем бледно-голубой кафтан и того же цвета чулок, я специально заглянула. Глаша, завидев его, так и засветилась внутренним светом и первой ринулась за ведром и тряпкой. Даже про передники, которые на стол для нас сложили, забыла.

Мы с Марийкой последовали за ней. Не знаю, о чем думала Марийка, я решила, что чем быстрее начнем, тем скорее закончим. А у самой внутри поднималось глухое раздражение и разочарование. Зачем было из Волчьего клыка уезжать, если здесь то же, что и там: уборка, хозяин, не умеющий и не желающий сдерживать свой нрав и, наверняка, желающий гораздо больше, чем заслуживает.

Я начала мыть окно. Подальше от князя с его гадским советником и парочки приспешников волков: все четверо с нескрываемым весельем, с интересом наблюдали за девицами. Меня тоже затащило любопытство, а через какое-то время я даже увлеклась. И вот отчего.

Некоторые «хозяйюшки» лишь делали вид, что делом заняты, — бестолково махали тряпками по одному и тому же месту. Затем, когда это малоприятное занятие их быстро утомило, начали заинтересованно поглядывать на надсмотрщиков, мужчин далеко не завалящих и не только от скуки представляющих интерес.

Домыв окно, я замешкалась, прополаскивая тряпку, и отметила: часть девиц начала заигрывать с помощниками, соблазнительно виляя округлыми бедрами, картинно нагибаясь, поправляя одежду, призывно посматривая и вздыхая. В общем, от скуки и лени невесты ударились в иную крайность — развлекались, привлекая мужчин, сообразно способностям и воспитанию.

А князь с гадским советником и волками-приспешниками за ними наблюдали!

Переходя к следующему окну, ближе к переходу в другой зал,

поменьше, я заметила, что одна из девиц нашла под лавкой блестящее украшение. Воровато глянув на помощника, не видит ли, она ловко сцапала ценную находку, сунула за пазуху и с внезапно открывшимся рвением кинулась вытирать пыль дальше. Мысленно хмыкнув, я отвернулась, но заметила косой, насмешливый взгляд тайного наблюдателя, который, оказывается, только притворялся, что не обращает на девицу внимания. Неужели ей спустят воровство? Или позже недостойный поступок откроется? Или...

В этот момент закричала волчица, вернее завопила как резаная, что-то судорожно стряхивая с себя, и носилась при этом как ужаленная:

— Паук! Ай-ай-ай, прочь, прочь с меня! Гад!

Когда бедняжку поймали и сняли маленького безобидного паучка, та мелко тряслась со страху и рыдала взахлеб, утираясь грязной тряпкой. Странно, какая-то трусливая девица нашлась среди кусаче-когтистых претенденток на руку князя.

Дальше мы с Марийкой, не отходившей от меня, отметили очередную неожиданность. Одна из хозяйшек нашла в сундуке, одиноко стоявшем в уголке, гривну нашейну. Покрутила в руках, разглядывая, — а потом безмолвно рухнула на пол, ровнехонько, как и стояла. Я было привычно кинулась к ней на помощь, но дорогу заступил помощник, околавивавшийся возле нас с Марийкой, и запретил вмешиваться. Обморочную девицу-красавицу быстро унесли, а до меня и, наверное, остальных сразу дошло, что не все так просто в этом, казалось бы, немудреном задании.

Лишь Глашу перипетии с невестами не заботили. Знай себе упорно подбиралась ближе к «вчерашнему красавчику». Она так косилась на советника и так старательно наяривала пол перед красным княжеским стулом, что, кажется, позабыла, зачем она здесь и просмотрела главное: Валиана! Глаша, девица сильная, настолько увлеклась, что, как ни в чем ни бывало, словно утварь какую, подняла княжеские ноги повыше, вымыла под ними, поставила на место и продолжила прибираться дальше.

Князь наблюдал за ней с непередаваемым выражением лица. Сначала пришел в замешательство, затем гневаться изволил. А дальше, на Глашину удачу, поняв, что она даже не заметила, что сотворила, и «чистосердечно» терла полы дальше, елозя на коленях, в конце концов, кривовато улыбнулся. Уф-ф-ф! Я переживала за нашу гиену. Валиан, видно, оценил чересчур старательную невесту или счел недостойным правителя на глупую девку злиться. А роскошный Глашин зад помог княжеский гнев и обиду охолонуть.

Мы с Марийкой, проследив княжеский взгляд, едва не прыснули со смеху: не дай Луна, услышит!

Наконец, к обеду над нами сжалились! А может, Валиану самому надоело штаны протирать! Махнул рукой, и лис-распорядитель приказал:

— Уважаемые лу, просим вас оставить дела и встать рядом. Князь огласит результаты первого тура.

Невесты дружно избавились от передников, побросали тряпки и поспешили занять лучшие места. Наша троица встала ближе к замыкающим. И на этот раз я оказалась рядом с Эльсой, она стояла справа и мерила меня загадочным взглядом. Но как только князь легко, по-кошачьи мягко сошел с возвышения и направился в начало ряда, Эльса тут же обратила жадный взгляд к нему.

Мы дружно затаили дыхание, когда наш общий жених остановился напротив первой невесты. Остальные подались вперед, чтобы лучше видеть, что же будет происходить. Особо любопытные чуть не в пояс склонились. А князь внимательно посмотрел на самую шуструю девицу, наклонился к ней ближе и вдохнул. Да, хитро князь придумал! Кто бы сомневался, что запах у каждой из нас сейчас яркий и густой. Малейшие оттенки проявились — нюхай не хочу. Неужели только для этого уборку устроили? Дальше Валиан по очереди обнюхивал каждую желающую хозяйничать во дворце.

Наконец, очередь дошла до меня. Мы с князем уставились друг другу в глаза. Не знаю как он, а я внимательно вглядывалась в его голубые глаза, хотела докопаться до сути. Смотрели, смотрели, потом оба жадно вдохнули. Валиан потянул носом другой раз, смерил меня непонятым взглядом, сощурился, а потом ухмыльнулся едва заметно и шагнул к Марийке. Я еще какое-то время «раскладывала по полочкам» его запах: мужской, насыщенный, приятный кошачий дух, но не более. Не зацепил! Как же так? Ведь сейчас я совершенно трезвая! Прикрыв глаза, представила себе лик князя, пытаюсь отыскать в нем... даже толком не определилась что. Обычное мужское лицо. Расстроено вздохнула и краем глаза заметила поникшую, опечаленную Эльсу, хмуро смотревшую в пол, поджав губы.

— Мои дорогие красавицы! Я сейчас подведу итоги первого тура смотрин, который придумал наш многоуважаемый советник Шан Гадючный.

Девушки злобно зафырчали, но ни слова не произнесли, надеясь на везение.

— Я понимаю, что княгине не обязательно самой прибираться в доме. Это не главное! Задание помогло нам разом выявить ваши достоинства и

недостатки, — торжественно, но с прохладцей начал раскрывать секреты Валиан Северный. — Например: готова ли будущая жена князя смирять себя и слушаться мужа. Как показала уборка, занятие весьма обыденное, но тоже важное, не все готовы и умеют ставить свое суждение ниже супружеского. Итак, первой... — все затаили дыхание, а князь, помолчав для значительности, не без ехидства продолжил, — покинет смотрины лу Дарья из Мягких лап. Сия девица не умеет слушать, не готова покориться мужу, ленива до безобразия и высокомерна до крайности! Нам такие не надобны!

Тишина повисла оглушающая, тяжелая, хоть ножом режь. Мне показалось, рты раскрылись у всех «хозяйюшек» разом. Вперед вышла дрожащая от гнева и обиды, разряженная кошка оцелот. Ее быстро проводили из зала. Остальные замерли в ужасе, ожидая расправы.

— Лу Танира, лу Милиса, — спокойно, равнодушно назвал князь имена следующих «ненадобных». К ним тут же подошел распорядитель и под возмущенный визг залез каждой за пазуху, по-видимому, за украденным. Князь язвительно, назидательно пояснял: — Эти, так называемые невесты, воспользовались нашим гостеприимством и обокрали! Такие жены легко полдворца вынесут, что уж говорить про благополучие княжества.

Его поддержал распорядитель:

— При других обстоятельствах их бы судили по закону. Но его светлость дал слово кланам, что здесь вам ничего не грозит, пока длятся смотрины. Хвалите милостивую Луну!

Шан Гадючный спокойно взирал на происходящее. Его задумка, похоже, удалась. А меня такое положение дел расстроило и напугало. Этот змей — провидец чешуйчатый нашелся! — судя по насмешке, мерцавшей в жутких глазах, наслаждался падением, принародным унижением девиц Зеленой стороны.

Князь продолжал выкликать оплошавших девиц одну за другой, а то и по несколько. Выгнал «трусливую девицу», испугавшуюся паучка. Помянул несчастную, которую унесли после странного обморока; она, оказывается, нашла амулет и вместо того, чтобы позвать на помощь, по глупости и неосмотрительности взяла в руки, как если бы и впрямь понимала, от каких он напастей.

«А все просто: амулет невест от князя спасает», — ну, это я так мысленно пошутила.

За леность выгнали не меньше трех девиц. К ним не дрогнувшей рукой отправили тех, что соблазняли надсмотрщиков. Еще и картинно

подивились, как подобные вертихвостки смогли невинность сохранить, раз щедро раздавали авансы каждому встречному в штанах. Князь не стеснялся поливать ядом каждую «обольстительницу», закончив тем, что неверность женщины — страшнейший грех, опасный порок и прочая, ведь также легко она может изменить не только мужу, но и всему княжеству.

Наконец главный поборник нравов в Северном уперся взглядом в Глашу и мрачно выдал:

— Еще я бы хотел расстаться с чересчур усердными, больше скажу, девицами не... — за спиной у князя закашлялся советник Гадючный, или гадючный советник, если судить по злополучному туру. Услышав кашель, князь поморщился, словно от зубной боли, и закруглился: — Но пока не буду. Уверен, вы постараетесь показать свои умственные способности завтра.

— А какой конкурс будет завтра, ваша светлость? — почтительно спросила знакомая пума.

— Я же сказал, на ум и сообразительность, — недовольно ответил князь.

— Которого у вас, лу Мидари, нет и никогда не было. Собирай свои вещички заранее, — не промолчала Эльса.

— Змея подколотная, — зашипела разъяренная пума.

— От чешуйчатой слышу! — вернула Эльса, подбоченившись.

Лу Мидари рванула клыком по ладони, пуская себе кровь, и одним прыжком подскочив к сервалу, припечатала той по лбу, оставив кровавый след со словами:

— Быть тебе змеей без запаха, лопаухая выскочка!

Эльса, выпучив глаза, свела их к переносице, затем медленно провела по лбу пальцами и, убедившись в том, что на них чужая кровь, по-кошачьи зашипела, наступая на пуму.

— Молча-ать! — заорал князь. Как и вчера, у него левый глаз нервно задергался. — Стоять!

Я мысленно ехидно хихикнула: «Если он сейчас «стаю» женщин с таким трудом переносит, что дальше будет? Да еще с женами. Их-то не выставишь из дому прочь. Хотя, кто знает этих пришлых со змеями в советчиках.

— Эта недокошка с даром проклятийницы! Она меня запаха лишила! — как обманутая торговка на базаре вопила Эльса. Всклипнула и взвыла в отчаянии: — А вы обеща-али нас защищать!

Валиан, тяжело ступая, сейчас в нем ничего не осталось от кошачьей плавности и мягкости, подошел к обеим и посмотрел на Мидари таким

взглядом, будто уже мысленно убил и сдирает шкуру:

— Невеста, которая скрывает от нас дар проклятийника, не заслуживает доверия. И не может продолжать участие в смотринах!

Я с ним полностью согласилась. Известно, что проклятийники не одаренные, а проклятые. Несдержанные, вспыльчивые, их темная суть так и рвется наружу оскорбить, осквернить, заляпать нечистотами любого. Каждое слово, брошенное в сердцах, может стать роковым проклятием. Такая женщина в гареме не приживется, а вернее, в скором времени весь гарем изведет. Да и супруг с такой женой мучился бы вечным несварением или в страхе жил, опасаясь, не проклянет ли благоверная мимоходом, если не угодит чем.

— У меня слабенький дар, проклятия хватит лишь на неделю... — оправдывалась Мидари. Ну точно опасная «одаренная», потому что еще и ума нет.

Мы осуждающе воззрились на нее, проявив невиданное прежде единодушие. Ведь вероломно лишив Эльсу запаха, Мидари урезала ее шансы на успех в смотринах. Одно дело пошипеть друг на друга, поцапаться еще куда ни шло, а другое — к темной силе обращаться.

— Увести! — приказал князь, осмотрительно вернувшись на возвышение. Проводив взглядом рыдающую Мидари, вымученно улыбнулся нам, и попрощался: — Вас осталось двенадцать. Дюжина — прекрасное число, и не менее прекрасные девушки остались на следующий тур. Сегодня отдохните от трудов, завтра будет нелегкий день, но, очень надеюсь, — вкусный и не менее занимательный.

За сим князь покинул зал, а оставшиеся участницы смотрин гуськом потянулись к дверям. Пока я шла в свою горницу-опочивальню, разглядывала проходивших мимо придворных, прислужников и с тревогой раздумывала: зачем я здесь? Нужно ли мне это место?

Глава 12

Огромное поле, щедро залитое ярким, слепящим глаза солнцем, заставляющим жмуриться, и невероятное чувство свободы и покоя. Мягкая, нагретая земля и высокая трава, щекочущая босые ноги, — какое же это приятное ощущение единения с природой, наслаждения летним днем. Словно сливаешься со всем миром. Я мягко ступаю, приподняв подол светлого легкого сарафана, чтобы не мешался под ногами и не цеплялся за репейник, и касаюсь верхушек разнотравья. Так хорошо, беззаботно и радостно, как в детстве.

Шаг — и я оказалась в зарослях аррайи. Белоснежные цветы буквально впитывают лучи солнца и исходят неповторимо насыщенным ароматом. Я замерла в центре дивного цветника. Мой белый сарафан сливается с белизной благоуханных цветочных лепестков. Плотные, сочные, ярко-зеленые листья касаются ног. Бескрайнее голубое небо над головой, почти обжигающее кожу солнце и ласковая прохлада листьев — невообразимое сочетание.

Я зачем-то сорвала цветок и растерла его лепестки. В нос ударил стократ усилившийся запах, шепчущий о свободе, проникающий в самую суть, буквально оглушающий чувства. Аромат горячего южного солнца, раскаленного песка и смятых лепестков ядовитой аррайи — вся эта смесь отдавала волнующей горчинкой и будоражила мой нос, мои чувства и моего зверя...

Лениво, неохотно приоткрыв глаза, я зажмурилась от утреннего солнышка, во всю светившего в окна моей опочивальни в княжеском дворце. И никакого поля! Правда, запах лета и аррайи витал в воздухе, невольно заставляя принюхиваться в поиске неведомого источника. Тряхнув головой, освобождаясь ото сна, я в полном недоумении уставилась на мохнатые рыжеватые лапы. Подняла одну, потом вторую, потерла нос, затем и вовсе села. Пробежав взглядом по короткому, но вполне красивому и любимому собственному хвосту, я мысленно признала: «Дожилась!»

Неосознанная смена ипостаси во сне бывает только у малолеток в период созревания. А тут у припозднившейся девицы двадцати трех лет отроду случилась. «Не-ет, срочно пора замуж!» — напрашивалось само собой.

Потом, не изменяя своей утренней привычке, сладко потянулась кошачьим телом, правда перед этим раздраженно выбралась из пут ночной

рубашки. Затем легко спрыгнула на пол, побегала туда-сюда, с удовольствием ощущая своего зверя. И все, пора менять ипостась и умываться, чай, не на воле.

Разглядывая свое отражение в зеркале, я хмурилась: княжеские смотрины и бабья возня, по-другому не скажешь, раздражали; тем более, уже поняла, что Валиан не мой оборотень. А соперничать с другими женами за любовь мужа — так и хочется сказать собственного, но этого не предвидится, — точно не хочу. И не смогу! Эх, чего греха таить, сглупила не столько по незнанию, сколько по наивности, вот и расплачиваюсь. Но, как ни крути, ехать на смотрины все равно бы пришлось. Может уйти отсюда? Как-нибудь?

Зеленые глаза в зеркале смотрели все печальнее, уши прижались к макушке, без слов отражая мое тревожное состояние. Тяжелые раздумья прервали знакомые лисички прислужницы. Они с приветливыми улыбками пожелали доброго утра и сноровисто накрыли на стол. Затем, кажется уже привычно, попросили поторопиться: князь Валиан желает объявить невестам условия нового тура.

Вскоре мы с Глашей и Марийкой спешили за шустрой рыжехвостой проводницей, петляя по коридорам и лестницам. Помня о вчерашней уборке, сегодня все трое оделись попроще. И не прогадали: наш путь лежал во двор, а потом и вовсе — в погреб.

Эльса вновь оказалась рядом и не сдержала ехидства:

— А князь-то наш еще тот затейник!

Марийка хмыкнула согласно, но быстренько вернула себе вид забитой, не слишком умной девочки-ромашки.

А вот Глаша взглядом металась по лицам княжеской свиты в поисках своего обожаемого Шана Гадючного. Она уже раз пять спросила придворных и прислугу, будет ли советник на оглашении тура. Бедняжка последний ум растеряла. Это ж надо было додуматься — влюбиться в чешуйчатого?! Бр-р-р...

Вместе с другими девушками я слегка ошарашенно крутила головой, разглядывая каменные стены, огромные деревянные лари со съестными запасами. Остро пахло землей, овощами, немного — гнилым луком, чуточку — мышами. В этом подвале, уходившем в скалу, было холодно и сумрачно. Света масляных ламп, наверняка расставленных для сегодняшнего приема в большом количестве, все равно не хватало.

Наконец нас почтил своим присутствием князь. Вальяжной походкой прошел мимо рядом выстроившихся невест, улыбаясь каждой, и одновременно весьма недовольный чем-то. Возле Глаши он сбился с шага,

а веко нервно дрогнуло.

Пригладив ворс на черном плюшевом кафтане, наш жених, блеснув клыками, начал:

— Приветствую вас, дорогие невесты, сегодня прекрасное утро! Желаю вам замечательного солнечного дня и вкусного вечера. — После такого пожелания мы замерли и напряглись в ожидании очередной большой подставы. От этого леопарда можно любой гадости ждать. — Теперь перейдем к сути следующего тура. Вы знаете, что будущая княгиня, как и супруга главы клана, должна обладать многими умениями. А не только достоинствами, которые мы вчера у вас выявляли. Сегодня будем выяснять, кто из вас самая рачительная хозяйка. Кто сможет наилучшим образом распорядиться княжеской казной, сберечь ее для более важных нужд и притом в должной мере позаботиться о своих подданных и гостях. Итак, сейчас каждой из вас выдадут пять серебрушек. На эти деньги вы должны накрыть стол для праздничного ужина на двадцать персон — гостей весьма уважаемых и солидных. Из дворцовых запасов в вашем распоряжении все, что находится в этом погребе.

— Да как же так?.. — потрясенно возопила статная чернявая волчица. — На пять серебрушек на двоих-то впритык, а двадцать гостей... Это невозможно.

— Если будущая княгиня не только говорливостью отличается, но и умом, и сообразительностью, то все возможно. А мы проверим! — отрезал князь.

— Вчера по локоть в грязи, а сегодня...

Возмущенный девичий гул оборвал рык обозленного леопарда:

— Свои успехи покажете на закате, за ужином! — Кажется, князь немного успокоился, потому что продолжил ровнее и с ехидцей: — Времени у вас не так уж много осталось. Сегодня вы покажете, чего стоите как хозяйки. Проявите выдумку и навыки. А дальше, после того как выполните первое задание, вам останется только рассадить гостей за ужином — мужей и дам разного возраста, положения и вкусов, — чтобы угодить всем.

Сразу после князя выступил неизменный лис-распорядитель:

— Хозяюшки, это будет честное, открытое состязание! Каждая из вас постарается сотворить настоящее волшебство — вкусный стол для двадцати своих гостей. Покажете, кто из вас искусница, каких поискать. Кто умеет угодить гостям, не уронив ни своего, ни их статуса и чести рода.

— Похоже, сегодня я с вами попрощаюсь, — якобы расстроено прощбетала Марийка, притом, что ее буквально распирало от радости, и

глаза у этой хитрюшки маленькой загорелись.

А вот я поймала себя на том, что испытываю небывалый азарт. Ведь на самом деле интересное задание — выяснить, способна ли я на что-то большее, чем другие. Эх, решено, сегодня еще побуду в невестах, а завтра придумаю, как «проиграть» смотрины.

Стоило Валиану Северному махнуть рукой, давая понять, что время не ждет, пора начинать, я вместе с остальными девицами рванула обыскивать погреб. И сразу поняла, что, как и вчера, к каждой из нас приставлена пара надсмотрщиков, которые представились помощниками и носильщиками.

* * *

Городская суета сбивала с толку; слишком тесно, шумно, многолюдно в столице. Аверт в разы превосходит Волчий клык не только размерами, но и количеством народа, это особенно остро чувствовалось. И тем не менее, было интересно глазеть по сторонам без платы, а попутно решать весьма непростую задачу: как накормить двадцать знатных персон за пять серебряшек.

Час назад я нахватала в погребе всего, что успела: немного сушеных ягод, яблок и грибов; судок квашеной капусты, овощей, кучку полусгнившего лука и репу. В общем, не густо у меня с бесплатными запасами. Куда как лучше оказался выбор в торговых рядах, где я жадно вдыхала ароматы, от которых слюной исходила не только я, но и два моих сопровождающих.

Мы время от времени сглатывали слюну, засматриваясь на свисающие с крючьев копченые окорока с чудным пряным запахом, у каждого хозяина или хозяйки своим, секретным и трепетно хранимым. Горки маслянистой белорыбицы и рыбки подешевле благоухали дымом плодовых деревьев и ольхи. Исходившая кисловатым запахом, хрустящая белая капуста радовала глаз и обоняние. Моченые яблоки напоминали о лете, и я не удержалась: съела одно. Зеленые огурчики из дубовых бочонков, отдававшие чесночком, смородиновым листом, хреном и укропом так и просились отведать.

В хлебном ряду я старалась и вовсе не дышать, проходя мимо лотков с пшеничными и ржаными караваем и пирогами. Особенно пирогами! С какой только начинкой их не было: мясной, рыбной, маковой, капустной... Я хорошо позавтракала, но такой взрыв ароматов для чувствительного носа любого оборотня — суровая проверка выдержки, тем более, когда никак не

можешь определиться с главным блюдом. Ведь на пять серебрушек мяса много не купишь. Если на десять персон еще можно по небольшому куску зажарить, то остальным исключительно квашеной капустой придется довольствоваться. Или гнилым луком!

Я прошла глазами по ровным рядам разного, умопомрачительно привлекательного парного мяса. Ум-м-м... Видит око, да зуб неймет! Взгляд сам собой остановился на мяснике, который разделывал тушу небольшого кабанчика. Собственно, от этого поросеночка остались голова да шкура с приличным слоем сала. «Вот оно!» — меня словно озарила мысль о главном блюде, и я рванула к заветному лотку.

— Уважаемый, ата, подождите! — окликнула я мясника, собиравшегося отделить голову от свиной шкуры, на которую положила глаз. — Сколько будут стоять эти остатки бывшего пиршества?

Обнаженный по пояс волк в плотных штанах и кожаном фартуке дернул серым мохнатым ухом, оглядев меня и двух охранников. Угу, смекнул, небось, торговый проныра, что беднота в сопровождении охранников не ходит. А у меня ведь смотрины! Задание!

— Пять серебрушек. — Мясник решил-таки поживиться за мой счет.

— Да вы что, ата, побойтесь Луну, такие деньги за дырявую скобленную шкуру? — картинно ахнула я. Вцепилась в обожженную сторону шкуры, чтобы руки салом не испачкать, потянула ее на себя. — Да еще с запашком...

— Брехня! — взвился волк, пытаясь выдернуть товар из моих рук. — Кабанчик еще утром хрюкал, видишь разделываю.

— Да она какая-то синяя. Ваш кабан, видать, своей смертью умер, а вы — «хрюкал», — продолжала я торговаться и тянуть на себя шкуру.

«Помощники», стоявшие позади меня, откровенно веселись, но не вмешивались. Ясен пень, полдня таскались за мной по рынку в поисках чего подешевле, мучаясь от голода и скуки, а тут хоть какое-то развлечение.

— А если она синяя, то зачем эта шкура тебе самой нужна? — обиженно взвыл мясник.

— Гостей накормить, — буркнула я.

— Шкурой кабана? — опешил он.

— Какие гости, такая и кормежка, — мрачно усмехнулась я. А потом, вспомнив о том, что в невестах у князя, поправилась: — Я из вашегодохлого кабана мыло сварить хочу.

И, воспользовавшись замешательством мясника, наконец завладела шкурой и головой кабана целиком, чуть не рухнув под ее тяжестью.

— Три! — рявкнул мясник, снизив цену.

— Как вы можете обирать бедную, одинокую...

Наш торг привлекал все больше внимания. Вокруг, как всегда, собирался любопытствующий народ.

— Какая — одинокая? — возмутился ущемленный торговец. — Знамо дело: бедные с охраной не расхаживают!

— Да что б вы знали, любезный, я вообще сирота! А эти, — махнула рукой за спину и продолжила разоряться, — мимо проходили и хотели знакомство свести. По-вашему, не женщина я что ль? На меня уж и внимания обратить нельзя?

Ох, стыд-то какой, этак совсем в хамку превращаюсь! Но ведь кровь из носу, а уложиться в пять серебрушек нужно.

— Уговорила, две серебрушки! — покорно согласился мясник, но быстро пресек дальнейший торг, стоило мне рот открыть: — Иначе ступай отсюда по добру по здорову!

— Только положите ее, любезнейший, во-он в тот мешок, — указала на новехонький мешок из рогожи и достала деньги из выданного мне распорядителем кошелька.

От мясника я уходила под скрип его клыков, но меня распирало от довольства. Мысленно я уже представила, что и как буду готовить. Один из «мимо проходивших» взвалил на плечо мешок с моим будущим главным блюдом, а я выискивала на лотках необходимый товар. Совсем скоро оба моих охранника-помощника несли покупки, а я неспешно шла к медовому ряду, определив направление по сладкому запаху.

«Ой, а надо бы уже поторапливаться, еще готовить, а кухня-то чужая», — вспомнила я и прибавила шаг.

И в этот момент раздался знакомый голос:

— Отличный товар! Беру!

Глубокий хриловатый бас, словно стену передо мной выстроил, заставив резко остановиться. Может, показалось? Я глубоко вдохнула, отгоняя необычное возбуждение, и завертела головой по сторонам.

А вот и лоток с красивыми тисненными ножнами для оружия, и одни из них держит высокий мужчина, с ног до головы скрытый черным плащом. В левой руке он ловко крутит ножны, пока торговец отсчитывает сдачу. Та самая большая рука с длинными сильными пальцами, привычными к оружию.

Я отвлеклась от прочих запахов и вдохнула, сразу же ощущая один единственный, волнующий мою суть до основания, — смесь солнца, горячего песка и аррайи. Он беспокоил меня во сне, а сейчас завладел наяву.

Словно завороженная, я медленно шла к загадочному незнакомцу, жадно разглядывая его мощную, крепкую фигуру. Нестерпимо хотелось взглянуть ему в лицо — проверить, соответствует ли оно запаху и голосу. Таинственный незнакомец чуть расставил ноги в крепких, отличной выделки ботинках, выглядывающих из-под черного плаща, и постукивал длинным пушистым хвостом по земле.

Интересной расцветки мех у его зверя, судя по видневшемуся из-под подола кончику хвоста: дымчато-серый с темными пятнами. Такого я ни разу не видела, только слышала от мамы, что эти оборотни называются ирбисами. Их мало и живут они на юге, в высоких, заснеженных горах.

Тем временем толстый пушистый пятнистый хвост резко метнулся в сторону и исчез из поля зрения. Куда?! Я осмотрелась: широкая мужская спина мелькнула чуть дальше, между лотками с товарами, и я ринулась за ней. Я же спать спокойно не смогу, пока не разужнаю что и как. А все моя кошачья сущность — каракалы уж больно любопытные.

Следующий час я очарованной тенью скользила за незнакомцем, зацепившись глазами за его спину и мелькающий хвост. Меня словно тянул кто-то следом. А в мыслях билось лишь одно желание: уже даже не посмотреть мужчине в лицо, а хотя бы коснуться заманчивого дымчатого хвоста. Убедиться, что он не только с виду мягонький и пушистый, но и на ощупь.

Позади слышались тяжелая поступь моей охраны, кажется, они спрашивали меня, что же я ищу с таким усердием, а я, себя не помня, пыталась угнаться за незнакомым оборотнем. А тот, словно призрак, то исчезал в толпе, то снова появлялся там, где не ждала. Потом, к моему огромному расстройству, вовсе испарился.

— Тьфу, елки зеленые! — в сердцах выдохнула я, оглядываясь. Нигде нет! И запах пропал!

Зато целый ряд бортников выстроился передо мной. Пожилые, солидные медведи неторопливо перебрасывались слухами и новостями, иногда отвлекаясь на покупателей. С тяжелым, разочарованным вздохом мне пришлось забыть о преследовании и купить туесок ароматного, золотистого меда, не забыв поторговаться. Пора возвращаться.

По дороге во дворец я опять встретила на обочине соклановцев. Как и обещал, Маран караулил и ждал меня при любом раскладе круглые сутки, насколько я знаю этого ответственного и предусмотрительного волка! Не удивлюсь, если он еще и во дворце кого-нибудь подкупил для пущей уверенности. Со своими волками я лишь обменялась взглядами, чтобы не привлекать внимания.

Большая дворцовая трапезная зала вместила все длинные столы, за которыми скоро рассядутся приглашенные князем. Сейчас гости — множество мужчин и женщин, как и было обещано, разных возрастов и сословий — с праздным любопытством прохаживаются вдоль стен, ожидая хозяина торжества. Мы же, невесты, взволнованные и в большинстве своем бледные, сбились в тесную кучу, готовясь явить княжеским подданным свои умения.

Судя по выражению лиц и нервным движениям моих соперниц, большинство готовилось пережить позор. Лишь редкие девицы, как я, хранили достоинство и спокойствие. Мне хотелось лишь развлечься в интересной игре. Марийка немного переигрывала, на самом деле она с утра исключила себя из смотрин и предвкушала победу, но не за княжеский гарем, а за свободу.

Эльса, поджав губы, равнодушно смотрела по сторонам; кажется, ей все равно, что будет дальше. Глаша, как обычно, разыскивала глазами своего чешуйчатого «красавчика» среди множества лиц.

Высокие стрельчатые двери распахнулись — и распорядитель торжественно объявил:

— Светлейший князь Валиан Северный!

В зал вошел высокомерно улыбающийся леопард, как ни крути, а пришлый. В этот раз облаченный в кафтан, крытый плотным ярко-голубым шелком. Штаны на нем не облегающие как обычно шьют, а довольно свободные, даже широкие. Длинный, рыжевато-золотистый хвост гордо парил над наборным полом, загибаясь кверху колечком, как у пса дворового. А вот дымчатый хвост незнакомца-ирбиса чуть не стелился по земле, словно готов был в любой момент сбить противника с ног или предупреждая об осторожности любого встречного.

Тьфу ты, елки зеленые! О чем я только думаю?!

— Добро пожаловать на торжественный ужин, подготовленный моими прекрасными будущими хозяйшками! — произнес князь, в голосе которого прозвучала нескрываемая насмешка. Явно ждет нашего провала. — Пусть видит Луна, у нас самые справедливые и честные смотрины на всей Зеленой стороне! Победят только самые искусные и достойные девицы!

— Уважаемые гости, прошу вас, — громко пригласил распорядитель лис. — Вам накануне сказали, за какой стол присесть. Подходите к ним, чтобы наши прекрасные хозяйшки смогли помочь вам найти свое место.

«Началось!» — мысленно выдохнула я, устремляясь к своему столу, второму с края.

Быстро обежав взглядом двадцать доставшихся мне гостей, я начала с улыбкой рассаживать их сообразно полученному списку, по чинам и регалиям, как говорится. В первую очередь, чтобы за ужином всем было интересно. Молодых вдовушек посадила с еще не старыми, но солидными холостяками. Тех, кто помоложе, — через одного с пожилыми, таким образом надеясь, что молодые вовлекут старших в беседу и сами перекинутся меж собой парой слов. В общем, я постаралась каждому найти пару по интересам; при этом, чтобы родовитые не мучились изжогой от соседства, скажем, с лавочниками.

В ожидании прислуги, которая скоро должна будет вносить блюда, я позволила себе тихонько поглазеть — и чуть не прыснула со смеху: Глаша поделила стол на мужскую и женскую половины. Эльса пошла по моему пути, кое-кто из девушек тоже. Большинство же, особенно городские, авертовские, рассадили звать в один конец стола, а менее родовитых — в другой. Кто-то, как Марийка, пошел еще дальше, посадив пожилых вместе, а молодых подальше от них. Но пока все молчали, лишь умудренные опытом оборотни за столами хитро улыбались.

А дальше «праздник» продолжился еще веселее, в трапезную молчаливыми вышколенными теньями скользили хорошенькие нарядные лисички в белых передничках, чепчиках и пушистыми рыжими хвостиками оглаживали стулья гостей. Этот бело-рыжий ручеек быстро вносил многочисленные блюда, целиком накрывая столы один за другим. А невесты жадно следили за происходящим, разглядывая блюда своих соперниц и гадая, кто и как справился с заданием.

Смекалистыми оказались далеко не все девицы. Первый стол накрыли лишь печеными в меду яблоками, белым хлебом, обильно смазанным тем же медом, и сбитнем. Сладко до приторности, вот гости сразу же и просили воды у прислужниц. А медок-то по весне дорог, вот ни на что другое у девицы денег и не хватило. С другой стороны, может и не умеет больше ничего готовить.

Глаша, довольная собой, наблюдала за тем, как ее гости выпивают медовуху, закусывая квашеной капусткой, солеными огурчиками, пареной репой, приправленной зеленым, пророщенным по весне лучком и пахучими сухими травами: укропчиком и петрушечкой. Для верности она еще и темные ломти ржаного хлебца солью посыпала. На горячее гиена выставила телячьи потрошки, от которых шел густой мясной дух. Обычная недорогая закуска к крепкой выпивке, но такие блюда не для всех, если ты,

конечно, не наемник, привыкший есть любую пищу в пути. А дамы за Глашиным столом морщились.

Только Глашины гости зашептались, что она де страшная и не видать ей князя, как собственного клыка, к ее столу скользнул, сверкая полосатым, красно-синим чулком, Шан Гадючный собственной персоной и в синем суконном кафтане. Всем улыбнувшись, сверкнув иглоподобными клыками, советник подцепил странным предметом, похожим на маленькие вилы, потрошков и положил в рот. Пока жевал, жмурился от удовольствия, а потом залпом дернул стакан медовухи. Крепкий змей, однако!

Нарядная Глафира, глядя на Шана, светилась от счастья. А Валиан Северный, подперев голову кулаком, сверлил своего советника-иноземца напряженным взглядом.

На другой стол подали жареху — картошку, жаренную с солеными грибами, приправленную пахучим постным маслом. Картошка — товар привозной и потому дорогой по весне. В качестве выпивки было вино. Тоже дорогое удовольствие! Видно, все пять серебрушек хозяйка на него и спустила, решив украсить стол именно выпивкой.

Следующее невестино угощение оказалось несравненно лучше, опять же на мой вкус. Несколько блюд с ароматными золотистыми блинами, сметанкой и клюквенным киселем. Гости с удовольствием ели, особо не отвлекаясь на разговоры.

Марийка испекла лепешки, а вместо горячего нарезала соленого сала. Посредине стола поставили ендову с квасом и штоф с водкой. Редкостная дрянь, по-моему, полшкалика — и развозит до песен. Я ее для настоек, которые по капельке пьют, использовала. Однако распорядитель косил на нее масляным взглядом и сглатывал слюну.

Одна из невест сварила похлебку, но гости попробовали и затосковали, не без сожаления глядя на более удачливых едоков. И пахло это малопривлекательное варево странно. Подобных этой девице горе-стряпух оказалось не менее четырех.

Мои гости, по опыту уже отведавших яств за другими столами, ничего особенного, видимо, не ждали. Скорее надеялись хотя бы на блинчики, с завистью поглядывая на соседей. Наконец рыжий лисий ручеек потек к нам; выставили ту же капустку и огурчики, жареный с чесночком хлебушек. Все, что досталось бесплатно, я использовала для приготовления нескольких блюд. Пусть с одинаковыми продуктами, но в разных видах. Часть ягод пустила на взвар для женщин, часть выставила, полив медом. Пусть сок, которым можно любое блюдо сдобрить.

Яблочки я притомила в сладком сиропе и положила рядом ломти

пшеничного хлеба. Братец очень любил это немудреное блюдо, с удовольствием макал в кисло-сладкий сироп свежий хлеб и запивал горячим травяным отваром. Вот и лисички поставили на краю стола огромный самовар с таким же отваром и наливать его будут гостям в круглые нарядные кружки.

Главное блюдо моего пиршества внесли под дружный, изумленный вздох на огромном блюде — целого печеного поросенка. Аромат по трапезной пополз непередаваемый, не только у моих гостей слюнки потекли. Кабанчика, обмазанного сметаной, с зеленым лучком в пасти поставили на стол под восторженные голодные взгляды, а следом по трапезной прокатился возмущенный ропот невест: не поверили, что за пять серебрушек можно купить целую тушу.

Мысленно усмехнувшись, я дала знак. И вот тесак врезается в румяный бок кабана, шкура лопается, «туша» распадается — и оттуда сыплется греча, томленая на свином сале, да с лучком, грибочками и сушеными ягодами.

Я собой аж загордилась — так аппетитно, вкусно выглядела горка рассыпчатой, зернышко к зернышку, каши. А судя по тому, как скоро начали работать ложками мои враз подобревшие гости, кушанье удалось на славу. Уши и голова тоже пользовались спросом.

Подобную еду готовили в клане лет десять назад, когда из-за летней засухи и суровой зимы в Волчьей долине едва не бедствовали. Собирали снедь всем миром и готовили, думая лишь о выживании. Старожилки тогда много чего вспомнили и придумали, чтобы разнообразить скудный стол всего клана. Чтобы одним кабаном накормить несколько сотен ртов — большим умом и способностями обладать надо. И вот тот опыт мне очень даже пригодился.

Я польщенно улыбнулась, когда сам князь жестом приказал принести ему гречи со свиной шкурой, которая, по словам гостей, таяла во рту. Поел и смерил меня долгим, пристальным, чересчур заинтересованным взглядом. Гадский советник пробовать не стал, но тоже воззрился на меня с любопытством. А дальше мой кураж стремительно угас, сменившись пониманием, что старалась-то зря, по многолетней привычке. Круглая дура! Зачем, спрашивается, на глаза лезла? Не дай Луна, выиграю!

Под конец ужина голодные и оставшиеся недовольными гости с мстительным удовлетворением наблюдали, как князь прощался с невестами-неумехами. Потом он объявил, что следующий тур будет последним. И участвовать в нем будут восемь невест. Но выбывших все равно оставили во дворце до конца смотрин, как было обещано.

Глава 13

Солнечное утро нового дня меня почти не радует. Во-первых, вчера перестаралась, а во-вторых, с Марийкой простилась. Никак не ожидала, что вечером шакаленок, не захотевшая остаться во дворце и лишнего часа, придет ко мне попрощаться. Не по годам умненькая и расторопная девчонка, к которой я за несколько дней успела привязаться, крепко обняла меня, пожелала «удачи и не выиграть» и чуть ли не вприпрыжку унеслась. Потом я стояла у окна и со светлой грустью смотрела, как Марийку встречал во внутреннем дворе возница, ее сопровождающий.

Я не ошиблась: этих шакалов связывает нечто большее, чем один клан. Парень, увидев Марийку, расправил плечи, словно сбросил огромный, давивший груз, цепко стрельнул глазами по сторонам и забрал у прислуги баулы своей «подопечной». И уходили они из дворца, хоть не об руку, но как слаженная, влюбленная парочка — что-то такое витало вокруг них, проскальзывая в наклоне головы, взглядах, движениях, стремительной походке...

Верится мне, Марийка выиграла главный приз на этих смотринах. А я... еще некоторое время паялилась в наступающие сумерки, чувствуя в груди тягостный ком: как же так повелось-то, что всех, к кому я привязываюсь, рано или чуть позже теряю...

Прошлой ночью меня больше не мучил запах аррайи, зато снились родные. Сначала — почти забытое лицо мамы, затем — теплая, чуть грустная улыбка отца, а под утро — вырвал из сна яростный взгляд брата. Поэтому я успела тщательно подготовиться к завтраку. Выбрала, вопреки хмурому, серому настроению, белый сарафан, расшитый алыми маками и красные ленты: украшенную бисером повязала на лоб, а обычную вплела в косу. В зеркале отразилась нарядная, но немного грустная, неуверенная девушка.

«Что это ты раскисла, квашня?» — шикнула я на себя. — «А то ишь, битой молью шкуркой прикинулась. Нечего тут жалиться!»

— Лу Савери, у вас все хорошо? — заставила меня вздрогнуть замершая за спиной милая лисичка прислужница.

Глядела она с подозрением. Ну конечно, гостя то беседовала с отражением. Прокашлявшись, я выдавила:

— Да так, командовать пробовала, а то в княгини прочат, а я и не умею.

Девушка вскинула на меня недоверчиво насмешливый взгляд и сразу же отвела глаза. Кивнула и передала, как обычно:

— Его светлость просили невест поторопиться в торжественный зал. Там огласят условия последнего тура. И еще всех ожидает сюрприз.

Последнее слово сквозняком прошло по спине, даже волоски дыбом встали. Ох, не люблю я теперь сюрпризы...

В коридоре меня неизменно поджидала Глаша и радостно улыбнулась. Как бы ни воротили нос, ни фыркали остальные невесты, но она прошла очередной тур. По моему мнению, благодаря Шану Гадючному. Уж больно напряженный, хоть и тихий, разговор был у советника с князем перед оглашением результата. Да и сама Глафира расцветала, жадными горящими глазами наблюдая за каждым движением обожаемого змея. Глядя на нее, верилось, что любовь — страшная сила, к тому же еще и слепая!

Хм-м, что-то я завидовать начинаю! Нехорошо это, не по-человечески!

Швартовская невеста тоже принарядилась. Знали бы наши волки, для кого чужую девицу одевали, боюсь, си-ильно удивились бы. А дальше про Глашу уже не думалось. Мы свернули в широкий коридор с расписными, узорчатыми стенами, застеленный красной ковровой дорожкой, заглушающей стук каблучков. Тихо, едва не на цыпочках подошли к высоким резным дверям в искусном обрамлении деревянного кружева, у которых замерли стражники в черных кафтанах, как на наемниках, только чище и наряднее.

Зал, куда мы с Глашей несмело вошли, действительно оказался торжественным: большим, с высокими сводчатыми потолками, расписанными лесными картинами хорошим мастером; светлыми изразцовыми стенами, гладкими дубовыми полами — князем явно затевалось важное дело, помимо объявления победительниц, читай — избранниц.

Шестеро других прошедших в следующий тур красавиц встретили нас надменными взглядами. Занятный «гарем» получился. Князь оставил двух гиен. Сомнительно, что он выберет в жены Глашу, которую едва не выпроводил после первого тура. Значит, по-настоящему участвует в смотре другая — высокая, статная, симпатичная гиена с русой косой до пояса и резковатыми чертами лица. Еще до последнего тура дошли две чернявые волчицы, явно из высокородных и состоятельных. Одни вышитые золотой канителью душегреи на них чего стоят, уж не говоря о тяжелых золотых монистах и подвесках.

Пятая невеста — молоденькая, чуть старше Марийки и, по глазам и повадкам видно, такая же шустрая и себе на уме, медноволосая лиса с

роскошным пушистым хвостом (я его во время уборки подметила, когда у нее подол задрался), который сейчас нервно ходит под юбкой хозяйки. Шестая — енот с толстой пепельной косой — светлая, как снежная зимняя заря, очень милая девица, несомненно знающая себе цену. И мы с Эльсой — кошки, родовитые; чего уж сомневаться, тоже видные и неглупые.

Странная, если хорошо подумать, стайка девиц. Ведь даже княжеский поверенный Роман сомневался, что кроме кошек кто-то из женщин согласится делить своего мужчину с соперницей. И что вышло? Всего две кошки, которые, я уже почти не сомневаюсь, потеряли интерес к браку с князем. А вот крепкие собственники гиены, ревнивые свободолюбивые волчицы и верные еноты, кажется, всерьез заинтересованы в этом союзе. И готовы сражаться за леопарда зубами и когтями. Вон как зыркают в нашу с Эльсой сторону. А она, невозмутимо окинув остальных невест взглядом, высокомерно отвернулась.

Нет, не понять мне, девушке из глубинки, городских оборотниц. А ведь помимо соперниц за любовь мужа, будущей княгине наверняка придется держать удар от других плутовок, прохвосток и приживалок в княжеском дворце. Вон их сколько здесь шастает, да так и норовят облить презрением пришлых невест. Нехорошо как-то на душе, а ведь вчера, словно в пылу охоты, даже не подумала о том. Заигралась совсем, глупая, да много чего упустила, забыла, отвергла, а ведь вдохнула желанной свободы самую малость. Эх, будто действительно малолетка, только плат снявшая, ринулась очертя голову в развлечения...

Двери распахнулись и мимо нас, замерших привычным, сильно укороченным рядком, прошествовал князь в богатом светлом кафтане вместе с приближенными — советником Шаном Гадючным и четырьмя стражниками в черном. Валиан уселся на троне, стоящем на небольшом возвышении и внимательно воззрился на нас, покачивая ногой и хвостом:

— Приветствую вас, прекрасные дорогие невесты!

Оглядев нас, он вновь встал и прошелся вдоль ряда, опять жадно вдыхая. Остановившись напротив меня, вдохнул еще раз. Нахмурился, впившись в меня цепким взглядом, словно решал, какой лучше кусок мяса от меня отделить, чтобы повкуснее был.

Я невольно передернулась и прижала уши к макушке. Валиан усмехнулся, выдохнул, затем неожиданно потрогал мои уши, провел пальцем от головы до самых кисточек. Затем, глядя в мои широко распахнутые изумленные глаза, коснулся лица. Странное сочетание: ладони у него теплые, а глаза словно застыли, заледенели. Вдруг князь чиркнул когтем по моей коже на виске — я почувствовала саднящую боль.

Всхлипнув, дернулась в сторону, но он удержал меня, крепко схватив за локоть, приблизился вплотную и жадно вдохнул у виска:

— Сладкая кошечка! — Затем еще и лизнул ранку, заставив зашипеть от боли. — Вкусная! А шкурка-то какая нежная...

Попробовал на запах, на вкус и отпустил.

Пока князь возвращался к трону, у меня сердце билось в горле, в ушах шумела кровь. Ощущение прихотливой игры испарилось, оставив горький осадок несбывшихся надежд. Здесь никто не играет и не шутит. А если «выиграю» смотрины, то проиграю значительно больше, чем могу себе разрешить. Все, хватит, наигралась!

Я отвела глаза от князя и поймала мрачный, слегка сочувствующий взгляд Эльсы, она тоже не осталась равнодушной. Похоже, и до нее дошла неприглядная правда: светлый князь Валиан далеко не мягкий, не нежный и вряд ли заботливый мужчина, о котором мечтает каждая добропорядочная оборотница по молодости лет. Скорее — жестокий, вспыльчивый, властолюбивый зверь, не чурающийся причинять страдания более слабым, как и Амаль, от которого лучше держаться подальше.

Вперед выступил неизменный распорядитель лис:

— Итак, благородные лу, лучшие из лучших, объявляю условия последнего тура. Сегодня вы покажете, что представляете собой как женщины. Какие из вас чаровницы?! Сумеете ли вы удержать интерес супруга, причем надолго! Сможете ли очаровать его, соблазнить, заинтриговать зверя. Суть этого тура: проявить женские чары наедине с князем. Сегодня нет никаких ограничений, вам позволено все, чтобы раскрыться полностью, показать себя с самой что ни на есть женской стороны.

Мы, дружно открыв рты, ошеломленно, если не сказать больше, слушали распорядителя. Вот это... сюрпри-из... Невеста, по сути, должна пройти по краю: соблазнить, может даже потерять невинность, а взамен, вполне возможно, уйти с позором.

В душе поднималось не просто раздражение, а гадливость, возмущение немыслимым отношением князя к невестам. Но, странное дело, искрила недовольством только я. Глаша, мне кажется, даже не слышала распорядителя, а зачарованно поедала глазами бледного белобрысого гаденыша, который искоса, с затаенным интересом разглядывал ее и других девушек. Эльса словно все свое нутро и мысли в кованный сундук спрятала: ни одно чувство на лице не проскользнуло, тем более запах, которого она по «милости» пумы-проклятийницы лишилась, пока не проявился.

Зато другие пятеро девиц заметно ободрились, прямо здесь раскрываясь, отпуская свою звериную сущность, подпуская поволоки и томности в движения тел и глаза. В нос ударил острый животный запах самок, по-другому никак не назвать. А как же честь? Любовь? Как же человеческое достоинство, что стережет нас, не дает превратиться в душников? Они так быстро отринули самое важное для любого оборотня? Ради чего? Призрачной власти?

Я не успела окончательно растеряться только потому, что распорядитель громко объявил:

— Его Светлость хочет, чтобы каждая из вас прониклась важностью будущего положения. Узнала силу статуса княгини, веса власти и влияния. Осознала, что уже завтра жизнь изменится. Кто-то из вас вознесется на вершину могущества, разделит трон с самим князем Валианом, властителем Северного княжества. Последний тур начнется сразу после обеда, очередность приема князем вы узнаете чуть позже. А сейчас вы вместе с князем примите делегацию из южных земель. Оборотни тех мест хотят засвидетельствовать великое уважение Его Светлости, а вы разделите честь и хвалу ему, будете зрить его величие.

Столько похвальбы и лести — зубы сводит, но придется терпеть. Как и многое другое.

Нам велели встать по другую сторону от трона. Стражники построили нас в два ряда. Глашу, меня и Эльсу затерли назад более шустрые девицы, но я и не сопротивлялась. Какая разница, откуда любопытствовать? Наконец распахнулись двери и распорядитель громко объявил о прибытии представителей южных кланов. Как и остальные девушки, я с горячим интересом наблюдала за гостями.

Первым в зал вошел крупный, матерый волк, судя по характерным остроконечным ушам и нескрываемому хвосту. Этот южный гость в темной куртке, плотных штанах и мягкой короткой необычной обуви на тонкой подошве, еще и шевелюрой удивил. Волосы у него весьма примечательные: спадают на плечи густой разноцветной волной, играющей на солнце от пепельного до темно-коричневого оттенка. Вытянутое скуластое лицо с чуть впалыми щеками, тонкими губами и, как мне кажется, чересчур выдающимся, почти квадратным подбородком. Но больше всего поразил его взгляд: серебристо-серый, суровый, цепкий, властный. Одним словом — Стальной волк!

За ним шли двое высоких широкоплечих гиен. Тоже в темной добротной одежде и с бесстрастными суровыми лицами. Наверняка братья, уж слишком похожи. У обоих одинаковые ярко-желтые глаза, словно в них

солнце застряло.

Все трое шли пружинистой, легкой походкой, без опаски и напряжения, а вот Валиан, как я заметила, насторожился. Что-то не похоже, чтобы эти матерые хищники с юга собирались свидетельствовать ему великое уважение.

Посланцы остановились недалеко от возвышения и, коротко поклонившись, стремительно обежали глазами всех присутствующих. На миг задержали взгляд на первом ряду невест, а на второй внимания обращать не стали, оно и понятно: есть дела поважнее, чем три разряженные девицы на задворках. Зато у меня был отличный обзор, чем я и воспользовалась, чтобы вольно разглядывать пришлых оборотней.

— Жители Юга приветствуют тебя, князь Валиан! Нас выбрали делегатами сразу от нескольких крупнейших кланов, — глубокий, сильный голос южанина волка наполнил зал. — Я Шай из Обжигающей лощины. — Затем он указал на гиен: — Со мной прибыли Мишек и Дашек из Тесного круга.

— Я приветствую вас, делегаты Юга, — ровно произнес Валиан. Причем, не вставая, проявляя тем самым неуважение к высоким гостям, представителям чужих земель и равно — к тем, кто их послал на переговоры. — Что заставило вас отправиться в столь длинный, трудный путь? Говорят, в горах нынче неспокойно...

— Верно говорят, — спокойно ответил волк Шай. Его голос звучал громко, властно, выдавая мужественного, бесстрашного оборотня, хозяина сильного зверя. — С вашей стороны, в горах, развелось слишком много стай душников. Война на севере отвлекла охотников, забрала много жизней. Разрушила семьи. Прискорбно, что пострадали не только мужчины-воины, но и женщины, хранительницы очага. Пока мы добирались сюда, видели поселения оборотней, где не осталось свободных и даже юных женщин, а значит — скоро назреет большая проблема. Без семьи оборотень слишком быстро отдаст власть над душой зверю...

— Вас послали поговорить об этом? — грубо перебил Валиан. — Так можете передать своим главам, что это моя земля и не им распоряжаться, что здесь будет и как.

— Нет, не об этом, — спокойно ответил Шай, чуть наклонив голову, но стальные глаза опасно блеснули, скорее всего, неодобрением князя. И еще, сдается мне, все трое южан тщательно изучали его, знакомились... как с врагом. — Совет старейшин и главы кланов хотели предупредить тебя, что на чужое не зарятся. То, что происходит за горами с вашей стороны, интересует нас постольку-поскольку. Но, если вдруг кто-то задумает хоть

на версту передвинуть границу в нашу сторону, разбудит общее горячее внимание, настолько обжигающее, что может растопить ситуацию и на Севере. А затем смочит любого недалекого северянина, решившего позариться на земли Юга.

Я даже кожей ощутила напряжение, возникшее в торжественном зале: охрана, невесты, княжеская свита и сам князь — все вытаращились на этих троих южан, отменно державшихся и открыто заявивших о себе. Глубоко вдохнув, я почуяла ярость князя, чей-то страх, удивление стражников и — откровенное восхищение девиц, а вот от Шая и его спутников пахло спокойствием и уверенностью. Они не кичились силой, не задирали нос, а доходчиво передавали волю своего народа и твердо верили в себя.

Кажется, наш Светлейший это тоже понял и принял к сведению. А может, его змей-советник уgomонил: на спину севшего ровно князя легла его узкая бледная рука — не дала встать, резко ответить, предупредила о спокойствии, а может, не дала напасть на чужаков, дерзнувших сказать неллицеприятное.

Спокойствие Валиану далось с трудом, но мрачный взгляд на делегатов Юга он бросил. Ведь его принародно унизили, но убить переговорщиков — значит объявить войну. Это закон Зеленой стороны! А вот на Желтой, как я слышала, вестников с плохими новостями убивали на месте. Я невольно скосила глаза на Шана Гадючного, мелко и быстро сучившего по полу хвостом в полосатом чулке. Похоже, страх исходит от змея.

Повернув голову в сторону заговорившего Валиана, я нечаянно посмотрела на Эльсу... Ого, кошка сервал, не мигая, пялится на южанина волка! Мало того, ее округлившиеся голубые глаза горят восхищением и жадной обладания. Ошибки быть не может: вон как она жадно сглатывает слюну, разглядывая мужчину, которого я про себя нарекла Стальным.

Краем уха я слышу, что переговоры продолжаются, но о чем конкретно говорят — нет. Потому что тонкие губы Шая шевелятся, а Эльса повторяет каждое их движение своими губами. Так молятся в храмах Луны — тихонько повторяя слова за верховным жрецом, не думая о смысле, веря душой и стремясь к божественному свету сердцем.

— ...можете не задерживаться у нас, уверен, вас ждут дома, — наконец донесся до меня злой, ироничный голос Валиана.

— Ты прав, князь, мы сегодня же вечером покинем Аверт. Благодарим, что позволил отдохнуть сегодня, — по-прежнему невозмутимо, спокойно ответил Шай, чуть склонив голову.

Делегаты коротко кивнули, развернулись и гордо, неспешно

удалились. Не успела я посетовать, что пропустила основную часть переговоров, пришлось хватать за локоть Эльсу, будто под чарами рванувшуюся за южанами. Она резко вырвала свою руку и обожгла меня яростным взглядом. А в следующее мгновение, видимо, осознала, что все еще в невестах князя и участвует в смотринах: уйти прямо сейчас — подписать себе смертный приговор. Подобного, тем более, второго за сегодня унижения Валиан не спустит. Даже девице.

Через некоторое время князь вспомнил о невестах. Очередность устанавливалась князем лично: он вытаскивал бумажки с нашими именами из шапки, которую держал распорядитель. Я оказалась предпоследней участницей тура «Обольсти жениха». Но не успела с облегчением выдохнуть, подумав, что предыдущие чаровницы наверняка успеют заморозить и обольстить светлейшего не раз и не два, поймала княжеский взгляд. Он подмигнул мне игриво и усмехнулся как-то излишне лично, как хозяин... будущий. Поэтому уходила я из зала расстроенная и озабоченная.

* * *

Княжеские палаты, куда меня привела прислужница-лисица, превосходили размерами все жилье, что я до сих пор видела. И вот уже битый час ожидаю своей очереди на «диване» в «передней» — горнице перед жилыми покоями. Где-то за стеной невидимые музыканты наигрывают на свирели и домре, иногда к ним присоединяется гуслиар. Хорошо играют, ладно, душевно, да только я вся как на иголках — боязно, неизвестность мучит, мысли в голову лезут всякие-разные...

Музыка играет, время идет, я уже в сотый раз нервно осмотрелась, пощупала этот самый диван — мягкий, широкий, низкий, обитый красной кожей. Мне, жительнице Севера, привычной в Волчьем клыке к лавкам для гостей, непременно крытым узорчатыми и полосатыми коврами, беленым стенам, иногда с веселым рисунком в накат, высоким дубовым поставцам и сундукам, в этой странной передней было не по себе. Красные ковры с ворсом на стенах и на полу, по которым ходить боязно, диван этот заморский, низенький дурацкий стол. Как за таким есть? Наверное, это влияние советника с Желтой стороны.

Я в сотый раз поправила на коленях подол скромного синего сарафана. Эх, догонять и ждать — хуже некуда! Ведь мне пришлось с полудня дожидаться своей очереди «обольстить» жениха. Каждой невесте отводилось по часу наедине с князем. Кукушка в больших напольных часах

уже давно прокуковала восемь вечера. А меня никто не кликнул.

После меня Глаша осталась, а передо мной, если не ошибаюсь, была Эльса. Нет, я, конечно, не против, чтобы она занимала мое время. Пусть обольщает на здоровье. Мне бы отсюда уйти, но вместо этого я, верно в тысячный раз, прокручивала в голове, как бы так выскользнуть из компании невест, чтобы и волки сыты и овцы целы.

Вот кожей чувствую, что просто так не отпустит. Вон чего утром учинил.... Думаю, оставит при себе в качестве знахарки. И сменю я шило на мыло — одного вспыльчивого жестокого хозяина на более опасного. Вот и мучилась весь день, решая, как поступить? Как избавиться от князя, не говоря уже о том, чтобы не попасть к нему в гарем, и обрести свободу?

Музыканты перестали играть, видно сейчас затянут другую мелодию, а я неожиданно уловила странный шум. Доверяя своему чуткому слуху, свойственному всем кошкам и каракалам в особенности, мало того, никогда еще меня не подводившему, я прислушалась. Дальше ноги, словно сами по себе, ведомые опять-таки кошачьим любопытством, понесли меня в покои князя.

Раздвинув искусно расшитый золотом красный полог, я оказалась на пороге просторной опочивальни, по углам которой горели десятки свечей, придавая ей таинственный вид. Полы устилают ковры, скрадывая шаги... А дальше я ошарашенно уставилась на князя, лежащего на огромной кровати, полностью обнаженного, и главное — привязанного за руки к кованому изголовью! И не абы чем, а тонкими, но крепкими цепями. У меня аж рот приоткрылся и мозги растеклись киселем, потому что спросила я глупость:

— А где Эльса?

— Эта тварь обманула меня и сбежала! — глухо, злобно прорычал оказавшийся в плену на собственной кровати его светлость, посмотрев на полог с противоположной стороны, надо думать, туда скрылась обманщица. — Как только освобожусь, она у меня попляшет.

— Сбежала? — тупо повторила я.

— Хватит болтать, быстро развяжи меня, а то руки затекли! — приказал Валиан.

К приказам я привычная, поэтому без разговоров направилась выручать пленника. Но прямо у кровати любопытство опять взяло верх:

— Как же это вы согласились-то, чтобы вас привязали? Неужто так соблазняют или чары женские творят?

— Сохранишь в секрете, тогда в моем гареме сможешь занять достойное место, — проворчал горе-жених, не сомневаясь в моем послушании.

Гарем? Я сразу мысленно встряхнулась, как если бы из воды вылезла, и взглянула на ситуацию по-новому. Эльса сбежала! А меня в гарем?! Нетушки! Так, меня не хватятся и беспокоить князя не будут еще приличное время, ведь все уверены, что я тут его ублажаю.

Невольно скользнула взглядом по обнаженному мужскому телу. Не любопытства ради, да и скромная я, а проверить — не случилось ли с пленником чего. Тем более, жизнь учит нас не стыдиться своего тела, ведь оборот может произойти в любой момент. И голых мужчин я видала не раз и не десять. Поэтому хорошую мускулистую фигуру князя оценила, особенно сильные руки, скованные цепями: на запястьях кожа содрана до крови — безуспешно пытался освободиться, бедолага.

А взглянув на пах, удивленно хмыкнула: главное мужское достоинство, похожее на совсем молоденькую морковку, такую всю худенькую, меленькую, почему-то розоватого цвета (наверное, от стыда), пряталось в окружающих «зарослях» (видимо, от скромности).

Да-а-а... старый Вит оказался прав: только мужчина, неспособный ублажить одну бабу, заводит себе гарем, чтобы скрыть сей прискорбный конфуз разными отговорками.

Вот и я, склонившись над князем, взяла подушку и прикрыла ему причинное место, пробормотав:

— Негоже такой срам показывать.

— Знаешь, что... — злобно прошипел князь и дернул руками, надежно примотанными цепями, взглядом требуя, чтобы освободила.

А за стеной лилась красивая песня, словно издеваясь над хозяином дворца...

— Да уж вижу, — согласилась я и неодобрительно, иронично покачала головой, — только понять не могу, зачем вам гарем тот дался, когда и с одной-то женой справиться сложно. А «голодная» женщина — это самый злейший враг, уж поверьте...

И захлопнула свой болтливый рот, столкнувшись с взбешенным взглядом звереющего, частично меняющего ипостась леопарда:

— Ты...

Я пискнула, отпрыгнув от кровати, оборвав хриплый угрожающий рык, и зачатила:

— Ой, ваша светлость, простите за длинный язык. Простите, простите покорнейше, но не могу я быть ни вашей невестой, ни женой. Простите глупую, но мне пора бежать, а то столько дел, столько дел...

Кинулась к пологу, куда недавно смотрел князь, словно в спину Эльсе, надеясь найти там другой ход в его покои. Но, услышав злобный рев с

кровати, стремительно развернулась и бросилась обратно. Валиан одарил меня ухмылкой победителя, которая завяла в тот же миг, как я сорвала ленту с головы и заткнула светлейшему рот какой-то тряпкой, кажется, чьими-то панталонами, и поверх завязала лентой, чтоб не выплюнул, тихонько приговаривая как хворому:

— Нижайше прошу меня простить за причиненные неудобства, ваша светлость. Но вы слишком громко себя ведете. Народ сбежится, а мне надо хоть чуточку времени. И поверьте, мой клан здесь совершенно ни причем. Не нужны мне ни они, ни вы!

Сердце у меня колотилось так, что казалось весь дворец слышит, вместе с музыкой, рычанием и скрежетом цепей и клыков. По коридорам я старалась идти неспешно, чтобы не привлекать внимания случайных встречных, иногда тенью прижималась к стенам, иногда кралась. Но в опочивальню влетела, словно за мной стая душников гналась, опасаясь, что слишком мало времени осталось на побег.

Открыла сундуки. Схватила отличной выделки кожаную дорожную котомку, подаренную в день отъезда, и начала запихивать туда самое необходимое, по ходу дела решая, в чем бежать: «Так, беглую невесту князя отыщут быстро, а вот на парня вряд ли обратят особое внимание!» Поэтому плотными валиками скатала с собой пару нарядных сарафанов и рубаш, с которыми трудно было расстаться. Пригодятся, на всякий случай. Поверх нарядов положила белье — несколько самых простых рубаш, из тех, что с виду сразу не определишь мужские или женские. Последней сложила часть купленной на рынке мужской одежды. Вспомнила о нужных в дороге вещах и дареном кузнецом кинжале в ножнах.

Быстро переоделась в мужской наряд. По новой куртке и сапожкам не понять — щеголь я или девица. Ладкины деньги сунула за пазуху. Поцеловала мамин амулет. Все! Взяла котомку в руки, но взглядом зацепилась за знахарскую корзину с травами да настойками. Нет, нельзя! Но душа не выдержала расстаться с добром, которое может кому-то спасти жизнь.

Намедни, сама не знаю по какому наитию, забрала с кухни тот самый мешок, что выторговала у мясника на базаре. Конечно, он пахнет свининой, ну да ничего. Завязала узел снизу мешка, чтобы был поменьше и сунула туда корзину целиком, протянула веревку до горловины и крепко завязала. С мешком на плече и котомкой в руках я вышла навстречу свободе.

Не иначе, как под покровительством Луны, к которой я мысленно обращалась, мне удалось выбраться из замка на задний двор незамеченной, — и тут же оказалась под морозящим дождем. Но как же

выйти в город? Пройти мимо стражников у ворот, больше того, умудриться проскользнуть мимо своих волков, которые, в чем вчера убедилась, караулят меня на горе у дворца? А вдруг признают!

В этот момент я услышала знакомый по долгой дороге в Аверт шум: небольшой обоз южной делегации вот-вот отправится в путь. Сердце ухнуло, когда я увидела великолепную тройцу: Стального волка и огромных гиен, которых ни с кем не перепутаешь, даже если они в плащи переоделись, с головой накрывшись капюшонами от дождя. Южные гости неторопливо, обстоятельно шли вдоль пяти крепких повозок, проверяя оси и подпругу, перекидываясь короткими замечаниями с возницами и охраной. Крайняя повозка на миг оказалась без внимания — и я тенью ринулась к ней, бесшумно стелясь по земле, скользя на глинистой земле.

Я коснулась шершавого бока телеги, с лихвой чем-то забитой. Поверх груз накрыли плотным, промасленным полотнищем для защиты поклажи от непогоды. Вот под него я и затолкала свой скарб и, воровато осмотревшись, забралась телегу. Только облегченно выдохнула — и тут же мешком вывалилась наружу лицом в грязь: кто-то, лежавший рядом завозился и молчком сильно пнул меня под зад. Раздумывать, кто не пожелал моего соседства и выкинул меня из телеги словно нашкодившего котенка, было некогда — приближался негромкий говор охраны обоза и шаги. Я вновь нырнула под полог, а опять завозившемуся сопернику за место «под солнцем» в отместку двинула ногой куда пришлось. Мстительно ухмыльнулась, услышав сдавленное сопение, затем мы с попутчиком замерли, опасаясь выдать себя проходившим мимо охранникам. Снаружи раздался знакомый сильный грудной голос волка Шая:

— Надо поторапливаться, а то от этого гнилого пройдохи можно ожидать чего угодно. — Поворачивая в голову обоза, добавил недовольно. — Загостились мы...

Дальше я не разобрала — зажмурилась и не дышала, пока не поняла, что все ушли. После громкого свиста обоз двинулся. Когда нам вслед пожелали удачи в пути стражники на воротах, я чуть не всхлипнула от облегчения. Мой сосед по телеге и лишнего звука не издал за все время, подтвердив мою догадку, что такой же приبلудный заяц в этом обозе, как и я.

А в душе я пела: «Свобода, свобода, ура-а-а!»

Глава 14

Сначала по векам ударил яркий свет, затем резкий рывок — и удар всем телом обо что-то твердое. Не больно, но неприятно, особенно когда тебя будят подобным образом.

— Опять?! — рыкнула я спросонья, вспомнив про соперника за место в чужой повозке, выпихнувшего меня недавно прямо в грязь.

Лежа на земле, я открыла глаза, привстала и растерянно посмотрела на десяток телег с охраной, стоящих вдоль широкого тракта. Судя по солнцу, время близится к обеду. Уж поспала, так поспала, от души. Только поля и кусты, а Аверта уже даже не видно. От счастья в груди сперло: у меня все получилось, я сбежала, я свободна!

А затем удивилась, усевшись и увидев собственные штаны и ботинки, покрытые застывшей грязью. Ну и ладно, зато вид самый что ни на есть походный, хоть щеголем никто по дороге не назовет. Чем не повод лишний раз порадоваться! Потерла заспанное, чесавшееся лицо — с рук посыпалась сухая глина! Луна, ну и вывозилась я вчера в луже, благодаря некоторым! Опять потерла лицо, ожесточенно сдирая грязь с кожи, громко чихнула — и уставилась на сразу четыре пары необычной обуви, как та, которую видела на южанах во дворце.

Верх из плотной, но мягкой кожи облегает ногу, подобно короткому носку, подошва на этих ботинках из нескольких слоев прошитой кожи и наверняка хорошо гнется. Значит, очень удобная в носке. Для походов посуху замечательная обувка. Эх, мне бы такую...

Пока я мечтала об обновке, отметила и четыре пары длинных сильных мужских ног, и хвосты: два страшненьких пятнистых, явно гиенных, один пушистый волчий и длинный, песочного цвета, красивый кошачий хвост. Крупного кота. В нос тут же ударило, ворвалось множество чужих запахов. А облегчение быстро сменилось холодным липким страхом: поймали! Уже? Если это наемники князя или Маран — мне конец!

Затаив дыхание, я медленно подняла голову, опасаясь взглянуть хозяевам ног и хвостов в морду лица, как говаривала соседка в клане. Надо мной нависли трое делегатов с Юга и еще один незнакомец с узким загорелым лицом и кошачьим хвостом, нервно подметающим пыль. Сразу видно, что этот кот леопард, стоящий ко мне ближе всех, — возница. Вон как многозначительно постукивает кнутом по ладони, того и гляди по спине опояшет. И вообще, смотрят они все на меня, мягко говоря,

недоброжелательно. А клычищи, кулачищи и когтищи какие...

Я громко, испуганно сглотнула, вытаращившись на южан, и прикусила язык. Зверей лучше не провоцировать даже лишним звуком, дабы не напали. А мысленно ругала себя на чем свет стоит за глупость и расхлябанность: заснула в чужой телеге, сонная тетеря! Что хозяева могут подумать обо мне?!

— Проснулся парень? — наконец поинтересовался один из братьев гиен, осуждающе поджав губы. — Чего вы забыли в нашей телеге?

Его широко посаженные ярко-желтые глаза сузились, на высоком, чуть покатым лбу застыли две хмурые складки. Остальные взирали на меня пока молчаливо: вторая гиена в точности, как брат, волк еще и подозрительно, кот явно злился. Я сразу усекла, что вырядилась удачно, раз меня приняли за парня, и невольно облегченно вздохнула.

Только хотела начинать оправдываться, прикинув, о чем можно сразу сказать, возник леопард раздраженно дернул хвостом, подняв маленькое облачко пыли, и прошипел:

— Да что с ними лясы точить, дать пинка под зад для ускорения — и пусть...

Пока я пыталась понять, почему ко мне во множественном числе обращаются, за спиной раздался ломкий, жалкий, словно простуженный голосок:

— Мой брат дурачок, неужели не видно. Не прогоняйте нас, ата!

Это про меня? Обернувшись, чтобы посмотреть на «брата», а то вдруг сплю, я столкнулась со знакомыми наглыми голубыми глазами на грязном лице Эльсы. Она тоже облачилась в мужскую одежду, но, в отличие от меня, хвост не спрятала; так же как я сидела на земле, рядышком, рукой подать, и в таких же грязных разводах. Я криво усмехнулась: какие известные личности, оказывается, рядом обретаются! Теперь понятно, кто меня в грязь пнул накануне!

Сервал, отметив мой совсем не братский взгляд, прижала большие золотисто-пятнистые уши к макушке — о трусости этих кошек только что легенды не ходят! — но упрямо, требовательно сверлила меня глазами из-под рыбацкой кепки. Ну да, дельная вещь: козырек из гибких рыбьих костей обтянут тканью, макушка открыта, чтобы не сковывать уши, но под ними и на затылке специальные ремешки, чтобы кепка надежно держалась на голове; к ремешкам по кругу пришита плотная ткань-полог для защиты шеи от брызг воды и непогоды, а вот южане, говорят, этот полог наоборот поднимают вверх, прячась от жалящего солнца.

Эльсе кепка помогла скрыть истинно женские, мягкие черты лица,

тонкую шею. Я свои толстые косы спрятала под куртку, а шею по-городскому повязала платком. Думаю, она тоже не стала обрезать волосы и так же, как и я, воспользовалась кепкой. К нашему общему везению, мы оказались без запаха: я — по «своей» воле, а Эльса — по воле пумы проклятийницы.

И тут меня, что называется, прорвало и понесло. То ли задиристая Эльса тому причиной, то ли вечно терзающий страх притупился, а может сказался нечаянный глоток свободы, но терпение и покладистость мне изменили. Полностью развернувшись к Эльсе, я глухо прорычала:

— Значит это я дурачок? Да?

Хвала Луне, голос звучал низко, по-мужски.

— А то кто ж еще? Дурак как есть, со стороны-то виднее. Грязный мелкий придурок! — задрав подбородок, выпалила кошка-нахалка ломающимся, словно надтреснутым мальчишеским голосом.

— Грязный, потому что ты меня в грязи вываля... — чуть не проговорила о том, что она девица, но смолчать была не в силах. — Ха-ха, придурок, говоришь! Это значит — состою при дураке!

— Я первый залез в телегу, какого душника ты полез следом?! — грозно прошипела Эльса, приподнимаясь на колени.

— Слышь, заяц, а ты сам-то место выкупил? Чтобы права качать?

— Кто заяц? — сдавленно прорычала Эльса. — Я — заяц?!

Видно, общее мнение о трусливых сервалах тоже потопталось по самолюбию Эльсы, учитывая, что ее дядя волк и глава клана Серых, и значит большинство соклановцев тоже волки. Волки повсеместно примыкают к себе подобным — слишком силен инстинкт стайности и иерархии силы.

Дальше я сама себя не узнавала. Прижав кончик языка к передним зубам, чуть оголив их, дразнила Эльсу, издавая звуки жующего и обнюхивающего корм кролика.

— Видать, циркачи с ярмарки своих скоморохов нечаянно забыли, — отозвался по мою душу один из гиен.

А мы с Эльсой уже никого не хотели слушать. Наполовину сменив ипостась, оставаясь в одежде, нарастили мех и, выпустив когти на лапах, дугой выгнув спины, начали кружить около друг друга, по-кошачьи яростно воя. Громко так воя...

— Нет, похоже, этих нарочно оставили! — мрачно процедил Шай, глава делегации.

Эльса-полусервал с натянутой на мохнатую голову кепкой выглядела до смешного глупо и нелепо. Да и сама я — полукаракал в кепке —

наверняка выглядела также незавидно. Но было не до смеха — ярость туманила разум почище медовухи. Врагиня, наконец, решилась кинуться на меня. Завидев летящую мне в морду когтистую лапу, я зажмурилась и тоже выставила лапу перед собой, надеясь если не ударить, то хотя бы поцарапать.

Рывок — и я повисла над землей, ощутив, что меня схватили за куртку между лопатками, словно нашкодившего котенка.

— Деретесь, как торговки на базаре, — насмешливо сказал кто-то у виска.

От неожиданности и в пылу драки я попыталась отбиться от удерживающего меня умника, устремив ему в лицо когти. Похоже, меня не поняли, решив, что я оскорбилась за «торговку», но сильной рукой отвели мою тушку подальше. Разняли и держали за шкирки меня, и Эльсу братья гиены. Совершенно легко, без натуги. Ох уж эти мне гиены! Жаль, горшка под рукой нет. А Шай с возницей леопардом разглядывали нас с веселым любопытством. И впрямь, как на цирковом представлении.

— Кто такие, признавайтесь! — неожиданно рявкнул Шай.

Эльса, только что круглыми восторженными глазами поедавшая его, выпалила:

— Эль и Сава, сводные братья!

— По отцу, — просипела я, почти придушенная собственным воротником.

— Этот придурок увязался за мной...

Я оборвала поделницу по неволе:

— Это ты, кроличий хвост, решил меня догнать. Испугался остаться один, без моего пригляда и охраны!

Сервал хотела возмутиться, но с тяжелым, мучительным вздохом, скрипнув клыками, согласилась:

— Ладно, твоя взяла. Мы же братья...

— Заметно, что братья, у обоих проблемы с головой, — кивнул возница, насмешливо блеснув желто-зелеными глазами.

Мне надоело позорно болтаться на собственной одежде. Более того, я взяла себя в руки, успокоилась и решила действовать умнее, поэтому покаянно попросила:

— Простите нас ата. Мы глупо себя вели, сдуру сорвались друг на друга. Не думали, что окажемся здесь вместе.

— Когда это вы успели залезть в телегу? — строго поинтересовался возница.

Оно и понятно: проморгал зайцев, недосмотрел, кругом виноват.

Я сразу смекнула, что про двор княжеского дворца лучше не говорить, и на ходу придумала:

— Я нагнал Эля у городских ворот, увидел, что он забрался в телегу и влез за ним, пока вы со стражей у бревна препирались.

— Эх ты, Глен, двух земляных червей проглядел... — сухо рассмеялся один из братьев.

Мы с Эльсой, также разъяренно трепыхавшейся в воздухе, как и я, дружно обиделись за «земляных червяков». Эх, но на кого кивать за свое незавидное положение, если по совести? Может, поэтому она решилась помочь нам обеим. Перестала дергаться и жалостливым, хрипловатым голосом «поделилась горем»:

— Наши мамки померли. Моя давно уже, а его, — она кивнула на меня, — год назад. Отец тогда с горя перессорился с главой клана и увез нас в Аверт, за лучшей долей. А потом его на войне убили. Наемники Валиана еще и всего нашего добра нас лишили. Нас забрал в свою семью дальний родич, но он волк, а кошек на дух не переносит...

Я, открыв рот, слушала якобы нашу печальную историю, дивясь, как складно сочинила Эльса. Хотя, она могла все заранее продумать, не то что я.

— И поэтому ты решил бросить брата и сбежать один? — насмешливо спросил Шай, неодобрительно качая головой.

У меня сердце в пятки упало: этот грозный волк поверил хорошей байке и осуждает Эля, который бросил брата и сбежал.

— Я не хотел... сначала, — недолго думая, в свой черед заступилась за «родственника». И подыграла: — Тяжело сейчас, ата, княжеские наемники лютуют, родич нам не сильно рад, лишние рты сейчас многим в тягость, но война только прошла, везде неспокойно. Сказать по-честному, забоялся я долгого опасного пути. А когда увидел, что Эль сбежал, понял: вместе лучше и правильнее. По правде, когда я отказался, он... немного обиделся.

— Не немного! — буркнула Эльса, полностью войдя в образ обиженного братца.

Я кивнула, виновато улыбнувшись, а потом обратилась к главе обоза:

— Ата, простите нас за самовольство, за это... неудобство. Мы нижайше просим вашего позволения ехать с вашим обозом дальше. Мы слышали, вы с юга прибыли и сейчас возвращаетесь?

Шай кивнул в сторону десятка телег, охраняемых оборотнями, с интересом поглядывающих на нас:

— Нам чужаки не нужны в обозе. Ты прав, малец, насчет последствий войны. Вам лучше вернуться в Аверт, пока мы далеко не отъехали. Как ты

сказал, правильное будет переждать беспокойные времена под защитой родича. Чем ехать неизвестно куда и зачем!

— Нельзя нам возвращаться, — мотнула я головой, чуть не плача.

— Как это неизвестно?! — отчаянно задергалась Эльса, все-таки вынудив гиен поставить нас обеих на ноги. — Моя мамка с юга была...

— И моя, — поддакнула я. — Из клана Тихая заводь. Мы поищем там родню.

Мужчины, вскинув брови, еще раз внимательно осмотрели нас.

Обе гиены кивнули Шаю на невысказанный вопрос:

— Дальше на юг от нас.

Ага, по крайней мере, эти трое не из одного клана.

Мы с Эльсой опять подверглись тщательному осмотру всех четверых «судей». Наконец, когда я уже почти смирилась, что нам откажут и «дадут под зад», Шай, тяжело вздохнув, спросил:

— А чем вы можете быть полезны в дороге?

Мы с Эльсой перекинулись напряженными взглядами, затем быстро обежали глазами весь обоз. Народ вроде и занимался своими делами, и в разговор не влезал, но ухо держал востро. Возничие ухаживали за лошадьми, остальные собирались обедать. Вон, костры развели, припасы вытаскивают. Так что мы можем им предложить?

— Сава — знахарь, такой всегда пригодится, и в дороге то же, — сдала меня Эльса. Слышала же от князя о моих достоинствах. Хвала Луне, про повитуху не сказала — этот дар только женщинам передается.

— А ты? — спросил один из гиен, которому я не забуду «земляных червяков». — Надеюсь, хоть одним достоинством обладаешь, или только тем, что больно языкастый.

Эльса дернулась съязвить, но, к счастью, быстро уgomонилась и призналась:

— Сонник я!

Надеюсь, никто не заметил, как я вытаращилась на новоявленную родственницу. Впрочем, она общим вниманием завладела. Еще бы, сонники почти такие же редкие «одаренные», как и проклятийники. И не всем нравятся обладатели этого дара, ведь они не только умеют разгадывать сны, но и усыпить могут. Правда, заснут вместе с «подопечным», ведь суть их дара в том, чтобы разделить его с кем-то. Поэтому Эльса связала князя, а не усыпила. Дрыхнуть рядом с женихом в ее планы явно не входило.

— У нас трудностей со сном нет! — мрачно выдал Шай. — В дороге рядом с сонником — только проблем найти...

Как его не понять: если дар у сонницы неуправляемый, то спать мы

будем все, дружно и крепко, включая охрану, пока сама сонница не выспится.

— Я отлично управляюсь со своим даром! — неожиданно рыкнула Эльса.

А я быстренько поддакнула, чтобы не топать нам дальше вдвоем и без охраны:

— Дар Эля поможет справиться с душниками, в случае чего! Ведь их можно просто усыпить, а не драться. Вот!

Косой взгляд Эльсы на меня убил бы на месте, если бы она была проклятийником. Но, хвала Луне, это не так. Я показушно широко зевнула и ехидно ухмыльнулась.

Мужчины пристально смотрели на нас. Решал здесь только Шай. Он смотрел на Эльсу странным нечитаемым взглядом. Будто пытался что-то понять, но не мог. Наконец, обозничий коротко кивнул, согласившись:

— Будете помогать кашеварить. Но если, не дай Луна, вы...

— Ваше спокойствие — наше спокойствие! Клянемся! — выпалила я.

— Клянемся! — убедительно повторила Эльса.

— Ваше место в этой телеге, — проворчал Шай, будучи явно в недоумении от собственной сговорчивости, вновь бросил короткий странный взгляд на Эльсу и ушел.

Остальные тоже разошлись по своим делам. А мы с Эльсой выразительно смотрели друг на друга, пока она первой не решилась на откровенность, тихо зашептав:

— Тебя тоже прокляли, да? Почему у тебя запаха нет?

А у меня словно гора с плеч.

— Все что ни делается — к лучшему! Из-за нашей ругани с дракой они не пронюхали, что мы без запаха, братец Эль!

— Ты не увливай, братец Сава! — больше для остротки проворчала Эльса. — Насколько дней твоего проклятия хватит? А то спалимся...

Меня распирало от гордости и довольства — можно утереть нос кошке сервалу, не упуская возможности задирать меня:

— Я же знахарка и свой запах могу легко устранять. Так уж и быть, тебе тоже помогу. По-братски!

Эльса явно хотела вспылить, но примирительно махнула рукой и криво улыбнулась:

— Ты чего от князя сбежала?

— А ты?

Сервал тяжело вздохнула и честно призналась:

— А я вообще не от большого ума поперлась на смотрины! Сама

дядьку своего уговорила, чтобы он меня туда пустил. Думала, княгиней быть знатно и престижно. А Валиан этот — мелкий, спесивый, слабый кот...

— Как это? — я ошарашенно уставилась на нее. — Почему слабый, леопард же?

— Дед, и младший брат моей мамы из крупняка. Я в их клане на юге долго жила, а в Аверте, у второго дяди, последние два года. Так вот, поверь, я знаю, о чем говорю. Князь с таким запахом слабым долго трон не удержит.

Я недоверчиво покачала головой, не зная что и думать, а потом, вспомнив наш побег, приуныла:

— Все может быть, да только сейчас княжеский зад на троне, а мы его обе унизили. И если нас поймают...

— С меня он точно живьем шкуру спустит, — кивнула Эльса, а потом с горячим интересом уставилась на меня. — А ты как... ушла?

— Попрощаться успела, — кивнула я с нервной усмешкой.

И коротко рассказала о «соблазнении» князя перед побегом.

После чего мы стояли плечом к плечу и дружно, мстительно хихикали. Общая угроза и глупость, оказывается, сближает.

— Эй, ушастые, давайте-ка сюда! — окликнул нас огромный оборотень бурый медведь, видимо, кашевар и наш командир. — Только умойтесь сперва, чумазики, а то вас страшно к котлу подпускать.

Мы заговорщически переглянулись — вот точно порвали бы насмешника на лоскутки! — а затем, пыхтя как ежики, узнали, где можно воды взять, и тщательно умылись.

* * *

Эльса как пить дать запала на Шая — к бабке за советом не ходи! Пока мы шли помогать медведю к костру, она уставилась на видного волка обознического и, забыв обо всем, завиляла бедрами, как последняя блудливая кошка. Я сразу, пока остальные не заметили, это дело пресекла: сильно ущипнула забывшуюся девицу за вихляющий зад. Она подпрыгнула от боли и обиженно зашипела на меня.

— Мы же мужики, дура! — сквозь зубы напомнила я.

Мы дружно замерли, вспоминая мужскую походку. Чуть растопырили бедра и слегка расхлябанно, вразвалочку продолжили путь. С непривычки ноги заплелись и я завалилась на «брата», который меня удержал и двинул

локтем в бок. К костру мы подошли довольные собой, пока не услышали от братьев гиен:

— Вы там случайно в штанах ничего не забыли лишнего? Может, что выпало нечаянно? Или вы там хованку от ворья устроили...

У-у-у, опять насмешничают, как я их терпеть не могу... уже.

— Нет! — в один голос раздраженно отозвались мы.

— Ну-ну, — хохотнули гиены.

Пока мы выполняли распоряжения кашевара, помогая готовить обычную похлебку сразу в двух котлах, потому что народу кормить много, меня не отпускало ощущение, что за нами слишком пристально наблюдают. Неужели подозревают вражеских засланцев? Спору нет, большой обоз, разных товаров везут много, грабежа любой будет опасаться.

Наконец по округе пошел наваристый мясной дух, мужчины жадно принюхивались и собирались с кружками и плошками вокруг костров. Наш командир и кашевар по имени Наум снял пробу из ближайшего котла, за который я отвечала и, довольно причмокнув, похвалил:

— Знатная похлебка вышла, умеешь ты готовить!

— Да, наш Савка — знатная повариха, — ехидно согласилась Эльса — эта вредина специально назвала меня на женский манер, наверняка припомнив позавчерашний тур.

Наум зачерпнул варево из другого котла, попробовал, сморщился и недовольно заметил:

— А ты, видно, мастер только по части трепы. — Затем, не обращая внимания на уязвлено поджавшую губы Эльсу, добавил соли, пахучих специй, помешал, опять отведал и удовлетворился результатом: — Теперь есть можно.

Вскоре все дружно сели обедать. Оказывается, ехали всю ночь и еще не завтракали. Спешили убраться подальше от Валиана с его наемниками. За обедом мы познакомились со всеми южанами-обозниками. Их насчиталось двадцать пять оборотней разных видов: трое волков, включая обозничего Шая; по паре медведей и гиен, тех самых дюжих братьев, унижительно державших нас с Эльсой за шкурки; а остальные коты — леопарды и пумы. У меня появилась возможность сравнить запахи новых знакомцев котов с Валиановым. И правда — слабоват!

Глава 15

После хорошего сытного обеда мы с братцем Элем решили пройтись пешком, взбодриться и поболтать без чужих ушей. Благо настроение было отменным: сбежать удалось, в обозе нас оставили, а дальше... надеюсь, милость Луны безгранична. Широкое полотно тракта бежит среди бесконечных зеленых полей и перелесков; по-весеннему свежим воздухом легко дышится, особенно после прибившего пыль дождя; яркое солнышко в голубом небе. Жизнь прекрасна!

— Как-то ты легко мамку в мертвые записала, беду накликать не боишься? — шепотом спросила я Эльсу.

Скрип колес, топот копыт, фыркание лошадей, разговоры южан нарушали окружающую тишину и покой, но слух у оборотней чуткий.

Собеседница бросила на меня быстрый оценивающий взгляд и, тяжело вздохнув, поделилась:

— Родители погибли, когда я еще несозревшей малолеткой была. Матушка моя — сервал, с юга, а отец — волк, с севера, но он согласился обосноваться в мамином клане, в примакки пошел. Мама очень своих родителей любила, не хотела далеко от родни отбиваться.

— А моя — каракал, тоже южанка была. Отец волк северянин, — улыбнулась я. У нас с «братцем» много чего общего, оказывается. Потом с сочувствием поинтересовалась: — Как они погибли?

Сервал поморщилась и дернула округлыми, немного смешными пятнистыми ушами, перед тем как ответила:

— Мама хотела подругу навестить, та замуж вышла в другой клан. А по дороге они напоролась на стаю душников. Все, кто в обозе том ехал... — Эльса еще раз печально вздохнула. Видно, ей до сих пор больно из-за потери. — В общем, потом их нашли... по частям.

Я невольно положила ладонь на плечо спутницы и чуть сжала его, выказывая поддержку. Какая ужасная смерть!

— А твои? — Эльса искоса глянула на меня, в свою очередь ожидая откровений.

— Моя мама умерла родами, братьев моих не смогла родить. Я тогда совсем маленькой была.

— А солидный волк, что привел тебя на смотрины это...

Я грустно усмехнулась:

— Нет, Маран — это охранник, обозничий и приближенный моего

брата Амаля, главы клана, которому он доверил привезти меня на смотрины.

— Неужели у вас других девиц не нашлось, что тебя в такую даль за мужем потащили? — удивилась Эльса. — Я слышала, на Севере вы один из самых сильных и богатых кланов.

Пришел мой черед морщиться и через не хочу признаваться:

— Амаль, он... слишком властный и большой жадина. Если бы не княжеское повеление прислать девицу из ближнего круга, сидела бы я в братовых хоромах под надежным присмотром. Без права на свободу и даже семью. Эти смотрины для меня были единственной возможностью вырваться из-под его власти.

— Вот прямо, как мой дядя! — участливо закивала Эльса. — Сначала, вроде ничего был, еще куда ни шло, а после того, как сестра в горах сгинула, будто подменил кто. Дед с бабушкой отдали меня под его опеку, они тогда сами не в себе были, — и все! Он за каждым моим шагом следил, ни вдохнуть, ни выдохнуть без его ведома. Любого ухажера проверял после первой же улыбки, будто мне сразу метку брачную ставить собирались. Ходила с охраной, как преступник. Никакого приволья, никому ни улыбнись, не говоря уж о том, чтобы словом перекинуться, только под присмотром. Помешанный!

— Так может он боится, что и с тобой беда приключится? — осторожно предположила я.

— Угу, а твой Амаль, может, так же?! Боится?! — ехидно отбилась Эльса. — Чего ж сама сбежала от своего заботливого брата?

Я резко остановилась, прежде чем с горечью пояснила:

— Мой брат убил нашего отца за право возглавить клан. А мне свободы не давал, чтобы свою власть в клане упрочить, да на соседние давить в случае чего. Я же повитуха хорошая. Амаль лишь власть любит и силу. А вот твой дядя, мне кажется, просто по-родственному боится за тебя.

Эльса, опешив, сперва таращилась на меня, а потом обиженно мотнула головой:

— Ой, ты просто Дина с его тигриными замашками не знаешь: я круче, чем горы, и хозяин, если не всея Фарна, то уж точно лучшей его части — все это кого угодно сведет с ума.

— Твой дядя Дин с юга, да? — усмехнулась я. — От него ты и сбежала на север к другому дяде?

— Угу, — мрачно кивнула своевольная беглянка. — Шесть лет под опекой Дина прожила, словно в клетке, а как восемнадцать исполнилось, тайком сбежала к дяде Томашу, старшему брату моего отца.

— Это тот представительный, седой волк из клана Серых охотников — твой дядя Томаш? — уточнила я.

— Да, — кивнула Эльса, а потом опять возмутилась: — Знаешь, добралась я до Аверта, думала: ну все, воля-вольная, холостяки, сейчас как развернусь... ка-ак замуж выскочу...

— Ну и как, удалось? — хихикнула я, предвкушая забавную историю.

— И ничего! На мою голову снова свалился наш «круче гор, хозяин всея Фарна», обработал дядю Томаша вместе со всем кланом Серых — и следующие два года на севере ничем не отличались от предыдущих шести на юге. Опять ходила по струнке и с охраной!

Я тихонечко смеялась, слушая горе-невесту, а потом, качнув головой, заметила:

— Но ведь в смотринах же ты участвовала?

— Угу, участвовала — ехидно кивнула Эльса и, лукаво блеснув голубыми глазищами, позлорадствовала: — Дин запретил строго-настрого, а я дяде Томашу соврала, что добро от него получила. Хорошо, я Дина специально в таверну уводила для разговора. Так что пришлось дяде Томашу меня самому провожать на смотрины.

— Понятно... — протянула я, с иронией поглядывая на кошку плутовку, перехитрившую саму себя.

Сперва я решила, что небольшого ума мне «братец» достался, но, вспомнив свои думки по обретению мужа и «повешение», призналась себе, что мы обе недалекие. Одно утешение: я-то вынужденно, а вот она по своей прихоти глупости творит.

Видимо, эти мысли отразились на моем лице, поскольку сервал, бросив на меня косой взгляд, с тяжелым вздохом проворчала:

— Да, дура, бывает, иногда. Теперь мне к Серым охотникам возвращаться никак нельзя. Дядя Томаш сам прибьет.

— Ой, ну неужели от тебя всех женихов гоняли? — не удержалась я от вопроса, всплеснув руками.

Кошка тоскливо кивнула и добавила:

— Всех, кто мне нравился. Зато Дин постоянно знакомил меня с теми, кого счел достойными. Такими же, как и он: правильными, состоятельными, ответственными, способными защитить жену и будущую семью... занудами, в общем.

— Все старые и никто не приглянулся, да? — посочувствовала я.

— Почему старые? Молодые. Но скучные. Сама посуди, последний парень, которого Дин ко мне женихаться привел, на мою очередную шутку предложил давать ему знать, когда смеяться нужно. Вот такого высокого

мнения тот умник был обо мне. Шутки ему не понра...

Я не выдержала и, закрыв рот ладонями, беззвучно смеялась до слез: ну «несчастливая» Эльса, ну уморила! А затем, чуть успокоившись, решила-таки полюбопытствовать:

— Слушай, а зачем ты Валиана цепями к кровати примотала? И главное — как он тебе это позволил?

Бывшая княжеская невеста хмыкнула, на лице у нее мелькнула такая всезнающая, прожженная ухмылка, которой я у нее прежде не замечала, и рассказала:

— В Аверт два года назад я тоже сбежала, изображая мальчишку-сироту. Ехала с ярмарочными актерами. Ох, чего я у них не наслушалась только. Так вот, ехали там две кошки акробатки, и подслушала я, как одна хвалилась другой, что попадаются мужики, которые любят, когда женщина главнее. Бывает, связывает своего любовника и... — Эльса запнулась, глянув на меня, признаться, весьма удивленную рассказом, и хмуро завершила: — В общем, не для порядочной лу такие разговоры. Мала ты еще!

— Мне двадцать три, между прочим! Я старше тебя на три года, — вскинулась я обиженно.

Посверлив меня взглядом, а потом, пнув ногой камень, Эльса возмутилась:

— Да гадости они говорили всякие, нечего их повторять, раз уши деть некуда было. Да и сама подумай, вот подслушала я те тайны, на Валиане их попробовала — и что теперь?

— Что? — повторила я.

Беглая невеста мрачно закончила:

— Шкуру с нас спустят, вот что! Если поймают.

Мы замолчали и угрюмо смотрели под ноги, пока я не выдержала:

— И куда ты теперь? К дяде Дину?

«Братец» хмуро мотнула головой, пожевала полную, по-женски пухлую чувственную губу, а потом поведала, что задумала:

— Замуж мне надо. Срочно! Если Дин узнает или поймает, то князь мне лучшим выбором покажется. Поэтому осмотрюсь в дороге, на юге тоже много больших и крепких кланов. Выберу самого сильного оборотня...

— ...как Шай из Обжигающей лощины... — закончила я.

— Да... — согласилась Эльса, а потом, споткнувшись на слове, укоризненно глянула на меня. Дальше покраснела и призналась: — Этот волк просто подарок Луны. И пахнет умопомрачительно!

Я невольно пожала плечами: пахнет, как обычный волк, но Эльса фыркнула, заметив мои сомнения. Даже больше, она расслабилась, будто бы вычеркнув меня из соперниц, и нахваливала его от всего сердца.

Потом мы обсуждали свои дальнейшие дела. Перво-наперво надо вывести, куда точно идет обоз. Еще надо бы ознакомиться со всеми городками, через которые будем проезжать. И если место понравится, можно будет обосноваться там. На том и порешили, прежде чем в телегу прыгнуть.

* * *

Со стороны, наверное, могло показаться, что к вознице на козлах подбираются два хищника. Настолько осторожно мы с Эльсой перебирались к Глену по большим тюкам, сложенным в телеге, будто по холмам на четырех лапах. Леопард оглянулся, блеснул хитрыми, желто-зелеными с коричневыми крапинками глазами и молча следил, как мы, цепляясь за борт телеги, садимся слева от него, этаким милой родственной парочкой. Но не препятствовал, видно самому тоже интересно было, о чем речь пойдет.

— Странные вы, — задумчиво выдал Глен, окинув нас цепким взглядом, и вернул внимание паре крепких лошадей-тяжеловозов.

Мы же, только-только успокоившись, вновь напряглись, зыря на него исподлобья.

— Почему вы так считаете, ата? — осторожно спросила я, с неудовольствием услышав в своем голосе легкое заискивание.

Тьфу на меня! Я же мужик! Теперь...

— Одеты не по-сиротски. Мелкие, но при этом не задохлики полуголодные. Кожа на вид нежная, как у юнцов, ведете себя, как пацаны, но явно старше... — спокойно перечислял свои наблюдения Глен, заставляя нас нервничать еще сильнее. А потом он резко обернулся, глубоко вдохнул, стараясь уловить наш запах. Нехорошо прищурился и поинтересовался: — И почему-то совсем не пахнете!

— Бабка-злыдня на базаре прокляла, — быстро нашлась Эльса, не забыв подпустить в голос злости и обиды.

А я поддакнула:

— Да, всего за горсть семечек... бесплатных.

— Так вы на дармовщинку не только на чужих телегах разъезжаете, но еще и семечки таскаете?

Я охнула от сунутого мне в бок локтя Эльсы. А я что? Я все на лету хватаю: не умею врать, ой, на ходу сочинять — значит, больше не берусь. Оставлю эту сомнительную честь «братцу». Он у нас мастер на выдумки.

А Эльса тем временем вдохновенно исправляла недоразумение:

— Она нас обвесила, а когда ее поймали на жульничестве, устроила хай на весь торговый ряд. Ну мы и хватанули каждый по жменьке... а ведь нам должны были гораздо больше.

Я молча, но проникновенно правдиво таращилась на Глена и усердно кивала.

— Бывает, — качнул головой леопард, невольно привлекая к себе внимание.

Пшеничные волосы, яркие большие глаза, широкое лицо и высокие скулы, с виду мягкие полные губы — очень симпатичный мужчина. В свою очередь, глубоко вдохнув, я убедилась, что запах у него сильный.

Как с недавних пор повелось, язык у меня сработал раньше головы:

— А вы женаты, ата?

Светлые брови Глена взлетели на загорелый лоб, он недоуменно уставился на меня:

— А с чего это тебя моя семейная жизнь заинтересовала?

Мысленно дав себе подзатыльник, стараясь, чтобы звучало беззаботно, махнула рукой:

— Да так, для себя, на будущее. Скоро и наше с Элем время придет, ата, а у нас на севере с невестами после войны совсем худо стало, хоть волком вой. Все лу наперечет. Вот и хочется знать, как дела на юге.

Глен насмешливо хмыкнул:

— Чтобы девицей обзаводится, сначала научись ее от соперников защищать. Жених...

— Мы постараемся, — хмуро буркнула Эльса.

Леопард повел широкими плечами, расстегнул пуговицы на темной куртке: солнце все сильнее пригревало и крупному мужчине становилось жарко. Я подумала, что он уже и не ответит, но ошиблась:

— На юге издревле женщин гораздо меньше, чем нужно. Никто не знает почему, но чем жарче и суше край, где живут оборотни, тем больше мальчишек рождается, и все слабее надежда на рождение девочек. На севере равновесие вроде сохраняется, я знаю, что и на западе тоже. На востоке — с переменным успехом, уж больно погода у них из года в год переменчива: то жара и засуха, то проливные дожди месяцами и холод. Так что, боюсь, вы зря решили податься именно к нам. Лучше бы на восток или запад направились, раз остались без рода и клана. Там спокойнее. И

свободных женщин больше.

— То есть, в ваших южных кланах с женщинами совсем туго? — спокойно уточнила я, только радуясь этому.

Глен пожал плечами, соглашаясь:

— Наши холостяки все чаще отправляются на поиски жен в чужие края и привозят их из разных концов Фарна. В последние годы особенно.

Эльса недоверчиво переспросила:

— Что-то я не слышал, чтобы настолько плохо на юге с девицами было. Конечно, их немного, но...

— А ты много о южанах знаешь? — насмешливо уколол Глен братца Эля.

Эльса тут же, не моргнув глазом, выкрутилась:

— Просто мама много рассказывала про свой клан, да и про жизнь на родине. Разве что за несколько лет все успело сильно измениться, в чем я сомневаюсь.

Глен легонько стегнул по крупам лошадей, поторапливая, поджал губы, вновь привлекая к ним мое внимание, и пояснил:

— Жизнь меняется. И сейчас не в лучшую сторону. Старые традиции уходят в прошлое, оборотни становятся враждебнее, злее. Сам Фарн меняется! На севере льды забирают все больше земли, вынуждая исконные кланы рыбаков и охотников покидать веками насиженные места в поисках лучшей доли. На юге же наоборот климат жарче становится, значит девочек рождается меньше, а одиноких озлобленных мужчин, которые не смогли обрести семью вовремя, все больше. Душников развелось столько, что их можно встретить где угодно, в горах — особенно. Так что девицы на выданье в каждом клане наперечет и абы за кого ни одну не отдадут.

— А если любовь случилась? — вспомнила я Марийку оставшуюся с неизвестным возницей.

Глен хохотнул и с нескрываемой насмешкой ответил:

— Ну, если конечно, такого дрыща полюбит какая краса, то может и отдадут. В наших краях еще чтут традиции. Любовь для будущих супругов и родителей бесценна. Но тогда не обессудь: семья невесты с тебя три шкуры снимет, но настоящим мужиком сделает обязательно. Чтобы их кровиночку защищал, кормил, холил и лелеял.

На «дрыща» я решила не обижаться, сейчас важнее как можно больше подробностей узнать, а не устраивать склоки. Еще заметила, что Эльса мрачно провожает взглядом поля вдоль обочины. Небось сравнивает, о чем Глен сказал, со своими воспоминаниями о родном крае. Из рассказов кошки сервала я поняла, что под крылом своей семьи жила она, как отмеченная

Луной, — избалованная и любимая, единственный ребенок, еще и девочка, — несмотря на излишнюю опеку дяди, младшего брата погибшей матери. Думается, Эльсе мало в чем отказывали, баловали, тешили и растили, как нежный цветочек. Суровой жизни она просто не знала и не замечала, какие трудности порой испытывают обычные оборотни, а занималась собой, волнуясь лишь о том, что «притесняют» — много воли не дают. Даже сбежав в клан погибшего отца, она и там получила любовь, заботу и полную защиту от жизненных невзгод. Ведь вертела дядей Томашом как хотела.

А вот я слушала Глена с большим интересом. О многом сама узнала, будучи повитухой и целителем. Да и Амаль меня не холил и не жалел, так что трудностей хлебнула и суровую жизнь знаю не понаслышке. Не голодала, конечно, и без крыши над головой не оставалась, но все-таки.

— А вы, ата, из какого клана? Далеко от границы с княжеством живете? — спросила я.

Мужчина вновь окинул меня пристальным изучающим взглядом. Ох, не прост этот леопард, не обычный возница, как я решила вначале. Хотя за обедом успела многих разглядеть, мне тогда показалось, что из «простых смертных» здесь нет ни одного.

— Далеко. Левее Тихой заводи, где родилась твоя мать. Вы направляетесь туда?

Я пожала плечами, а Эльса пояснила вместо меня:

— Мы думаем заехать в оба клана. Где нам будут рады, там и останемся.

— Заводь — небольшой клан, проживающий на берегу длинного озера, места там плодородные, оборотни сильные, за свое постоять всегда готовы. И девочки там рождаются чаще, чем в других кланах. Соседи всегда рады с ними породниться.

— Да, папа рассказывал мне в свое время, — с горечью и душевной болью вздохнула я. — Правда, отцу мать не отдали в жены, хоть и сильный был, и состоятельный волк. Выгнали его взашей, стоило заикнуться о браке с красивой кошкой. Но мама полюбила и сбежала за отцом. Они друг друга очень любили. И...

Я замолчала, вспомнив, что история братца Савы далека от девицы Савери. Но Глен смотрел с сочувствием, видно решил, что дальше рассказывать слишком больно.

Зато Эльса удивила: приобняла меня за плечи и прижала к себе. И главное, слушая мои откровения, леопард заметно расслабился, из его глаз ушла подозрительность.

— В обозе, как мы поняли, оборотни из разных кланов? Так, наверное, проще защищаться от лиходеев и душников? — осторожно спросила Эльса.

Мы с ней знали, что это за обоз и зачем собран, но хотелось продолжить разговор и узнать побольше.

— Да, мы из разных кланов, — кивнул оборотень, — передавали князю весточку от южан. Ну и торговые дела заодно вели. Чтоб даром не мотаться за тридевять земель.

Зря мы дальше ждали продолжения. Глен излишней разговорчивостью и откровенностью не страдал. Зато исподволь начал прощупывать нас, спрашивая о жизни в Аверте, настроении городских жителей, отношении к князю. В итоге, мы с Эльсой помогали друг дружке уходить от скользких вопросов: она делилась тем, что узнала за два года жизни в столице, а я передала те самые вести, которые недавно в трактире «Логово большого лиса» перед смотринами от Вита слышала, да от рыбака, которого он до Аверта подвозил. Вот и пригодились слухи.

Судя по всему, Глену новости понравились, и наше нелестное мнение о князе он тоже подметил. Так и прошел день, а когда небо начало краснеть перед закатом, бескрайние поля сменяться небольшими перелесками и холмами, Шай объявил привал.

* * *

Пока обозники устраивали лагерь, распрягали лошадей,ставляли охрану, мы с Эльсой под присмотром Наума готовили есть. Попутно приглядываясь к мужчинам: авось найдем свое счастье здесь. Одна уж точно нашла! Эльса завороженно следила за Шаем, проворачивавшим сразу несколько дел. Деятельный оборотень, основательный, за таким наверняка как за каменной стеной.

Пока мы, хрипло дыша от натуги, тащили котлы с водой к кострам, мой «братец» чуть шею не сломала, провожая взглядом прошедшего мимо главу обоза. Чуть не ополовинили котел, споткнувшись из-за нее.

— Ты же мужик, Эль, ты чего творишь-то?! — шикнула я на нее. — Шею не сломай.

— Он та-ак пахнет... еще и вспотел за день, — застонала Эльса, — и рубаху расстегнул, охальник, глаз не оторвать.

Я приостановилась, вытаращилась на нее, гадая, что приятного в потном Шае, но решительно зашипела:

— Нас кормят, поят и везут, да под охраной! И все задарма, а ты слюну

пускаешь на главного, балда. А ну как заметят? В лучшем случае, выкинут.

— А в худшем? — хмуро буркнула подруга по несчастью, а потом встрепелась: — Вдруг — женится?

— А если не он? — ехидно предположила я. — А если Наум к тебе любовью воспыхает?

Мы посмотрели на нашего повара-командира — огромного оборотня, чья медвежья натура проявлялась во всем: в неторопливых, но точных и аккуратных движениях, ответственном отношении к делу. Обед-то у нас вышел на славу, вот и сейчас Наум отбирал припасы для ужина с толком, с расстановкой. Сам он хоть и могучего, плотного сложения, но ни капельки жира на нем незаметно. Вон как перекатываются мускулы на широкой спине и руках под плотной рубахой. Широкий ремень подчеркивает каменный живот, крепкий зад и бедра. И когда он кашеварил, то, словно танцуя, вертелся вокруг костров, засыпая в котлы очередную порцию мяса или крупы, подобно воину, разминающемуся перед боем.

Я тоже засмотрелась на Наума — кареглазого, симпатичного мужчину с кудрявой каштановой шевелюрой. А ведь пока ехала в телеге, любовалась другим оборотнем — Гленом. Тьфу!

— Я — мужчина! Я — мужчина! — зашептала я, поймала очередной тоскливый взгляд Эльсы на Шая и рыкнула ей: — Советую и тебе повторять это для себя, братец.

Дальше мы перли котел, глядя под ноги и мысленно твердили эти слова. Я почти уговорила себя: пока ели в кругу сильных и привлекательных мужчин, не думала о любви, замужестве и потомстве. Будет еще время. И даже расслабилась, слушая неспешный разговор, да незлобивые шуточки братьев гиен Мишека и Дашека над соседями. Насколько я поняла, оба женаты и давно детьми обзавелись.

И все было хорошо и спокойно, но тут, на наше с Эльсой невезение, Шай, отлучавшийся, чтобы переговорить с караульными, после ужина сел рядом с нами, попить взвару горячего, смешанного с вином для хорошего сна и настроения. То ли вино в голову втюрившейся девице ударило, то ли потный Шай рядом неудержимым соблазном оказался — она сначала жадно задышала, зажмурившись от удовольствия. А потом и вовсе дотянулась до плеча Шая и начала тереться об него, как самая обычная домашняя кошка, ластящаяся к хозяину, а не приличная девица-оборотница.

Сидевшие вокруг костра мужчины постепенно замолкали, увидев, чем мой братец Эль занимается. Мишек и Дашек, сверкнув желтыми глазищами, ухмыльнулись. А сервал знай себе все сильнее наяривала, терлась щекой, как так и надо, пока обалдевший Шай не обернулся к ней.

Пару мгновений он смотрел на макушку Эльсы округлившимися серыми глазами, а потом в них зажглась ярость — и в следующее мгновение моя забывшаяся подруга кубарем полетела в сторону.

У меня сердце в пятки упало: вдруг волчище прибил ее со злости! Подскочила к Эльсе, а она сама, мотнув головой, уселась и ошеломленно уставилась на окружающих, приходя в себя. Я облегченно выдохнула, заметив, как у нее распухает левое ухо. Не убил, только по уху двинул. А ухо привести в порядок — плевое дело.

— И что это было? — угрожающе прорычал Шай, вставая с бревна.

Поскольку бедняжка кошка, потирая пострадавшее ухо, болезненно морщилась, объясняться решила я, припомнив, как это делали парни из моего клана, когда оправдывались перед старшими:

— Глен сказал, скоро город, мы думали пройтись там, если подольше задержимся. Может курочек поискать свободных... А нас бабка-злыдня прокляла и запаха лишила. Ну вот Эль и попробовал вашим запахом натереться. Вы у нас такой запашистый, что любая клюнет.

Мишек и Дашек ржали так, что впору коней пугать, издавая режущие, неприятные звуки, свойственные гиенам. Наум с улыбкой качнул головой, бросив черпак в пустой котел. У Шая светлые глаза чуть не побелели.

— Петухи нещипанные, — выплюнул он. — Лучше своей работой займитесь. Котлы грязные на вас, вперед, к ручью. И чтобы блестели!

— Мыть котлы? — вскочила Эльса, забыв про покрасневшее, опухшее и ненормально торчащее ухо. Оборотни ухмылялись, а мне хотелось быстрее развязаться с обязанностями, да сделать ей примочку целебную. Но сервал громко заявила: — Я мужик! А грязная посуда — это женское дело.

Шай выпрямился в струнку и словно закаменел. Даже не знаю, что бы было, не вмешайся вовремя Мишек и Дашек:

— Шай, ты не против, если этими настоящими мужиками займемся мы?

Я громко сглотнула, распоследними словами мысленно поминая языкастую Эльсу. А все из-за дара, с которым она, вроде бы, управляется. Известное дело: сонники и проклятийники — особы с весьма склочным, порывистым характером, хоть первым до вторых далеко, конечно.

Волк мотнул головой и ушел от нас подальше. А мы, как два кролика, уставились на гиен, сытых, правда, но все равно опасных.

— Мужики, значит? — протянул Мишек.

— И посуда не женское дело? — добавил Дашек.

— Да, — пискнула я.

— Хорошо, до конца пути мы из вас сделаем действительно настоящих мужчин, — с некоторой угрозой пообещал Дашек.

Мишек бегло оглянулся и приказал:

— Раз котлы не про вас, значит так: набираете дров вон у того дерева на холме, а потом бегом, повторяю, бегом, возвращаетесь.

Указав на дерево неподалеку, Эльса беспечно уточнила:

— У того?

Братья переглянулись, обменялись оскалом и единодушно поправили:

— Нет, во-он у того.

Мы проследили за их вытянутыми руками. И я почувствовала, как невольно открыла рот, увидев в красном закате высокое, толстое дерево примерно за версту.

— Там? Собрать дрова? — дошло до Эльсы.

— Ага. По четыре жердины на брата, в каждую руку по две, — добавил приятных ощущений Дашек, строго на нее посмотрев. — А теперь, мужики, бегом! Туда и обратно!

Мы послушно рванули, у них не забалуешь. Клыки и когти такие, что без ножей обходятся. Бежали мы с трудом, особенно обратно, в боку кололо нещадно. Я всю дорогу отчитывала недоделанного мужика Эля, а та вяло отбредивалась.

В лагерь мы только что не приползли, представ пред желтые очи Мишека и Дашека, встречавших нас, как положено, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Мокрая как мышь Эльса прямо-таки взмолилась:

— Я вас очень прошу, ну пожалуйста, можно я помою котел?

— А можно я всегда буду мыть все котлы?! — прохрипела я с надеждой, роняя жерди и падая на колени.

— Меня радует такая покладистость!

— И быстрая обучаемость! — хохотнули братья.

К счастью, котел нам дали мыть один и, драя его до блеска песком, я уже незлобиво подшучивала над кошкой, исподтишка обиженно посматривающей на Шая:

— Когда мужик влюблен, он готов не только звезду с неба достать, а еще и помыть посуду!

— Три-три, умник, сам-то тоже через кастрюлю пытался счастье поймать, — тоже не молчала она.

Затем нас отпустили спать, снабдив большой и мягкой шкурой. Настроение было хорошее: ухо подлечили, наши спутники оказались суровыми, но справедливыми, порядочными и надежными. В такой компании не страшно, и мы спокойно улеглись в телеге Глена, любуясь

звездами.

Глава 16

— Подъем, мужики! — гаркнули надо мной, заставив вздрогнуть от неожиданности и проснуться.

Высунувшись из-под шкуры и с трудом продрав глаза, я посмотрела на удаляющуюся спину одного из братьев гиен на фоне сереющего неба. Только-только приближающийся рассвет — чего их в такую рань подкинуло? Я широко зевнула, протерла глаза и ощутила болезненную ломоту во всем теле.

— О, Луна, защити и помоги... — простонала под боком Эльса, тоже выпроставшись из-под шкуры.

Братец сразу нахлобучила кепку на голову, прикрыла пологом шею и часть лица и с мучительным стоном, словно ей уже давно перевалило за сотню, полезла из телеги. Я приподнялась и тоже поспешно нацепила кепку, быстро оглядывая себя, проверяя, не вылезло ли наружу чего женского. И рванула за братцем, но только рванула, потому что руки, ноги и даже головушка слушаться не хотели и болели так, будто меня всю ночь били-били, а убить забыли. Да-а-а... вчерашняя мужская пробежка с дровами даром не прошла: руки-ноги — словно плети, спина и вовсе отваливается.

Кое-как спустившись на землю, кривясь и охая, я еще раз тщательно проверила свой наряд, ведь я же мужик, чтоб им всем пусто было. Недолго думая, вытащила из телеги корзину и достала пузырек со снадобьем, которым пожилого Вита по дороге пользовала. Мы с такой же болезнью Эльсой жадно его ополовинили, мрачно переглянувшись. Затем вместе поковыляли в кусты, не пришлось даже изображать мужскую походку: без притворства плелись, скособочившись, ногами колесом, слегка загребая ботинками. Никакого тебе намека, что девушка идет, да как лебедушка плывет. Вся женственность вчера у холма осталась.

— Да не стони ж ты так, нас раскусят сразу, — шикнула я на Эльсу, когда мы направились к костру, мечтая присесть и перекусить.

— Я не могу-у-у... у меня все но-оет... Настойка твоя почти не помога-а-ает, — чуть не плакала она, а ведь недавно князя цепями привязывала.

Поймав внимательные, насмешливые взгляды обозников, в особенности братьев гиен, я зло шепнула, чтобы не услышал кто случайно:

— Ты же мужик, и ныть нам не пристало.

— Луна, я ненавижу быть мужиком! — не унималась Эльса.

— Смотри-ка, ушастые... ползут, — ехидно приветствовал нас Глен.

Оскорбительное «ушастые» действовало. Мы враз подобрались, злобно уставились на леопарда зубоскала и почти бодренько дошли до костра. Наум молчком улыбался. Мишек и Дашек встретили нас загадочной, многозначащею ухмылкой. Шай подозрительно хмурился, взирая на Эльсу. И почему мне кажется, что этот Стальной волк постоянно пытается в чем-то разобраться, глядя на нее? Но его постоянно отвлекали. То один оборотень подойдет, то другой за советом или указанием. Невольно захотелось, чтобы они его почаще дергали, а то мало ли...

— Я смотрю, вы никуда не торопитесь, — продолжил подзуживать Дашек. — О чем размечтались, отроки?

— О счастье! — буркнула Эльса. — Не видно, что ли?

Гиены обменялись выразительными взглядами, сверкнув желтыми глазами, и одновременно выдали:

— Меньше ворчите и больше мурчите. И будет вам счастье!

Получив слишком двусмысленный совет, мы благоразумно промолчали. Постояли под гнетом пристальных мужских взглядов, помялись, а стоило нам скосить глаза и приняться к забулькавшей в котле каше, Мишек качнул головой:

— Мы же договорились, что сделаем из вас настоящих мужиков. Или уже передумали?

Мы с Эльсой, сжав кулаки, исподлобья смотрели на хитро щурившегося мучителя и шумно дышали. Наконец, подруга по несчастью покорно выдавила:

— Ну вот еще, кому же не хочется стать сильным оборотнем. Это наша мечта просто.

— Тогда, как и вчера, бегом до того самого дерева и обратно. И побыстрее, а то каша остынет и обоз ждать не будет, — довольно потер здоровенными ладонями Дашек.

Тоскливо взглянув на бревно, котел с едой, мы дружно развернулись и побежали. Убежав на приличное расстояние, уже не сдерживаясь, стонали в голос — мышцы болели нещадно.

— Какого душника ты вчера разорялась, мол, я мужик, а мужики посуду не моют... — набросилась я на Эльсу.

— А ты тупее историю придумать не смогла? — огрызнулась она в ответ. — Мы пойдем в город кур топтать. Тыфу, похабщина какая!

Я сконфуженно оправдывалась, не забывая передвигать ноги:

— У нас в клане парни так говорят, вот и ляпнула первое, что пришло

в голову, надо же было выкручиваться.

— Может уйдем от них? — неожиданно предложила Эльса с надеждой посмотрев на меня.

Кожа на ее бледном лице покрылась испариной, несмотря на раннее, по-весеннему прохладное утро. Голубые глаза лихорадочно блестят под козырьком. И бежит она еле-еле, смешно загребая ногами, и одежда на ней болтается, выдавая более хрупкое сложение, чем должно быть у парня семнадцати лет, как мы «признались». Наверное, я и сама выгляжу не лучше, если не хуже, будучи еще более тонкой и мелкой, чем Эльса.

— У меня совсем мало денег с собой, а тут кормят и везут бесплатно, — удрученно призналась я.

А злополучное дерево далеко... елки-палки...

— Еще и горы перейти придется, а там на душников нарваться ничего не стоит. Обозы с юга только под охраной и водят, иначе беда, — с грустью согласилась с нашим незавидным положением Эльса.

— Да ладно, разве мы пробежаться лишний раз не сможем? — притворно храбрилась я.

Бежать и разговаривать было очень тяжело, но когда еще возможность высказаться будет.

— Сможем, куда ж деваться. Только подозреваю, что гиены раскололи нас, — мрачно выдохнула Эльса.

— С чего это ты решила? — всполошилась я.

— Смотрят больно насмешливо. Словно подначивают сдать или признаться в обмане. И этот намек на мурчание... не понравился мне.

— А другие?

— Те вряд ли. А эти желтоглазые кровопийцы... я почти уверена. Но молчат пока...

— Ну и ладно! — махнула я рукой. — И пусть молчат, глядишь, мы с ними горы перевалим — и разойдемся по-мирному.

— Как с князем? — хихикнула Эльса.

— Типун тебе на язык, братец, — мрачно буркнула я, взбираясь на холм к дереву.

Привалившись к стволу, мы отдышались, потом быстро осмотрелись и, собрав немного сушняка, отправились обратно. Причем гораздо бодрее, ведь в лагере нас ждал завтрак и уже почти любимая телега, в которой можно будет передохнуть.

Ох, нелегок путь к счастью и любви!

О том, что наш обоз остановится неподалеку от города, я узнала поутру четвертого дня пути. Когда мы с Эльсой вновь бежали «во-он до того дерева», вернее до огромного камня, который оказался указателем города Малинника. Оттуда в рассветной дымке проглядывала длинная линия городских крыш. Причем близехонько, всего в паре верст навскидку. Почему мы не стали заезжать в Малинник — непонятно. Может южане не хотят лишнего внимания?

После плотного завтрака и добросовестного мытья котлов в узенькой местной речушке мы узнали, что останемся здесь до следующего утра. Затем я упростила Мишека и Дашека, собравшихся в город пешком, взять меня с собой. Эльса, подруга называется, отказалась, де здесь она уже была и ничего занятного не нашла. А вот прикорнуть после тяжких трудов в телеге и досмотреть очередной сон — с превеликим интересом и удовольствием.

Кроме меня компанию братьям-гиенам составил Глен. Пока шли, гиены рассказали, что городок сей основали сразу несколько кланов медведей-солнцепоклонников, а название он получил из-за малиновых куш, разросшихся с западной стороны. У первых домов спутники мне наказали к ужину быть в лагере и не искать неприятности на кошачьи уши и чересчур любопытный нос. Дальше они пошли по своим делам, а я по своим. Хотелось, как обычно, мир посмотреть — поглазеть по сторонам да на местных оборотней.

Медведи, как водится, в основном очень крупные, мощные и в человеческой ипостаси, тем более в Малиннике их большинство, поэтому попервости я шарахалась, опасаясь, что вот-вот затрут или затопчут ненароком. Среди этих верзил сама себе казалась тем самым дрыщом, которым меня Глен обозвал.

Сразу же купив в первой попавшейся лавке туесочек с сушеной малиной, вкусно пахнущей летом и солнцем, я неторопливо брела по улице, разглядывая все подряд и не забывая лакомиться. В сущности, ничего в этом Малиннике необыкновенного нет, за исключением непривычно больших горожан. Да следов войны: кое-где погорельцы отстраиваются и печные трубы торчат. А вот к полудню, когда пришла на огромную площадь, увидела два весьма примечательных здания. Словно две противоположности. Одно — сложенное из потемневших от времени бревен, украшенное деревянным кружевом, с древними рунами — храм

Богини Луны, защитницы женщин и семей. Храм высокий, с квадратными окнами и тонким шпилем на остроконечной крыше, будто пронзающим небо. Подобный есть и в Аверте, и в Волчьем клыке, только поменьше.

Другое здание необыкновенное — беломраморное, с закругленными стенами, отражающими свет, прямо-таки сияющее на солнце. Откуда только привезли столько ценного камня! Крыша показалась мне и вовсе затейливой: серые каменные лепестки, будто плодоножка паслена. Нетрудно догадаться, что это храм Бога Солнца или Солнышка, как его еще ласково называют. Медведи в большинстве своем ему поклоняются. Я слышала, Солнышко — добрый и щедрый бог. Часто дарит своим детям удачу. Во всяком случае, медвежий город выглядит вполне процветающим и благополучным, словно здешних мест война лишь краем коснулась.

Я потопталась немного, глядя то на один храм, то на другой, и решительно направилась в святилище Луны. Внутри храма царил сумрак, терпко пахло ладаном, было тепло и уютно, будто в родном доме. В середине — купель, в которой в лунные ночи всегда отражается лик богини. Я бережно достала мамин амулет из-за запазухи и окунула в святую воду. И некоторое время, словно оторвалась от мира, просила дать мне сил заботиться о больных и будущих матерях, уберечь от потерь. И подарить, наконец, семью и надежный дом...

После обращения к Луне на душе ощутило полегчало. Потом я вышла на площадь, снова постояла в раздумьях и менее уверенно направилась в храм Солнца. За удачей! В отличие от Лунного Дома, в Солнечном оказалось светло и прохладно из-за обилия камня. В центре храма из-под земли бил ключ, и прихожане пили воду из ручейка, брызгали ею на себя. Я тоже подошла к источнику, присела рядом и напилась чистой холодной воды, после сушеной малины очень освежает. А перед тем как побрызгаться, попросила у Отца-Солнца наудачу: «Помоги встретить свою судьбу!» Может, сегодня? Или в самое ближайшее время. Для большей убедительности и пользы дела я наплескалась едва не насквозь.

Оставив в храме Солнца, также как в храме Луны, серебрушку, я вышла на площадь в благостном настроении, готовая к судьбоносной встрече и переменам. И почти танцующей походкой направилась в сторону торговых рядов, откуда слышался смех, звуки музыки — ярмарочное представление каких-нибудь заезжих артистов идет. Почему бы и мне не развлечься?

Но не тут-то было. В толпе мелькнула знакомая мужская фигура волка в темной куртке и штанах, крепкой обуви. У меня внутри аж похолодело, а сама замерла на месте, не в силах даже дернуться, как сглазил кто. Волк

чутко водил серыми мохнатыми ушами, выискивая малейшие признаки опасности. Наконец он повернулся ко мне лицом, и я судорожно сглотнула — Маран! Давненько не виделась, называется! Да я бы его лучше вообще больше не видела! Вот точно не соскучилась бы.

Маран сразу нашел меня глазами и смотрел мгновение-другое. Потом грозно сузил глаза — меня словно промеж лопаток кто стеганул, кинулась наутек. Как же так, уже нашел? И пока я петляла между лотками, спинами и палатками, мысленно взывала к Батюшке Солнышку: неужели возвращение в родной клан и есть моя судьба? Незавидная и одинокая!

Неслась по торговым рядам как угорелая, а саму так и подмывало постоянно оглянуться и узнать, не догоняет ли Маран. Где уж было смотреть, куда несусь, вот и оплошала — врезалась в кого-то, словно в стену, и не отлетела, потому что этот кто-то твердокаменный удержал. Замешкалась, пережидая, пока перед глазами от удара звездочки мерцать перестанут, и тут меня, прямо как четыре дня назад, когда в чужой телеге нашли, вздернули за шкуру в воздух. Со страху и досады, что Маран все-таки поймал, я угрожающе зашипела и замахала руками, выпустив когти и клыки, пытаюсь вырваться из его лап.

— И кто это у нас такой прыткий под ноги не смотрит? — раздался знакомый, хриловатый, глубокий голос, от которого каждый волосок на моем теле встал дыбом. Раздался совсем неожиданно и немыслимо.

Сначала я отметила под распахнутым знакомым черным плащом длинные мускулистые ноги в штанах, плотно облегающих бедра, широкий кожаный пояс с ножнами. Затем коричневую, крашеную ольхой, льняную рубаху со шнуровкой, концы которой небрежно болтаются, приоткрыв загорелую мощную грудь и крепкую шею. Плечи — косая сажень. Да-а-а... здоровенный мужчина, от такого не вырвешься!

Перестав сопротивляться, вернее, понапрасну смешно барахтаться на потеху толпе, я извернулась и медленно подняла глаза к лицу крепко державшего меня на весу хозяина этого чудесного голоса, намертво врезавшегося мне в память. И чем дольше смотрела на того, за кем совсем недавно добрый час гонялась по столичному рынку, тем сильнее вязла в собственных ощущениях, будто пчелка в меду.

Я сглотнула, оторвав взгляд от мужского кадыка, упрямого подбородка, осуждающе поджавшихся губ. Затаив дыхание, осмелилась поднять глаза на скуластое лицо с впалыми щеками, высоким широким лбом и прямыми серыми бровями, крупным, но не сильно выдающимся носом. Как и Шай, этот незнакомец оказался двухцветным: дымчато-серые пряди красиво перемежаются с темными. Из густых волос торчат небольшие, мохнатые,

серые уши с темной каемкой — окраски если не пугающей, то настораживающей, потому что говорит та о многом, как и большие, раскосые, ярко-желтые глаза с таинственными зелеными искорками-вкраплениями.

Судьба столкнула меня не с ирбисом, как я думала, — а тигром редчайшей «снежной» расцветки. В отличие от ирбисов, они предпочитают горные долины. Разве спутаешь тигра с другим оборотнем: черная кайма на весьма характерных, широко расставленных округлых ушах любому скажет, что перед ним сильнейший представитель крупных кошек, ярый собственник и господин! Видимо, поэтому в Аверте он носил плащ с капюшоном — тигры любят власть, а Валиану Северному вряд ли понравился бы залетный соперник в княжестве.

И фигура, и лицо тигра иноземца показались мне жесткими, суровыми, строгими, хищными что ли. Наверное, даже если он улыбнется, его черты не смягчатся; наоборот, белоснежные клыки, кончики которых поблескивали между недобро сжатыми в узкую линию губами, оголятся до звериного оскала. Рассмотрев, наконец, оборотня, чей запах и голос мучили меня несколько дней, я судорожно вздохнула.

Сильный запах тигра вновь дурманил меня, околдовывая, захватывая мое тонкое обоняние. Благодаря своему дару травницы, не то сыгравшему злую шутку, не то, наоборот, позволившему в полной мере раскрыть его дивный аромат, я упивалась сотнями мельчайших оттенков. Наслаждалась, погрузившись в него с головой.

В чувство меня привел насмешливый глубокий бас незнакомца:

— И что такая лапуля здесь делает? Да еще в непотребном наряде?

Моргнула, приходя в себя, и отметила горячий мужской интерес в желтых тигриных глазах. К моему огромному удивлению, и вопрос, и интерес незнакомец проявил именно ко мне, быстро вернув мне мозги на место. И хоть я позорно болталась в воздухе, удерживаемая его рукой, как провинившийся котенок, но все равно распетушилась:

— Какая я тебе «лапуля», извращенец? Я — мужик! Глаза разуй!

Тигр шумно вдохнул, нахмурился, смерил меня внимательным взглядом, а потом усмехнулся:

— Если ты мужик, то я точно извращенец!

Народ уже не только оборачивался на нас, некоторые даже останавливались поглазеть, в чем дело и чем оно кончится. А мне стало обидно слушать насмешки, да еще в лапах чересчур уверенного в себе оборотня. Подумаешь — тигр! Криво ухмыльнувшись, я поддалась совершенно безумной, сиюминутной затее:

— Не знаю, не знаю, насколько ты извращенец, а вот народ именно так сейчас и подумает.

И как бы в отместку за бестолковую беготню по Авертовскому рынку, я потянулась к мужчине, вцепилась в его плащ, ногами обняла за пояс и прижалась губами к его губам. Конечно, это мой первый поцелуй, и целовалась я неумело, но старалась на славу. Как я думала!

Незнакомец, на которого я «напала» на глазах у любопытствующих горожан, сперва замер, будто опешил, а потом крепко прижал меня к себе и поддержал затылок. Дальше его губы ласкали мои, затем, требовательно раздвинув их, в мой рот протиснулся язык. Я попыталась выпихнуть «наглеца», но чувственная игра увлекла меня непередаваемо приятным вкусом и ощущениями. Захватила...

Ох, даже не знаю, куда бы завел нас первый и такой горячий поцелуй, если бы не здоровенная ручища незнакомца, стиснувшая мой зад. Вот она-то и привела меня в чувство лучше ушата холодной воды.

Я укусила обнаглевшего тигра за губу до крови и, благодаря тому, что он от неожиданности дернулся и ослабил хватку, оттолкнувшись ногами, выскочила из его объятий. По-кошачьи упала на четыре «лапы» — и через мгновение унеслась прочь. Правда, бежала недолго, сама же приостановилась, затем и вовсе застыла, дотронувшись пальцами до губ, горевших от поцелуя. На языке остался вкус крови мужчины, которым хотелось еще раз насладиться. Вот только, если опять попадусь к нему в лапы, за мою нахальную, из ряда вон выходку прибьет без сомнений. Стояла в растерянности и мучилась: вернуться или нет?

«Дура! — шепнула сама себе. — Может он моя судьба, а я, глупая, сбежала, вдобавок опозорив его при честном народе».

За подобную проделку любой мужик по голове не погладит, а уж непомерно гордые, самолюбивые тигры и подавно. Расстроилась я совсем, обреченно махнула рукой и поплелась из Малинника, а к ногам, словно якорь приковали, еле волочила. Ко всему прочему, еще и не смотрела по сторонам, погрузившись в свои переживания.

Именно из-за невнимательности напоролась на очередную неприятную встречу — почти столкнулась с Мараном. Он возник впереди всего в трех шагах от меня и замер, уставившись в упор нечитаемым взглядом. Я затравленно смотрела на него, краем глаза кося, куда бы скрыться, но прекрасно понимая, что спастись от сильного волка, одного из лучших охотников клана, можно только чудом или волею богов. Странное дело, Маран хватать меня не спешил, стоял, больше не приближаясь и молча глядел на меня.

Наконец, я, чуть не плача, выдохнула, не выдержав испытания:

— Я не вернусь, слышишь.

— Я нашел тебя. И могу найти в любой момент, — глухо пригрозил он, к моему ужасу, сминая в руке кисет с шепотником, которым угрожал одурманить и усыпить.

Судорожно сглотнув, я сделала два шага назад, пытаюсь увеличить расстояние между нами. Мотнула головой и, с трудом не срываясь на крик, пообещала:

— Я не вернусь! Даже если ты меня одурманишь. Лучше умру, но не вернусь. Я свободная кошка. Хочу любви и счастья, как и все вы. Разве я не заслужила? — Слезы все-таки полились по моим щекам и голос задрожал, когда прорычала: — Я одиннадцать лет отдала клану, берегла ваши жизни, ваших жен и детей. Я не вернусь туда, где меня все предали!

Маран — сильный мужчина, справедливый, знаю, что верный и любящий муж, — продолжал стоять, широко расставив ноги, мрачно глядя на меня. И когда я уже решила, что проиграла и придется начинать все заново, удивил: поморщился и как-то неуверенно сунул кисет с шепотником запазуху. Затем вытащил небольшой кошель со словами:

— Я видел, что ты на юг подалась с посланцами. Молодец, что парнем вырядилась, на первое время сойдет. — В один шаг он оказался рядом со мной и сунул в мои ослабевшие от страха руки кошель, звякнувший деньгами. — Возьми, в дороге пригодится, хоть здесь и немного, но голодной не останешься. Не распространяйся налево-направо про сильный дар. Погоди и осмотришь, приглядишь к окружающим. И выбирай клан, где глава женат. Поверь, такой беречь тебя будет пуще глаза. Не кланяйся за защиту, не работай бесплатно; поверь, ценится больше добро, оплаченное звонкой монетой. Всегда верь своему сердцу, я знаю тебя с пеленок, оно тебя ни разу не обмануло.

— Спасибо, — прохрипела я, не в силах поверить своим ушам, своему везению.

Он мотнул головой, вновь поморщившись:

— Не за что, сам виноват. А теперь иди, Савери, нечего красивой девке незнамо где одной бродить.

Я неуверенно улыбнулась, чувствуя на губах соленые слезы, шмыгнула носом и, прижимая кошель к груди, шепнула:

— Прощай. Спасибо тебе.

Напоследок Маран снова удивил безмерно:

— Свидимся еще, удачи!

Пару раз оглянулась на волка, постоявшего немного, глядя мне вслед и,

наконец, двинувшегося в другую сторону, и припустила из Малинника. Хватит, нагулялась, пора на стоянку обоза, а не искать приключений дальше. По дороге с огромным облегчением встретила Дашека и Мишека в компании четверых оборотней на двух груженных подводах. Даже на радостях поделилась с этими мучителями, где была и что видела, про храмы тоже рассказала.

Вечером, сидя в компании Эльсы и остальных обозников южан, я млела от счастья, глядя на костер и слушая их смешные истории. Подумаешь, ловила изредка странные взгляды Глена и Наума. Пусть себе смотрят, чай дырку не протрут. Я свободная кошка и впереди у меня счастливое будущее!

Глава 17

Раннее утро, когда рассвет розовым цветом окрашивает небо, все вокруг просыпается, шелестит, пищит, стрекочет, поет... Аверт всего в четырех днях пути от города медведей, а чувствуется, что стало гораздо теплее. Да, Волчий клык далеко на севере, ведь и столица нового княжества южнее моей родины, и чем дальше от нее, тем жарче припекает солнышко.

Сегодня я проснулась, выпроставшись из шкуры едва не по пояс, но нисколечко не замерзла. А днем и вовсе хочется расстегнуть куртку, ослабить шнуровку на рубахе навстречу освежающему ветерку. Да еще тряпки, которыми перетянула грудь, чтобы походить на парня, мешают. Не дают свободно дышать, особенно во время пробежек утренних, потом пропитываются. Приходится тайком у речки в кустах плескаться, словно воришке. Эх, жизнь не в радость, если одежда в тягость!

Ко всему прочему, запах аррайи вернулся в сны. Сегодня еще и вместе с желтыми, с зелеными крапинками глазами, будто мне, травнице, испытания обонятельными ощущениями мало. Зарывшись носом в тюк, остро пахнувший бараньей шерстью, я тяжело вздохнула: отчего же так в груди ноет? Конечно, задним умом все сообразительные, а когда что-то неожиданно случается, да от страха мозги набекрень, так мимо своего счастья можно запросто пройти. Или убежать, как я вчера. Опозорила и унеслась! Будто душник гнался... Эх, елки зеленые!

— Подъем, мужики! — привычно проорал Мишек, проходя мимо телеги. Вот зараза неумная попалась по нашу душу!

Шай с близнецами гиенами постоянно за всем смотрят, проверяют, раздают приказы. Но не только делегаты заправляют обозом, другие оборотни ведут себя не как обычные возничие или охранники, а больше походят на боевых товарищей. Лодыря никто не валяет, свои обязанности выполняют четко и быстро. Даже в пути, где, кажется, можно вздремнуть от мерного укачивания и скрипа колес, оборотни нет-нет, да и зыркают по сторонам, будто выискивают врагов.

«Ой, как хорошо», — выдохнула я, с радостью разглядывая стоящие у костров наполненные водой котлы. Сегодня не придется корячиться и надрываться — тащить эти неподъемные чугуны в гору. А то речушка в низинке бежит, чтобы до нее добраться, надо с крутого холма спуститься, а потом снова забраться.

Поправив козырек, так некстати перекосившийся от вчерашнего

столкновения с тигром, я привычно проверила, чтобы ничего женского не торчало, являя миру обман. Затем бросила взгляд на мрачную Эльсу, неохотно вылезавшую из телеги. Мой братец явно не в духе. Еще бы, пятый день рядом с обожаемым волком, а тот все более подозрительно и раздраженно поглядывает на нее. Но маявшаяся от безответности влюбленная кошка держала себя в руках и больше не терлась о Шая. Лишь порой смотрела на него тоскливо и преданно, что, надеюсь, заметно только мне было.

— Помогите-ка с костром, ребятки, — попросил Наум.

Я, довольная жизнью после вчерашнего подарка Марана, ведь, по сути, на волю выпустил, вприпрыжку ринулась выполнять поручение. Эльса же с тяжелым вздохом поплелась. Правда, стоило увидеть Шая, как и у нее, словно откуда ни возьмись, появилось горячее желание поработать и показать себя примерной хозяйшкой. Жаль, она снова забыла, что мы мужики! Как бы...

Пока я раздувала костер, стоя на коленях и наклонившись к дровам, нечаянно поймала взгляд Глена, гулявший по моему задку. И взгляд мне этот совершенно не понравился: так мужик смотреть не должен на зад другого мужика. Не по-мужицки это, прищурившись, облизывать глазами чужие задки! Если только ты не...

— А у нас тут горячий отварчик уже готов, — заискивающе предложила Эльса Шаю, протягивая дымящуюся кружку с заваренными свежими листиками малины. Хороший дух по лагерю шел, ароматный, летний.

Я забыла про Глена; сев на пятки, тревожно посмотрела на подругу. В мужской одежде и такой же, как у меня, рыбацкой кепке она смотрелась как-то куце, жалко, словно все было с чужого плеча. Из-за постоянной носки, когда даже на ночь снять нельзя, не говоря уж о том, чтобы выстирать, одежда еще и выглядела неряшливо.

И вот эта «сиротинушка», которая своим видом даже у меня вызывала жалость, неуверенно, с надеждой протянула кружку грозному суровому волку, который, с мучительным вздохом, словно сдавшись, все же забрал взвар. Однако я заметила, что в тот момент, когда пальцы Шая и Эльсы соприкоснулись, он на долгий миг задержал взгляд на них, а затем, нахмурившись, буркнул благодарность и отвернулся. На разом повеселевшую кошку стало смешно смотреть: ей словно кошель с золотом подарили, так засветилась.

Зато Мишек и Дашек, проныры-вредины-гиены, приостановившиеся было рядом, посмеиваясь, пошли по своим делам. Вот сто пудов, они точно

догадались, что мы девки, а не мужики! Ишь, насмешники! Еще бы знать, из каких соображений молчат. Неужели просто развлекаются от нечего делать? Нас шпыняют.

После завтрака пришлось снова тащить котлы скрести песочком к реке. Наум еще в первый раз пояснил почему: а вдруг дальше не будет воды в достатке, и не почистить. С тяжелым вздохом я донесла котел до края обрыва, а потом, воровато оглянувшись, не видит ли кто, «отпустила» его «на волю», чай сам к воде как-нибудь докатится...

— Сава, кошачья твоя душа, чтоб тебе икалось полдня! Ты чего творишь? — Оказалось, внизу, в кустах у самой воды, стоял обнаженный по пояс Наум. Мылся. Ух, красавчик-то какой! — А ну как котел о камень ударится и не выдержит? Что на огонь ставить? Как кашу варить?

Я припустила вниз вылавливать ценную посудину из воды и виновато попросила:

— Простите, ата, не подумал.

— Чего, медведь, на... парнишку кричишь. Мог бы и помочь донести. Котлы тяжелые, а ребята вон какие щупленькие, не про них такие тяжести таскать, — совершенно неожиданно у меня за спиной прозвучал укоризненный голос Глена.

Я обернулась, а леопард окончательно удивил: положил здоровенную ладонь мне на плечо и слегка пожал, словно успокоил, но не по-дружески, а вроде как приласкал. И улыбнулся с... нежностью. От неожиданности нервно дернув ушами, я прижала их к макушке. Похлопала глазами, поправила съехавший набок козырек, шмыгнула носом, догадавшись, что очередной оборотень из обоза просек, что липовые мы мужики. Даже щеки полыхнули под испытующим взглядом зеленоватых глаз красавца-леопарда.

— Спасибо, я сам управляться буду, — хрипло ответила я, дернувшись к злосчастному котлу и освободившись от горячей мужской руки.

За мной начали охоту, в чем я убедилась, когда, дождавшись пока вычищу котел, Глен забрал его и понес наверх, а мне предложил:

— Посиди здесь, я сейчас другой сам принесу.

Наблюдавший за нами Наум, увидев Эльсу, спешащую мне на помощь, очень уж по-женски спускающуюся с обрыва со вторым котелком, ехидно хохотнул, выйдя из воды:

— Ну-ну, мужички...

И пошел наверх, подозрительно качая большой головой. А я тем временем поделилась с братцем, что, похоже, нас раскрыли еще двое оборотней. И особенно обеспокоило изменившееся отношение ко мне

Глена. Эльса, закусив губу, сверлила меня хмурым взглядом, раздумывая, и шевелила большими ушами, неосознанно следя, чтобы к нам никто не приблизился незамеченным. Почему-то это показалось мне очень забавным и милым. Пришлось с досадой признать, что мужики из нас и впрямь хилые, а повадки и вовсе девчачьи.

Куда не кинь, всюду клин. Взять хотя бы наши руки с тонкими пальцами, с нежной кожей узких кистей. Куда их спрячешь? Вон даже Шай на них обратил внимание. Опять-таки дальше, когда жара начнется, придется снять куртку и убрать защиту, скрывающую большую часть лица и шею, чтобы не запариться. И тогда скрыть полную женскую грудь, узкую талию и округлые бедра не удастся, сколько не утягивай. Пока постоянного внимания несомненно наблюдательных обозников мы избегали, потому что ехали на крайней телеге. И водились в основном с Гленом, Шаем, Наумом и братьями-гиенами, вот они-то как раз и распознали нас — липовых братцев.

— Нам бы только горы перейти с ними, а там... как получится, — размышляла вслух Эльса. Правда, посмотрев на меня оценивающе, уточнила: — Или Глен тебе нравится, и ты его себе берешь? В конце концов, от добра добра не ищут.

Я задумалась, ведь вопрос-то действительно серьезный. Но почему-то, стоило попытаться мысленно представить красавца Глена, увидела суровое и отчасти хищное лицо вчерашнего тигра с двухцветной густой гривой. Прямо пальцы зачесались, до чего захотелось зарыться в нее руками, да хоть потрогать. Тяжело вздохнула и призналась:

— Нет, мне, оказывается, полосатые нравятся.

Эльса замерла, а затем вмиг оцетинилась:

— Полосатые, значит? На моего Шая метишь?

Я удивленно вытаращилась на нее, а потом, припомнив, что обожаемый подругой волк тоже двухцветный, фыркнула:

— Успокойся! Сто лет мне твой волк не нужен. Как по мне, так от него псиной за версту несет.

Влюбленная девица выдохнула с облегчением, по-кошачьи забавно вытерла рукавом нос от воды и мурлыкнула:

— Дурочка, ничего ты не понимаешь, он пахнет... — Она задумалась, подбирая слова, и, хихикнув, мечтательно закончила: — Моим он пахнет!

— Да ради Луны, лишь бы на здоровье, — улыбнулась я.

— Пока обоз собирают и готовят в путь, за вами пробежка! — как обычно, незаметно появились рядом Мишек и Дашек, невольно вызвав у нас мучительный стон.

— Братцы, я думаю, пора кончать с этими бегами, — снова вмешался Глен.

— Нет, крепкие ноги никому не помешают, даже помогут спастись в случае чего, — спокойно гнул свое Мишек.

— И все же...

— Мужики, вперед, до камня и обратно! — скомандовал Дашек, перебив опять открывшего рот, сжалившегося над нами Глена.

Я бы, может, и поныла, и на вдруг объявившегося заступника покивала, но слова гиен отозвались в душе уверенностью, что так нужно. Поэтому, подхватив подругу за локоть, легкой трусой побежала к камню.

— Какая-то ты вечером странная была, — бросив косой взгляд на меня, поделилась Эльса, когда мы удалились на безопасное для чужих ушей расстояние. — Улыбалась, как блаженная.

Немного замедлившись, я призналась:

— Встретила охотников... за мной...

— Княжеских?! — в ужасе воскликнула Эльса, споткнувшись, и наверняка бы растянулась, если бы я ее не придержала.

Мы вместе перескочили яму, и я ответила:

— Нет, из моего клана. Охранник.

— А чего улыбалась-то? — удивленно выдохнула Эльса.

— Маран это был, хороший оборотень, как выяснилось, порядочный. Отпустил с миром. — Я вновь не сдержала радостной улыбки. Потом, словно кто за язык тянул, похвалилась: — А еще мечту свою встретила!

— Мечту? Какую еще мечту? — Большие голубые глаза Эльсы округлились и загорелись жадным любопытством.

Поморщившись, я коротенько, без подробностей рассказала о встрече с мужчиной, чей запах меня преследует с самого Аверта.

— Аррайи? — переспросила Эльса. — У нас в Еловом ручье западный склон Голубой горы сплошь зарос этими цветами. Так ты того загадочного незнакомца в Малиннике встретила?

— Угу, — грустно кивнула я, — ну и поцеловала.

— Ты? — Эльса остановилась, вытаращившись на меня. — Сама? А чего тогда нос повесила? И почему не познакомилась?

— Потому что мужи-ик! — рыкнула я злобно и с досадой, тоже остановившись.

Эльса задумалась, затем вскинула на меня искрящийся весельем

взгляд. И я уже знала, о чем эта вредина и язва спросит:

— А целовалась ты с ним тоже, как мужик с мужиком, да? При всем честном народе? Да еще при медведях, известных занудах со своими чопорными традициями и порядками?

— Угу... — буркнула я обреченно, снова двинувшись в путь.

Мне в спину донеслось веское:

— Он тебя прибьет! Если найдет!

— Вот и я так подумала, правда потом, когда удрала, — расстроено призналась я.

Когда до камня осталось рукой подать, Эльса не сдержала любопытства:

— Ну и как тебе первый поцелуй? И как тот мужчина-мечта хоть выглядел?

Вспомнив свои яркие ощущения, испытанные при тесном... хм... разговоре с громадным, умопомрачительного вкуса незнакомцем, я сначала приуныла:

— Лучше, чем мечталось! — А чем дольше говорила, тем больше воодушевлялась и восторгалась: — Он... такой вкусный, сладкий... и полосатый. А волосы... а глаза, как солнышко, а грудь... не описать словами. Ох, Луна, еще чуть-чуть — и я бы его вылизала... честное слово! Хвост у него длиннющий, толстый; руки, клянусь душой, такие возбуждающие, хлеще, чем запах. Он меня с ума свел еще в Аверте, не могу больше ни о ком думать, кроме него...

— Ну и кто твой умопомрачительный полосатик? — широко улыбнулась Эльса. — Тоже кот?

В этот момент из-за поворота появилась груженная телега, запряженная красивыми белогривыми тяжеловозами. Рядом с возницей сидит девушка. За повозкой трусят на крупных, мощных конях двое здоровенных всадников. Яркий черноволосый и — ох, Луна! — тот самый полосатый...

Мы с Эльсой, будто заведенные, бежали им навстречу, будь неладен этот камень. А дальше путники нас тоже увидели, мало того, тигр разглядел, да как полыхнул желтым гневным взглядом, что я, остановившись, пискнула:

— Мапочки! Это он!

— Дин! Мне конец! — придушенно вторила мне Эльса, на ходу разворачиваясь и со всех ног улепетывая.

В обратную сторону мы неслись как ужаленные, преследуемые всадником, прищипорившим лошадь. У меня в ушах стоял жуткий топот копыт. Догонит! Непременно догонит, еще и заарканит...

В лагерь мы влетели быстрее стрелы, подняв переполох. Мужики подхватывались и брались за оружие, а мы бестолково метались в поисках укрытия. Запнулись о котел, рухнули наземь и, жалко ноя от страха, продолжили носиться. Куда, ну куда бы спрятаться? Все телеги после вчерашнего похода в город были забиты поклажей под завязку. Лишь в нашей осталось местечко, куда рыбкой нырнула Эльса. Я тоже полезла, слыша приближающийся стук копыт, но ушастая предательница, как давеча, пнула меня наружу и тут же накрылась пологом. Краем глаза увидев всадника, я, больше не рискуя присоседиться к бессовестной кошке, залезла — под котел!

До меня донеслись голоса, и особо среди них выделялся знакомый, холодящий кровь глубокий бас тигра:

— Ох, и найду сейчас кое-кого! Ох, и всыплю по самое не хочу...

Уж слишком близко угроза прозвучала — я невольно начала отползать вместе с котлом.

«Дзинь» — грянуло мое укрытие, столкнувшись с чем-то. Я чуть приподняла его и увидела колесо телеги и... большущие удобные ботинки. Знакомые такие, по Аверту. В следующее мгновение котел отвалился в сторону, а надо мной на фоне голубого неба завис тигрище.

Сжавшись в комочек, втянув голову в плечи, я подняла глаза — и уставилась в полыхающие желтым огнем раскосые тигриные глазищи. Ветер трепал его густые волосы, то и дело норовя закрыть, спрятать от меня широкое скуластое лицо с суровыми чертами. И выглядел этот мужчина еще более устрашающим, наверное потому что черную рубаху надел.

Тигр вздернул меня, как и вчера, за куртку, приблизив к себе:

— И ты, значит, тут... мужик недоделанный?!

— Ага, — я невольно виновато развела руками, признаваясь в сем грехе.

— Больше не сбежишь! — мрачно припечатал тигр — и, перехватив поперек, засунул меня под мышку.

Со страху я ухватила его за бедро — обалдеть, какое крепкое, будто каменное. Тигр почему-то довольно хмыкнул и шагнул к Гленовой телеге. Откинул полог, явив на свет дрожащую Эльсу, и разъярился:

— Ну что, беглянка безголовая, доигралась?

Эльса, тоже вжав голову в плечи, неловко села, исподлобья оглядела тигра — и ершисто заявила:

— Я взрослая уже и сама могу принимать решения о своей судьбе!

Характер сонника, никуда не деться! Да еще в столице края пожила,

слов умных нахваталась.

— Ты опозорила меня, Томаша, среди Серых охотников не обошла ни одного оборотня со своим длинным нахальным языком и дурным нравом. Нет у тебя ни капли совести, никакой ответственности, заботы...

— Ага, — вновь подтвердила я, припомнив как меня в трудную минуту снова выпихнули из телеги на растерзание, — нет.

Эльса вскинулась, кажется, не придав особого внимания моему незавидному, даже постыдному нахождению под мышкой у незнакомца, с которым она, оказывается, хорошо знакома:

— Да если бы не я, тебя бы в первый день из обоза вытурили. Ты же двух слов связать не в состоянии! — И передразнила: — Бек-мек, мы тут курей топтать собираемся.

— Так ты, негодница, еще и врушкой заделалась? — зло протянул мой пленитель и свободной рукой потянулся к ремню. — Видно, мало я тебя наказывал.

Вокруг нас собрался весь обоз. Срамота! Но сейчас не до того. Суровый тигр явно намеревается выпороть мою подружку. Схватила его за палец, не давая расстегнуть ремень, и заступилась:

— Она умная, толковая и заботливая. На целый обоз есть готовит, взвар делает... полезный... некоторым, бегают по утрам. Мы домой едем, ата, отпустите.

Тигр посмотрел на меня сверху вниз, пыхнув яркими желтыми глазами, и продолжил вытаскивать ремень.

— Дин, мы что-то важное пропустили? — рядом раздался недовольный голос Глена. — Вообще-то, девочка у тебя под мышкой — моя!

Дин? Подняв голову, я вытаращилась на тигра: так это и есть тот самый помешанный злыдень, лишивший свободы племянницу-сироту, по ее мнению, а по моему — чересчур заботливый дядюшка-опекун? Вдобавок зануда и главная помеха ее брачным намерениям? Мы вновь встретились взглядами с Дином — и на какой-то миг показалось, что все остальные куда-то исчезли.

— Это правда? Ты принадлежишь Глену? — негромко, недоверчиво поинтересовался он глубоким голосом, от которого у меня внутри дрогнуло.

— Да... — я не вдумывалась в слова, просто замороженно таращилась на потрясающего мужчину.

— А если хорошо подумать? — спросил он ровным тоном, нехорошо сощурившись.

— Нет, — послушно замотала я головой, лишь бы тигр не злился.

— Значит, ты совершенно свободна... — медленно протянул он, пока я тонула в пламени его глаз.

— Да...

— ... для меня! — завершил мысль Дин.

— Я первый ее нашел, — напомнил Глен, сверля красивыми зеленоватыми глазами соперника. — Поставь ее на ноги, не дави своим тигром на ее каракала. Она еще девчонка и не понимает твоих звериных игр.

— Да вы оба мне не нужны! — разозлилась я на беззастенчиво деливших меня котов. — Деляги нашлись!

После чего знаменитый дядя Эльсы поставил меня на ноги, а мужской спор прервала его неунывающая племянница, изумленно спросившая у меня:

— Так это ты про Дина мне говорила?

— Когда?

— Луна! Ты с ним еще и целовалась? — придушенно выдавила сервал, а потом, словно самой себе не верила, добавила, выпученными глазами посмотрев на родственника: — Целовалась? С дядей Дином? Который самый лучший и красивый, и хвост самый толстый? И, ох, какое тело, и руки...

— Эльса! — я предупреждающе зарычала на болтушку, сгорая от стыда.

А племянница «полосатика», оказывается, не придуривалась — схватилась за горло, словно ее тошнит, и просипела:

— Луна! Ты целовалась с Дином? И это он самый вкусный и сладкий? Меня сейчас вытошнит!

— Я тебе сейчас язык вырву, — прошипела я.

— А я выпорю, — с кривой ухмылкой пообещал Дин, наконец сняв ремень.

Но тот за свободный конец ухватил Шай и тихо, но твердо предупредил:

— Не надо!

— Да, девиц бить нельзя! — сразу поддержала обожаемого волка Эльса, явно мягким местом почуяв, что довела дядю до ручки. — Даже по ушам! А то два дня с примочками ходила после Шая...

У этой кошки язык опережает мозги!

Дин медленно развернулся к видимо хорошо знакомому волку и с нескрываемой угрозой в голосе уточнил:

— Ты ударил мою племянницу?

Эльса змеей скользнула между мужчинами и зачастила, пытаясь достучаться до грозного дяди:

— Я сама виновата. Мальчишкой переделась и потерлась об него, а он за оскорбление принял.

Шай аккуратно отодвинул опять проговорившуюся Эльсу себе за спину, не отрывая стального взгляда от Дина:

— Да, ненамеренно вышло. Мне крайне неприятно, что так получилось. Думал, откуда лицо мальчишки знакомо, а запаха нет и не узнать, чей род... вот и оплошал.

Дин чуть ли дырку не прожег, глядя на волка и довольную от близкого соседства с ним сервала, выглядывающую из-за его плеча.

— Терлась, значит?

Мрачно взиравший на выясняющих отношения родственников и главу обоза Глен, стоявший рядом с нами, криво усмехнулся:

— Так это та самая Эльса? Которая сбежала в Аверт? А ведь и правда, если кепку эту дурацкую снять, то на аму Лизавету похожа.

Шай, коротко вздохнув, пояснил:

— Мы в Еловом ручье шесть лет назад гостили, твоя племянница девочкой совсем была, поэтому не узнал.

Так, понятно, клан Дина и Эльсы называется Еловый ручей, именно там растет на горе аррайя.

Дальше все дружно посмотрели на нас с братцем, а мы стащили кепки, прижали уши к макушке и, опустив головы, виновато блеяли:

— Простите нас, пожалуйста...

— Мы хотели только избежать опасности...

Наверное, еще долго бы винулись, если бы не Глен, спросивший:

— Когда это вы с Дином поцеловаться успели?

Я вскинула голову и осуждающе взглянула на любопытного леопарда, который мне никакой не родственник, чтобы такие вопросы задавать. В этот момент мне на шею скользнула огромная рука, затем Дин аккуратно вытащил косы из-под куртки. Я смутилась, а он озорно улыбнулся, блеснув белыми клыками:

— Вчера. Эта красотуля рыжая, в мальчишку ряженая, таким ураганчиком на меня налетела, поцеловала при честном народе — и сбежала. Опозорила, а слушать постыдные насмешки от медведей оставила одного...

И замолчал, получив долю усмешек от окружающих. А тут еще и «добрая» племянница, опять смерив нас взглядом, скривилась и

передернулась:

— Фу, я не понимаю, как можно было целоваться с Дином? Он же...

— Злой зануда, помешанный собственник и...

Эльса округлила глаза, услышав меня, — и давай нахваливать:

— Ну что ты, Сава, он самый лучший дядя на свете. Лучший защитник и лучший дядя, и вообще мужчина хоть куда, в самом расцвете сил... и лет... и дядя лучший и...

— Ты повторяешься, — спокойно остановил ее Дин.

Тут вмешались в разговор Мишек и Дашек:

— Раз семья в сборе, может продолжим путь?

— Вы как, не против?

Шай переглянулся с нахмурившимся Дином, Гленом и высказал свое мнение:

— Малинник — единственный город, который остался почти нетронутым после войны. Здесь, говорят, живут отчим и мать Валиана. Наемникам сюда путь князем заказан. Дальше в города соваться с обозом опасно.

— Мы торопились сюда, чуть лошадей не загнали, лишь вчера смогли спокойно заночевать, — посетовал Дин. — Поэтому, если вы согласитесь, дадим животным передохнуть еще день, дальше сложный и длинный путь.

— Надо бы еще припасов взять, если заезжать никуда не будем, — предложил Глен, окинув меня внимательным взглядом.

Кажется, «присвоить» меня он не передумал.

— Ну да, вряд ли дальше где фуражом разживемся, — согласился с ним Мишек. — Долгун ведь почти сожгли, там своим есть нечего.

— В Гношик нас скорее всего не пустят, шакалы сейчас на взводе, наемники Валиана, которых погнали из Аверта, пытаются более мелкие поселения подмять. Если только в Шлепе рыбой закупиться? После них только два дня степи сухие до самых гор, — рассуждал Шай.

Мы с Эльсой тихонечко шагнули друг к дружке и, стоя плечом к плечу, внимательно слушали мужчин, пока Дин не спросил:

— Горячим взваром угостите?

Не рискуя еще раз вызвать его недовольство, мы рванули к Науму.

Глава 18

Пока мы крутились возле костра, якобы помогая ставить на огонь котел с водой медведю, и без нас прекрасно управлявшемуся, нет-нет, да поглядывали на тихо о чем-то беседовавших мужчин. Обратни собрались в тесный круг и, судя по серьезным лицам, решали что-то важное для всего обоза. Затем часть мужчин отправилась перераспределять поклажу, а другая — расседлывать лошадей. Двое взяли по холстине с куском мыла и отправились к ручью. Кажется, неожиданно выдавшийся отдых пришелся всем кстати.

Еще чуть-чуть — и мы, любопытные кошки, окосеем, попытаюсь следить за всеми сразу. В конце концов, меня больше заинтересовали подоспевшие в лагерь к завершению переполоха незнакомцы, ехавшие с Динем. Возница спрыгнул с козел и, мягко подхватив сидевшую рядом с ним девушку за пояс, помог ей спуститься на землю. Огромный черноволосый котяра верховой, спешившись, здоровался со знакомыми оборотнями, перекидываясь с некоторыми короткими фразами. Своего коня он привязал к задку одной из телег и надел ему на голову торбу с овсом, ласково потрепав по холке.

Хороший мужик, ведь дурного нрава лошадей не любят и не заботятся.

Вода грелась. Эльса почему-то хмуро поглядывала на новоприбывших, пока, наконец, тяжело вздохнув, не сообщила:

— Савери, не поверишь, гепард, что с девицей приехал, — это Мирон из нашего клана. Ну такой вредный, заноза в моей зад... — заметив укоризненный взгляд медведя Наума, собиравшегося готовить обед, она поморщилась и продолжила шепотом мне на ухо: — Второй, чернявый верзила, это большой друг Дина Далея — кугуар или, как их еще называют, горный лев. Его клан соседствует с нашим. Дядюшка мне Далея в женихи прочил...

— Это не тот ли ухажер, который твоих шуток не понимал? — хихикнула я.

Эльса передернулась, кивнула и, как в прошлый раз, «похвалила»:

— Зануда, почище Дина. — Но, тут же вспомнив о чем-то, встрепенулась довольная. — До меня дошли слухи, что в прошлом году он обзавелся супругой. Теперь с его стороны мне ничего больше не грозит. Наверняка нашел такую же скучную, пресную, правильную...

— ...спокойную, хозяйственную, разумную красавицу Зою, в отличие

от некоторых, — позади раздался сильный насмешливый голос Дина, заставив нас вздрогнуть от неожиданности.

Обсудившие свои дела мужчины дружно собирались у костра.

— Девочки, мы не прочь выпить горячего взвара, коли стоим до завтра, — обходительно попросил Глен.

Он, оказывается, сходил к ручью и наполнил другой котел. Повесил его над костром и предложил Науму бросить в закипающую воду к сухим ягодам молоденькие веточки дикой вишни и листики малины.

— Спасибо за помощь, ата, — я от всей души ему улыбнулась.

Уголки полных губ Глена дрогнули в ответной улыбке, а уж взгляд вызвал легкий румянец на щеках:

— Для таких красавиц — любой каприз.

— Не надорвись сразу обоим угождать, — в спокойном голосе Дина слышалось предупреждение.

Мы с Эльсой удивленно смотрели то на одного оборотня, то на другого. А те сверлили друг друга загадочными, малопонятными взглядами. Остальные мужчины едва заметно ухмылялись, особенно Дашек с Мишеком. Куда же без этих гиен насмешников?

— А я думала, вы знакомы и друзья? — чистосердечно недоумевала я, глядя на тигра и леопарда.

— Были недавно, — по-прежнему ровным тоном ответил Дин.

— И будем, — согласился Глен, глядя в глаза тигру, словно проиграет, если отпустит взгляд. Смотрел-смотрел, да и добавил с мрачной ухмылкой: — Потом когда-нибудь.

— Ну что, мужики, отварчику хлебнем? — над ухом гроыхнул густой бас.

Да что же они все подкрадываются, не на охоте же? А обращение «мужики» у нас и вовсе теперь вызывает стойкое предчувствие череды неприятностей и трудовых забот. Опять вздрогнув, мы с Эльсой, втянув головы в плечи, обернулись: пришел тот самый кугуар, о ком только что шла речь. С веселым изумлением прошелся темно-серыми глазами по Эльсе, отчего она сильно покраснела, причем, скорее от стыда, нежели смущения, и проямлила:

— Здравствуйте, ата Далей. Все ли в порядке в клане? Как родные?

Явно не зная, куда глаза девать, подруга неуверенно теребила кончик длинной золотистой косы, которую успела аккуратно переплести, пока мы вдвоем оставались. Большие пятнистые уши предательски прижались к макушке: чует, видно, плутовка за собой какую-то вину.

— И тебе доброго здоровья и долгих лет жизни, лу Эльса. Благодарю,

все хорошо в клане. Моя жена с домочадцами в добром здравии.

Я исподтишка разглядывала этого большущего сильного мужчину. Пожалуй, он шире и выше Дина будет. Ноги — как стволы дуба, шея — прям бычья. Черная рубаша только увеличивает его мощную фигуру. Все-таки к лучшему, наверное, что он не подошел Эльсе. С эдаким здоровяком жизнь может быть полна трудностей. Как знахарка знаю, что крупный мужчина порой способен причинить боль при соитии, особенно если распалится сверх меры. Бывало, лечила несчастных оборотниц после подобного.

А бывшая Далеева «казноба» тем временем с наигранным воодушевлением продолжала любезничать:

— Позвольте представить вам мою подругу Савери из северного клана Волчий клык. — И добавила, покосившись на недоверчиво смотревших на нее гиен: — Она на юг едет, в Тихую заводь к родственникам покойной матери.

Я тоже волновалась, только, в отличие от сервала, опять попавшей под опеку дядюшки тигра, по другому поводу. Ведь не братец Сава я теперь, а девица среди обозников, большинством холостых. Откинула за спину косу, медно-рыжий кончик которой тоже, оказывается, невольно крутила, вымученно улыбнулась, пытаясь скрыть неуверенность, и коротко склонила голову:

— Добрый день, ата Далей.

— Ох и врушки наши «братцы» на поверку, — язвительно высказал Мишек.

— Было ли хоть слово правды в ваших рассказах о прежней жизни, которыми вы нас с неделю щедро потчуете? — вторил ему Дашек

Мы с Эльсой досадливо посмотрели на них, но отвечать побоялись. Мало ли какой допрос учинить захотят, тем более, по мою душу.

— Савери, значит? Красивое имя для сладкой кошечки, — вновь за спиной отозвался Дин.

Я раздраженно обернулась и, поперхнувшись возмущенным «ну сколько можно пугать!», натолкнулась взглядом сначала на широкую грудь, а чуть приподняв лицо — на горящие интересом тигриные глаза. Незаметно для меня он опять оказался слишком близко.

— Жениться тебе надо, Дин, — к посиделкам у костра собирались другие попутчики — тот самый заноза гепард Мирон в обнимку с рыжей хорошенькой лисичкой, причем довольно-таки знакомой. Еще бы вспомнить откуда.

— Да, кажется, я наконец-то решил остепениться, — спокойно, с

улыбкой в голосе согласился с ним Дин и легонько, будто заигрывал, дернул меня за косу.

И взгляд у него был прямой, но притом многозначительный и насмешливый. Я тут же ощутила, что мой хвост предательски нервно заходил из стороны в сторону. И как сие называется?

Пусть сама мечтала привлечь холостяка, из-за чего чуть не повесилась, сейчас же от этого самого внимания пугаюсь и вздрагиваю, и не знаю как быть. Просто мысль смущала, может тигр так потешается надо мной за поцелуй в Малиннике?! Или все же не шутит?

Я-то думала, что Дин с Гленом из-за Эльсы взглядами сцепились. Мало ли, вдруг он замашки опекуна и собственника являл. Вот и засомневалась: неужели тигр тоже мной заинтересовался не на шутку или все его взгляды в отместку за мою дерзкую выходку?

Открытые ухаживания Глена у меня тоже вызывали оторопь. Непривычно, незнакомо и страшновато, если честно. Как подобное бывало у других видала, а вот самой «добычей» в брачной «охоте» участвовать не приходилось.

Одно дело женихи волки. У псовых девицам гораздо привольнее живется, пока не пройдет окончательный выбор и не образуется пара, — мужики не больно слово имеют, ведомые, как правило. А вот соперники коты, поговаривают, берут нахрапом, решая исход дела лишь между собой, а кошка достается сильнейшему.

Нетушки, не со мной, я сама выберу любимого!

Краем глаза заметила, что Глен внимательно следит за мной. Кажется, он уловил мой упрямый взгляд в сторону Дина и слегка расслабился, усевшись на свободном местечке у костра между другими спутниками.

— Ну здравствуй, лу Эльса. Смотрю, у тебя жизнь бьет ключом, носит по белу свету, все в пути-дороге, — совсем неприветливо обратился к ней Мирон.

Солнце играло в его каштановых волосах, проявляя с десятков разных оттенков, от коричневого до шафранного. Наверняка в звериной ипостаси мех у этого гепарда очень красивый. И глаза у него тоже коричнево-золотистые, немного раскосые, от чего кажется, что этот большой кот щурится то от удовольствия, то в раздражении.

— Да уж лучше, чем куковать под твоей охраной и слушать вечное ворчание, — вспылила Эльса.

Отвернулась и, спохватившись, сразу же огляделась. Увидев стоящего в двух шагах от себя Шая, быстро стерла с лица угрюмое выражение и передвинулась ближе к нему, паинькой сложив ладошки на коленях. Словно

это и не она огрызалась с гепардом.

Лиса, которую не выпускал из рук Мирон, давая всем понять, что они пара, услышав нелестное мнение, подняла на него округлившиеся глаза. На шее у нее стоит свежая красноватая брачная метка — в храме Луны эти молодожены побывали совсем недавно. Времени зря не теряли. Может даже в том же Малиннике. Мирон, глянув на жену, мгновенно преобразился — ласково улыбнулся и с нежностью произнес:

— Эльса — племянница Дина, родная, я рассказывал, что мне пришлось ее охранять некоторое время.

— Долгое время! — буркнула сидевшая теперь подле Шая Эльса, опять не сдержавшись.

— Слишком долгое и мучительное время! — зло добавил бывший охранник взбалмошной кошки.

— Может уже хватит? — в один голос потребовали Шай с Дином. — Прекратите перепалку.

А я тем временем, вспомнив, где видела рыжую новобрачную, обмерла. Кажется, мы за ней не раз следовали по коридорам княжеского дворца. Только там она ходила в скромном темном платье и белом переднике, а сейчас на ней приталенное светло-коричневое платье, широкими складками спускающееся до новеньких сапожек. Рукава отделаны белой каймой, как и полочки на груди, застегнутые на пуговицы в виде крупных фасолин. Поверх платья распахнутая стеганая безрукавка. Все очень добротное, миленькое и к лицу яркой аме. И пусть одежда другая, но светло-карие глаза лисички, которая видела меня разговаривающей со своим отражением, не спутать.

А вдруг она княжеский засланец? Первая весточка будущей погони?

Мы встретились с бывшей дворцовой прислужницей глазами. Наверное, она почувствовала мое напряжение и испуг, поскольку робко улыбнулась, — и сразила меня:

— Лу Савери, я рада, что вы не захотели становиться княгиней и сбежали. Слышала, что именно вас князь прочил в тройку своих будущих жен...

— Отвар готов, — громко оповестил Наум. — Мужики лепешки привезли, есть чем закусить.

Я громко сглотнула, ошарашено глядя на лисичку.

— Так, значит, ты тоже в княжеских смотринах участвовала? — изумился Глен. — Ради гарема?

Мне на плечо легла тяжелая, чуть ли не пудовая ладонь Дина. Он не произнес и слова в укор, но я поторопилась объяснить:

— Это не мой выбор, а решение главы нашего клана. Моего брата.

— Князь требовал только девиц из ближнего наследуемого круга, — вмешалась лисичка, словно защищала меня. А потом, смущаясь, добавила: — Наши говорили, что Волчий клык — сильнейший клан на севере и во время войны попортил крови князю. Вот тот и требовал с них больше всех: золото и сестру главы клана, чтобы досадить побольше. Ата Роману, поверенному князя, специально наказали разузнать в округе, кто непокорному волку роднее всех и дороже. Ту и забрать. Даже если бы не девицей уже была, даже просватанной, все равно забрали бы.

— Ничего себе злыдень, — вытаращилась на меня Эльса.

— Девица — значит? — над ухом по-кошачьи довольно мурлыкнул Дин, вызвав у меня волну мурашек по коже. — Какой подарочек твоему будущему мужу будет.

Я сделала вид, что не слышала подначку, и обратилась к лисичке:

— Как вас зовут, уважаемая ама?

— Хвесья я, из Лугового. Сиротой осталась, правда. Меня дальняя родня из Аверта приютила и на работу во дворец пристроила. У меня дар водяницы, но в городе он совсем ни к чему.

— Зато вас уже трое одаренных на юг едет на радость кланам, — одобрил Мишек.

— Кому подарками, а кому и обузой, — возразил Дашек, кинув мимолетный, но красноречивый взгляд на Эльсу.

— Вы про наши дары толком ничего не знаете, вот и нечего поклеп наводить, — дружно, по-родственному ошетинились мы с подругой.

Глава обоза Шай неожиданно глухо спросил у гиен:

— Вы Вельмина помните? Из Серых круч? — Те, нахмурившись, медленно кивнули, и волк продолжил: — Они с Дином тогда вместе собирали своих по горам. Дин сестру и зятя, а Вельмин сына потерял и невестку, и внуков. Несколько дней спать не мог после, с ума сходить начал, на сородичей кидаться и душу терять. Так вот, Эльса тогда, сама малышка осиротевшая, несколько дней за ним хвостиком ходила, рядышком спала. Заодно и Вельмина усыпляла. Спокойным сном с того света и вытащила. Ведь наведенные сонниками сновидения всегда ясные, теплые, добрые. Душу греют и успокаивают.

Шай замолчал, а окружающие посмотрели на Эльсу совершенно иначе. Призадумались. Зато она внимала своему любимому, как богу. Ведь защитил от нападков таким вот нехитрым, житейским способом, да еще и похвалил, напомнил друзьям о ее добрых делах. Я расчувствовалась, даже глаза защипало: какая же у меня подружка замечательная!

Дин поблагодарил Наума за кружку с отваром и лепешку — и сунул мне в руки. А сам подошел к Шаю и шепотом перекинулся с ним парой слов. При этом ласково потрепал племянницу промеж ушей. Привычно так, любовно, как родитель попавшегося под руку ребенка. Затем взял еще лепешку и кружку с взваром и улегся поодаль прямо на земле.

Но Эльса не была бы сама собой, если бы надолго утихомирилась. Откусив раз-другой от лепешки, она, словно заскучала, опять обратила взгляд на охранника-недруга с женой в обнимку и с тщательно скрываемым ехидством любопытствовала:

— Как же вы, ама Хвесья, на нашего... Мирона наткнулись? Из княжеского дворца, да в телеге на юг тащиться, тяжела дорога-то.

Ей явно не давало покоя, почему столичная хорошенькая девица на зануду и ворчуна из дальних краев запала.

Лисичка смутилась, вцепилась в руку мужа, злобно глянувшего на никак не унимавшуюся кошку, и погладила пальчиком тыльную сторону широченной ладони, тихо попросив его:

— Ми-ирр...

Гепард гордо отвечал бывшей хлопотной подопечной:

— В Аверте на базаре познакомились. Я свое счастье не проморгал: хорошую, красивую девицу не упустил.

— А-а-а, ну понятно-о, — пропела Эльса. Немного помолчала и начала как бы между прочим вслух рассуждать: — В спешке характер не успеешь хорошенько узнать, можно и ошибиться, а потом уже поздно бывает.

Далей, до этого с удовольствием пивший горячий отвар в прикуску с лепешкой, чуть не подавился, громко расхохотавшись. Смерив надувшую губы Эльсу веселым взглядом, сквозь смех заверил ее:

— Зато твой характер, лу, любому с первой встречи как на духу... Не утаишь, не спрячешь...

Глаза Эльсы полыхнули голубым огнем, щеки заалели. И этот укорил за длинный язык и несносный нрав. Пришлось мне тоже заступиться:

— Зато если кто полюбит, то сильно, ведь знает про характер. Говорят, сервалы любят крепче всех, ради любимого и в огонь, и в воду пойдут.

Дин посмотрел на племянницу и с грустной улыбкой согласился:

— Это точно. Сервалы в нашем роду полностью разделяют судьбу любимого и в горе, и в радости. И в смерти!

Я пересела к подруге, мы улыбнулись друг дружке. Она подскочила и налила мне еще горячего отвара, как бы поблагодарив за участие. Но пить его под чересчур внимательными взглядами Глена и Дина мне расхотелось, да и Мишек неожиданно поинтересовался:

— Раз у нас тут душевные посиделки, может расскажете, любезные лу, как вам сбежать-то удалось?

Мы с Эльсой испуганно переглянулись. Она настороженно покосилась на дядюшку Дина и громко, нервно сглотнула. Я беспечно махнула свободной рукой, надеясь отделаться от дотошной гиены:

— Да так, повезло просто. История выеденного яйца не стоит.

— Да неужели? — ехидно изумился тигрище, вытянувшись на земле и опираясь на локоть.

И взгляд у него какой-то недобрый, неверящий. Посмотрел на меня сперва, затем уставился на племянницу, наверняка решив, что на зачинщицу побега я не тяну. Неожиданно даже обидно стало: с чего это меня сразу за слабака и ведомую приняли? Задрала подбородок и с вызовом посмотрела на Дина:

— На смотринах мы не успели подружиться, некогда было, поэтому сбежали не сговариваясь. Уже в телеге, в обозе встретились.

Глен с другими обозниками, желавшими послушать новости, вскинув брови в веселом изумлении, ждал подробностей. А Мирон — чтобы его жена плохо готовила! — поторопился любопытствующих порадовать:

— Про ваше «выеденное яйцо» весь Аверт гудит. Нас с большим трудом выпустили из города, наемники прошерстили каждую улицу и постоялый двор. Проверяют все телеги.

— Мамочки! — пискнули мы с Эльсой, в ужасе переплетая хвосты и теснее прижавшись друг к другу. — Нас не догонят?

Дин укоризненно покачал головой:

— Признавайтесь, негодницы, кто из вас додумался князя... пресветлого и могущественного цепями к кровати привязать?

— Чего? — дружно удивились оборотни.

Сомнений в том, что именно Эльса отличилась, ни у кого не осталось: у нее лицо и шея цветом напоминали молодую свеклу.

— А как, по-вашему, сбежать можно было? — невнятно пробурчала она, пряча ладони между коленей. — Ну... я только привязала его... чтобы выиграть время, — и ушла...

— Да-а, Дин, занятно же ты родственницу воспитывал, — уколол Глен.

Тигр вскинул лохматую голову и зло посмотрел на бывшего-будущего друга, прежде чем продолжить:

— Привязала и ушла, говоришь? Кто же тогда белье бабье ему в глотку затолкал? Да еще красной лентой повязал, чтобы краше смотрелось, наверное: в цепях и с панталонами в пасти.

Теперь пришел мой черед краснеть и оправдываться:

— Он на Эльсу злился... шумел, а вдруг бы кто услышал и на выручку пришел? — И на всякий случай прибавила, словно это была главная заслуга и пример добропорядочности: — Но срам его я подушкой прикрыла, чтобы больше не позорить.

Оборотни весело смотрели на нас, едва сдерживаясь от смеха, и мотали головами, как если бы не очень-то верили. Пока Наум не глянул на Глена и не выдал:

— Я бы поостерегся такую жену в дом приводить. Чуть что не по ней — цепями к кровати прикует, кляп в рот заткнет и... надругается.

Дальше всех прорвало: гоготали в голос так, что, наверное, всех ворон в округе распугали. А мы с Эльсой мучительно горели со стыда.

— Я думала, никто не узнает, князь же, — оправдывалась подруга. — Надеялась сбегу, а следующая девица его развяжет и охмурит. И забудет Валиан обо мне, как о дурном сне, не захочет стыд и слабость свою в народ выносить...

— Я тоже понадеялась, что его кто-нибудь другой освободит, потом, как-нибудь, — призналась я, поддержав находчивую кошку. — Следом Глаша должна была ох... очаровывать, поэтому я там тоже зря задерживаться не стала. Как увидела таким... беспомощным, рот заткнула и сбежала. Но я извинилась, вы не думайте.

— Вежливая лу, значит? — «хрюкал» от смеха Мишек, согнувшись пополам.

Хвесья, положив голову на плечо Мирону, посадившему ее к себе на колени, широко улыбалась. Кажется, она единственная одобрила нашу затею:

— Его светлость нашла охрана. Пока суд да дело, вся дворцовая прислуга узнала. А слухи как шило в мешке — не утаить. И ничем не остановить. В Аверте так пострадали от Валиана с его наемниками, что чем дальше от ворот, тем краше новости.

— В общем, к вечеру трех девиц, обесчестивших и обокравших Валиана Северного, великого... еще поутру князя, прислужники дворцовые да наемники искали, как пуд дармового золота, — ухмыляясь, поддержал жену Мирон.

Мало того, он смотрел на нас с Эльсой, как на героинь, если не Фарна, то всея Зеленой стороны.

— Ты не радуйся особо, — Дин осек было воспрявшую духом племянницу и укорил: — Клан Серых охотников перетряхнули как старый чулан, до последней дощечки. Не там ли схоронились девицы от карающей

княжеской длани? Томаш сказал, чтобы ты к ним больше носа не показывала!

— А почему трех? — едва выслушав тигра, одновременно озадачились мы с подругой и возмутились: — И не крали мы ничего. Клевета!

Ответил нам Дин:

— Помимо вас, милочки, еще одна невеста отличилась. Гиена какая-то, Глафирия.

— Глашка? — ахнула я, всплеснув руками. — Что она украла?

— Вы — только честь и достоинство, а она — самое главное у князя увела!

— Что может быть главнее чести? — удивились мы.

Хвесья, Мирон и Далея рассмеялись, а Дин был серьезен:

— Мозги и смекалку заморские, благодаря которым Валиан себе трон в Аверте поставил по примеру Желтой стороны. — Догадавшись, что мы ничего не поняли, наверняка смотрели на него как баран на новые ворота, он добавил: — Эта Глафирия советника у Валиана украла — вынесла из дворца змея премудрого, Шана Гадючного. Поговаривают, что и казна княжеская после сего страшного злодеяния оскудела прилично.

Новость эта как гром среди ясного неба разразилась. Рты не только мы с Эльсой отрыли, но и другие оборотни, ошарашенно вытаращившиеся на враз подобрешего, даже довольного тигра.

— Да уж, без мозгов да смекалки трудно князю теперь придется, — «посочувствовали» Мишек с Дашеком, чем вызвали общее веселье.

— Смех-смехом, — вытер выступившие от хохота слезы Далея, — а из Аверта мы выбрались за золото. Служивые пропустили тайком. Валиан лютует: не до вас ему, не до женитьбы, сдается мне, — советника беглого ищет. Всюду разъезды, отряды наемников черных разослали, так что лучше не рисковать, побудьте до границы парнишками.

— Ой, да ничего, побудем, конечно. Так гораздо удобнее, — пожалала плечиками Эльса, радовавшаяся, что все горести, кажется, отступили.

И стрельнула глазами в очередной раз на Шая, проверяя, смотрит на нее или нет.

Хороший день был: со смехом, да посиделками у костра. Одну телегу отправили в Малинник и помимо фуража купили пару бочек пустых для воды в дорогу.

Еще я частенько ловила на себе взгляды Глена и Дина. А вот внимание остальных оборотней, узнавших во мне девицу, необъяснимым образом пресеклось на корню. Но если Глен во всю проявлял мужской интерес, то взгляды Дина были разными и противоречивыми.

Глава 19

Ночь наступила почти по-летнему теплая, уютная, сверчки поют, стараются во всю. В небе висит толстенький серп луны, вместе со звездами и костром, поддерживаемым караульными, освещая лагерь. Слышно как в низине журчит ручей-речушка, трещат горящие сучья, лошади переступают с ноги на ногу, всхрапывают наперегонки с мужиками. Те похрапывают, а кое-кто такие рулады выводит, что жалко его супружницу.

Но проснулась я от знакомого запаха, прокравшегося в мой сон. Запаха, волнующего с самого первого раза. Приоткрыла глаз и увидела Дина, большой, бесшумной тенью склонившегося над Эльсой, укрывая ее шкурой повыше. Затем заботливый дядюшка осторожно убрал с ее лица прядь волос, выпрямился и хотел было уйти, но замер, заметив, что я не сплю. А с моих губ невольно сорвалась похвала:

— Мне кажется, вы будете хорошим отцом, ата.

Дин усмехнулся, кончиками пальцев обвел мое лицо, заставив удивленно приподнять голову, и тоже шепотом ответил:

— Хорошо, уговорила.

— На что? — я нахмурилась, не понимая спросонья.

— Стать отцом, — улыбнулся Дин, облокотившись о борт телеги, — поможешь мне с этим важным делом?

Вот кто, спрашивается, меня за язык дернул. Теперь слушай опять насмешки, вместо того, чтобы спокойно спать. Я фыркнула:

— Вот еще. Шутник нашелся.

— Кто ж так шутить будет? — продолжал улыбаться Дин.

Вообще-то его белоснежный оскал в темноте выглядел устрашающе, жутковато, но почему-то не пугал нисколько. Наоборот: тигриные клычищи давали ощущение спокойствия. Надежный защитник! И все-таки насмешник.

— Может вы за день не устали, раз ночью тешитесь, то я очень даже. Если вы не заметили, я сплю! — Отвернулась и улеглась на бок, мол, все, не мешай.

— А мне вот не спится после встречи с тобой. Вторую ночь маюсь бессонницей. Тот сладкий поцелуй повторить хочется...

И ведь таким хрипловатым вкрадчивым голосом мурлыкнул, что у меня мурашки по коже побежали от удовольствия. Неужто правда — его поцелуй тоже задел? Я неосознанно коснулась губ и услышала, как Дин

довольно хмыкнул. Все приметил хитрый котище!

Нарочно широко зевая и повыше накрываясь шкурой, отгораживаясь от ночного собеседника, я язвительно прошипела:

— А мне после лишь маленький кошмар приснился. Ата, прошу прощения за доставленные хлопоты, но мне спать хочется,

Дин не ушел, явно о чем-то задумался, судя по едва уловимому звуку дыхания, затем послышался шорох, огромная ручища закрыла мне рот — не пискнуть. Я вцепилась в его пальцы, пытаюсь освободиться, а он — мягко поцеловал меня в висок. Легко касаясь губами, прошелся по мгновенно загоревшейся щеке до шеи. Яркий мужской аромат будоражил, пьянил, кровь бежала быстрее, горяча тело. Я перестала вырываться, замерла, млея от прикосновений губ, вкус которых, кажется, запомнила навсегда, — и вдруг Дин коротко, легонько цапнул зубами мягкое местечко у основания уха.

Тело будто молнией прошило, запалившей внизу живота костерок желания. Следом меня затопила неведомая прежде томительно-приятная, горячая волна. Я зажмурилась и словно кожей ощутила нависшего надо мной оборотня. Суть его зверя давила на моего каракала, вдоль позвоночника пробежала загадочная дрожь, отчего я неосознанно прогнулась в пояснице, отставляя хвост. Сердце колотилось в груди пойманной птицей. Мужская ладонь обжигала мое лицо, затем она ласково скользнула к шее — и исчезла, оставив меня в полном раздрае испытывать незнакомые и непонятные ощущения. Я судорожно вздохнула, испуганно посмотрев на Дина, а он продолжал улыбаться. Мягко, снисходительно. Правда, голос хриплым и севшим оказался, когда он, наконец, прошептал:

— Повезло твоему будущему мужу. Ему достанется невинная сладкая кошечка, да еще и чувственная.

— Ты зачем меня укусил? — прошипела я возмущенно.

— Из справедливости. Чтобы и тебе не спалось, чтобы мечтала обо мне, как я о тебе.

— Размечтался! — усмехнулась я. — Лесной дух нашелся, пугать по ночам!

Дин словно растворился в темноте, одарив на прощание загадочной улыбкой. Я заворочалась, чтобы найти удобное положение и заснуть. Не тут-то было: след его зубов ощущался за ухом маленьким угольком, затем растекался по телу горячим ручейком и скапливался внизу живота... Отринуть, не чувствовать, окунуться в сон — не получалось.

К утру я с трудом забылась тревожным сном, а буквально в следующий миг рядом раздалось ненавистное:

— Подъем мужики!

* * *

Присев на корточки у воды, я шумно умывалась, прогоняя сонную мусть из головы, прежде чем раздеться. Мы с Эльсой и Хвесей спрятались за зарослями ивы от мужчин, чтобы ополоснуться в бодряще холодной речушке. Затем переоделись и переплели друг другу косы. Без стягивающих грудь повязок дышалось легко. И вообще, все было бы хорошо, если бы я не походила на сонную, осеннюю муху, с той разницей, что раздражала саму себя. Засыпала на ходу.

А все из-за тигра!

Посмотревшись в маленькое зеркальце, я осталась довольной. На мне новая белая рубашка с нарядной вышивкой, которую делают на женской одежде, считая, что ягодки-цветочки-листочки нам больше подходят. Правда вырез до груди, приоткрывающий шею и тонкие ключицы, и высокие, до середины предплечья манжеты с пуговичками. Темные плотные штаны, как у торговцев: достаточно свободные, чтобы и хвосту было удобно, и хозяину сидеть в телеге или ехать верхом. К ремню, подчеркивающему мою тонкую талию и округлые женственные бедра, я приладила ножны с кинжалом, подаренные в дорогу кузнецом Мохой. С ножом при себе все-таки надежнее в дороге, ну и теперь его можно не прятать из опасения услышать, откуда у бедных сироток хорошее дорогое оружие взялось.

— Девочки, собрались? Пойдем завтракать? — с робкой улыбкой спросила Хвеса.

Лисичка, даже спросонья хорошенькая и любезная, верно хотела свести с нами дружбу, тем более жить она будет в Еловом ручье с Эльсой по соседству.

Я бросила лист лопуха, которым свои сапожки вытирала от пыли, подняла с травы неброскую безрукавку, но надевать не стала — не холодно, у меня под верхней рубахой надета тоненькая, приятная к телу нижняя сорочка. Посмотрела на подруг, ожидавших, когда я закончу одеваться, и вяло согласилась:

— Пойдемте.

— Ты часом не заболела, Савери? — встревожилась Эльса.

— Нет, не беспокойся, просто плохо спалось, — поморщилась я, не собираясь рассказывать удивленно поднявшей брови, спокойненько

сопевшей рядышком всю ночь кошке, что виной тому ее дядя — наглющий кошка и самодур, — как и о смущающих, бесстыдных снах, одолевавших под утро.

Эльса озабоченно пощупала ладошкой мой лоб, убедилась, что жара нет и, кивнув Хвесе, направилась вдоль ручья к нашему медведю-кашевару, набиравшему воду. Красавица сервал оделась так же, как и я, только рубаха у нее нежно-зеленого цвета, подходящая к ее золотым косам. Наша новая попутчица Хвесья тоскливым взглядом проводила ее — тоже хотела бы одеться в дорогу поудобнее, по-мужски. Так и на гору подниматься проще, и ходить по неровному берегу и зарослям, но мы слышали, как Мирон запретил «непотребные приличной замужней аме штаны».

К Науму подошел Глен; наверху, на краю обрыва, разговаривали Дин, гиены и Шай. Я засмотрелась на внушающего почтение тигра в черной рубахе, распахнутой на широкой мускулистой груди. Он расставил крепкие сильные ноги, большие пальцы рук заложил за ремень, а кончиком длинного толстого хвоста постукивает по земле. Сам вроде спокоен внешне, а хвост легкое раздражение выдает. Наверное, о чем-то важном мужчины разговаривают.

Ветер своевольно играл волосами тигра и волка, кидая разноцветные пряди им в лицо. У Дина шевелюра гуще и немного длиннее, чем у Шая. Я поймала себя на мысли, что хочу зарыться в нее руками и... носом. Может он со мной что-то сотворил, когда укусил, — не знаю, но рот наполнился слюной, а внизу живота затухшие было угольки разгорелись с новой силой.

Зар-раза какая — этот дядюшка Дин!

Кажется, он почувствовал мой взгляд, переполненный желанием и злостью. Резко обернулся и — ухмыльнулся, довольно блеснув бесстыжими глазищами. Да так до обидного понимающе смотрел, будто разделял нашу общую тайну, что вынудил меня скрипнуть клыками. Ко всему прочему, еще и неторопливо почесал у себя за левым ухом, именно там, где и у меня зудит след от его зубов. Нет, ну какая зараза!

Вдруг Дин напрягся: яркие желтые глаза впились в кого-то за моей спиной и потемнели. Я тут же ощутила знакомый пряный аромат Глена, неожиданно положившего ладони мне на плечи и вкрадчиво мурлыкнувшего на ухо:

— Я знаю одно волшебное местечко у кошечек за ушком. Если его лизнуть, тебе очень понравится!

Пару дней назад я бы, наверное, повела себя по-другому, ведь тогда не знала Дина. Не целовалась с ним. Даже думала о Глене как о возможном будущем мужчине, паре. И главное, не мучилась всю ночь от жара

томления. Если бы не все это, я бы рискнула позволить привлекательному леопарду то занятное местечко показать. Сейчас же неловко отодвинулась и буркнула, опасаясь, что цапнет за ухом — и почувствую я, причем принародно, ту немыслимо горячую волну:

— Еще один волшебник на мои уши нашелся.

Эльса, заговорщически подмигнула мне, намекая не теряться и брать леопарда в оборот. Хвеса растерянно улыбалась. А вот Глен, хоть и улыбнулся примирительно, мол, ничего такого, но в его зеленоватых глазах отразилось сожаление. Он хранил спокойствие, но глазами был готов проглотить меня целиком. А почему бы и нет? Мы же нравимся друг другу. Глен откровенно во мне заинтересован, не ради красного словца и от скуки, вон как к Дину ревнует.

Для чего, в конце концов, я отправилась в путь? Найти суженого, обрести свой дом или собственное логово, как иногда говорят в Волчьем клыке. Кот леопард всяко старше двадцати пяти, сильный, красивый, ответственный, наверняка нагулялся и готов к семейной жизни.

Я шагнула к Глену вплотную. Под разгорающимся, призывным мужским взглядом, поднялась на цыпочки, посмотрела в яркие глаза, полюбовалась полными красивыми губами — и поцеловала его. Скоро он перехватил главенство — ласкал мои губы, завладевая ртом, языком... Поцелуй был приятным, нежным... но не более. Внутри у меня почти ничего не дрогнуло; мой каракал не шипел от страсти, желая впиться когтями в спину леопарда, как было с тигром. Мы с моим зверем постигали новые чувства, ощущали как это — быть желанной женщиной.

Пыталась отдаться на волю чувств, но чего-то не хватало. Мой первый поцелуй с Дином был совершенно иным, сумасшедшим, с капелькой крови и вихрем ощущений. Неожиданно сладкий. Я не смогла бы вспомнить подробностей под страхом смерти, потому что тот поцелуй забрал мой разум, смел все запреты, подарил немыслимую радость. Даже о ненавистном из-за Амаля, извечно мужском стремлении подчинить в тот чудный момент не думала с ненавистью и страхом; оно было, как само собой разумеющееся и правильное. В руках тигра я таяла и по своей воле сходила с ума.

Сама прервала поцелуй и отстранилась от обнимавшего меня Глена, положила руки ему на грудь и слегка уперлась, давая понять, чтобы отпустил. Подняла голову и встретила с желто-зелеными кошачьими глазами: Глен вместе со своим зверем понял, что проиграл, даже не начав толком. Смешно облизнулся и с грустной улыбкой неохотно выпустил меня из объятий.

— Для меня ты могла бы стать всем, — тихо произнес он, внимательно глядя мне прямо в глаза, пытаясь найти хоть какой-то знак, чтобы продолжить.

— Я не хочу играть чувствами, уже зная, что не твоя, — шепнула, понимая, что не виновата, но испытывая вину, сожалея, ведь с Гленом было бы так хорошо и просто.

Он поднял руку и ласково, щекотно провел по моему уху до черного кончика-кисточки, затем мягко погладил по щеке и виску. В его глазах отразилось сожаление и легкая горечь, и я вздохнула с большим облегчением: боли в них не было. Конечно, я зацепила его, привлекла, но, по счастью, не слишком глубоко. Не успела пробраться к нему в душу. Не причинила боль отказом.

— Повезет твоему мужу будущему, — с досадой, что не ему, неожиданно признался Глен.

— В чем? — я не смогла удержаться от заинтересованной и польщенной улыбки.

— Сладкая ты, нежная, Савери, а целоваться совсем не умеешь, такой простор для обучения и отрада для мужского самолюбия.

Я возмущенно толкнула леопарда в грудь и смущенно пробурчала:

— Все бы вам шутки шутить! — Заметив заинтересованно, беззастенчиво наблюдающую за нами и ухмыляющуюся подружку, добавила, задрав нос: — Думаю, Эльса тоже нецелованная, может, ее попробуешь научить?

Сервал возмущенно вскинулась на меня:

— С чего это ты взяла, что нецелованная? Я целовалась уже!

— Разок, — ехидно подколола я.

— Целых три раза! — гордо заявила подруга. — В отличие от тебя, на меня хоть кто-то покушался.

Я замерла от обиды, ведь и сказать поперек нечего. Права Эльса. Волчий клык — огромный клан, куда много стай и поселений входит. Да только за столько лет не нашлось ни одного оборотня, который бы потерял от меня голову. Даже в юности, когда запах не скрывала, ни один не рискнул сорвать поцелуй — стороной обходили, предпочитая ухаживать за другими девчонками. Будто невидимая, я присутствовала на посиделках, девичниках, праздниках. Изгоем была, несомненно нужным, но нелюбимым, нежеланным.

Я глубоко вздохнула, старательно загоня внутрь застарелую боль, — и неожиданно уловила:

— Эльса, хвала Луне, твой запах вернулся! К счастью, та дрянная пума

и правда слабая, коль проклятие две недели не продержалось.

— Прости меня, — виновато понурилась подруга.

Глен удивленно уставился на меня: не понял о чем речь шла и моей обиды тоже не понял.

— Я всего лишь водяница, но мной в клане дорожили. Как же случилось, что тебя с такими-то способностями к рукам не прибрали? — выказала недоумение Хвеса. — Наши старшие предложили бы самых лучших и сильных оборотней такой как ты на выбор, чтобы сохранить дар и передать по наследству. Ведь сильная знахарка и...

— А в моей семье другая ситуация! — грубо оборвала я. И чтобы не брались больше лезть с советами и жалеть, строго отвратила: — Давайте оставим меня в покое и дадим самой выбрать, как жить и с кем!

Хвеса смотрела на меня круглыми, удивленно-испуганными глазами, потом ее лицо дрогнуло, она закусила нижнюю губу, догадавшись, что и до смотрин жилось мне непросто. И несладко. По причине все той же одаренности.

— Прости, пожалуйста, Савери. Ты права, каждый волен выбирать свою судьбу и путь сам, — попросила она. Неуверенно подошла, взяла мою ладонь, пожалала и добавила, робко, примирительно улыбнувшись: — Если хочешь, я с радостью стану тебе подругой. И поддержать готова во всем.

— Только без глупостей, пожалуйста! — предупредил Глен, не забыв хмыкнуть. — А то вы, девочки, еще те сорвиголовы.

— Без вас, мальчики, разберемся! — криво улыбнулась ему Эльса и преданно посмотрела на меня.

Леопард, подхватив меня под локоть, повел вверх, при этом заводя серьезный разговор:

— Савери, я хочу предложить тебе новый дом. Мой клан Каменный ветер находится в трех днях от Тихой заводи, в горах. У нас много сильных, ответственных мужчин, достаточно зеленых террас, где стоят крепкие дома. Мы добываем драгоценные камни в шахтах, богаты и всегда будем рады приютить и защитить красивую одинокую знахарку.

Я подняла на него глаза и от всего сердца поблагодарила:

— Спасибо Глен, ты удивительный!

— Может мне все же повезет, и со временем ты восплаеешь ко мне страстью, — усмехнулся он. Я грустно улыбнулась, и он быстро добавил: — Не переживай, я готов быть и другом. Лучше подумай, у нас много достойных холостых оборотней на любой вкус. Мой дядя — глава клана, поэтому я в праве обещать тебе и дом, и защиту, и свободный выбор.

— Спасибо, — всхлипнула я от радости.

— Ата Глен, ты бы не рассчитывал на Савери, — резко воспротивилась Эльса. Ткнула Хвесю локтем в бок, та охнула, а сама, подбоченившись, решительно заявила: — Савери останется в Еловом ручье! У нее там уже две подруги есть. И Дин... присмотрит.

— Знаю я, как он присмотрит, — хмыкнул Глен, бросив мрачный взгляд наверх.

Мы дружно задрали головы и увидели Дина, оставшегося на обрыве в одиночестве, наверняка ждавшего нас. Он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину и, кто бы сомневался, слышал, о чем мы разговаривали, и видел. Опять-таки, нет сомнений, что ему это не по нраву, несмотря на бесстрастное выражение лица. Вон как резко обозначились скулы, гуляют желваки, губы поджаты — все за то, что дяде Эльсы далеко до спокойствия, которое старательно выказывает. А уж как злобно колотит полосатый тигриный хвост по кромке обрыва, не передать словами. Только песок да камешки летят.

Мне бы беспокоиться, но странное удовольствие растекалось теплой волной внутри. Неужели ему претит предложение Глена? Или наш поцелуй? Я бы сомневалась: вдруг Дин на племянницу разозлился, что без спроса меня в клан пригласила. Но тигр сверлил взглядом Глена, а не Эльсу. Ничего хорошего оборотистому леопарду из дружественного клана этот взгляд не сулил.

Леопард еще шире ухмылялся, довольно скалясь бывшему, наверное, другу. Тигр, раздраженно дернув верхней губой, резко развернулся и исчез из виду. А я, вопреки неизвестности, туманом повисшей над холмом, разбередившим душу воспоминаниям и обидам, невольно улыбнулась: может Дин не шутил ночью; равнодушный бы не злился. Ведь так? Эх, а денек-то хорошо начинается.

* * *

Мужчины рассаживались у костров, причем многие собирались возле нас с Эльсой, отчего гиены и Наум хитро усмехались, словно развлекались. Только мы с Эльсой собрались сесть на бревно, Дашек, нарочито вскинув брови, напомнил:

— А как же пробежка? Крепкие ноги даже девицам нужны.

Эльса вспыхнула и, покосившись на лисичку, с хитрецей спросила:

— А Хвесья тоже побежит?

Спорить или ругаться не хотелось: мне только лишнего внимания не

хватало и обидных шуточек. Пожав плечами и вздохнув, я повернулась, но не успела сорваться с места, раздались голоса:

— И мне что ли пыль стряхнуть...

— Я тоже решил пробежаться!

Я удивленно обернулась — сразу с десяток мужчин собрались бежать со мной за компанию, встав с мест. Эльса изумленно хлопала глазами. Наум перестал мешать кашу. Наверное, всей толпой бы и побежали, если бы не вступился Шай:

— Братцы, я понимаю, у каждого из вас по выводку дочерей, каждая с характером — как их не школить. Но я же тогда думал, что они парни, а девчонкам к тракту, да и по кустам носиться не к чему. Если бы знал, что эти кошки — девушки, ни за что бы не разрешил. Да еще с тяжелыми жердинами.

Эльса, как в Волчьем клыке говорят, прям цвела и пахла да облизывала взглядом своего любимого. Немного смешно, но сегодня обозничий тоже прихорошился: рубаху сменил на светлую, вышитую; шнуровку на широкой груди распустил и не стал надевать куртку, чтобы, значится, свою мужественную красоту не прятать; чудные ботинки сменил на начищенные сапоги. Одним словом — жених! Ой, ухажер, пока.

И все же Дашек несогласно замотал головой:

— Здесь они под приглядом двадцати с лишком воинов. Бегай — не хочу, никто не помешает. А если опасность в дороге какая? Сильные лапы унесут от беды! А эти — заморыши хилые, домашние цветочки; дунет кто — и унесет.

Дин склонил к плечу большую голову и решительно пресек спор:

— Я против! Ты не прав, Дашек. По тракту сейчас отряды наемников Валиана рыскают в поисках беглецов, а то и просто добычи. Попадись девчонки к ним за версту от обоза — и ты уже вряд ли успеешь их спасти.

Эльса радостно, облегченно вздохнула, остальные заулыбались, соглашаясь с ее дядюшкой. Наум сердито позвал всех завтракать, а то «время бежит, а обоз стоит».

Все едоки пили горячий взвар, когда сидевший рядом с Эльсой Шай, жадно вдохнув, потянулся к ней. Она встрепенулась, не веря своему счастью. И скоро ошалевший от вкусного, яркого запаха красивой молодой кошки волк уткнулся носом ей в шею и шумно задышал. Про народ вокруг он явно забыл. Эльса закатила глаза от удовольствия, боясь шелохнуться и спугнуть любимого. А вот сидевший с другой стороны от Шая Дин недобро зыркнул на него.

Шай терся щекой и виском о щеку Эльсы, делаясь с ней сильным

волчьим запахом, и смотрелось это очень личное действо совсем неуместно на глазах тихонько посмеивавшихся мужиков, даже против приличий, по моему мнению.

Дин сорвался: короткое резкое движение локтем, вскрик Эльсы — и Шай кубарем покатился по земле. Сел, потрянул головой и потер серое лохматое ухо. Эльса чуть не на четырех лапах подскочила к Шаю и со страданием на нежном личике осторожно коснулась битого уха. Обернулась и, едва не плача, крикнула:

— За что, Дин?

Тигр, глотнув взвара, совершенно спокойно сказал:

— За компанию. Он тебе в ухо ненамеренно дал, а я ему. Теперь все в расчете.

Шай потряс головой, видно, сильно в ушах звенело, но, глянув на друга, понятливо усмехнувшись, согласился:

— Справедливо, дружище Дин. Хоть часть вины с моей души снял, и то спасибо.

— Савери! Савери, ему же больно, где там твоя настойка? — переживала Эльса за своего обожаемого волка.

— Не беспокойся, милая. Думаю, твоему ушку тогда досталось больнее, но ты же не плакала? — мягко, тихо попросил ее Шай.

Спокойный и суровый Стальной волк назвал Эльсу милой и тепло ей улыбнулся! Я сбегала к телеге за знахарской корзиной и вместе Эльсой занялась опухшим Шаевым ухом, хоть он и отнекивался. Но «сдался», когда милая сказала, что главе обоза без уха никак, причем выражение лица у нее было такое, словно у самой ухо болело. Остальные оборотни одобрительно переглядывались и до вечера необидно перешучивались насчет «попавшегося кошке в лапы волка».

Глава 20

Последняя телега небольшого встречного обоза, груженного сушеной рыбой, с грохотом проехала мимо. Крепкий рыбный запах, который мы почувствовали издалека, еще долго висел в воздухе вместе с пылью. Глен сказал, что этот обоз, скорее всего, из Шлепа, до которого еще пять дней пути, и мрачные возницы и охранники, большей частью еноты, везут в Малинник вкусно пахнущий груз на продажу.

Наша охрана, проводив чужаков пристальными взглядами, свистнула, разрешая ехать. Чем дальше от Аверта, тем более напряженными становились обозники. Тракт широкий, вполне позволяющий разъехаться встречным обозам, но стоило южанам завидеть облачка пыли впереди или позади, вереницу повозок останавливали на обочине и чуть ли не к нападению готовились. Вот и мне тревожно было.

Помимо этого телегу, на которой присоединились к обозу Дин с друзьями, поставили за нашей, Гленовой. И теперь часть охранников ехала именно на ней, крайней, зыряка по сторонам. Кому не понятно, что теперь нас, женщин, охраняют не меньше, чем поклажу? Время от времени мы втроем шли пешком — это настырные Мишек и Дашек укрепляли наши ноги таким способом. Мол, если не бегаете, так хоть прогуляйтесь. Хвесья, вопреки ворчанию молодожена Мирона, с удовольствием составила нам компанию. Да и веселее, и интереснее вместе.

Мы тихонько говорили о том о сем, в основном расспрашивая Эльсу о жизни в Еловом ручье. Кстати, два дня назад, за ужином, после того как Дин услышал гостеприимное предложение Глена, как бы между делом повторил для меня приглашение войти в его клан. И наобещал мне там чуть не с три короба: дом большой, добротный, уютный, с черепичной красной крышей, большим садом и белым штaketником. Эльса тогда отчего-то кривовато, плутовато усмехнулась, да и остальные оборотни, услышав описание моего будущего логова, громко расхохотались. Но я все равно сердечно поблагодарила Дина. А Глен расстроился: не хотел упускать знахарку и свободную девицу для своего клана.

— Мирон сказал, что глава клана твой дедушка? — уточнила Хвесья у Эльсы.

— Да, — кивнула сервал с улыбкой, наверное, предвкушая скорую встречу с родными. — Деда Матео — огромный такой, полосатый тигрище — восьмой десяток разменял и крепкий как бык. Дин в него пошел, даже

характером. А моя бабуля Лиза — сервал, мы с ней очень похожи.

— И дар от нее? — Меня беспокойство взяло: первая оборотница клана — сонница. Не приведи Луна! Непременно будет сплошной раздрай и неразбериха.

— Нет, — успокоила нас подруга, — мне от прабабки дар достался. Ох и бедовая она была. Бабуля как заведет про нее рассказ, так волосы шевелятся. Уж и настрадались от ее языка и выходок клановские — страсть! Не понимаю, за что только терпели? Я бы давно взащей выгнала...

И так она искренне возмущалась прабабушкиными выкрутасами, что мы с Хвесей едва сдерживались, чтобы не рассмеяться в голос, и понимающе переглядывались за спиной у нашей «паиньки» Эльсы.

— Действительно, откуда что берется?! — ехидно отозвался Мирон, не поворачивая в нашу сторону головы.

Эльса, смерив его досадливым взглядом, заговорила о другом:

— У нас огромные владения, и сам клан большой. Есть несколько горных селений и три в долинах. Еловый — главное село, или, как у вас называют, город, расположено вдоль реки под Голубой горой. Там плодородная земля, влажно и жарко, зато все растет: палку сухую воткни — корни пустит.

Ручейник чуть поменьше, как деревня, тоже в долине расстроился; там скот держат, травы видимо-невидимо, а деревьев почти нет. Третье по размерам село — Большие кочки — в речной пойме стоит. Если по весне вода сильно разливается, село будто на больших кочках плавает. Приходится постоянно мосты подправлять, их иногда селом сносит. Но там и рыба, и древесину спускают круглый год. Дальше на юг продают. Суровое местечко, скажу вам, но доход приносит клану хороший.

— И мой дар водяницы не пригодится, — уныло заключила Хвесья.

Эльса всплеснула руками:

— Да ты что! Как это не пригодится? Все дома у реки построены, но местность горная. Чуть отошел от воды — и все, сушь вокруг. За каждый источник или колодец драка идет. А ты поможешь новые найти, чтобы местным оборотням спокойнее жилось.

— А знахарей у вас много? — закинула я удочку для себя.

— Целителями у нас дедушкина тетка ведает, Дарья-знахарка. Старая уже правда. Вдовая, муж у нее давно погиб, а детей не успели завести. Она только его любила. На других смотреть не хотела. Так и осталась одна-одинешенька, зато нас, клановских, всех любит. Дарья в Еловом главная повитуха. Еще и детей с даром ищет и учит, чтобы в каждом поселении знахарь или повитуха, хоть слабые, но были. Твои умения ее очень

обрадуют, да я уверена, что попросит помочь, а может и обязанности на тебя переложит. Ей уже давно за сотню, самая старшая из дедова рода. Остальные померли, не все, правда, своей смертью. Край у нас суровый.

— Я буду рада помочь!

Хорошие новости: дело у меня будет, голодной не останусь. Дом пообещали. Эх, а жизнь с каждым днем все светлее и краше кажется.

— А какие у нас ярмарки бывают! — хвалилась Эльса довольно жмурясь. — Богатые, веселые, с песнями и плясками. Парни холостые любыми путями удаль свою девицам показывают...

— В вашем возрасте поздно по ярмаркам шастать. Да на тех дрыгунцов пялиться! — заявил Мирон, тяжело посмотрев на Хвесю.

Я бы на ее месте от такого взгляда сжалась от страха, а лисичка расцвела от удовольствия. Облизнулась и только кончиком пушистого хвоста вильнула, юркнув к Мирону на телегу. Села на козлы, прижалась к нему и счастливо улыбалась, в глаза заглядывая. И ворчливому мужу это явно по душе пришлось, сразу лицом посветлел, на губах заиграла нежная улыбка.

— А почему «дрыгунцы»? — спросила я.

— Потому что трясут... всем... чем не попадя.

— Хвостом что ли? — предположила я самое простое.

С соседних телег раздался хохот; Хвеся почему-то покраснела и, скромно опустив глаза, прятала улыбку. Мы с Эльсой недоуменно смотрели по сторонам, ожидая объяснения.

— И хвостом, бывает, — хохотнул Мирон, снисходительно посмотрев на меня.

Смех оборвался после предупреждающего свиста. Вскоре тракт обогнул пролесок и побежал под уклон. Дальше открылось удручающе жуткое зрелище: когда-то большой город стал сплошным пожарищем. Немногие дома уцелели, как и жители. Даже лес с одной стороны города торчал черными обугленными вешками, являя миру страшный лик войны.

За нашим обозом, двигавшимся мимо этого кошмара, увязалась босоногая худосочная ребятня, выпрашивая еду. Причем только мальчишки, ни одной девочки не видать. Да и среди редких строителей, пытающихся восстановить дома, только мужчины — уставшие, грязные и ожесточенные. Правда, потом заметили двух старух, варивших в общем котле пищу. Скучную, судя по запаху.

Останавливаться здесь на постой нельзя: опасно среди обожженного горем и голодом народа. Неожиданно Мирон помог спешиться Хвесе и, стегнув лошадей, увел телегу в сожженный город. За ним поскакали Дин и

Далей. Провожая их взглядом, я чуть не упала, просмотрев яму под ногами. Затем наши мужчины, заехавшие в город, перекинувшись словом с одним из погорельцев, начали выгружать часть поклажи. Вокруг них засуетилась, радостно защebetавшая малышня.

— Они решили помочь им? — хрипло спросила я.

Хвесья пояснила, хлюпая носом:

— Это Долгун, здесь в основном гиены и шакалы проживали. Он одним из первых выступил против Валианова войска. Черные наемники хорошенько тут порезвились. В Аверте потом на всех перекрестках хвалились о своих «подвигах». Теперь об этой жути каждый в столице знает. Здесь осталась всего пара сотен жителей: старики, ребятишки, да покалеченные мужики.

Главы южных кланов звали выживших к себе, но те отказались. За Долгун сложили головы все их родичи, вот живые и не хотят бросать землю, за которую пролили кровь их отцы, матери, жены. Мир сказал, что многие обозники за правило взяли: едешь мимо — захвати лишнюю телегу с чем-нибудь для долгунцев, отдай дань их силе, смелости и терпению. Поэтому ата Дин в Малиннике покупал для них припасы, пока мы с Миром в храме Луны обряд связующий проходили.

Я расплакалась, Эльса тоже не смогла сдержать слезы. Так и рыдали втроем, глядя на черные печные трубы и горелый лес.

— Надо было не только опозорить, но и самого прибить, — злобно прошипела сервал, невольно выпустив когти.

Осталось лишь тяжело вздыхать: не знали мы горя настоящего, оттого и дуры такие. Я спала и видела, как бы вырваться на свободу от брата, даже в гарем. А Эльса... просто Эльса. Но мы непременно поумнеем, уже начали.

Пустая телега быстро нагнала обоз. Вернувшиеся мужчины, посмотрев на наши зареванные лица, с сочувствующими улыбками сказали поберечь силы и посадили нас на телеги. Дальше я, держась за борт, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах, смотрела на Дина иначе — восхищалась его добрым сердцем. Мирон с Далеем больше не казались слишком суровыми и строгими. Жизнь все по местам расставляет!

* * *

Сегодня на ночь остановились раньше. Обозники, народ бывалый, сказали, место подходящее поблизости есть. Мы свернули с тракта и скоро

приехали на огромную поляну с прудом и молодой травой для лошадей. Дальше на многие версты густой лес стоит. Судя по запахам, с большой и малой живностью. Вот оборотни и решили поохотиться, чтобы на ужин свежатины поесть.

Я умылась, переплела косы и собралась в лес поискать полезных трав и кореньев, а то давненько не собирала, соскучилась, да и светло пока. Предупредила подруг, помогавших Науму готовить ужин, — мало ли, вдруг добычи не будет — и отправилась на свою охоту, тихую.

Далеко от поляны я уходить опасалась: во-первых, одна в незнакомом лесу, во-вторых, Долгун стоял перед глазами. Отошла за деревья на несколько шагов, прислушиваясь к кашеварам, и присела на корточки: шершуху нашла. Дальше ковырялась в земле, осторожно подкапывая это полезное растение; цветочки у него тоже невзрачные, только летом будут, а вот корешки на редкость полезные. Даже глубокие раны хорошо заживляют.

Услышав подозрительный шорох, я настороженно вскинула голову и осмотрелась в поисках опасности. И замерла, глядя на показавшегося из кустов огромного зверя с дикой свиньей в пасти. Он неспешно, почти беззвучно вышел, затем бросил бездыханную добычу к ногам и направился напрямик ко мне.

А я вытаращилась на это чудище лесное с мощным телом, лобастой головой, жуткой пастью с острыми и длинными, как кинжалы, клыками. Яркие желтые глаза горят словно яхонты и мой взгляд не отпускают. Под красивым, светлым, в темных разводах мехом перекачиваются мускулы. Зверь огромными сильными лапами ступает неслышно, неторопливо, важно. Знакомый длинный толстый хвост низко висит над землей и почти не шевелится, показывая, что хозяин спокоен.

Во все глаза рассматривая идущего ко мне тигра, я ошеломленно прошептала:

— Дин?

Тигр фыркнул насмешливо. Он! Обошел меня вокруг и развалился рядом, словно в плен взял. Громко сглотнул и раскатисто прорычал:

— Покажи мне свою кошку кар-ракала!

Так-так, поговорить решил в звериной ипостаси. Кошку ему покажи. Пришла моя очередь фыркнуть:

— Вот еще, полосатый командир нашелся!

Хотела встать с корточек, а тигр, толкнув меня хвостом, заставил усесться. Положил здоровенную лапу мне на бедро, нахал, еще бы когти выпустил! Я попыталась убрать лапищу, хоть и не давит лишне, но моя

человеческая рука ни в какое сравнение с силой и размерами полосатого зверюги не идет.

— Покажи, кр-расавица, — кажется, попросил тигр, подавшись ко мне и совсем повалив на землю.

Я уперлась в мохнатую, оказавшуюся приятной и мягкой на ощупь грудь нависшего зверя и упрямо уставилась в его хитрющие глаза:

— Обойдешься!

Ох, Луна, какая же жуткая у него морда! А мех я помяла пальцами — шелковистый!

— Мой тигр-р тебе понр-равился, — неожиданно сипло «рассмеялся» огромный котяра. — Пр-приятно!

— Тигр как тигр, ничего такого. — Я дернула его за длиннющие усы — он недовольно сморщил шкуру на переносице. — Ты о себе слишком высокого мнения.

— Пр-роверим! — игриво прорычал зверюга.

И под мой испуганный писк уткнулся мокрым холодным носом мне в шею. А когда его шершавый здоровенный язык прошелся по чувствительной коже, я завопила от щекотки.

— Дин, не наглей, — возмущенно пыхтела я, пытаюсь увернуться от облизывающего меня зверя. — Сначала в пасти вонючую свинью нес, а сейчас мне лицо облизываешь!

— Р-разве моя кошечка эту свинью есть не собир-рается? — насмешливо проурчал тигр.

— А где здесь твоя кошка? — не сдавалась я.

— Я хор-роший охотник, моя кошечка всегда будет сытой и довольной, — продолжал играть тигр.

— Дин, прекрати немедленно! — Я попробовала оттолкнуть его голову и сесть.

Прوماхнулась: моя рука оказалась поперек пасти. Но не успела ахнуть из опасения пораниться о клыки-кинжалы — тигр мою руку осторожно выплюнул и продолжил своевольничать. Придавил лапищей и начал обнюхивать, словно знакомился заново:

— Как же ты вкусно пахнешь, оказывается!

Ох, я же давненько настойку не пила! Значит мой запах наконец-то «проснулся» от долгой спячки и с каждым днем будет становиться более насыщенным. Моим! И тем не менее, хрипло от волнения пригрозила:

— Не перестанешь, я его опять скрою!

И поймала себя на мысли, что сама зверя дразню. Иначе, зачем про запах говорить и выгибаться под его языком?

— Только посмей! — рыкнул Дин.

— А если посмею?

— Покусаю! — ласково мурлыкнул огромный кот и лизнул то самое местечко за ухом, от которого меня снова будто молнией прострелило вдоль позвоночника.

Вздвогнув, я прогнулась в спине, а тигр едва ощутимо сжал зубами мою грудь. Этого оказалось достаточно, чтобы мое тело будто сошло с ума от промчавшегося по жилам огня. Зверь жадно дышал, тыкаясь носом то в шею, то в ложбинку между грудями, то шумно вдыхал у живота...

Меня охватил такой жгучий стыд, что я с силой пнула его коленями в грудь и ящерицей вывернувшись, проползла на четвереньках, подхватила и рванула в лагерь со всех ног. А вслед мне несло насмешливое довольное фырканье наглого, невозможно дерзкого тигра.

У телеги я дрожащими от волнения руками достала из кармана завернутые в холстину корешки и положила в корзину. И чуть не взвизгнула от испуга, услышав над ухом чей-то шумный вдох.

Глен грустно смотрел на меня, вдохнул еще раз и с горькой усмешкой предупредил:

— Похоже, охота на тебя началась. Плотно обложил.

Смутившись, я неловко потерла шею там, где меня облизывал Дин, покраснела и проямлила:

— Я... я... он...

Глен кивнул, скривившись, и продолжил:

— Ему тридцать пять, Савери. Он опытный охотник и боец, один из сильнейших в наших краях. Поверь, он умеет играть в подобные игры. Просто раньше не больно хотел, особого интереса не проявлял, а сейчас, видимо, припекло.

— Ты о чем? — я обеими руками закрыла шею и посмотрела на пруд.

Местечко за ухом горело, не давая забыть о знакомстве с тигром Дина.

— От тебя разит его зверем, этот запах ничем не смоешь. Каждый оборотень поймет, что ты занята.

Я вздернула подбородок и притворно беззаботно заверила:

— Ничего, ата Глен, мне по силам справиться с любым запахом. Тем более, посторонним.

— Лу Савери, в ваших знахарских способностях я не сомневаюсь, не даром вы целых четыре дня водили нас с мужиками за нос, выдавая себя за мальчишку. — Грусть из глаз моего собеседника пропала, теперь он явно потешался над моим вызовом.

— Ага, — широко улыбнулась я, — посмотрим кто кого.

Глен тоже во всю улыбался, качая головой:

— Ты пригожая, добрая, умная, но еще девчонка совсем. А Дин — взрослый, умудренный жизнью мужик. Если чего захочет, то обязательно получит. Суть тигриная такая, упертый он как скала. Я с Дином давно знаком, дружим с юности, так что поверь, знаю о чем говорю.

— И мы не лыком шиты, — заверила я, накрывая корзину и завязывая тесемки.

— Судя по запаху, Дин решил начать с твоего каракала. У тигра мощная суть, сначала приручит твою кошку-крошку, а потом займется человеческой ипостасью. Не успеешь оглянуться, а на твоей шее не только след его страсти появится, но и брачная метка.

Я внимательно слушала Глена, потом, избегая смотреть ему в глаза, осторожно спросила:

— Разве это плохо? Он недостойный мужчина?

Глен тяжело вздохнул, прежде чем ответил:

— Нет. Просто я все еще надеюсь, вдруг ты выберешь меня?! — Заглянув в мои виноватые глаза, поморщился и словно сдался: — Дин — достойный и правильный мужик. Если бы не проделки Эльсы, которую он опекает много лет, может его какая-нибудь лу давно бы завлекла. Но твоя подруга голодным комаром пила кровь любой милашки, на которую он положил глаз. Да она ему самому покоя не давала. Чего только не творила, негодница!

— Она изменилась, — заступилась я.

— Ну да, заметно, — съязвил он.

— Ты так говоришь, словно Эльса — главный кошмар Юга!

— Может и не главный, но о ней многие слыхали, а уж теперь и подавно. То-то Дин ее караулил в Аверте, мотался туда-сюда. Томаш умолял его забрать племянницу обратно в Еловый. А теперь, после выходки с Валианом, как Мирон сказывал, Серые охотники по острию ножа ходят: их торговые дома перевернули вверх дном, добавили подати, что точно не радует. Открыто обвинять клан Серых Валиан не станет — позор велик, но гадости сделать может. И побольше, чем твоим северянам. Вы-то во-он где, там и так словно осиный рой, лучше не ворошить. А авертовские под рукой, когтистой лапой обозленного князя.

— Страх-то какой, что же мы наделали! — прошептала я и закрыла рот ладонью, в полной мере осознав, что натворила.

Глен положил руку мне на плечо, успокаивая:

— Не бойся, Савери. С девиц какой спрос? Только тайком наказать, да и то если доберется. А мы вас в обиду не дадим. Серые — сильный клан, за

себя постоят. У них надежные связи с городскими кланами. Валиан сейчас, без своего советника гадского, против них точно не пойдет. Нет в нем этой змеиной способности ловчить, изворачиваться и использовать добрых соседей и врагов, стравливать друг друга ради своих интересов.

— Беседуете, я смотрю? — раздался за спиной голос Дина.

Я обернулась и встретила с подозрительно прищуренным взглядом еще того ловкача, как выяснилось.

— Хорошо проводим время, беседуем, ага, — приторно любезно согласился Глен.

Дин на ходу поправлял рубаху, видно только что надел. Торопился вернуться с добычей в лагерь. Я даже замерла, любуясь его обнаженным мускулистым торсом, и громко сглотнула. Дин, сверкнув глазами, заметно расслабился и довольно повел плечами.

— Так вот, вернемся, лу Савери, к нашему разговору, — нарочито увлеченно продолжил Глен. — Вы спрашивали, порядочный ли оборотень мой друг, можно ли довериться ему? Даже не знаю, как ответить. В бою, конечно, без сомнения, ему можно доверить свою жизнь. А вот в семейных отношениях... невинную лу... я сомневаюсь.

Я скрипнула клыками: издевается же над тигром, подначивает.

— Слышь, дружище, — грозно зарычал Дин. — Ты чего мелешь?

«Дружище» продолжил, глядя ему прямо в глаза:

— Да вот, многие южные вдовушки и чересчур сластолюбивые лу тело Дина лучше него самого знают. И на вкус, и на запах, и на прочие особенности. — Глазищи у тигра запылали желтым яростным пламенем, ноздри злобно раздувались. — Да только наш уважаемый ата Дин до сих пор холостой и... блудливый.

Глен плавно скользнул от меня в сторону, а в следующее мгновение оба друга схлестнулись в откровенном мордобое.

Я закрыла рот руками, чтобы не заорать. А вот подошедшие гиены и Шай переглянулись; и Мишек, пожав плечами, как бы между прочим уронил:

— На войне за сердце все средства хороши.

Шай махнул рукой, как будто это петухи задирались:

— Пускай сейчас пар выпустят, а то дальше ни одной спокойной ночевки не жди.

Дашек, подозрительно косившись на меня, не без ехидства думал вслух:

— А по братцу Саве и не скажешь, что умеет масла в огонь подлить. Соперников стравливать... Голым князьям рты затыкать... Ведь, на первый

взгляд, сама невинность.

Сперва опешив, я рассердилась:

— Да я тут вообще ни причем!

Тем временем Дин и Глен, уже в полуобороте, продолжали пудовыми кулачищами, по-моему, дурь друг из друга выбивать. А как по-другому скажешь, если и у делегатов, и остальных мужиков на лбу написано: чем бы дитя не тешилось. Лично мне смотреть на них было, конечно, жутко... сначала, а потом увлеклась. Уж больно видные бойцы показывали, на что способны. Сильны! И все-таки было стыдно — причиной драки и ссоры давних друзей я оказалась, хоть и не согласна с языкастым Дашеком.

— Пойдемте есть что ли, да и девушкам спать пора, — громыхнул надо мной, подавленной случившимся, Далея, взял под локоть и повел к костру.

К подругам проводил, весело поглядывающим на нас. Дальше и вовсе чудно было. Эльса цепко перехватила мой локоток и усадила рядом, что-то буркнув про гнусных, трепливых леопардов. Это она про Глена? А почему не вмешалась, не попыталась остановить своего дядю? Почему не злится на меня из-за драки?

Засыпала я с мыслью о прошедшем дне, весьма наполненном разными событиями. Вот только мужчин и кошку-сонницу мне не понять!

Глава 21

Перед рассветом прошел ливень и, несмотря на ветер, погнавший тучи дальше, несколько раз принимался дождик, разводя сырость, пролезающую под куртку, как ни кутайся. Непогода, вдобавок к мучающему меня стыду, особенно раздражала, вот и сидела я у костра нахохлившись. Сегодня даже похлебка не желала вариться — дрова дымили, не давая жара.

Неожиданно на мои плечи легла непромокаемая накидка — Дин укрыл от непогоды и слякоти, и сел рядом. Сложил на коленях руки со сбитыми, опухшими костяшками. После вчерашней драки болят небось! Не поднимая на него глаз, я сразу положила поверх них ладони и отпустила дар, чтобы улучшить кровоток, снять отек, тем самым ускорить заживление. Ссадины, конечно, тотчас не пропадут, но боль стихнет и к обеду все непременно пройдет. А то мало ли... как у тигров раны заживают? Я-то в основном с волками дело имела.

Ох, как же не хотелось отнимать свои руки от больших мужских, кто бы знал. Так приятно было ощущать их тепло и силу. И тут я опять испугалась своего отклика. Ведь хотела же семью, из-за чего рвалась на свободу, прошла через испытания, сбежала. А ну как сейчас ошибусь? Отдам сердце этому тигру, по словам Глена, блудливому. Он наиграется, а потом что? Как самой быть?

Дин задумчиво осмотрел свои руки, подвигал пальцами, затем провел пятерней по мокрым волосам. И, неожиданно нахмурившись, окинул меня внимательным взглядом:

— Глен тоже охотится на тебя, Савери! Лучше не верь всему, что он говорит!

Я неуверенно улыбнулась и, скосив на полосатого охотника глаза, решила его попытать, коль случай вышел, словно он мои мысли подслушал:

— Значит, ты не блудливый кот?

Дин хмыкнул и, тоже искоса глядя на меня, ответил:

— Нет, и не был никогда. Хотя, как ты понимаешь...

— Понимаю, понимаю, женщины у тебя, конечно, были, — кивнула, чувствуя, что от души отлегло.

— Были, я не отказывал себе в удовольствии, — признал, как оказалось, неблудливый кот, улыбнувшись чуть снисходительно, но не обидно.

— Глен сказал, тебе тридцать пять. Приличный возраст для холостяка, уж больно близка черта. Но я не думаю, что такой заботливый дядюшка к душникам подастся. Неужели ты и правда из-за Эльсы семью не смог завести?

— Нет. Соврал он, — зло мотнул влажной головой Дин, — на юге женщин гораздо меньше мужчин, вот многие и холостякут до сорока, пока, наконец, не обзаведутся семьей. Да, рискуют, но жизнь вообще сурова. А что до меня: просто не встречалась женщина по себе, чтобы... хотелось быть только с ней до самой смерти.

— Больно привередлив, смотрю, — буркнула и неожиданно для себя расстроилась: вдруг и я не та самая.

— Может, я просто тебя ждал? — блеснул белоснежными клыками в улыбке Дин. Потом, увидев мою ироничную ухмылку, добавил: — Хотя без Эльсы тоже не обошлось. Охоту связаться со мной брачными узами она у многих женщин напрочь отбила.

Мы посмотрели на его своенравную племянницу, в это время охму... обхаживающую Шая с другой стороны костра. Они стояли вплотную друг к другу. Шай держал кружку в руках, а Эльса, склонившись над ней, дула, видимо остужая взвар. Стальной волк загадочным взглядом уставился на ее макушку, довольно прикрывая глаза, когда большие округлые уши сервала мягко касались его лица.

Вот ни за что не поверю, что она не видит, или не чувствует, как ушами оглаживает, щекочет обожаемого волка, а тот откровенно наслаждается. Нарочно так делает, привлекает, соблазняет. Ах ты плутовка!

— Дин, скажи, Шай — хороший, порядочный мужик? — вырвалось у меня, глядя на влюбленную парочку.

— Мне кажется порой, даже чересчур, — спокойно, серьезно ответил он.

— Это как?

— Шай — племянник главы клана Обжигающая лощина. — Дин задумчиво наблюдал за другом и родственницей. — Это несколько горных селений, кругом одни камни. Террасы делают вручную, возят землю отовсюду. Сама понимаешь, жизнь там не мед и жители тоже суровые. Шай спокойный, справедливый, преданный, но одиночка. Дом построил на отшибе села. Не любит шумных гостей, гуляний, ярмарок... Охраняет границы клана, за что ему хорошо платят, притом еще и лучший охотник на душников. Но дело это не легкое, требует долгих дней одиночества, терпения, выдержки. Главное — он охотник не по нужде, а по желанию. Любит убивать...

Слушая обстоятельный, неторопливый рассказ, я все сильнее беспокоилась: как же Эльса могла влюбиться в свою полную и беспросветную несхожесть?

— Ох, вот бедняжечка! — вырвалось у меня.

— Действительно, не повезло бедняге, — согласился со мной Дин. Потом совсем мрачно добавил: — Еще и друга потеряю!

— Ты о чем это? — прищурилась я, засомневавшись, правильно ли поняла, кого жалеет Эльсин дядюшка.

— Я про Шая, а ты? — чуть приподнял он серые брови.

— Ты что — совсем бессердечный? — вспыхнула я. — Эльса влюбилась в Шая по самые уши, а он — волк-одиночка. Да еще и убийца по желанию.

— Нет, Савери, сердце у меня как раз есть, и оно сейчас особенно болит за друга! — возразил Дин, а потом проворчал: — Моя племянница — безмозглая, своевольная, себялюбивая, безответственная бестия, которая раз за разом выбирала таких же малолетних оборотов. Ты не представляешь, с каким трудом я ей достойных женихов находил. А эта зараза — сбежала! Ну ничего, жизнь ее скоро проучит! Шая, конечно, жалко, хороший был мужик...

— Почему был? — ошарашено переспросила я.

— Потому что с такой женой характер быстро испортится! — прошипел Дин, оторвав взгляд от обсуждаемой пары.

Я в долгу не осталась, тем более за подругу обидно:

— А у тебя и без жены характер не медовый!

Дальше мы возмущенно сверлили глазами друг друга, пока Дин не сказал:

— Хвесья тобой всю дорогу до Малинника восторгалась: какая на смотринах девица каракал из северного клана была пригожая, вся из себя затейница да хозяйюшка добрая. И как хорошо, что сбежала. Вдобавок еще и знахарка хваленая. Так что вся надежда на тебя, лу Савери. Может, характер мой подправишь, подлечишь, как сейчас руки, раз не нравится?

Поджав губы, я буркнула:

— Вот еще! Безнадежное это дело!

— А может, похлебочки погреться? — к нам подошла Эльса и протянула по плошке с вкусно пахнущей, горячей едой.

И смотрела она так заискивающе, по-доброму, что мне еще обиднее стало: зачем зря наговаривать?!

Завтракали мы втроем; правда, Эльса под пристальным, ух, кажется уже хозяйским взглядом Шая. Ох и попала моя подружка, здорово попала!

На ночь нам сегодня расстелили на траве несколько шкур рядом с телегой Дина, куда переложили часть поклажи с других повозок. Мы с подругами улеглись. Правда, к Хвесе тут же примостился Мирон, обняв ее, словно от всех напастей закрывая. Дин вышел из леса, обернувшись тигром, неспешно, гордо ступая. Улегся рядом со мной, вызвав раздражение этим своеволием и одновременно — восхищение его красивым матерым зверем и тайную радость. Ведь, как намеренно пояснил Глен, таким манером Дин приручает моего каракала. Чтобы привыкала к тигру, ощущала себя рядом с ним уверенно, ничего не опасалась, проникалась запахом и доверием. Тогда и моя человеческая половина проще и легче пойдет на сближение с самим Дином. Хитрец какой!

Эх, если бы он только знал, что я с первого взгляда, вдоха и звука его голоса запала на него, прониклась еще в «Логове большого лиса», в Аверте! И как потом носилась по базару за его хвостом! Трудно представить, как бы южанин-тигр повел себя. Наверное, взял, да и объявил бы, что я его, и палец о палец не ударил, чтобы завоевать. Надавил бы посильнее своей тигриной сутью — и все!

Тигрище огромной полосатой тушей вытянулся впритык, от него шло тепло — хоть не укрывайся. Положил на здоровенные пушисто-когтистые лапищи лохматую голову, повернувшись ко мне. В темноте желтые звериные глаза светились загадочным светом, округлые уши изредка шевелились, улавливая ночные шорохи, длинные толстые усищи щекотно касались моих щек и лба.

Я повернулась на другой бок и, притворяясь спящей, старательно мерно дышала, не выдавая напряжения от близкого соседства со зверем. И когда, наконец, начала погружаться в дрему, наслаждаясь необычайно приятным, уже, кажется, каким-то родным запахом тигра, его хвост лег на мои бедра, огладил и чуть придвинул меня к звериному боку. Вот же охальник!

Пока мучилась сомнениями: возмутиться или нет, наглый тигр хвостом придвинул меня вплотную, влажным холодным носом уткнулся мне в шею и шумно вздохнул. Моя человеческая половина опасливо напряглась: а ну как продолжит помогаться или бесстыдно кусаться, лишая сна? А моя каракал наоборот — мурлыкнула одобрительно, зараза! Я расслабилась и словно растеклась по шкуре довольной кошкой, устроившейся на печной лежанке в мороз. Еще бы, уж мой рыжий зверь точнехонько пронюхала, что

на нее ведется охота, да еще таким сильным бывалым котом. Какая кошка устоит?

— Сладкая... — едва узнаваемо из-за звериного обличья выдохнул Дин-тигр, слегка придавливая меня пушистым боком.

А я... мне впервые стало плевать на приличия, потому что с тигром спокойно и тепло, и так приятно ощущать ладонью его мягкий густой мех, что мысленно приняла чувства своей второй ипостаси. И сама положила голову на крупную тигриную лапу, уткнулась лицом в меховую полосатую шею и заснула безмятежным сном.

Утром меня ждал неожиданный подарок. Причем настолько, что, открыв глаза, не сразу сообразила — это сон или явь. Там, где спал Дин, лежал букетик ярко-синих колокольчиков с капельками росы, поблескивающими на лепестках, — одних из первых цветов, которые, как в народе говорят, встречают лето. Пахнут хрупкие, трепетные колокольчики ненавязчиво, нежно, трогательно, совсем как я сейчас, когда тело только только очищается от многолетнего воздействия настойки.

Я села, не сводя глаз с чудесного подарка — первого в моей жизни подарка такого рода. Затем осторожно взяла букетик в руки и невольно расплылась в улыбке, наверняка глупейшей, но счастливой. Зарылась носом в синие цветики, вдохнула, чтобы навсегда запомнить этот момент и огляделась в поисках ухажера-дарителя.

Дин нашелся неподалеку, у костра, и с довольной улыбкой наблюдал за мной. Поймав мой благодарный взгляд, улыбнулся шире. Шай, стоявший рядом с ним, увидев цветы в моих руках, досадливо поморщился, кинул взгляд на Эльсу, зашевелившуюся рядом со мной, встrepенулcя — и стремительно исчез в лесу. Наш стальной волк, видно, тоже решил за цветиками сгонять. А вот Глен хмурился, сидя на козлах своей телеги, поджав губы: расстроился, что не ему затея с букетом в голову пришла.

В общем, все утро я не выпускала из рук цветочки, жаль, что скоро поникшие, и в душе пела от счастья. Впрочем, Эльса недалеко ушла от меня: из подаренного Шаем наскоро собранного разнотравья, можно сказать, веника, умудрилась венки сплести и красовалась, словно ей венец с драгоценными камнями и жемчугами преподнесли.

Тем временем Дин продолжал удивлять: то водички в дороге предлагал, чтобы «горлышко промочить», то в обед нам с Эльсой плошки с лучшими, по его мнению, кусочками мяса подал, как будто нас Наум от котлов, коими мы продолжали заниматься, отгонял. А уж какие мне взгляды от тигра доставались — слов нет. Можно сказать, меня, как лакомство, медленно, с наслаждением пробовали, потом пережевывали, продлевая

удовольствие. Моя кошка оценила: хвост по ветру держала — куда взгляд тигра «подует», туда и хвост вел. Прямо засада какая-то, все мои чувства и расположение к мужчине выдавал. Хоть к ноге привязывай или прячь хвост, раз озорничает!

* * *

Тракт уже некоторое время бежал вдоль быстрой реки с крутыми, каменистыми берегами. Запросто к воде не подойдешь! Впереди показался Шлеп — город, где обосновался многочисленный клан енотов. Мы уже несколько раз встречали их обозы с рыбой и проезжали мимо хуторов и деревушек, а сегодня добрались до их главного родового поселения.

Очень жаль, но наведаться в Шлеп нам с подругами не разрешили. Мужчины увели обоз гораздо дальше от города и устроили стоянку возле речушки-притока, бежавшей из родника и срывающейся с каменистого утеса в большую, полноводную реку. В этот раз в город поехали малознакомые обозники, а остальные устраивали лагерь, занимались лошадьми и проверкой поклажи — все ли тюки крепко связаны, не разболталось ли чего дорогой, в порядке ли повозки.

— Может пройдемся вдоль обрыва? — предложила заскучавшая Эльса.

Шай с Дином и другими мужиками проверяли колеса, упряжь и копыта лошадей. Заодно я с огромным удовольствием полюбовалась широкой, мощной спиной обнаженного по пояс Дина, легко управлявшегося с огромными тяжеловозами, а те слушались его словно ягнятки. Шай в черной рубаше поднимал задок телеги, чтобы снять поврежденное колесо. Вокруг лагеря несли караул бдительные охранники. Так что кроме меня доставать неугомонной соннице было некого. Мирон с Хвесей тоже вон ее приданое перекалывают, скорее для порядка и поговорить о своем, семейном, чем по нужде.

Я поправила венок на голове, который, по примеру Эльсы, сплела утречком из цветов, подаренных Дином. Уже третий день он меня букетиками балует — приятно, до невозможности! Потом, пожав плечами, согласилась:

— Давай. Отчего не пройтись.

Предупредив Наума, что будем на виду, мы пошли вдоль обрыва.

— Ты знаешь, откуда и чем занимается Шай? — осторожно начала я, что ни говори, а предупредить подругу надо.

— Мы поговорили позавчера, он мне сам обо всем рассказал, — беззаботно улыбнулась Эльса. — И предупредил что и как.

— И о том, что жить тебе придется на выселках? В уединении? — настаивала я.

— Ой, ну не на Желтой стороне, в конце-то концов, — отмахнулась Эльса и вприпрыжку подбежала к самому краю обрыва. Раскинула руки: — Какая красота-а...

— Эль, Шай не простой оборотень, а племянник главы клана. Он границы клана защищает и на душников охотится, а знаешь, какой норов для этого нужен?

— Мне все равно. Я люблю его, — пожала плечами она.

На фоне бескрайнего неба и белых облаков, на краю обрыва девушка в мужской одежде — крепких ботинках, темных штанах и голубой рубашке — смотрелась особенно уязвимой, даже беспомощной. Эдакая золотоволосая, нежная лу, да еще с веночком из желтых одуванчиков на развевающихся на ветру волосах. Хороша — кто бы сомневался!

Впрочем, венки, только из синих колокольчиков украшает и меня, и отлично подходит к моим рыжеватым косам и беленой рубашке, что я сегодня надела. Дин прямо глаз оторвать не мог и дальше всю дорогу так смотрел, будто касался, и не скрывал желаний. Несколько раз предлагал прокатить на своем могучем жеребце, а я упрямо хорохорилась: отшучивалась или язвила. А то сдамся быстро, как, наверное, другие его зазнобы, и перестану интересоваться. Да к тому же смущал хохот обозников, стоило им про могучего жеребца услышать, заставляя гадать: что смешного Дин сказал? Или бесстыжего? А может просто привычно подшучивают?! С них станется.

— Савери? — неожиданно Эльса внимательно заглянула мне в лицо.

— Да?

— Не бойся, Дин не обманет тебя.

— Не надо, я сама раз...

— Сейчас он совсем другой, — оборвала меня Эльса на полуслове. — Смеется часто, шутит, на тебя все время смотрит, а ты не замечаешь.

— Эль, я не боюсь. Я...

— Да любому заметно, что стоит ему тебя коснуться рукой, а не звериной лапой, ты сжимаешься, словно сейчас ударит. Дин даже спит теперь в тигрином обличье. К тому же цапаетесь вы часто по любому поводу. Ты не видишь, а он вокруг тебя круги нарезает, нервничает, когда другие просто подходят к тебе. Он уже с несколькими мужиками на ножах из-за этого, а ты все в облаках витаешь.

— С кем? — сперва удивилась я. И сразу же отшла заступницу: — Я — женщина, между прочим, и тоже хочу, чтобы за мной ухаживали. Завоевывали. В чувствах признавались, да так, чтобы за душу брало. А не подшучивали на каждом шагу.

Я подошла к подруге и встала рядом, тоже залюбовавшись красивыми, но суровыми что ли берегами — крутыми, каменистыми, держащими в оковах быструю, шумную, полноводную реку. Дальше по течению виднелась холмистая местность, поросшая деревьями. В небе парит копчик, небольшой ястреб — следит за нами. Мне, если честно, как-то страшновато было стоять на краю обрыва, высоко и мутная вода внизу бурлит. А вот Эльсе все нипочем: опять раскинула руки в стороны и подставила лицо солнышку.

— Глупенькая ты, Савери. Языком молоть каждый может, а Дин — другой, он делами покажет, что нужна ему ты и никто другой.

Неожиданно меня прорвало похихикать:

— Вот смотрю я, у тебя ума палата! Чего же ты раньше любимого дядюшку занудой считала, изводила и девиц от него гоняла?!

— Да вот, нашла, наконец, умницу, которой готова передать родственничка. Заметь, в хорошие, добрые руки, — тоже хихикнула Эльса. А потом неожиданно спокойно, уверенно продолжила: — Сонники не только спать всех укладывают, но и души чувствуют. Твоя — чистая, искренняя у тебя душа. И на Дина ты смотришь так, что воск рядом плавится. И справлялась у меня — не насколько он богат, а будет ли у самой достойная работа в нашем клане.

У меня прямо душа запела, стало так радостно, что впору в пляс пуститься. Да берег больно опасный, мелкие камешки летят вниз — страшно.

— Какие мудрые мысли... изредка появляются у тебя, — защищаясь от смущения, усмехнулась я. — Правда, хороших родственников безоглядно посторонним девицам не раздают, а то вдруг...

Эльса недовольно топнула ногой:

— Вот упертая кошка!

— Ты не топала бы ногами, берег здесь больно хлипкий, — обеспокоилась я.

— Придумала тоже! — усмехнулась Эльса. — Веками стоит и нас выдержит.

— Я бы не стала зарекаться, — наблюдая за отколовшимся камнем, плюхнувшимся в воду, проворчала я. — Пошли отсюда.

— Трусишка! Трусишка! — запрыгала Эльса, — Как раз для нашего

Дина, он любит опекать...

— Прекрати! — рявкнула я, пытаюсь ухватить ее за руку, чтобы оттащить от края.

— Хорошо, пошли уже... — снисходительная усмешка слетела с лица Эльсы, когда под ногами дрогнула земля.

И вместе с обвалившимся пластом берега она полетела в реку.

— Какая же ты за-р-р-а-з-а-а-а... — вопила я, срываясь вслед за ней.

В воду мы вошли свечками, хвала Луне, не отбив себе все печенки. Рядом поднял брызги рухнувший кусок земли, большой, по счастью не задев меня, а Эльсе камень рассек лоб.

Безжалостный стремительный поток уносил нас прочь от обоза и защитников. Мы выныривали, отплевывались, хватали ртом воздух, снова уходили под воду. Плавали мы, как выяснилось, отвратительно и не утонули лишь благодаря бревну, которое каким-то чудом оказалось под руками. Вцепившись в него когтями, отдышались, отплевались и осмотрелись.

К вящему ужасу, выступа, с которого мы свалились, было почти не видеть, лишь несколько темных точек-фигурок на берегу. Осталось надеяться, что обозники слышали наши вопли. А вокруг сплошь мутная, холодная, бурная вода и крутые берега, за которые не зацепиться при всем своем желании, потому как бревно к берегу не прибивалось, управляться с ним не получалось, а бросить его и пуститься вплавь, рассчитывая на свои силы — смерти подобно. Мало того, спасительное бревно переворачивалось — и мы с Эльсой тоже, с визгом. Наконец, нам повезло: впереди показался более пологий склон и небольшой пятачок, на который мы с трудом выбрались. Отдышались, и Эльса уверенно прохрипела:

— Думаю, спасти нас придут поверху.

— А может и не придут, — просипела я злобно, — порадуются, что от таких придурочных девиц избавились, которые без конца куда-нибудь вляпываются.

— Прос-сти, С-с-савери! — У Эльсы зуб на зуб не попадал.

Мокрая продрогшая, она сидела, обхватив себя руками, и тряслась от холода, впрочем, как и я. Вода в реке студеная и «купание» на пользу нам точно не пойдет, а солнце скоро сядет.

Я внимательно осмотрела склон и с сомнением предложила:

— Если разуться и выпустить когти, то можно попробовать выбраться отсюда. И пойти навстречу... Нас же будут искать?

— Обязательно будут! — упрямо и без толики сомнений лязгнула клыками Эльса.

Мы разулись и, выпустив когти, начали взбираться по каменистому, глинистому склону, кое-где поросшему травой и с виду чахлыми, но на удивление крепко вросшими кустиками. И так удачно у нас получилось, что совсем скоро мы, вновь с натуги дыша с присвистом, выбрались на верх.

Распластавшись на сухой траве, отдышались и, не веря в свою удачу, глянули вниз.

— Высотень какая, — содрогнулась Эльса.

— Елки зеленые! А наши ботинки?! — чуть не заплакала я, глядя на по глупости оставленную внизу обувь.

И ведь не спустимся обратно — сорвемся!

— Засада! — мрачно согласилась Эльса.

Мы огляделись и еще больше посмурнели: оказались на площадке, окруженной земляными валами с громадными камнями-валунами. Как по ним выбираться, куда? Осталось только лапы переломать. Но в одном месте, где с камнями поменьше вперемешку земля, заметили дыру между обвалом и скалой — вход в звериную нору, наверное. Я потянула носом и никого не почуяла, видать брошенная. Рядом огромный раскидистый дуб растет, обвивая мощными корнями камни, за ним заросли колючего шиповника, а дальше лес виднеется.

— Схожу облегчусь, заодно гляну, что там дальше, — буркнула Эльса, поднявшись, и направилась к зарослям.

Я тем временем сняла одежду и тщательно выжала. Натягивать ее обратно сырую, грязную было до дрожи противно, но нас же придут спасать?! И тут со стороны, куда ушла подруга, ветер принес странно знакомый запах, от которого волосы дыбом встали. Я замерла, настороженно вглядываясь туда. Неожиданно раздался громкий визг — и спустя мгновение из кустов вырвался здоровенный кабан с вопящей Эльсой на спине, сидящей задом наперед, вцепившись ему в хвост. Пока я стояла, раззявив рот, кабан пронесся под дубом и сбросил «наездницу», ударившуюся макушкой о низко висящую ветку. Она кулем свалилась с «коня», перепугав меня окончательно.

Кабан бестолково метался по площадке в панике, явно пытаясь найти место, куда бы спрятаться. Неужто его Эльса так перепугала? Кабан — зверь дикий, а не домашняя живность, еще и всеядный, поэтому я, с опаской поглядывая на него, подошла к кряхтевшей и трясущей пострадавшей головушкой бедовой сонницей, пытающейся прийти в себя и приподняться.

— Эль, ты жива? — шепнула я, помогая ей сесть.

— Да вроде. Ой! — прошипела она, потирая шишку на голове. — Вот

гадство, больно как. В речке по лбу, здесь затылком...

— Что это с ним случилось, пятый угол ищет? — спросила я, с подозрением глядя на кабана, наткнувшегося на пустую нору и начавшего остервенело рыть ее, углубляясь в землю

Ответом мне послужил леденящий душу вой — знакомый до боли в груди, от которого забываешь, как дышать. Поначалу Фенька долго изводил наш клан подобным воем.

— Душники! — выдохнула Эльса.

Мы переглянулись; в широко распахнутых от ужаса голубых глазах подруги я увидела свое отражение: мокрая лопухая кошка с наверняка круглыми со страху глазами. Вой опять разорвал тишину, еще ближе и теперь с другой стороны — душников несколько, они загоняют добычу-кабана с разных сторон. Луна, ну зачем его к нам сюда понесло!?

Я схватила Эльсу за руку и потащила к каменной стене. Сервал шипела, потом все же вскочила и, пошатываясь, побежала за мной. Дальше мы безуспешно пытались забраться на стену, но глинистая, каменистая земля, размокшая от дождя, словно в насмешку, обваливалась комьями, и мы падали. Но стоило нам закрепиться на высоте четырех аршинов, сверху на нас взглянуло не менее пяти душников. Жуткие! Раньше я вблизи видела только Феньку. Кажется, измененный волк смотрелся малость лучше, чем те полуеноты, что сейчас с голодной жадой в звериных глазах уставились на нас.

— Стая, — прохрипела Эльса.

«Мы в ловушке», — похолодела я.

— А если обернуться и...

— Не выйдет, — оборвала я подругу. — Эти зверюги бегают лучше, чем каракал с сервалом. Нас поймают, едва вылезем наверх.

Мы спрыгнули обратно и заматались по площадке. Вернуться прежним путем не выйдет, слишком высоко, внизу камни, а не вода. Разобьемся насмерть. И тут я увидела задние копыта кабана, шустро зарывающегося в старую нору, которую ему уже удалось как следует раскопать вглубь. Земля летела наружу, копыта только мелькали, зверь пыхтел от усердия.

Мы с Эльсой, не сговариваясь, ринулись к кабану, схватили за задние ноги, поднатужились — и вытащили под его возмущенный визг наружу. А сами ловко протиснулись вместо него в нору и, выпустив когти, заработали настолько проворно, что куда до нас этому молодому свину. Победный охотничий вой снаружи только подстегивал.

Наши старания нарушил кабан — задом протиснулся к нам. Видно,

кошки-оборотни не так сильно пугают, как те хищники, которые воют снаружи. Свин почти заткнул своей вонючей тушей вход, но не выпихивать же его к душникам. Мы замерли как мышки, услышав шорох множества мощных лап душников, шныряющих вокруг, злобное порывание, ворчание, даже шум драки. Сдается, они начали делить добычу между собой.

Эльса в панике продолжила рыть вглубь, земли становилось больше, а места все меньше. Мы обе вздрогнули и запищали, когда кабан завизжал и задергал задними ногами, упираясь, изо всех сил. Мы с Эльсой дружно схватили его за копытца, не давая врагам выдернуть нашу единственную защиту из норы.

Рев, визг, обгадившийся от страха кабан, мы в его дерьме — все смешалось в сплошной вонючий кошмар. В какой-то момент свина вырвали из наших рук. Мы с воплями прижались к стенам норы, но и нас по одной вытянули наружу и швырнули наземь. Удивительно, как складывается жизнь! Кто бы сказал мне еще вчера, что сегодня буду стоять плечом к плечу с Эльсой над окровавленным кабаном, перед душниками — не поверила бы. Да ни за что!

Мы прижималась к стене, мелко дрожа, жалко всхлипывая, почему-то шипели, когда кабан не то угрожающе, не то истерично визжал. Мы знали, что умрем, обреченно глядя на дюжины две грызшихся душников, заполонивших площадку: огромные полуволки, полуеноты с густой шерстью, которую еще надо постараться продрать волчьими когтями, — вся многочисленная свора тешилась в предвкушении пиршества, распаляясь от жажды крови. Они откровенно делили, кому достанется самое вкусное мясо.

Один из душников метнулся к нам, отчего у меня сердце ухнуло в пятки. Кабан, от его удара, полетел в центр немного расступившейся стаи. Теперь каждый полузверь цеплял его когтями, увеличивая количество ран и наслаждаясь болью и запахом крови. А бедное животное крутилось на крошечном пятачке, пытаясь защититься небольшими клыками. Эх, молодой еще секач, больших не нарастил.

В ужасе глядя на эту звериную забаву, мы с Эльсой ждали своего часа, даже не надеясь отпугнуть душников когтистыми лапами, подобно несчастному кабану. Я краем глаза отметила движение, а через миг на обрыв вспрыгнул огромный тигр. Знакомый! Следом за ним появился невиданной прежде масти полосатый волк, тоже большой. Затем я впервые увидела кугуара, горного льва из рода пум, с черной мордой и едва ли не с тигра размерами. Он злобно, грозно ощерился, показав такие клычищи, что

будь я на месте душников, умерла бы со страху.

Эти великолепные могучие звери сразу ринулась в самую гущу душников. Дальше они рвали когтями-кинжалами им грудь, сворачивали шеи и отрывали головы. Но и на каждом нашем защитнике гроздьями повисали сразу по несколько полузверей. Бой шел смертный, без мгновения на вздох. Такого кровавого месива я даже в кошмарном сне представить не могла.

И только бедолага кабан, на котором невольно остановила взгляд, кажется, еще живой, валялся недвижимый среди рычащей мясорубки. На голову мне посыпался песок и камешки, заставив испуганно посмотреть вверх. Через нас перелетали и прыгивали с отвесов другие оборотни и с ходу кидались на врагов. Вот леопард, кажется, это Глен, вырвал клыками глотку полуволку. А это...

Вдруг Эльса метнулась в толпу, заставив меня поперхнуться криком, схватила за заднюю ногу нашего вонючего защитника, несогласно хрюкнувшего, и поволокла ко мне. Дернула меня за руку, выводя из оцепенения, и потащила в спасительную нору, напряженно прошипев: «Быстрее, там по тише».

Мы прижались друг к дружке и наблюдали кровавую бойню поверх оставленного лежать у входа свина, дергавшего ногами. Было страшно за своих, но закрыть глаза и не смотреть — еще хуже. Спору нет, драка Дина с Гленом была «дружеской», и в правду мужики пар выпускали. Потому что теперь они рвут врагов в каком-то зверином неистовстве и действо перед моими глазами не поддается описанию: миром правит жажда убийства, чужой крови и мужского безумия.

Душники отличны от обычных оборотней частичной ипостасью, а злоба, жестокость и бессердечие сейчас владеют и теми, и другими. Вот почему такой жизненно важный закон на Фарне: холостого оборотня сложно удержать в своей жажде крови, а семья и любовь могут унять ее. Вернуть разум и человеческий вид после охоты. Разделить животную суть и человеческую.

Скоро все вокруг устилали страшные, окровавленные, изуродованные трупы душников. А мы с подругой, удивительное дело, счастливо всхлипывали. Оборотни в звериной ипостаси ходили по площадке и добивали раненных душников. У меня в душе ничего не дрогнуло, хоть я и знахарка: душника, перешедшего грань и потерявшего вторую половину души, уже не спасти. Его волнует лишь голод, он жаждет убивать.

Пока остальные сносили и скидывали трупы в какой-то каменный развал, Дин, Шай и Далея с Гленом подошли к нам и устало легли рядом с

норой. Отодвинув несопротивляющегося, тяжело дышащего кабана наружу, мы выбрались сами и юркнули к нашим спасителям.

— Кошки, как же от вас воняет навозом! — пророкотал Дале-лев, сморщив нос. — Хороши, прямо на редкость.

— И от хряка тоже прет, — скривил морду Глен-леопард.

Дин в запекшихся рваных ранах, оставленных когтями душников, обернулся человеком, сел и быстро осмотрел нас с Эльсой, изгваздавших в глине и дерьме с головы до ног, мерзко воняющих, аж у самих глаза щиплет. Он притянул меня, еще дрожавшую от пережитого ужаса, к себе на колени, крепко обнял, до боли стиснув, и хрипло прошептал:

— Живые! Луна! Живые!

Ну да, ему уже приходилось столкнуться с подобным, когда собирал останки родной сестры и шурина.

Эльса тряслась в беззвучных рыданиях в объятиях мрачного голого Шая, а тот терся носом о ее висок и успокаивал, успокаивал...

Забыв обо всем на свете, я обняла Дина за мощную шею и счастливо целовала его лицо. И когда прижалась к напряженно сжатым губам, он ответил. Наш поцелуй полыхал страстью — мы уцелели и непременно будем счастливы! Наконец Дин успокоился, уставился на меня блестящими желтыми глазищами и строго заявил:

— Дома сразу пойдем в Храм Луны брачную метку ставить. С тебя глаз нельзя спускать. Как и моя безголовая племянница, постоянно влипаешь в неприятности.

— Вот еще! — довольно фыркнула я. — Раскомандовался. Это не я виновата, что...

— Простите меня, пожалуйста, — прорыдала Эльса, уткнувшись в широкое, ею же заляпанное плечо Шая. — Это я опять виновата-а-а...

— Все будет хорошо, родная, — тихо шепнул ей любимый, поглаживая по вздрагивающей спине. — Не плачь, кошечка моя, я позабочусь о тебе.

Дин ехидно хмыкнул, небось решил, что Эльсу его суровый друг присмирит и успокоит. А сам с удовольствием успокаивался, обнимая меня и поглаживая по грязным волосам и спине. Когда оборотни прибрали тела полузверей и чуть перевели дух, он деловито распорядился:

— Надо уходить. Кровь и трупы скоро привлекут сюда других душников, уж слишком много их здесь развелось. Наверняка еще подтянутся.

— Странно, что так близко от Шлепа, город-то большой... — задумчиво протянул Дале-лев.

Шай досадливо поморщился, пояснив:

— Странно, что они в город еще не заходят кур пощипать. Еноты не любят охотиться, им хватает рыбы в реке. Поэтому ближайшие леса — уголья душников.

— Зря они, — сморщил нос черный лев. — Такой огромной стаи я давно не встречал, расплодятся и в самом деле в гости в Шлеп наведываться начнут.

Я прижималась к широкой, надежной груди Дина. Как же хорошо в его руках, ничего не страшно.

— Раз кабана не сожрали, сами зажарим, — рядом раздался голос Наума.

— Нет! — разом обернулись мы с Эльсой на огромного бурого медведя.

— Он подсказал нам, как спрятаться, нору раскопал, — всхлипнула Эльса.

— Вдобавок заткнул собой выход, дал нам еще время, почти спас нам жизнь, — поддакнула я.

Далей зафыркал по-львиному — рассмеялся. Встал и пошел к дубу, под нашими изумленными взглядами поднялся на задние лапы и потряс ствол.

— Оставшиеся с осени желуди послужат ему прокормом, пока не оклемается, — пояснил Дин, улыбаясь.

— Спасибо, Далей! — благодарно выдохнули мы. Лично я еще и восхищалась огромным, прежде невиданным, черным горным львом. Красивый у него зверь!

Перед тем как уйти я помогла сойтись нескольким, самым глубоким ранам на спине и боках кабана, чтобы не кровоточили. Он смотрел нам вслед маленькими черными глазами, наверное не веря в свое спасение. Мужчины возвращались в лагерь в звериных ипостасях, а мы с Эльсой — на своих двоих, к счастью, обутые в возвращенные нам ботинки. И такие смирные-смирные, послушные-послушные.

Глава 22

Мне и в голову не приходило, сколько народу кинулось нас спасать, пока, по возвращении в лагерь, не увидела, что охранять обоз осталось пятеро грозных, угрюмых, настороженных, в общем, весьма неприветливых и воинственных оборотней вместе с Мироном и Хвесей. Стало невыносимо стыдно и неловко, ведь все обозники рисковали еще и ценной поклажей, помимо собственной головы. А мы? Попрыгушки-хохотушки, от которых хлопот не оберешься и между холостяками раздоры, да думаем только о себе любимых.

Увидев нас, охранники заметно расслабились, стремительно обежали цепкими, внимательными взглядами оборотней в зверином облике. И совсем повеселели, проверив, что все живы. А вот насчет здоровы — раненных много, хоть они и пришли сами, на четырех лапах. Бой с душниками легким не был, просто нам с подругой крупно повезло, что в этом обозе настоящие бойцы собрались. Умеют и драться, и воевать. Готовые к трудностям!

Хвесья радостно всплеснула руками и рванула к нам с Эльсой, потянулась обнять, но отшатнулась, сморщившись:

— Ой, девчонки, от вас... так сильно прет...

— Уж больно тесно к защитнику своему прижимались, вот он и не выдержал — опростался от такого счастья, — мрачно пробурчал Наум-медведь, направляясь к котлам.

— Надо воды из реки натаскать и нагреть, — приказал Мирон охране, многозначительно кивнув на нас, замарашек.

У ручья голиком расположились наши храбрые спасатели, меняя ипостась для ускорения заживления ран и осторожно смывая с себя кровь. Какие уж тут приличия и стеснение? Надо срочно помогать. Я сбегала к телеге за знахарской корзиной, но заняться ранеными мне не дал Дин-тигр, пророкотавший:

— Лучше помойтесь сначала, а то с вас кабанье дерьмо с грязью летит. Негоже так.

Стоило нам с Эльсой послушно метнуться к ручью, Мирон рыкнул:

— Куда! Обалдели? Вам купания в реке мало, опять в холодную воду лезете? Мало от вас переполоху, хотите, чтобы мы тащили дальше двух хворых, полудохлых кошек?

Эльса вскинулась было огрызнуться, но я успела дернуть ее за руку.

Она разом сникла и опустила голову. Грязные растрепанные косы плетью повисли вдоль осунувшегося чумазого лица. А мне вспомнилось, что на злосчастной скале, возле норы, среди трупов душников Дин и Шай обнимали нас крепче некуда. Уж как жарко целовал меня мой храбрый тигр... И дерьмо ему не мешало, и свои раны. Он тогда не думал и не принохивался, а действовал нутром, чутьем — слишком сильно испугался за меня и за племянницу. Успокоился, лишь ощутив меня в руках. Осознав, что живая! И хоть опять стало стыдно перед Мироном, но в душе я счастливо улыбалась: о нас постоянно заботу проявляют.

Тигр, пока нас отчитывали, залез в ручей, сменил ипостась и обнаженным сел в воду смывать и счищать речным песком кровь и налипшую с меня грязь. Я обомлела, разглядывая его мощное, красивое, большое мужское тело с крепким задом и длинными ногами. На скале я была в таком смятении, что из головы вылетело, обнималась-то с обнаженным мужчиной, сидела у него на коленях и — о, милостивая Луна! — целовалась, будто в последний раз. А сейчас... сейчас я сразу все вспомнила и оценила. Рядом с ним встал мыться Шай, более жилистый, но тоже краси-ивый...

— Дырку на Дине не протри глазами, — ткнула меня локтем в бок Эльса, заговорщически подмигивая. — Вот никогда бы не подумала, что у кого-то мой дядя может вызвать такой щенячий восторг.

И правда, я сглотнула слюну, ощутив не только восхищение, но и желание.

— Эй, кошки бедовые, идите мыться. — Мирон загородил собой обнаженных мужчин, прекратив женский разговор.

Хвесья махала нам рукой из-за кустов, куда охранники носили горячую воду и наливали в запасную бочку. Умница лиса и мыло принесла, и чем вытереться, и одежду переодеться. Мы быстро разделись и, поливая друг друга водой, стоя на траве, тщательно промыли волосы с мылом, затем скоблили кожу речным песком до розового цвета. Избежав смерти, нам с Эльсой хотелось смыть с себя не только грязь, но и мерзкий, липкий ужас. Потом Хвесья помогла нам ополоснуться, закутала в простыни и сказала, что грязную одежду сама отстирает, пока я раненным помогать буду. В чистое я одевалась с наслаждением, радуясь, что жива-здорова и никто из обоза не погиб. Радуясь каждой мелочи, запахам травы и листвы, дыму костра, ворчанию пострадавших в бою. Ведь мы все живы!

Дальше я с горящими со стыда щеками ходила между ранеными и помогала, чем только можно: давала настойки, применяла дар, смазывала раны, которые не вылечить сразу сменой ипостаси. Корзину ополовинила,

пытаясь хотя бы так отплатить за спасение. Благодарила каждого и просила прощения. Эльса тенью следовала за мной, тоже помогала и повторяла слово в слово, мне кажется, даже с большим жаром. А после улизнула к Шаю, гревшемуся у костра, и ласковой домашней кошечкой уселась у него под боком.

Своими ранениями Дин разрешил заняться в последнюю очередь. У него на боку алела глубокая, никак не заживающая полоса от когтей. Я присела рядышком с ним, надевшим только штаны и, старательно пряча глаза от его все понимающего взгляда, положила на рану дрожащие от волнения и усталости руки, все-таки много сил потратила. Он чуть вздрогнул, и у меня загорелись от смущения щеки и шея. Ведь теперь я точно знаю, насколько хорош мой обнаженный тигр. Стоит ему чуть двинуться, под моими ладонями под горячей смуглой кожей перекачиваются упругие мышцы.

Я собралась с силами и отпустила дар, чтобы улучшить кровоток и прогнать всю заразу с капельками крови, помочь соединиться волокнам. К моей удаче, вскоре от рваной раны осталась розовая полоска. Если повезет, даже шрама не останется. Но мне все никак не хотелось отрывать руки от столь желанного мужчины. И горячий взгляд Дина, скользивший по моей коже будоражил...

Хотелось лизнуть его крепкую шею, зарыться носом в мокрые волосы, льнущие к щекам. Я невольно потянулась за своими мечтами — мои ладони сами собой скользнули в стороны, обнимая мужчину за торс. Рот заполнялся слюной, одна капелька упала на его каменный живот. Вздрогнув от испуга, я подняла руку к лицу и оторопело уставилась на Дина. Фу-ух, это всего лишь капелька с волос, а то не хватало только закапать его слюной, чтобы окончательно опозориться.

Да так и замерла, глядя на Дина, как кролик перед... голодным хищником. Желтые тигриные глаза потемнели от с трудом сдерживаемой страсти, на его руках, вцепившихся в траву, я заметила когти и сглотнула от непонятного страха и обволакивающего меня томления.

— Не уходи от меня! — попросил, а может приказал он.

Не зная как себя вести, пожала плечами, неуверенно улыбаясь:

— Да я вроде не ухожу, сижу с тобой...

— Никогда не уходи!

— Ты пригласил меня в ваш клан. Если после сегодняшней выходки вы не передумаете, то куда ж я денусь?! Останусь с благодарностью...

Дин притянул меня к себе на колени, прямо как после боя. И в этот раз я в полной мере ощутила его обнаженный торс и наши тесные объятия. Он

обнимал крепко-крепко, зарывшись носом в мои волосы между ушами на макушке, потом немного отпустил, расслабился, словно разомлел, хотя я нижней частью спины почувствовала, что другая часть его тела наоборот, напрягается.

— Когда я увидел, как вас уносит течением, накрывает с головой, чуть не умер от страха! — вздохнул мой тигр. — Мы слышали крик, всплеск, понеслись искать, потом увидели ваши макушки в воде, но далеко.

— И вы с Шаем нырнули следом?

— Тогда не до раздумий было... просто прыгнули. Хотя, да, так быстрее было вас нагнать. Но мужики крикнули, что в городе их про душников предупреждали, поэтому следом один Далея нырнул, а остальные рванули вдоль берега. Мимо того пятачка мы проскочили, не заметили сразу. Пришлось плыть обратно, цепляясь за прибрежные камни. Время потеряли.

— Там же течение сильное, как вам удалось-то? — изумилась я.

Дин словно не слышал, погрузившись, видимо, в свои кошмарные воспоминания.

— Потом мы слышали вой стаи, который ни с чем не спутаешь... а когда нашли ваши ботинки у обрыва... я решил, что если опоздал в очередной раз, то...

— Не надо, не говори! — лихорадочно зашептала я, подавшись к нему теснее, и обняла за шею. Про «то» я не хотела ни слышать, ни думать, зная его характер и былое.

Дин послушался:

— Луна милостива, вы стояли живые у стены наверху, и я понял, что никогда и ни за что не отдам вас никому...

— Боюсь, Шай не согласится, как и Эльса остаться с тобой навечно! — весело улыбнулась я, чтобы перевести разговор в другое русло.

— Ее отсутствие в своем доме я переживу, — усмехнулся Дин. — Пусть Шай за Эльсой отныне следит, у меня теперь другая головная боль, менее прыткая и безголовая, нежели племянница, но, боюсь, неприятности и за тобой толпой ходят.

Обижаться я не стала, потерлась носом о его висок, наслаждаясь запахом, и заявила:

— Лучше признайся, что тебе нравится кого-то опекать, командовать, раздавать указания, важничать, быть самым главным и...

— Нет, просто я хочу тебя, — Дин оборвал меня, отклонился и заглянул мне в глаза. — Себе! Навсегда!

Я широко улыбнулась, меня словно накрыло волной — радостной,

теплой, светлой — до мурашек по коже. Дин все понял по моему лицу, вон как глаза заблестели, да по-хозяйски погладил по спине, бедрам. Поэтому решилась на откровенность:

— Неужели уже полюбил?

Хотела спросить с вызовом, а вышло неуверенно. Дин блеснул белоснежными клыками, ласково потерся носом о мой висок и сам спросил:

— А ты меня?

Я прикусила губу, опустила голову, спрятавшись от цепкого взгляда, и уныло выдохнула:

— Угу.

— Моя ты хорошая! — с облегчением, тихонько засмеялся Дин, взял в ладони мое лицо и приник к губам.

Затем, налюбовавшись моими горящими от смущения щеками, увел ужинать. Весь вечер не отпускал, ни о чем не спрашивая, обнимая, как бы оплетая собой, отвлекая от дел и смущая. Не привыкла я к такой близости на глазах у всех. Да еще посматривал любимый на других мужчин тяжело, верно предупреждал, как собственник, чтобы ни-ни...

Вот разошелся-то, тигрище. Ну кто в здравом уме на меня покушаться, в смысле охотиться будет, когда он всем сказал — мое. Тем более, мы с Эльсой себя показали — рассудительный оборотень подобных нам кошек стороной обойдет, причем девятой. Даже Глен вон уже лишь посмеивается уголками губ, поглядывая на нас с Дином. Ну хоть остальные, отходящие от бойни, выздоравливающие мужики, знай себе наянивают вкусную уху да привычно ухмыляются и пошучивают о другом.

К моей огромной радости и благодарности, ни один обозник даже словом не обмолвился, не прошелся по нашу с Эльсой душу, ни одной жалобы не высказал за кровь пролитую, риск смертельный, да время потерянное. К ночи я чуть не плакала, так расчувствовалась от признательности южанам — сильным, справедливым и учтивым. Похоже, они все-все понимали, видели в моих глазах.

Заснула я сегодня сразу, без разговоров и сомнений юркнув в объятия Дина, не ставшего оборачиваться. Побывав на пороге смерти, поняла, что нечего больше самой себя бояться и обмана с его стороны. Будь что будет, пусть моя любовь расцветает в полную силу. И он непременно ответит мне тем же. Ведь равнодушный не кидался бы сломя голову в самую гущу душников, не прыгал в реку с обрыва, не дрожал от страха, что потерял двух... дурех непутевых, не обнимал так. В общем, хороший мужчина, надежный, достойный...

— Кошечки, уберите волосы и натяните кепки пониже, пожалуйста, — придержал коня у нашей телеги Дин.

Я кивнула и полезла за кепкой. Парнишки, так парнишки.

— Да вроде никто не пялится, — привычно уперлась Эльса, бросив игривый взгляд в спину Шая. Вдруг, да оглянется на нее, красавицу.

И Стальной волк оглянулся, многозначительно прищурился. А затем, к общему удивлению праздных наблюдателей, своенравная девица опустила глазки, спешно сунула косы за воротник свободной рубахи и сверху тщательно прикрыла пологом. Козырек чуть не до носа надвинула.

Но еще больше все удивились, когда Шай мягко, благодарно улыбнулся Эльсе. У нее даже нос порозовел от удовольствия, а уж голубые глазищи и вовсе в озера счастья превратились. А ведь волк своей кошке ни словечка не сказал, улыбкой будто приласкал за послушание и все — влюбленная блаженствует.

А я почувствовала себя обделенной. Посмотрела на Дина, ожидая такую же ласковую улыбку, да только напрасно. Он тихонько ухмылялся, поглядывая на друга и племянницу. Одно расстройство. Впрочем, переживала я недолго: от головы обоза пронесся предупреждающий свист. Через некоторое время мимо нас проехал встречный обоз. Шакалы охранники там походили на злобных ежей, чуть что готовых пустить иголки в ход.

Я насторожилась, когда Дин зачем-то догнал проехавший обоз. Затем быстро переговорил с парнишкой, сидевшим на задке груженной телеги, обменялся с ним чем-то и вернулся. Спешился и пошел рядом, протянув мне кулек, свернутый из коры обшеры:

— Савери, это тебе для настроения, чтобы путь слаще показался.

Я смущенно взяла кулек, потянула носом узнать, что же мне подарили: древесно-пряный запах обшеры смешивался со сладковатым лакрицы и ягодной кислинкой.

— Лакричные мармеладки? — опередила меня Эльса. А потом с намеком, заискивающе добавила: — Ой, дядюшка Дин, так ты их у мальчишки купил? Целый кулек, и какие красивые, ягодным соком крашенные... вкусные, наверное.

— Спасибо Дин, — обрадовалась я.

Достала одну тонкую мармеладку и обхватила губами, откусывая самый кончик, чтобы посмаковать сладость. Зажмурилась от удовольствия:

не приторно, вкус ягод и лакрицы растекался во рту — какая прелесть! Открыла глаза, чтобы еще откусить, — и встретила обжигающий взгляд Дина, обращенный на мои губы. Он широко шагнул, вцепившись когтистой рукой в борт телеги, словно хотел выдрать доску. Мне это желание Дина жуть как понравилось. Хотя и смущалась я слишком сильно, но, боясь передумать, подалась к нему, протянула мармеладку и замерла, ожидая. Дин усмехнулся так поощрительно, так благодарно, что мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Затем нагнулся и взял лакомство из моих пальцев губами, а потом — лизнул их языком.

Наши игры прервала недовольная Эльса:

— Угостите уже нас с Хвесей, а потом милуйтесь хоть до завтра. Дин, можешь в конце и кулек облизать, помимо пальцев Савери, чтобы наверняка ничего не пропало.

Лисичка стала пунцовой, тщетно пытаясь не расхохотаться. Мирон сдерживаться не стал, поржал от души, как и Глен, который ехал позади нас. Шай качнул головой, пряча ухмылку. А вот я полыхала от смущения. Дядя смерил племянницу таким взглядом разделяющего добычу охотника, решающего, какую часть туши прежде всего отделить.

Я нарочито внимательно порылась в кулке, вытащила самую маленькую и кривую мармеладку и положила ее Эльсе в сложенные лодочкой ладошки. Хвесе отсыпала половину, и она уже в открытую смеялась над нашей не шибко учливой подругой, смешно надувшейся, получив по заслугам.

Тем временем обоз выбрался из лощины и мы увидели, что дальше окружение меняется. У горизонта виднеются горы, которые словно делят мир на до них и после, выступая длинной-предлинной границей между Севером и Югом. Она уходит за горизонт, вдобавок отделяя скалистыми хребтами и западные земли. Перед нами раскинулась серо-желтая степь — на двухдневный переход, не меньше, а перед ней, в окружении зеленых полей, словно из-под земли вырос город Гношик.

Как пояснял вчера за ужином Дашек, этот город шакалов, стоящий у двух пересекающихся трактов, изначально строился для торговли. Кроме него восточнее есть еще два клановых поселения. Как известно, шакалы любят везде сунуть свой нос и частенько пытаются усидеть на двух стульях. Вот и местные хитрецы ведут дела с Севером и Югом, а те плуты, что из городов поменьше, — с восточными соседями.

Впереди у свертка в Гношик показался сторожевой разъезд. Южане разом подобрались. Дин с Шаем выехали навстречу до зубов обвешанным оружием пятерым стражем. По сравнению с волком и тигром, шакалы

смотрелись хилыми, но на конях держалась так, словно родились в седле. И пока беседовали с нашими оборотнями, их когтистые полулапы лежали на луках и изогнутых кинжалах. Оружие стражи не прятали в чехлы, сразу обозначая: здесь гостям не рады.

Все ждали, когда закончатся переговоры. Но шакалы коротко мотнули головами, что-то показали руками. Дин указал ведущему нашего обоза уходить в другую сторону от Гношика. Подъехал ближе, так, чтобы каждому было слышно, и сообщил новости:

— Шакалы временно закрыли город для всех чужаков. За стены никого не пускают. Нам предложили расположиться дальше по тракту, там есть колодец скотину напоить, еду приготовить. Всем быть наготове...

Теперь и мы напоминали стаю хищных ежей, готовых к охоте. К вечеру приехали на указанное для стоянки место, но прежде чем разбивать лагерь, мужчины собрались на совет. Стало понятно, отчего шакалы на взводе и в нашем обозе тревожно. Оказалось, отряд черных наемников Валина рыскает по округе и ищет беглецов: трех наглых, вороватых девиц и мелкого чешуйчатого иноземца с Желтой стороны. За всех четверых назначена награда, большая! Кроме того, шакалы намекнули, что и про южных послов интересовались, настоятельно не советовали принимать в городе.

— Вы точно ничего лишнего у князя не брали? — ехидно уточнил Дашек, глядя на нас с Эльсой.

Мы испуганно вытаращились на него и замотали головами.

— Видимо, ваша Глаша действительно уперла у великого князя мозги и смекалку, раз за ними большая охота идет, — хмуро усмехнулся Далец.

— Эх, хоть бы одним глазком на нее посмотреть, на героиню ту, — хохотнул один из обозников.

Мы с Эльсой и Хвесей переглянулись и прыснули со смеху.

— Она весьма видная особа, — кивнула Эльса. — Такую увидишь — никогда не забудешь. Советник княжеский как увидел главную князеву невесту, так и пал под ее чарами. Я не вру — загляделся и возле трона споткнулся.

— Главная князева невеста? — изумился Мишек. — Что-то я на смотрах девицу, чтоб ради нее разум потерять, не разглядел.

Про себя я, конечно, возмутилась: вот ведь язва, невесты княжеские ему не понравились, видите ли! Но в слух объяснила:

— Это мои клановцы так отомстили Валиану за дань и за то, что меня забрал из клана. Пустили слух на рынке, что Глаша — главная князева невеста. А авертцы глазели и хохотали. — Потом тяжело вздохнула от

стыда и добавила: — Зло пошутили, ведь Глаша не виновата, что такой уродилась. Сама-то она хорошая, а уж фигура — загляденье. И упорная, к счастью готова напролом идти...

— Наши обсуждали, как у князя глаз при виде лу Глафирии без конца дергался. Небось к беде и великой потере, — хихикала Хвесья.

— Похоже, Валиан решил, что ваша фигуристая Глаша в одиночку упереть гадюку-иноземца не могла, а значит вы в сговоре с ней. Получается, втроем украли лучшего на всем Фарне чешуйчатого советника, а попутно и казной разжились, — продолжал испытывать наше терпение Дашек.

Ему помогал Мишек:

— Ага, двое с цепями и панталонами охмурили, а третья — советника вязала, на плечо и...

— ...с послами на юг подались! — припечатал Дин мрачно.

Все переглянулись.

— Хватит уже, — спокойно сказал Шай. — Самый опасный участок до гор, дальше мы на своей земле, куда они вряд ли сунутся. И стаи душников нам в помощь. Всего пару дней потерпеть осталось...

— Но ведь мы сами слышали, что напасть на послов — это война с Югом, — пролепетала я.

Дин улыбнулся с легкой горечью, подошел ко мне и обнял со спины, словно хотел собой спрятать от страхов и беды.

— Во дворце или рядом с Авертом — да. А в дороге с кем угодно несчастье может случиться. Тем более у границы, рядом с горами. Здесь полно опасностей, те же душники. Отряды бывших наемников или попросту шайки мародеров. За них никто ответственности не несет.

— А я думала, что сама дойду, — удрученно призналась я.

— Это вряд ли, — мрачно отозвался Наум. — Еще долго лясы точить будем или все же займемся лагерем? Есть надо готовить.

— И почему медведи такие вечно прожорливые? — усмехнулся Дашек. — Вот уже десятый раз с тобой в обозе хожу, и самый голодный — это ты, Наумушка.

— А помнишь, как нас душники в горах обложили? — восторженно воскликнул Глен. — Неделью осаду держали, все дышать боялись, а Наум только и делал, что ворчал: телега старая, дрова из нее плохие, дымит больно, похлебка холодная, мясо не прожаренное, дохлые враги воняют, аппетит портят. Сдается мне, душники от его гундежа и ушли, надоело им слушать медвежье нытье.

— Зато ты вечно лыбишься и сытый, а стоит только женскому хвосту

мимо мелькнуть — ну сразу голодный! — осерчал кашевар.

— Ага, значит это Глен блудливый! — радостно встрепенулась Эльса. — А оговорил Дина.

Наум возмущенно сплюнул под ноги и, ворча, что его никто не слушает и только бестолку болтают, пошел к колодцу, подхватив свои котлы будто пушинки. А ведь я точно знаю, что тянут они ой-ей-ой.

— Охрану удвоить, посты тоже, меняемся каждый час, — приказал Шай.

Народ разошелся по делам, а Дин приподнял меня, перехватив под грудью, и, уткнувшись носом в шею, жадно вдыхал, потом мурлыкнул тихо и просительно:

— Обними меня, кошка-крошка!

Я с трудом повернулась, Дин перехватил меня, чтобы было удобнее обнять его за шею, и прижал тесно-тесно.

— Я боюсь, — шепнула ему на ухо, смешно дрогнувшее от щекотки.

— Меня? — Дин отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Наемников! Побойщ, драк, душников...

Дин ткнулся носом в мою щеку, провел по виску, шевельнул дыханием волосы, а потом тоже мне на ухо прошептал:

— Это мужские дела, женщина о них не должна думать. И бояться нечего. Вы сбежали, но принуждать женщину к связи — позор и слабость. Разорять кланы, жечь города и поля, чтобы наказать непокорных, разрушать семьи и оставлять за собой сотни сирот — преступление. Валиан оставил после себя смерть и голод, еще десятки шаек из отморожков шныряют по Северу и грабят честной народ. В том, что сейчас творится, нет вашей вины.

— Но ведь ищут-то нас? — всхлипнула я, обнимая его за шею.

— Ищут советника князя Шана Гадючного. Вас лишь подозревают в пособничестве ему при побеге. Поверь, Савери, даже если бы вы сидели смирно и не сбегали, не ручаюсь, что с нами бы не случился «несчастный случай» Валиановыми стараниями. Нет! У него планы великие... были. Но, видно, змееныш их не разделял, раз сбежал. Для нас это хорошо.

— Ты так думаешь? — я отстранилась и заплаканными глазами смотрела на Дина.

— Уверен! — мягко улыбнулся он, согрел меня теплым взглядом. А потом чуть хрипло добавил: — От тебя еще пахнет лакричными мармеладками — так бы и съел! Всю.

— Я порядочная девица, — хихикнула смущенно.

— Хорошо, тогда только оближу, — игриво хохотнул Дин.

— У меня всех помощников забрали! — злобно размахивал черпаком Наум.

Пришлось уже злому тигру выпустить меня из объятий.

Глава 23

Низинку, в которой путники с давних пор вырыли колодец и остановился южный обоз, широкой цепью окружали конники. Вечерело, мы поели, и Шай как раз разговаривал с охранниками, распределявшими время караула. А тут на тебе — непрошеные гости! Стража изготовилась. Обозники вставали и шли к своим телегам. Дин зычно свистнул и, подняв руку, пальцем нарисовал в воздухе круг.

Когда первые всадники вышли на ближайший пригорок, телеги уже поставили кругом, а лошадей загнали туда, как в загон. Костры залили водой, чтобы они огня не испугались, мало ли. Мужчины, похоже, заняли оборону возле повозок. Мы с Эльсой на всякий случай испачкали лица золой, натянули кепки пониже и надели безрукавки, вроде как спрятались. И от беспокойства, чтобы себя занять, убрали посуду и начали чистить котлы.

На вытоптанной обозом площадке, окруженной прошлогодним сухостоем, слышался только скрип телег, фыркание лошадей и перестук копыт приближающегося чужого отряда. Даже насекомые словно замерли в ожидании: что дальше? Наконец к нам выехали наемники — знакомые по Аверту Валиановы выродки в темной форме. Наверное, чтобы каждый встречный и поперечный видел, знал, кто такие, боялся и помнил, что эти недобрые молодцы покорили большой северный край.

«Черное» воинство грозной молчаливой толпой окружало лагерь. Как же их много! Я считала и во все глаза рассматривала убийц, насильников, изгнанных из своих кланов — отщепенцев, из которых князь собрал войско. Семьдесят пять! В три раза больше, чем нас. Черные наемники являли собой разномастную свору: волки, шакалы, гиены, мелкие и крупные коты, увидела даже несколько енотов, от природы довольно спокойных и трудолюбивых оборотней. Особенно удивила пара медведей-близнецов, молодых совсем, с лицами, отмеченными глубокими шрамами от ожогов. Словно им кто-то некую метку поставил... Наум смерил их злым, презрительным взглядом. Видимо, само нахождение в отряде наемников из его сородичей — это что-то неслыханное, невиданное и от того еще более отвратительное.

Черное живое кольцо замкнулось вокруг нас и давило тяжелым, угрожающим молчанием. Обозники смотрели спокойно, будто ничего страшного не происходит. А мы с Эльсой невольно мертвой хваткой

вцепились в котлы унять дрожь в руках. Перепуганная Хвесья жалась к Миرونу, застывшему у телеги.

— Говорите, куда путь держите! — мне показалось, притворно строго спросил один из черных, волк, по всему виду — матерый хищник, сродни моему брату, а может даже еще хлеще.

— Домой! — спокойно ответил Дин, почему-то не уточнив, куда именно.

Среди княжеских наемников из кошек были пумы, более мелкие гепарды, несколько пятнистых оцелотов и даже парочка болотных кошек. Эти часто живут в маленьких поселениях, обустраивая дальние родовые хутора, не более. Так что они делают здесь? Поймав их пристальный, оценивающий взгляд, обращенный на нас с Эльсой, лопоухих кошек, я поняла: разведчики. Они едва заметно кивнули на нас, вернее показали глазами, перехватив взгляд черного волка — не то главаря, не то командира.

Волк тот сразу заявил:

— Вы находитесь на землях великого князя Валиана Северного! Светлейший приказал досматривать все обозы, и в случае обнаружения врагов княжества...

— И кто эти враги княжества? — оборвал его на полуслове Шай.

Глаза Стального волка разгорались жутковатым желтым светом. В них отчетливо светилась жажда охотника и... лютого зверя. Его уши прижались к голове, как перед прыжком. Нас с Эльсой проняло, что уж говорить про чужаков. Вон как подобрались. И кони под ними занервничали, захрапели, почуяв хищника, готового напасть.

Глядя прямо на нас с Эльсой, командир наемников ответил, словно снизошел:

— Три бабы: гиена-альбинос, светловолосый сервал и рыжий каракал. Каракала желательно привезти живой, остальных — как получится. И мужчина... светлый и чешуйчатый.

— Смею вас огорчить, ата, — насмешливо начал Дин, — но среди нас только одна рыжая женщина. Ама Хвесья — супруга ата Мирона. Сомнительно, чтобы она успела стать врагом целого княжества по молодости лет.

Лисичка нырнула под руку к мужу и втиснулась ему под мышку — не оторвать.

Командир наемников смерил Дина злобным взглядом и процедил:

— Вы, правда, считаете, что дурацкие кепки и мужская одежда может укрыть от меня двух беглянок?

— Вы говорите какими-то загадками, ата. Непонятно. — Дин

улыбнулся так криво, что любой бы поморщился от обиды, что уж говорить про черного наемника.

Тот спешил — судя по вспыхнувшему желтым пламенем взгляду Шая, допустив смертельную ошибку, — и направился к нам. Мы с подругой замерли, в страхе глядя на приближающегося командира черных. Он на мгновение навис над нами — а затем резко сдернул кепки, заставив жалко пискнуть.

— Сервал и каракал — беглянки, которых мы ищем, — с мрачным удовлетворением выплюнул главарь наемников, нагло отбросив наши кепки в сторону.

— Ата, вы ошибаетесь, — по-прежнему насмешливо настаивал Дин, подходя к нам вплотную, оттесняя чужака, за спиной которого возник Шай с жутковатой улыбкой и светящимися звериными глазами.

— Хватит молоть чепуху. Раз эти две здесь, значит их подельница гиена и советник тоже спрятались. Обыскать обоз! — приказал командир.

Наемники слезли с коней и направились к телегам с оружием наготове.

А Дин, как ни в чем не бывало, продолжал гнуть свое:

— Вы сказали, что ищите трех женщин и мужчину, но если вы немного напряжетесь и принимаетесь, то поймете, что эти две лу к вашим беглянкам не имеют отношения. Мало ли на Зеленой стороне разных кошек? Из гиен у нас только двое мужиков, а чешучайтых, видимо, чем-то больных, отродясь не бывало.

— Я смотрю, любезный, вы упорно нарываетесь на показательную порку?! — злобно процедил командир наемников, краем глаза наблюдая, как его воины черной сворой устремляются к телегам. — Так Светлейший разрешил нам показать южанам, что с северянами вам не тягаться. И если князь захочет, ваши кланы, как и местные, будут лизать его лапы и платить дань!

— Ты в этом так уверен, любезный? — мертвящим шепотом спросил Шай, нависая над зарвавшимся княжеским приспешником.

Главарь вздрогнул, хватаясь за оружие и пытаясь повернуться. Наемники тотчас ринулись с ножами на нашу охрану, как если бы заранее сговорились. Не вести разговоры и обыскивать, а под этим предлогом напасть и поубивать всех! Обоз-то большой, богатый — хорошая плата за службу князю. А девок потом отдать князю — приказ выполнили.

Время, как уже было не единожды, словно замедлилось. И пока разгоралась битва, Дин рыкнул нам с Эльсой, подтолкнув в спины:

— Под котлы, живо!

В таких случаях я привыкла повиноваться беспрекословно, Эльса тоже

не противилась, коль запахло жареным.

Сидела я, скрючившись, под котлом, прислушиваясь к шуму и скрежету снаружи, и точно от страха у меня в голове помутилось. Потому что подумала: придется потом отмываться не от дерьма, а от каши, остатки которой попали за шиворот, сползли по щеке. Облизала пальцы, после того, как стерла кашу с лица. Вкусно, однако! Поскребла когтем черпак, доела кашу и оттуда. Тут по моей «крыше» что-то «вжикнуло», напомнив свистом стрелу...

Я чуть-чуть приподняла котел, а там жуть жуткая — кровавое побоище. Ключья одежды валяются на земле: времени раздеться, конечно же, ни у своих, ни у чужих не было. Частью южане бьются в полном обороте, а частью напоминают душников, полузверей, используя луки, кинжалы, кистени и прочее, и немаловажное оружие — звериную силу.

В лицо мне полетели камешки и пыль — перед носом мелькнули тигриные лапищи, оттолкнувшись от земли в стремительном прыжке. Дин воевал в полной звериной ипостаси и мощной когтистой лапой рвал вероломных наемников до самых потрохов. Это было настолько чудовищно, что меня нещадно затошнило. А огромный полосатый красавец-тигр в кровавом запале раскидывал поверженных врагов с вывернутыми наружу внутренностями в стороны и рычал так, что кровь стыла в жилах.

Из-под соседнего котла на меня зыркнула Эльса — глазищи испуганные, круглые, поди у меня такие же. Затем схватила стрелу, упавшую рядом с ней, и ловко пырнула ею в лапу наемника волка, хотевшего со спины напасть на ее Шая, тоже бывшего в облике огромного двухцветного зверюги... уже свернувшего шею чересчур прыткому главарю. Его голова, лежавшая рядом с телом, смотрела на меня страшными мертвыми глазами.

Поймав себя на том, что позорно пицала, подобно слепому, беспомощному котеночку, в последний момент успела убрать пальцы из-под края котла и отдернуть голову — сверху на него что-то рухнуло и зарычало, потом перекатилось и упало рядом, яростно завывая и шипя. Злобные коты! Я рискнула выглянуть снова и на миг опешила: двое гепардов рвут нашего Глена-леопарда; один — душит, второй — полосует когтями окровавленную золотисто-пятнистую шкуру. Я откинула котел — и врезала черпаком душителю по голове. «Оружие», по счастью, оказалось крепким, не даром медвежьим.

Этой подмоги Глену хватило, чтобы перекинуть через себя оглоушенного гепарда и разорвать горло и ему, и второму. Не успела я

опомниться, рядом возник тигр, весь в крови, с оскаленной жуткой мордой, злобно рыкнул и огромной лапой затолкал меня под котел. Но разве я могла хотя бы не выглянуть в щель? Мелькали лапы тигра, леопарда и десятков других... И тут до самых печенок продрал слаженный торжествующий вой гиен, похожий на смех спятившего оборотня. Дашек и Мишек — знакомые голоса. Ох и воют! Затем раздался рев Наума и чужие медвежьи.

Я решила, что хуже быть не может, но по днищу моего котла проскрежетали чьи-то когти, затем мое укрытие подвинули с целым пластом земли. Видимо, опять кто-то упирался лапой. Мои мысли скакали с одного на другое: как же случилось, что жизнь превратилась в сплошной кавардак, постоянную беготню, прятки от смерти и терзающий душу ужас за себя, обозников и любимого? За что мне все это? И главное — когда закончится опасный путь?

Дальше я молилась Луне, сжимая в кулаке амулет мамы. Просила, чтобы богиня и мамин дух защитили тех, кто сейчас воет с черными чужаками. Их семьдесят пять, а своих гораздо меньше. Сможем ли мы выжить при таком раскладе? Конечно, южане сильные воины, но и наемники привыкли воевать и убивать. Страх терзал меня сильнее, чем перед стаей душников. Тогда я готовилась умереть только с Эльсой, а сейчас мы, не приведи Луна, можем полечь все, а ведь я успела узнать, к каким хорошим и добрым оборотням попала.

Рев нападающих, крики умирающих, стоны и скулеж неожиданно смолкли. Тишина давила невероятно. Можно подумать, что за пределами моего укрытия никого не осталось в живых, если бы не едва уловимая дрожь земли от удаляющихся лошадей, бьющих копытами, и топот убегающих людей или зверей...

Наконец я решилась выглянуть. Свои разбрелись по лагерю, тяжело, с присвистом дыша, утирая кровь, зажимая раны и оглядывая вытоптанное поле боя в поисках недобитых врагов. Земля, залитая кровью, внутренности, мертвые, искалеченные тела людей и зверей. Вдали мелькают головы удирающих наемников — тех, кто не выдержал и сбежал с поля боя. В нос ударил запах смерти. Хотелось волком выть и бежать отсюда куда глаза глядят.

Подошел и рухнул рядом со мной тигр. Живой! Полосатые бока ходуном ходят. Хвала Луне, отделался он только рваными неглубокими ранами. Откинув котел, я на четвереньках кинулась к нему. Обняла и зажмурилась, радуясь своему счастью. И такой родной и любимой была мощная пушистая тигриная шея и уставшая морда — не передать словами!

— Живой! — мурлыкнула я, целуя его нос. — Живой! Любимый мой!

— Главное — ты цела, моя кошка-крошка! — Я с трудом разобрала, что сказал мой тяжело дышавший тигр. — Р-родная!

Потискав тигра, я решила сбегать за водой, ведь воинам надо напиться и умыться. Схватила ведра и ринулась к колодцу. За мной понеслась радостная Эльса. За ней побрели полосатый волк и тигр, не захотевшие оставить нас без присмотра, когда вокруг — тихий ужас!

Мирон вытаскивал из-под тюков рыдающую Хвесю. Увидев нас, она быстро утерла слезы и замолчала. Было видно, что обрадовалась и старалась взять себя в руки. Шай приказал выставить охрану из самых крепких и целых. Наум-медведь сносил раненных южан в центр лагеря. Мы с Эльсой и Хвесей, дрожа от пережитого кошмара и украдкой вытирая слезы, разносили бойцам воду.

Кто-то разжег костер, я поставила греться воду в маленьких котелках, насыпав туда травяных сборов. Сейчас нужны и кровеостанавливающие, и противовоспалительные, и укрепляющие. Не всем повезло неглубокими ранами отделаться, но обессилели все. Работы мне предстояло — как никогда.

Мы с подругами старательно не смотрели по сторонам, занимаясь ранеными. Ни к чему было дальше расстраиваться, и так хватило лиха, тем более живых черных наемников добивали. Но эти лиходеи знали, куда и зачем шли, и пощады им не светило: слишком длинный след из смертей невинных за ними тянется. Трупы и останки уносили подальше, за бугор. Зверье потом поживится, растащит наскоро сделанный могильник. А сейчас наши навоевавшиеся мужчины нуждаются в заботе и уходе.

— Двое погибли, — горестно, потерянно прошептала Хвеса, вернувшись от костра побледневшей и будто пришибленной.

— Не плачьте, все мы вызвались добровольцами в это посольство, — пояснил раненный кот, которому чуть не разорвали горло. — Каждый знал, что эта поездка могла быть в один конец. Нас могли и в княжеском дворце завалить. Но предупредить зарвавшегося властителя всея Зеленой стороны мы были обязаны.

— Холостые хоть, а то как сказать детям, что сиротами остались... — Хвеса горько качала головой, прислушиваясь к разговору у костра, где обсуждают, как быть дальше.

— Мои дед с бабкой несколько месяцев места себе не находили, когда мамку с папкой загрызли душники, — вспомнила Эльса. — Так что холостые или женатые — не велика разница. Чьи-то семьи осиротели.

Мы обменялись с ней согласными взглядами.

Прикрытый до пояса леопард, один из самых тихих и скромных

обозников, сцепив зубы, чтобы не орать от боли, менял ипостась. Бедняге распороли брюхо и мне пришлось зашивать его. Теперь он весь в целебной мази, прямо под моими руками оборачивался, от чего мои горячие от исходящей силы ладони то касались загорелой смуглой кожи человека, то зарывались во влажный, слипшийся мех зверя. Зато рана заживала на глазах, и оборотень стонал все глуше и реже — боль уходила.

— Ой, что там за возня... — насторожилась я, кивнув в сторону сухостоя, где в сумерках стояли Дашек с Мишеком и Далея.

Затем из тех зарослей вышел Шай, вытирая блеснувшее лезвие о сапог.

— Допрашивают выживших отморозков, — поморщился парень, из которого пришлось вытаскивать стрелу и долго потом возиться. — Чего-то сомневаюсь я, что Валиан настолько недалекий, что решил нас перебить и открытую войну Югу объявить. Особенно сейчас, когда советник удрал.

Шай тем временем подошел к беседующим у костра мужикам, и мы услышали, о чем ему удалось узнать:

— Ловят именно советника. Живым. Гиену-альбиноса приказали убить на месте. Наемник говорил, когда Валиан приказ по ней отдавал, аж слюной брызгал от ярости, костерил последними словами весь ее род до двадцатого колена...

— Допекла баба мужика, — хохотнул усевшийся рядом с Шаем Мишек.

— ... рыжую повитуху каракала вернуть живой и нетронутой, а по сервалу такого уточнения не было...

— Занятно, повитуха, значит, не только знахарка сильная. — Дашек обернулся и посмотрел прямо на меня, невольно заставив смутиться.

Вот же въедливый мужик. Все-то ему знать надо.

Эльса расстроено шмыгнула носом: ее живой вернуть приказа не было, если бы нас поймали, о смерти она бы мечтала. Мы переглянулись, подумав об одном и том же.

— Два дня назад четыре отряда наемников решили объединиться, — продолжал Шай. — Два недавно из Аверта по приказу Валиана прибыли, а два недалеко рыскали. Мародерствовали. Меньшим числом напасть побоялись, вот и решили толпой.

— Неужели князь приказал и нас положить? — недоверчиво вскинул серые брови Дин.

Шай мотнул головой, подтвердив мои подозрения:

— Нет, это они сами вздумали. Знали, что груженные мы, двадцать с лишним подвод, кланы — за горами, князь — в Аверте, и забот у него без нас хватает. В пути всякое случается, вот и решили здесь, в удобном месте,

напасть, а потом «следы» нападения душников оставить в горах.

— Хитромудрые какие, — поморщился Наум. Потом предложил: — Кто еще хочет есть?

Желающих взять добавки не нашлось. Все устали смертельно, но охрану выставили тройную и ночью, сдается, спали в полглаза. Сама я заснула, едва коснувшись головой шкуры, и проснулась среди ночи, только когда пришел черед Дину отдыхать. Он сгреб меня в охапку, зарылся носом в волосы и тут же уснул, а я, уткнувшись в него лицом, наслаждалась теплом, запахом и стуком огромного и такого родного сердца. Ведь сегодня я впервые произнесла заветное слово: любимый. И он слышал!

Глава 24

Серое утро быстро сменил яркий солнечный день. Кучевые облака стремительно сбежали на север от наступающей жары. Непривычно: у нас в это время было бы еще прохладно, а стоило отклониться на юг — и вот уже пахнет летом. Зной. Сушь. Суховей. Вдоль дороги густая, с взрослого мужчину высокая, сухая, пыльная трава. Ничего не разглядеть сквозь нее. Едешь, словно залез в узкую нору и никак не выберешься. Солнце медленно плывет по небу, обоз также медленно ползет по дороге вдоль желто-серой стены из толстых стеблей неизвестных мне растений.

Мы с Хвесей из любопытства вставали в телеге, рассматривая широкую степь, раскинувшуюся до предгорий. Непривычно видеть столько бесхозной, неиспользованной земли, чай не лесные уголья, как у меня на родине. Но шлеповцы — законченные рыбаки, гноши — торговые дельцы, да постоянные дворы держат, поэтому до самых гор тянется желто-серый частокол из прошлогоднего сухостоя. И в лесах здешних плодятся многочисленные стаи душников.

— Нехорошо это, не по-хозяйски, — хмурились Дашек с Мишеком, тоже глядя по сторонам.

— Земля совсем высохла, видать дождей с нашего прошлого перехода не было, — согласно ворчал Наум. — До гор больше суток по этому сушняку, найдем ли колодец?!

— Ну, вокруг Шлепа и Гношика зеленые поля были. Видно на них они воду и желание позаботиться нашли, — пожал широкими плечами Глен, и тут же поморщился от боли.

Героического красавца гепарда я залатала одним из первых, но болеть глубокие раны будут еще с неделю.

После нападения обозники были встревоженными, напряженными. Двух своих погибших мы похоронили перед рассветом, троих оборотней, тяжело раненных, уложили в телегу под мой присмотр. Но они не унывали, шутили, мол, раз ими сильная повитуха ведает, то, того и гляди, скоро бабами станут, да рожать научатся. Зря что ли вчера справили день рождения, ведь я их с того света вытащила. И что от моего дара щекотно. Меня это только радовало: дело идет на лад.

Вот и катили мы веселой компанией. Я время от времени касалась их руками, передавая часть силы, чтобы искалеченные, исполосованные когтями и сталью воины быстрее поправлялись. Да хоть немного боль

снять, ведь трястись в телеге по тракту — сомнительное удовольствие. А устраивать передышки посреди степи нельзя, опасно. Сами болезные грустно отшучивались, косо поглядывая на хмурого Дина. Не по нраву ему пришлось мое тесное соседство с «соперниками».

Разноцветные густые волосы Дина развевал ветерок, иногда вынуждая его раздраженно подергивать округлыми мохнатыми ушами, если сухие травинки или листики случайно цеплялись. Широкое лицо с суровыми, даже хищными чертами, серые брови и яркие раскосые глаза. Я не могла наглядеться на свою единственную любовь!

Мимо неторопливо проехал в конец обоза сторожевой — главный среди охраны. Мы с девчонками проводили его тревожными, сочувствующими взглядами: как же у мужчин хватает сил на все? Уже который день они мало спят, постоянно настороже, ожидая нападения, вечером заботятся о лошадях, да еще мы с Эльсой крепко влипли, добавив хлопот. Спустя день после схватки с душниками нашим защитникам снова досталось, на этот раз от черных наемников.

Как проговорился Далея, только то, что среди них большей частью обычные мародеры и грабители, сыграло нам на руку. Всего двоих потеряли. В нашем обозе сильные, опытные воины, а в том отряде чернушники — выброшенные из кланов за преступления.

Я тяжело вздохнула: жизнь, оказывается, гораздо суровее, чем я представляла себе, сидя в клане! Страдала, что замуж не отдают! А стоило выбраться за долину Волчьего клыка, даже соседи напали, хотели отобрать золото. То душники, то мародеры, то сам князь — как же страшно жить. Невольно бросила озабоченный взгляд на Дина, ехавшего верхом на огромном белогривом коне коричнево-белой масти. Только мой «полосатик» сегодня оделся во все черное. Желтые тигриные глаза ярко вспыхнули, почти осязаемо приласкав и согрев меня.

— Что-то случилось? — Дин наклонился над телегой, свесившись с седла.

— Нет, — мотнула я головой, а потом неожиданно для самой себя пожаловалась: — Просто кругом так опасно.

Он крепче сжал колени и протянул ко мне руки:

— Иди ко мне.

Свободная рубаха распахнулась на мощной груди, штаны натянулись на сильных бедрах, мохнатый полосатый хвост постукивает в нетерпении по ботинкам. Я приподнялась, протягивая руки. И опять понеслись смешки:

— Ого, Дин, ты наконец-то прокатишь девчонку на своем могучем

жеребце?

Да плевать, вот впервые в жизни совершенно плевать на чужие шуточки и что обо мне думают. Дин ухватил меня под мышки — и я взлетела к нему в седло. Кепки нам разрешили сегодня не надевать, если только голову не напечет, — поздно уже скрываться, кому надо знают про нас. Поэтому, откинув косы за спину, прижалась к груди любимого мужчины, обняв его за торс, и расслабилась в крепких руках. Как же он пахнет вкусно цветами аррайи с нагретым песком и жарким солнцем. Как только будет оказия, высажу в своем саду этот цветок, хоть и ядовитый, но теперь вроде как родной.

— Не бойся, моя хорошая, — глухо и с немного раскатистым «р» успокаивал меня Дин, — завтра к вечеру доберемся до гор, еще три дня на переход — и мы на своих землях.

— На наших землях! — ехидно уточнил Дашек. — Моему клану впору начинать с вас всех подати брать. А то мы, пограничники, не живем, а вечно служим вам защитой и преградой...

— Ну ты прямо как тот кабан, — ядовито процедил Глен. — Тоже уж такой защитник был, только вони от него слишком много...

— Ты на что намекаешь, болезный? — дружно вскинулись братья гиены.

— Да зачем намекать, я прямо говорю! — рыкнул Глен, настроения которому ноющее исполосованное брюхо и грудь не добавляли. — Вдоль всей Большой гряды не только ваш клан в защитниках состоит. Мы все своих лучших воинов к вам отправляем на службу, а как лавры собирать, так вы единственные.

— Дымовичи тоже у границ с восточными живут и сами свои земли охраняют, еще и вам помогают, — поддержал Глена другой раненный, сидевший рядом с ним в телеге. Верно из тех мест.

— Там зарвавшихся князей пока не завелось, и вы только от душников земли чистите, а к нам все отморозки лезут, — набивали себе цену гиены.

Я наострила уши, уж больно интересно послушать будущих соседей: чем они дышат, как дружат. Дин тихонько усмехнулся, заметив мое любопытство, легонечко, игриво так, куснул меня за ухо и перехватил мои руки. Положил обе себе на ладонь, на которую повесил повод, а второй рукой начал поглаживать пальцы. Кажется, он именно мне показывал, какая маленькая у меня ладошка по сравнению с его рукой с длинными, сильными пальцами, с шершавыми подушечками, свойственными всем кошкам. И когда он повел шершавыми кончиками вдоль моих рук, слегка поглаживая, лаская, я замерла от разливающегося по телу тепла. Не

обычного или душевного, нет, от настоящего чувственного.

— Дин, — сипло шепнула я, не то умоляя, не то возмущаясь.

Мой соблазнитель довольно усмехнулся, и я ощутила его улыбку макушкой.

— Как чудно порой бывает. Мы так похожи на других. Кажется, что вокруг все одинаковые, часто непримечательные, пресные... а жизнь — сплошная обыденность и тьма обязанностей, которыми ты заполняешь свою никчемную жизнь, — издалека начал Дин, но я догадалась, что вот-вот скажет о чем-то важном или интересном. — Но одним пригожим днем ты вдруг сталкиваешься с худенькой девицей, одетой как парнишка, и от одного ее неумелого поцелуя напрочь теряешь голову. Ты не знаешь, как ее зовут, даже как она пахнет, откуда свалилась к тебе в руки и почему так стремительно удрала, опозорив при этом.

Выслушав признание, я едва слышно выдохнула:

— Прости...

— Простил, сразу же. А вот за то, что потом целый день искал тебя по всему Малиннику, переживал, что встретил и сразу же потерял, ночь не спал в думках, где дальше искать хорошенькую кошку, — прощу не скоро. Даже Мирон с Хвесей в храм без меня ходили, пока я метался как ошпаренный по городу. Ведь запаха-то у тебя не было. А следы пропали сразу, площадь большая, народу тьма, — незлобиво попенял Дин, прижавшись виском к моему уху.

— Ты меня искал? — потрясенно выдохнула я, замирая от восторга.

— А нам он не признался, чего как ужаленный носился по улицам наперегонки с медведями, — проворчал Мирон, обернувшись с козел своей телеги. — Я чуть не обиделся: друг, называется, мне счастье привалило — жену нашел, а он унесся, как на охоту. Да хвала Луне, Далее надоумил не мешать ему свое счастье искать...

— То-то я смотрю, тебя, Дин, так та неудача напугала, что ты свою кошку сразу под мышку засунул и больше не выпускаешь, — хохотнул Глен, сразу поморщившись от боли.

Дашек и Мишек, как обычно, подкалывали:

— Ага, только в реке поплавать и решил отпустить. Правда, потом всем обозом ловили, но кто старое помянет, у того хвост отвалится. А так наш тигр свою зазнобу все под чугунным котлом прячет, чтобы, наверное, не увели из-под носа драгоценную...

— Если не заткнетесь, друзья-соседи, то... — пригрозил Дин.

Какое там, ото всех желающих высказаться понеслось:

— Глухую!

— Слепую!

— Доверчивую!

— Саму невинность!

— Бедняжку! — припечатал Наум, неожиданно присоединившись к гоготу остальных насмешников.

Эльса привстала на коленях и, уперев кулаки в боки, в своей обычной манере уточнила с угрозой:

— С чего это — глухую, слепую и прочее?

Гиены переглянулись и не без азарта начали перечислять:

— Предупреждений не слушает.

— Опасности не видит.

— Доверяет некоторым, а те ее в самый неподходящий момент из телеги под ноги тиграм вышвыривают. — Это был большой камень в огород моей подружки, и она сразу суксилась.

— Про могучих жеребцов ничего не знает — повезло тем самым тиграм, — продолжали похихикивать братья.

— Как такая замечательная девица, да еще с нужным, ценным даром будет уживаться с вами, хитрыми котами, в Еловом ручье... даже не знаем. Может лучше к нам поедет?

Эльса, красная как рак, беспомощно хватала ртом воздух. Допекли ее все-таки язвы гиены. Я тоже насторожилась, не зная как относиться к подобным, недобрым шуточкам.

Дин зловеще хмыкнул и пообещал:

— Через месяц смена отрядов на границе. Так вот, в этот раз к вам поедет Тимоха, а то заскучал он дома чего-то. Давненько просится.

Дашек выпучил желтые глазищи, засветившиеся почище тигриных. Мишек, как и Эльса, подышал, открыв рот, и злобно прорычал:

— Если ты этого кобеля к нам снова пришлешь, то я, то мы...

— Сыграешь, наконец, свадьбу своей дочери. Ничего, что кобель, она же его все равно любит... бедняжка. Слепая, глухая, доверчивая и сама невинность. Про кобелей еще мало знает, повезло тем самым кобелям. И придется твоей дочери тоже как-то уживаться с котами в Еловом ручье. Даже не знаю, справится ли несчастная...

— Мы же друзья?! — возмутились братья. — А ты нам угрожаешь... этим?

— Мои друзья вряд ли поливали бы грязью мой клан и меня самого, чтобы отбить повитуху для своего клана, — спокойненько ответил Дин.

— Да ты сам не лучше! Как куда заявишься, так самых хороших и ценных оборотней к себе переманиваешь! Дружище называется! Ваш

Еловый лопнет скоро от твоего усердия. Все расширяешься.

Выслушав гневную отповедь Дашека, Дин строго сказал:

— Ты шишки с иголками не смешивай. Савери не из-за дара своего ценная, она — моя! Понимаешь? Моя!

После сильного душевного выплеска, назревавшего после погребения погибших друзей, над обозом повисло тягостное молчание.

— Прости, Савери, заигрался, — неожиданно повинился Дашек.

И Мишек добавил:

— В пути двоих потеряли, больно нам всем от этого. Тяжело! С мужиками погибшими давно знались, все же здесь хорошие соседи собрались. А тут...

— И о твоём даре прознали, — вклинился в разговор Глен со своим алтыном. — Гиены... своего никогда не упустят. Самые плодovитые на весь край, а в клане лишь обычные повитухи без дара.

— Хватит! — рыкнул Дин, заставив меня вздрогнуть у него на коленях. Остальные тоже опасливо оглянулись на разъяренного товарища. — Утром только погребение совершили, двоих потеряли. Вокруг недобитые мародеры шныряют, того и гляди в спину ударят, а мы клыки сушим, да лясы точим, делим не свое и мелко пакостничаем против друг дружки, как обычно.

— Прав Дин, глупо себя ведем, — согласился хмурый Наум. — Хуже девиц малолетних...

Ругаются мужчины, а неловко почему-то мне. Снова я причиной склоки стала.

— Я один раз для всех скажу, — как-то слишком спокойно начал Дин. Помолчал чуть-чуть и без малейшего сомнения заявил: — Савери — моя. И отвечаю теперь за нее — я.

— Да никто и не спорит, — осторожно согласились гиены. Похоже, тигр всех враз угомонил и остудил.

— А как же большой новый дом с красной черепичной крышей и белым штaketником? — улыбнулась я неуверенно. — Ты мне обещал от клана подарить...

— Я тебе его от себя лично подарю, — в хитроватом голосе Дина чувствовалась улыбка.

— Еще бы, всего три года назад для себя построил, почему бы новым не посчитать? — не смог удержаться от подколки Дашек. Язва!

— Так ты мне свой дом обещал? — Я подняла на Дина глаза. — Еще тогда?

Вопреки ожиданиям гиен, наверняка рассчитывавших на скандал, я

наоборот смутилась, а потом расплылась в довольной улыбке.

— Все, братцы, потеряли вы повитуху окончательно, — махнул рукой Наум, с ухмылкой глядя на гиен. — До вас ее завлекли длинными усами и толстым полосатым тигриным хвостом. А вы заладили: крепкие ноги, быстрые ноги, во-о-он до того дерева и обратно. Надо было ее под мышку — и дом с черепичной крышей дарить! И обязательно с белым заборчиком. Бабы они такие, только на них и падкие.

— Да вы задрали уже, — рыкнул Дин, перехватил меня поудобнее и, тронув бока коня, увез в начало обоза, подальше от расходившихся друзей.

— С такими друзьями и племянницы не надо. Вечным холостяком останешься или к душникам подашься, там хохотунов поменьше будет, чем среди вас, — донеслось мнение Шая.

Затем я едва разобрала довольное ворчание гиен:

— Да в кои-то веки случилось отыгаться на всесильном и премудром Дине, пока он ярмарочным дрыгунцом перед девицей скачет.

* * *

К вечеру «Еловый ручей» собрался своей «стаей», хоть и пара из других кланов присоседилась: Шай, по сути, уже родственник и давний друг Далея. Не то чтобы отделились от всех, но тесной компанией уселись на расстеленной на земле шкуре; мужчины по очереди носили еду от общего костра. Видно, даже словесные попытки отобрать свободную женщину, тем более одаренную, тем более у Дина, вконец исчерпали его терпение. Я ловила то насмешливые, то завистливые взгляды, бросаемые другими мужчинами на нас.

Я уже не смущалась и не беспокоилась из-за мужского внимания, ведь теперь рядом Дин. И пусть, по словам многих, он сейчас сам на себя не похож и ведет иначе, но показывал себя с хорошей стороны. Пока «еловые» охраняли, Далея с Дином охотились в высокой траве и вернулись с дюжиной кроличьих тушек. Нам с подругами досталось несколько веточек со свежим жаренным мясом, а мужчины ели густую мясную похлебку. По коротким разговорам я догадалась, что тигр с кугуаром на разведку ходили, а охотились заодно. И то, о чем разведали, им не понравилось, хоть виду не подали. Но коней не расседлали.

Пока укладывались, Хвеса ныла:

— Не нравится мне здесь. Скорее бы к горам добраться.

Мирон обнял жену, уложил на свою руку, и склонился, словно собой

укрывая:

— Не бойся, любимая, мы сегодня далеко продвинулись. Завтра, ближе к вечеру, выберемся из степи.

— Как-то беспокойно мне на душе, Мир, тревожно, — вздохнула она, повернувшись и уткнулась носиком мужу в грудь.

— Душа болит? — встрепелась Эльса, явно намереваясь помочь. — Так может, я свой дар сонника отпущу и...

— Нет! — дружно и нервно отказались все.

Сонница, поймав потемневший взгляд дяди, стушевалась и, пожав плечиками, прощбетала:

— Ну нет, так нет. Я же только помочь хотела.

Шай улыбнулся, с нежной улыбкой глядя на свою суженую, погладил ее по большим ушам, а потом сгреб в объятия и прижал к себе, укладываясь спать. Я услышала счастливый вздох Эльсы и юркнула к Дину — окунулась в его тепло и силу. Меня дополнительно накрыли шкурой, а то к вечеру ветер разыгрался.

Тревога охватила меня во сне. Мой каракал то бесновалась, то скулила от ужаса.

— Подъем! — громко проревели над ухом.

Я вскочила, а Дина рядом нет. Покрутив головой, я увидела его стоящим на телеге. Он напряженно всматривался вдаль.

— Вроде только легла, а уже рассвет? — рядом проворчала Эльса, протирая глаза и убирая от лица волосы, которые трепал сильный ветер.

— Какой-то чудной рассвет, — отозвалась Хвесья. — Красноватый... наверное, сегодня жара будет...

А у меня в груди скручивался тугой комок паники и дикого страха.

— Это зарево! — глухо выдохнул кто-то поблизости.

В голосе мужчины тоже слышался страх.

— Быстро, уходим! — проревел Дин. Дернул хвостом и легко спрыгнул. Затем сграбастал нас с девочками вместе со шкурой и отправил в телегу.

Собрались за считанные мгновения. Повезло, что лошадей не распрягали. Их даже поторапливать не приходилось: чуяли доносившийся ветром, пока еще слабый запах дыма. Благодаря сильным порывам ветра его и оборотни почувствовали на большом расстоянии. Темный горизонт на западе становился все ярче, словно кто-то незримый поддавал жару.

— Пожар в степи! — Глен погонял своих тяжеловозов.

Гиены поводили носами по ветру, затем Мишек зло рыкнул:

— Слишком широкое зарево на горизонте.

— Ветер к нам дует! — зловеще заметил Мирон.

— Если успеем уйти с подветренной стороны — повезло, — почему-то обреченно шепнул тяжело раненный.

Телеги неслись по ухабам, подпрыгивая. Мы с девочками и ранеными цепко держались за борт и молились Луне.

Неожиданно из травы наперерез обозу начали выскакивать животные. Они словно обезумели и не обращали внимания на препятствия, убегая от пожара. Пересекали дорогу и скрывались в густой траве, нагоняя на нас страха и паники. Хвеса тихонько заплакала, уткнувшись в спину Мирона, погонявшего лошадей. Искала спасение в муже.

— До гор почти день пути, — зачем-то крикнул Глен.

Дин, скачущий рядом с нашей телегой, крутил головой, кажется отыскивая пути спасения. А небосклон слева становился все светлее и багровел. Ветер принес уже не только запах гари, но и дым, застилающий дорогу. Пока еще не слишком густой, но времени мало прошло, а пожар надвигается стремительно и неотвратимо.

— Может нам лучше вернуться? — крикнули с головы обоза. — И дорога будет под уклон.

— До гор — день пути, а до Гношика — сутки, думай, чего несешь, — зло воспротивился кто-то.

Над обозом пронесся предупреждающей свист, телеги начали резко замедляться, чуть не наезжая одна на другую под яростные ругательства возниц. Дин ускакал вперед, бросив на нас тревожный взгляд. Глен унесся за ним, но вернулся быстро. Я молча кусала губы, а Эльса никогда не отличавшаяся терпением, увидев его осунувшееся лицо и отведенный взгляд, заорала:

— Что случилось?

Ответил Глен зло, пытаясь скрыть страх:

— Прямо на нас выскочили наемники Валиана. Двоих поймали, они сами не ожидали встречи. Те недобитки, что удрали давеча с поля боя. Дин там с ними возится...

— И что? — просипела Хвеса. — Зачем с ними возиться?

— Эти твари решили нам отомстить! — За нашими спинами появился Мирон, подошел вплотную к жене. — Оставшиеся в живых выродки подожгли траву вдоль большого участка степи. Дождей не было несколько недель, прошлогодняя трава высохла до основания, земля потрескалась — устроить пожар раз плюнуть. Они думали, огонь нас ближе к горам догонит, а сами успеют уйти, но ветер ночью резко изменился и к утру усилился. Эти недоумки сами в свою же ловушку огненную попали. И мы с

ними...

— Я не понимаю, скажите мне хоть кто-нибудь, что творится! — заголосила Эльса.

Глен мотнул головой, прижав ладонь к животу, наверняка еще побаливавшему. А потом сорвался:

— Да чего тут не понятного? Наемники Валиана подожгли степь в дневном переходе от нас. Думали, огонь подберется к нам ближе к горам, отрежет путь и зажарит нас именно там. Но ветер слишком сильный, его направление изменилось, и теперь горит вся степь по левую сторону от тракта. На телегах нам не уйти...

Я услышала чей-то предсмертный вскрик, судорожно заозиралась и затряслась еще сильнее: небо словно запылало огнем. Дыма становилось все больше, горло першило пока не сильно, но чувствительный нос защипало. И самое страшное: в небе замелькали искры, пока вдалеке, но эта искрящаяся, огненная стена движется на нас.

К нашей телеге подошло еще несколько оборотней. И такое напряжение скопилось вокруг. Солидные мужчины, сильные, опытные воины сейчас, не скрывая, боялись. Наше звериное начало до безумия боится огня. По наитию обернувшись в поиске защиты, я уткнулась взглядом в грудь Дина. Он положил мне на плечи тяжелые, но надежные руки, и я смогла с облегчением выдохнуть.

— На телегах не уйдем, — мрачно повторил Наум.

— Что там с этими? — спросил раненный, кивнув в сторону, где велся допрос.

Слово взял Дин:

— Двоих в расход. Еще пятеро успели проскочить мимо, но ловить мы не стали...

— Незачем, пожар скорее догонит! — выплюнул Шай.

Дин поморщился, оттого, что его прервали, и продолжил:

— Расклад такой. Слева от тракта — горит на всем протяжении нашего пути. Поэтому недоумки рванули не к горам или в Гношик, а наперегонки с огнем. При таком сильном ветре огонь доберется до нас через час в лучшем случае.

— Давайте вернемся в Гношик! — выкрикнул жилистый оборотень пума. — Или рванем за наемниками в степь. Ведь огонь слева, а мы уйдем вправо и...

Наум злобно зарычал, не сдержав раздражения:

— Ульден, огонь идет стеной по всей степи. До зеленых полей Гношика — сутки пути, до гор — день. Но у нас нет этого дня, ветер дует

быстрее, чем бежит любой из нас, даже самый стремительный и выносливый. А значит, ты на полдороге зажаришься, так никуда и не успев!

Ульден в ярости крутанулся, вырвав хвостом пучок травы и прорывав от бессилия:

— Если выживу, вернусь в Шлеп и сам подожгу городишко этих ленивых водяных крыс. В лесах душников расплодили, а шакалы из Гношика сушняк на два перехода оставили, твари. Только вокруг себя заслон сделали, а на других им плевать... бездушные. Живыми зарою!

— Можешь помечтать, что они с гношами хотя бы покашляют от дыма, но не более, — буркнул другой оборотень.

— Хватит болтать! — рыкнул Глен. — У нас нет времени, надо бежать к горам.

— Не все такие быстрые, как ты! — устало возразил Наум.

— Стоять на месте и ждать смерти — не выход. А так хоть кто-то выживет... — вскинулся Глен, готовый сорваться прямо сейчас с места, лишь бы подальше от огня.

Дин молчал и задумчиво смотрел в сторону пожара. О, Луна, как же страшно умирать! Особенно заживо сгореть. Я всхлипнула, по щекам побежали слезы.

— Глен, ты ранен и еще не оправился. Далеко не убежишь, — выразил мои тайные мысли Дашек. — Многие из нас пострадали, на то и был расчет у мародеров, что мы не сможем уйти от пожара.

Мирон не выдержал:

— Все, время разговоров вышло. Вы можете рассуждать и дальше, а мы на четырех лапах попробуем уйти...

— Нет! — резко заявил Дин. Его глубокий, сильный бас многих заставил вздрогнуть. — Никто из нас не сможет добраться до гор или Гношика живым. Огонь скоро приблизится, искры подпалят шкуру, дым разъест дыхание и глаза. Может быть, твой гепард и успеет выбраться. Ты самый быстрый из нас; может быть, еще паре-тройке мужчин удастся продержаться в дыму и бежать несколько часов...

— Дин, ты сможешь, ты же выносливый как вол, а бегаешь лучше меня, — словно упрашивая присоединиться, выкрикнул Мирон.

Дин горько усмехнулся:

— Может быть, но девчонки не смогут. Ты сам видел, какие бегуны из них. Рухнут как подкошенные через версту. А в дыму и половину не пробегут.

— Они поедут верхом на нас, — не сдавался Мирон.

Хвеса судорожно рыдала, как если бы себя хоронила. Впрочем, как и

большинство из нас. Я видела, многие смирились, возможно и побегут, но к смерти готовы. Каждому ясно как белый день: огонь не перегнать, а уж при таком-то ветре, когда он мои тяжелые косы приподнимает и швыряет в лицо.

Дин с Шаем мотнули головами, подумав об одном и том же:

— Они не удержатся.

— А ты можешь просто не понять, что бежишь налегке. Я не готов рисковать своей женщиной.

— То есть, ты готов остаться здесь и сгореть? — заорал Ульден, сжимая кулаки.

О, Луна! Выходит, у них, сильных и выносливых, шанс выжить есть, но тигр не может бросить нас. Меня! Ведь он сказал, что не хочет рисковать своей женщиной. Мной! Как же поздно узнаешь, что дорог близким и любимым.

— Может степью бежать? Дыма меньше, шансов больше, — предложил Мирон, безотчетно крепко прижимая к себе жену.

— В такой траве мы сами себя потеряем без обоняния, — отозвался Дашек.

Гиены пристально следили за Дином, который, кажется, что-то решил. Тигр чмокнул меня в макушку, подтолкнул к Шаю и племяннице под присмотр, и в пару прыжков оказался на телеге. Он медленно, испытывая нашу выдержку, осмотрелся, послынявив палец, вытянул его вверх и так несколько долгих мгновений постоял.

— Вы как хотите, а я не готов здесь за просто так зажариваться, — проорал один из оборотней и ринулся по дороге к горам.

— Стой! — проревел Дин. Спрыгнул, убедился, что все его хорошо слышат и жестким, непререкаемым тоном произнес:

— Один раз я видел что-то подобное, контролируемый верховой пал...

— Ты о чем? — подались вперед гиены с жадным желанием выжить.

Дин посмотрел на Хвесю:

— Ты сможешь быстро найти источник воды? Поверхностный? Но очень быстро?

— Д-да, н-наверное, — ответила она.

— Приступай, от тебя слишком многое зависит.

Хвесья сглотнула и медленно, словно сомневаясь в его словах, направилась к телеге.

Дин ее поторопил:

— Быстрее, времени нет! Ищи вдоль дороги источник, как найдешь, крикни, мы поможем отрыть.

— Что ты задумал, Дин?! — все обозники неотрывно таращились на тигра.

— Разводите костры, еще нужно сделать факелы. Самые быстрые должны будут пробежать вдоль дороги как можно шире в стороны и подпалить верхушки травы.

— Ты сдурел? Хочешь подпалить траву у наших задниц? Ускорить зажарку? — зарычали не поверившие Дину.

— Тихо! — рыкнули гиены, уже начавшие разжигать костер, безоговорочно поддерживая тигра.

Дин командовал:

— У нас есть совсем немного времени! Нам смертельно повезло, ветер слишком сильный! Мы запалим верхушки травы, она просто не успеет разгореться вниз, огонь понесет ветром поверху. Когда пожар с левой стороны доберется до тракта, то перебираться на правую будет искрами и пламенем по верхам. А мы их уже спалили.

— А вода зачем? Сделаем лужу и скопом в ней сваримся? — нервно хохотнул Глен. — Кому-то будет знатная, наваристая похлебка...

— В воде намочим все шкуры и тряпки, замотаем головы и тела лошадям, накроемся сами и, если удастся, телеги тоже. Дым и жар будут такими, что даже так будет жарко. Если успеем, прольем хоть сколько-нибудь уже прогоревшей травы, надо будет отойти подальше от границы с огнем. Всем все понятно?

— Ты уверен, что эта затея чего-то стоит? — неожиданно спросил Дашек.

— Да! Я видел подобное один раз, в юности. Подробно расскажу, когда до гор доберемся, а сейчас — за дело.

Больше никто не болтал. Появилась надежда, и каждый боролся. Мы с Эльсой таскали шкуры и тряпки в одну кучу, готовили мочить, если Хвесья воду найдет. Воды в бочке, что набрали для перехода по степи в колодце, не хватит.

А мужики, разбежавшись по тракту, целовали родовые амулеты и поджигали верхушки травы. Страшно было до сводящего с ума ужаса, мужчинам, что неслись вдоль степи с огненными факелами, — особенно. Хвесья ходила по кругу, держа перед собой две скрещенные палочки артефакты и, сосредоточенно шевеля губами, искала источник. Лишь на миг она вынырнула из поиска, когда тракт озарил пылающий огонь, только уже справа от нас, беря в тиски с подступающим слева. В небо устремились сонмы искр, но ветер тут же подхватывал их и стремительно уносил прочь. Сейчас каждый из нас смог воочию убедиться, что удрать от огня

немыслимо, он летит быстрее стрелы.

Степь рядом с нами уже пылала, а совсем скоро подойдет и большой пожар. Часть оборотней удерживала и вязали ноги беснующимся от страха коням. Телеги свозили ближе к правой стороне. Хвеса шла вдоль дороги и искала воду, мы с Эльсой следовали за ней верными псами и тряслись от страха.

Вдруг Хвеса замерла на обочине слева и задумалась, вода палочками из стороны в сторону. Мы задрали головы: светло, словно днем, только свет ярко-красный. Он играет страшными тенями на бледных, заплаканных лицах подруг. Сверху посыпался пепел — огонь уже очень близко. Мощные мужские фигуры на фоне разгорающегося дальше пожара выглядели еще более устрашающими. А горящие факелы в руках — жутко. Но Дин оказался прав: устроенный ими пал летел дальше в степь, оставляя за собой не сгоревшие до конца стебли. Желто-серый сухостой менял цвет на черно-серый.

— Здесь! — радостно закричала водница. Мы с Эльсой подпрыгнули от неожиданности. — Ата Дин, здесь большой источник и залегает близко.

Хвеса принялась разрывать землю. Мы с Эльсой подхватились и тоже начали рыть. Уж нам ли привыкать? Вон как недавно нору расковыряли. На помощь прибежали мужчины. Лишь бы успеть промочить все для защиты. Никто не говорил ни слова, а как только в яму просочилась вода, заработали еще быстрее. Сверху на головы сыпались искры, дым лез в глаза, в нос, стоял в горле, но мы упорно рыли, углубляя уже огромную яму. Туда кидали шкуры, топтали, потом уносили накрывать животных. Сновали туда-сюда как заведенные. Проливали горячую землю с другой стороны, где Дин приказал поставить лагерь.

Дальше нас, помимо пожара, накрыло ужасом. Огненная стихия ревела, гневалась, пытаясь перебраться через тракт и достать нас, жалких смертных, сбившихся кучкой вокруг животных. Шипела, испаряясь с защитных шкур, вода. Загоревшиеся от искр тряпки приходилось отбрасывать на дорогу, а самим вжиматься в ямы, вырытые в земле, спасаясь от жара и дыма! Страшное утро, которое не забудется никогда.

Не знаю, смогла бы я выдержать это сводившее с ума испытание, если бы не Дин. Порой хотелось вскочить и с криком броситься прочь. Думала, сгорим заживо. Но Дин крепко держал меня, накрыв своим телом, ладонью вжимая голову в сырую землю, собой защищая от огня. Ему приходилось еще и коня удерживать, которого он вынудил лечь на землю и завалил шкурами. Кажется, он нам обоим шептал, хотя скорее хрипел:

— Тихо, тихо родная моя. Скоро все закончится... Потерпи...

Я очнулась, лежа на руках у любимого мужчины и глядя в небо, застилаемое дымом. Палящий ужас закончился. Ветер погнал огонь и дым дальше. Рядом перебирал могучими ногами конь Дина, поднимая копытами черные клубы сажи, вздрагивая от любого шороха и посылая нервные волны по шкуре.

— Мы живы? — всхлипнула я, глядя на выжженное поле.

Мой тигр, черный от сажи, с всклокоченной, подпаленной грязно-серой шевелюрой наклонился надо мной, обнял крепче и, сверкнув белыми клыками в широкой улыбке, обрадовал:

— Живы, любимая. Все живы.

— Любимая? — Я окончательно разрыдалась.

— Самая-самая, — с какой-то необычайно трогательной нежностью заверил Дин. — Любимая и единственная.

— Я домой хочу-у-у, — рыдая, уткнулась в воняющий дымом и гарью живот Дина. — Я устала колесить.

— Скоро будем дома, любимая, скоро.

Глава 25

Если до пожара из-за густой травы можно было разглядеть лишь верхушки гор на горизонте, то сейчас тракт оголился — словно погорелец, одетый в грязное, закопченное рваньё. В воздухе стоял удушливый дым, но порывистый ветер быстро разгонял его, доламывая выжженные стебли. Теперь, куда ни кинь взгляд, черные останки травы и сажа. Мало того, вдали громыхал гром. Видно, этот сильный ветер и пригнал дождь. Жаль, что так поздно.

С превеликим трудом я уговорила себя оторвать руки от Дина, а он не торопил, все понимал. Вытер с моих щек слезы, размазав грязь, поцеловал с нежностью и попросил:

— Савери, любимая, я знаю, что тяжело и вымоталась ты, но опять нужно помочь.

Я встрепенулась, напоследок прижалась к его груди теснее, а потом отлипла и направилась к телеге с лекарской корзиной. Откинула меховой полог и выдохнула:

— Ой, гляньте на это чудо!

Рядом остановился Глен, заглянув мне через плечо. Рядом с моей корзиной лежала серо-желтая с черными пятнышками степная кошка, спрятавшая под собой котенка. Махонького, совсем недавно родившегося. Шерстка у кисы кое-где подгорела, зато оба спаслись. Малыш вон как присосался к мамке. И хотя она злобно зашипела, но удирать не пыталась — понимала, что сейчас в телеге ей ничего не грозит. Я осторожно забрала корзину, а Глен, к моему удивлению, поставив рядом с животными чеплашку с водой. Кошка шипеть перестала, скинула котенка и принялась жадно лакать. Затем принялась его вылизывать. Я вздохнула: у степных кошек в помете обычно до шести котят, а эта смогла спасти лишь одного. Луна, пусть хоть он выживет!

— Савери! — заплакала Хвесья.

Я подошла к супругам и закусил губу, разглядывая голую, почерневшую от гари и ожогов спину Мирона:

— Как же так?

Хвесья разрыдалась в голос:

— Это я, я во всем виновата... Испугалась... словно с ума сошла. Показалось, что мы заживо горим... вскочила и рванула прочь.

— Еле поймал, дурочку, — прохрипел Мирон, пытаясь встать на

четвереньки.

Понятно: Хвесея откинула шкуру, а Мирон ее от жара своим телом закрыл. Тряпья лишь на головы и хватило, вот ему спину, хвост и зад подкоптило.

— Нам нужна вода, теплая и чистая. Много воды! — строго командовала я.

Скоро мы с Хвесей носили воду на эту черную «поляну», благо источник, который она нашла, действительно оказался полноводным и вокруг него водоем скоро образовался. Мы промывали раны наших спутников. Пострадали многие, но Мирону досталось больше всех. Даже Эльса подпалила правый бок, а Шай левый, удивив всех. Оказывается, они лежали на боку в обнимку. Прятаться под своим мужчиной она отказалась, решив разделить с ним боль и смерть. Вот какой смелой и любящей моя подруга оказалась! И пока мы с Хвесей хлопотали возле Эльсы и Шая, рядом собралась толпа, и каждый ее хвалил и восхищался. Эльса счастливо улыбалась и почти не вопила, когда я ожоги ей мазала.

А перемазанный в саже Дин целовал в такую же грязную лохматую макушку чумазую племянницу, а потом меня в щеку и губы, и в ухо. Плевать ему на вонь и грязь, главное — мы живы! Но потери были. Две телеги и несколько лошадей, которых не смогли удержать в самое буйство огня, сгорели. И пока те, кому досталось меньше, перепрягали лошадей и устраивали раненных в повозке, нашлось еще с десятков зверюшек, спасавшихся в поклаже или прямо рядом с оборотнями.

Под пологом у Ульдена спряталась целая семья ежей. Наум показал нам огромную серо-зеленую ящерицу. А как визжала Хвесея, когда начали разгружать телегу и на нее выскочила стая мышей, разбегаюсь из-под откинутой шкуры. Мирон лежал в соседней телеге и побряхтывал от боли и смеха.

В дорогу мы двинулись помаленьку только на следующий день, рассудив, что теперь точно некуда спешить. Здесь, хочешь не хочешь, хотя бы вода есть, да и вымотались все окончательно, едва на ногах держались. Телегу, где собрали всех лежащих, тянул конь Дина, а мы с любимым следом шли пешком, держась за руки. Подумаешь, с подгорелыми волосами, кое-как смыв сажу и наспех одевшись в первое попавшееся, но, встречаясь взглядами, сияли от радости. Мы живы, мы любим!

Правда, ближе к предгорью нашли и те, кому не повезло. Обоз из десяти подвод чернел сгоревшими остовами. А его хозяева так и лежали лагерем. Видимо, их сторожа заснули и огонь накрыл всех сразу. Мы похоронили останки и начертили защитную руну Луне.

Ближе к ночи обоз вышел в предгорье, где вокруг зеленела трава, пели птички и не воняло дымом пожарища. И пусть бежавшая с гор речушка была ледяной, но после пережитого жара она показалась нам самой прекрасной и живительной на всем Фарне. Сначала все тщательно стирались-отмывались, затем ели вкуснейшую горячую уху, приготовленную Наумом. Благо рыба в реке аж выпрыгивала из воды. Потом пили целебный взвар, и я при свете костров готовила новые мази, уже в сотый раз благодаря Луну, что забрала ценную корзину из дворца и в дороге не ленилась пополнять запасы.

Сидя и лежа у костра, кто на спине, кто в звериной ипостаси, как Мирон, обернувшийся гепардом, мы радостно сияли глазами, поглядывая друг на друга. Мирон-гепард щурился от удовольствия, положив голову на колени Хвесе, осторожно и с любовью поглаживавшей его между ушами песочного цвета. Переживала она за мужа, винила себя, что сильно обгорел, по глазам видно. А вот Мирон, мне кажется, просто наслаждался немудреной лаской, развалившись у костра, как любимый хозяйский котик на лежанке. Я уверила их, что терпеть малость облезлую шкуру не долго осталось.

— Даже не верится, что мы здесь, — качнул головой Глен, нарушив уютную тишину.

— Ата Дин, ты действительно самый умный кот Фарна! — кивнул Ульден. — Понятно, почему ваш клан уважают соседи и на весь край славится.

Теперь все обозники смотрели на Дина, терпеливо ждавшего, когда я с делами закончу. Мы с ним сегодня вместе ели из одной тарелки, сидя в обнимку. И самые крупные кусочки белорыбицы мне достались.

— И самый везучий! — хохотнул Мишек. — Не зря же у него дом с красной крышей и жена сильная повитуха.

— Ты забыл про белый заборчик и мощного жеребца, — захохотал его брат.

— Братцы, а я уж было испугался, неужто у вас от жары языки пострадали, а то, если так дальше пойдет, Фарн окончательно изменится! — обрадовался Наум.

Дальше всех словно прорвало: рассказывали очередную историю спасения, выплескивая страх, и делились задумками на будущее. Эта ночь наверняка изменила нас, сблизила. А Дин помалкивал, тепло и понимающе улыбаясь каждому рассказчику и крепко обнимая меня, посадив к себе на колени.

— Мне кажется, я никогда не чувствовала себя настолько легко и такой

счастливой, как сейчас, — шепнула ему на ухо, когда все сопели во сне.

— Я тоже, любимая, — признался Дин, укутав меня собой, словно одеялом.

* * *

Дорога выбралась на склон, с которого открылся потрясающий вид. Эльса довольно посмеивалась, пока мы с Хвесей, раскрыв рот от восторга, глядели на огромную, хорошо обжитую, зеленую долину. Мы наконец перевалили горную гряду и теперь будем спускаться, в довольно большой город. Как радостно хвалились Дашек с Мишеком, это земли их клана начинаются. Я вспомнила, что он называется Тесный круг.

Дальше, на горизонте, куда не кинь взгляд, в небо упираются горные вершины, между которыми, по словам Эльсы, лежат долины, где большие и широкие, а где узкие и длинные. В этих долинах основные поселения кланов или родов находятся. Эльса ткнула пальцем в хорошо различимую гору на горизонте, отличающуюся от других цветом, и с гордостью сказала, что это и есть их Голубая гора, у подножья которой самая прекрасная долина и самый красивый Еловый ручей. А по склонам горы растет много аррайи.

Шай указал на далекую черную скалу, показывая Эльсе место ее будущего дома. А мы с Хвесей смотрели на Голубую гору, ведь именно там нам жить и, надеюсь, долго и счастливо.

Телеги покатили под уклон, набирая скорость, а гиены радостно воскликнули:

— Встречают!

— Торжественно!

Навстречу обозу неслись всадники, невольно заставив нервничать и меня, и Хвесю. Мы с утреца приоделись. Хвесья выбрала нарядное зеленое платье столичного покроя. Мы с Эльсой наконец-то сменили мужскую одежду. Она надела приталенное платье, схожего с Хвесиным зеленого оттенка и фасона, и хотела распустить волосы, но пришлось помочь ей их прибрать, а то пряди кое-где обгорели неровными краями и красоты не прибавляли. Мой выбор пал на белую расшитую рубаху и синий сарафан с ромашками. Волосы я затейливо заплела в косы на северный манер и повязала ленту с бисером на лоб.

И когда мы, нарядные да пригожие, из-за огромного камня вышли — обозники от неожиданности рты пооткрывали! Дин даже привстал,

голодным тигром следя за каждым моим движением, и хвостом пыль поднял — так его распирало от удовольствия. У меня сразу уверенности в себе поприбавилось, а то робела перед будущим.

Прискакавшие к обозу конники — сразу видать, те самые пограничники — громко приветствовали вернувшийся с Севера обоз. Затем, с любопытством посматривая на нас, женщин, выкладывали новости своего клана и соседей. Оказалось, Тесный круг, видно давным-давно разросшийся до большого села, как здесь предпочитают называть большие поселения, сегодня принимает ярмарку.

Эльса, пока ехали, бойко помогая себе руками, рассказывала про соседей. Такие вот конные разъезды теперь несут службу на границе из-за войны на Севере. Поскольку два года назад, когда она жила дома, в Еловом ручье, по трактам ходили по двое караульных. Смотрели: нет ли лихого люда, сбежавших и потерявшихся ребятишек, не размыло ли пути дождями, не появились ли следы душников поблизости от жилья. Бревен со служивыми, или по-западному шлагбаумов, как перед Авертом, где собирали подать за въезд, здесь отродясь не бывало. Южане слишком гордые, могут обидеться и забыть дорогу в обнаглевшее село, а без торговли любой захиреет.

Зеленые пашни радовали глаз, над ними кружили стаи птиц, пытаюсь чем-нибудь поживиться. А десятки пацанят носились с длинными жердями, отгоняя пернатых дармоедов. Многочисленные сады из невиданных плодовых деревьев уже отцвели, в воздухе витал необыкновенный цветочный аромат. Эльса мечтательно закатила глазки, пообещав, что джем из персиков мы полюбим навечно. Я догадалась, что это варенье из каких-то местных плодов. Что ж, отведаем...

Показались первые дома; и я с любопытством рассматривала южные крыши, не такие высокие двускатные, как у нас. Еще бы, снега в здешних долинах почти не бывает. Жилище состоятельного оборотня и его положение в иерархии клана сразу распознать можно. У большей части домов крыши толстые камышовые или, как мне подсказали, тростниковые. Самые красивые, добротные дома красовались черепичными крышами.

Бегают босоногие ребятишки и куры, сушится белье, несколько пожилых беззубых женщин собрались под развесистым деревом за широким столом и, чинно попивая чай, наверняка перемывали косточки всем проходящим мимо. Луна, как же хорошо, когда спокойно, когда нет войны!

Мой наряд привлекал внимание южных селян. Я поняла почему. В Аверте и вокруг него многие женщины носили одежду, как у Эльсы и

Хвеси, — приталенные платья длиной не в самый пол, а на ладонь короче, чтобы подолом грязь не собирать, и со шнуровкой по бокам или на груди. Красиво, удобно, облегает фигуру и позволяет показать себя во всей красе.

А наши северные сарафаны более свободного кроя, да еще рубашки нижние с богатой вышивкой и более пышными рукавами, причем предпочтительно ярких цветов. И сапожки, подаренные мне клановцами, выгодно дополняют наряд разодетой северянки. Зато и сарафаны наши привлекают взгляды мужчин не к пышным бедрам и груди, а к лицам и глазам женщин, в которых суть, нрав, лучше видны, нежели в соблазнительном вырезе.

По моему разумению, рядом с подругами в дорогих столичных платьях, я выглядела ничуть не хуже в добротном синем сарафане и рубаше с искусной вышивкой. Тем более, в зеркальце сегодня смотрелась и осталась собой довольной. Вон Дин, нет-нет, да глянет на меня гордым хозяйским взглядом. А ведь и сам такой видный — глаз не оторвать. Так и смотрела бы только на него. Сразу понравившиеся мне ботинки, пошитые из мягкой кожи, позволяли ему ступать по-звериному плавно, мягко, словно крадучись. Распахнутая на груди черная рубаша, подпоясана дорогим широким ремнем с ножнами. Свободные штаны, не заправленные в голенища, словно глава семейства домой пришел и наслаждается отдыхом. И вообще, черная одежда очень подходит к его полосатой шевелюре.

Базарный гомон и музыку мы слышали загодя. И наконец доехав до главной площади Тесного круга, первого селения гиен, увидели ярмарку. Пеструю, шумную. Нарядные лу и амы прогуливались вдоль лотков и прилавков. Приценивались, торговались, беседовали...

Сразу бросилось в глаза, что наряды у южанок не похожи ни на авертовские, ни на северные. Платья, еще короче столичных, с пышной юбкой, светлым подъюбником и широкими белыми кружевными воротниками. С большими, круглыми, костяными пуговицами от ворота до талии, повязанной цветными лентами, с веселыми бантами на спине. Рукава в основном до локтя, а поверх, если кому прохладно, надевали короткие вязанные безрукавки. На ногах яркие, длинные, до колен, носки или чулки и короткие ботинки. Никаких тебе платов. И лу, и амы носят забавные, но, сразу видно, удобные шляпы, сплетенные из соломы: спереди и сзади длинные поля, а с боков выемки для ушей. Похожи на рыбацкие северные кепки, только без пологов, и выглядят мило и нарядно. Ох, я тоже такую же шляпку хочу, чтобы спрятаться от палящего солнца.

Я мысленно примерила на себя одежду южанок, и она пришлась мне по душе, а то у меня всего пара женских нарядов, нужно будет прикупить

что-нибудь новенькое. Эльса тоже поглядывала на прилавки с тканями.

Дин, заметив мой интерес, подался ближе к борту телеги и пообещал:

— Пока я буду занят, вы сможете пройтись по базару и купить все, что вам нужно.

— Спасибо, Дин! — обрадовалась я.

Но сразу же смутилась и спрятала взгляд, застыдившись, что войду в новую семью почти раздетой, разутой и без приданого. Хорошо, что жених подумал о моей нужде заранее. И главное, так быстро смекнул.

Торговые ряды закончились и мы увидели площадку, на которой шло представление: парни отплясывали в юбках по колено, сделанных из многочисленных пучков соломы. Кроме этой странной «одежки» на танцорах ничего не было, голые мускулистые торсы блестели от пота, босые ступни почти не уловимо для глаза отбивали барабанную дробь в пыли.

Вспомнив рассказ про дрыгунцов, нелестно помянутых Мироном, я, наконец, поняла, чем именно, помимо хвостов, трясли эти крепкие молодцы. Время от времени музыка менялась и парни прыгали или кувыркались, открывая многочисленным зрителям обзор на свое богатство, скрывавшееся под юбкой. Занятно, однако!

Дин, блеснув на меня желтыми глазищами, хотел было невозмутимо спросить, но получилось у него ревниво прорычать:

— Насмотрелась?!

— Да мне даже и не интересно вовсе, — смутившись, я суетливо отвела взгляд, а то и правда, затаив дыхание, глядела на представление.

А хитрюги-гиены тут как тут:

— Савери, так ты ж подумай, красавица, у нас холостых вон как много. А танцуют как? Погляди — огонь, а не парни! Молодые, горячие... зачем тебе передержанные холостяки...

Дин молчком вытащил меня из телеги, помог оправить сарафан, попутно по-хозяйски облапив чуть ниже спины, взял за руку под смешки наших спутников, поцеловал в висок и громко объявил:

— Савери, давай я познакомлю тебя с хорошей девушкой Жменей. Я так полагаю, она скоро замуж за одного из наших оборотней выйдет. Вот и давай заранее знакомиться, вдруг подружитесь...

— В дом не приглашаем, Дин, больно вас много, — мрачно буркнул Дашек. — Трактир у нас большой, чистый, кормят вкусно. Уверен, вы там хорошо устроитесь!

— Да и совет собирается, некогда разлеживаться, — проворчал Мишек, посмотрев на Дина с укоризной. Виноватил тигра, а ему как с гуся

вода.

— Папа-а-а, — заорали с другого края площади.

Дашек и Мишек засияли лицами: к ним бежала целая орава разновозрастных детей и двое миловидных солидных женщин. Приятные у них жены. Братья оглянулись, махнули руками обозникам и спешно направились навстречу семьям, явно собираясь избежать знакомства и приветствий. Дальше от обоза откололись еще сразу несколько оборотней, сердечно попрощавшись со мной, Эльсой и Хвесей. Видимо отбыли по своим делам. Остальные поехали в трактир, где мы заночуем, поскольку вечером будет Совет кланов, на котором вернувшиеся делегаты обсудят результаты посольства с теми главами, которые сейчас очень кстати гостят в Тесном круге на ярмарке.

Сначала мы вкусно пообедали и разместились в хороших, чистых комнатах. Если честно, я с облегчением вздохнула, что нас с Эльсой поселили вдвоем, отдельно от мужчин. Как сказал Дин, до свадьбы он племянницу другу не отдаст, а без присмотра ее оставлять нельзя, поэтому и сам тигр пострадает одну ночь. Потом мы с ней, отдохнувшие в бане и опять принарядившиеся, в сопровождении Мирона и Хвеси пошли на ярмарку, а Шай с Дином, как представители своих кланов, ушли на совет.

Сначала мы пошли по торговым рядам. Солнышко садилось, но ярмарка бурлила, на столбах зажигали факелы. Прибывал и отбывал торговый люд. Мирон, хоть на нем еще ожоги не зажили, быть ущербным не пожелал: нес наши многочисленные покупки, ворча про «баб, не знающих меры». А мы, эти самые, не знающие меры, и впрямь не могли остановиться. Ведь денег получили прилично, да у меня и свои остались. Красивое платье в зеленую с красным клетку я купила, вспомнив любимую подругу Ладку из Волчьего клыка. Эх, если бы они с мужем жили рядом, жизнь бы стала еще краше.

Только подумала о Дине, увидела, что он выходит из большой хоромины. Вместе с ним на высокое широкое крыльцо вышли Шай, близнецы-гиены со своим старшим родственником, уж больно лица похожи, некоторые оборотни из обоза и несколько незнакомых, но важных. Они хлопали друг друга по плечам и шутили, верно довольные встречей, и у меня отлегло от сердца. Значит, все срослось.

— Совет закончился, давайте подождем, — встрепенулась Эльса, увидев Шая.

— Давай, — устало буркнул Мирон, перехватив удобнее ношу.

Я любовалась профилем Дина, его неторопливыми, плавными движениями сильного, уверенного в себе оборотня-тигра, который знает

чего хочет и умеет добиваться. В груди растекалось приятное тепло, гордость и нежность к любимому.

Мелькнула яркая тень — и возле Дина неожиданно появилась красивая, молодая гиена. Весьма привлекательная, золотоволосая, нарядная. Не обращая внимания на его собеседников, она приникла к Дину, повиснув у него на шее, и, широко улыбаясь, заговорила. Он тоже улыбнулся, немного рассеянно, как если бы не хотел показаться невежливым. Слов не разобрать, но я слышала ее звонкий голос и смех. Потом увидела, как женщина провела ладонью по широкой груди Дина, провела ею до самого паха, стараясь сделать это незаметно для остальных, и погладила его там, как бы предлагая ему себя.

Я словно окаменела, застыла и уставилась на эту воркующую пару. Мое сердце словно распадалось на осколки. Мы еще даже не были вместе, а меня уже...

— Не думай, это ничего не значит. Это Рина — вдова и... бывшая любовница Дина. Он еще до отъезда в Аверт порвал с ней. — Мне на плечо легла ладонь Мирона.

— Видимо, не порвал, — прошептала я, глядя на ладонь Риной, продолжающую тайком ласкать Дина в паху.

Дин спокойно отвел руку Риной от себя, он улыбался губами, а в глазах явно читалось неприятие, и — заметил нас, меня. По глазам понял, что мы все видели. Что я видела.

Правильно говорила Эльса, я не умею врать, выдумывать и чувства прятать тоже не умею. Мою боль Дин распознал вмиг. Бросил короткий взгляд на бывшую любовницу, что-то резкое ей сказал, отчего она стремительно развернулась и ушла, только подол платья вокруг ног обернулся. Затем Дин посмотрел на гиен, жадно следивших за ним. Не знаю, что было в его взгляде, что он сказал, но все оборотни, стоявшие рядом с ним, дернулись, а Мишек с Дашеком виновато поморщились.

Я развернулась и пошла в трактир. Но Дин скоро меня догнал и остановил, обняв за талию:

— Прости, Савери.

— Зачем ты ругал их?

— Чересчур деловые братцы, надеясь оставить тебя в своем клане, времени зря не теряли. Сказали Рине, что я вернулся и горю желанием ее увидеть.

— Знаешь, наверное, все-таки ты и правда был рад ее видеть, — мой голос звучал на удивление равнодушно.

Дин прижался лицом к моей макушке, жадно вдохнул и ответил:

— Прости! Я... виноват, просто привык ни перед кем не отчитываться или задумываться о том, что кому-то что-то должен, и...

Я вырвалась из его рук, обернулась и, чувствуя как горят глаза от подступающих слез, старательно ровно сказала:

— Нет, Дин, ты никому ничего не обязан, не должен. Тем более, отталкивать женщину, которая при всем народе лапает и лезет к тебе в штаны. Ну что ты, какая ерунда. Это же так просто и привычно для тебя.

Снова развернуться и уйти Дин не дал. Мягко дернул на себя, прижал и хрипло от волнения зачастил:

— Я же попросил: прости! Ты должна понять, что сразу измениться нельзя. Да, что-то в моем прошлом не всем придется по вкусу. Я тигр, а мы слишком вольные и свободолюбивые. Какие-то привычки и замашки остались, но я клянусь тебе, что подобное в прошлом.

— Ты улыбался ей, даже не вспомнив обо мне и принимал ее ласку. Не простую, а... там, — мотнула я головой, не справляясь с дрожащим от обиды и боли голосом.

— Улыбался по привычке, из вежливости, а обидеть женщину — напроситься на неприятности, — оправдывался Дин, отчасти подтверждая мои наблюдения.

Я горько хмыкнула:

— Похоже, ты... чересчур общительный кот, как и предупреждал Глен...

— Да я не... я... — Дин не мог подобрать слов. — На Совете отчитались, порешали много дел. Мы вернулись живыми, и я расслабился. Ты права, чересчур расслабился, а меня тут же подставили. Сам виноват. Пока я думал о результатах посольства, краем уха слушал других, меня и подловили. С Риной я встречался последний год по нужде, не более. И поверь, я у нее не один такой одинокий. Никаких чувств и обещаний. До нее у меня были такие же, ни к чему не приводящие отношения с подобными женщинами. Милыми, но на перепутье жизни. Без любви! Вот и сейчас по старой привычке улыбался бывшей, принимал ее ласку тоже по привычке, но думал совсем о другом. Я признаю, что с твоей стороны есть повод оскорбиться и ...

— Дин, я не обижена, мне попросту больно. Невыносимо! — оборвала я. — Как хорошо, что у меня нет привычки, думать о делах, пока меня кто-нибудь лапает.

Дин злобно рыкнул, даже не желая предположить подобный расклад. Я вывернулась из его рук и направилась в трактир. Может найти Глена и уехать в его клан? И сама же содрогнулась от паршивой мысли,

означавшую больше не увидеть своего тигра. Это как умереть, но и видеть его с другими — тоже загнуться от боли. Луна, вот уж никогда не думала, что ревность — настолько ранит.

— Запомните, это моя невеста! Моя любимая! — неожиданно гаркнул позади меня Дин на всю площадь.

— Похоже, бывшая, — хохотнули следом.

— Эй, красавица, зачем тебе этот блудливый кошак, посмотри на меня, настоящего сильного волка, — раздалось с другой стороны.

— Да ее от запаха псины стошнит, Димус, а вот мой леопард обязательно придется по вкусу ее каракалу. Эй, красотка...

Растравлять себя дальше и страдать от непристойных предложений мне не пришлось. Дин злобно проревел, похоже распугивая толпу холостяков, подхватил меня на руки под смешки многочисленных зрителей и быстро понес в трактир. Закрыв ногой дверь, сел на лавку и, посадив меня к себе на колени, заставил смотреть на него, обхватив мое лицо руками. Его глаза горели лихорадочным желтым огнем:

— Прости меня, Савери! Прости первый и последний раз. Я клянусь, что больше ни разу не унижу тебя подобным. Не сделаю больно из-за другой женщины и...

— Какой честный! Обещаешь, за что больно сделаешь, а за что нет? — сквозь слезы горько усмехнулась я.

— Жизнь длинная, без боли не прожить. Но и боль бывает разная, даже от удовольствия случается, — угрюмо пробасил мой виноватый кот. А потом вкрадчиво добавил: — Если согласишься, я покажу тебе, что и такая бывает. Сладкая-сладкая, о которой потом сама просить будешь.

Я фыркнула, шмыгнув носом:

— Вот еще, как можно о боли просить?!

— Поверь, можно, — с невыразимым облегчением выдохнул Дин, отпустив мое лицо и прижав голову к своей груди. Погладил меня по ушам и с огромным чувством продолжил: — Я люблю тебя, моя кошка-крошка. Никогда никого не любил, ты единственная. Самая-самая, родная и любимая. Веришь?

Мы вновь вперились друг в друга. И так он напряженно смотрел, нависая надо мной, ожидая ответа, что я сдалась:

— Хочу верить. Больше всего на свете хочу.

— Я не предаю тебя, верь мне. Ты моя единственная.

— Любимая?

— Да. Единственная любимая. Моя семья. И просто моя. Другие больше ни к чему. Клянусь всем, что мне дорого.

Его ладонь лежала поверх маминого амулета у меня на груди. И как только прозвучали заветные «семейные» слова — амулет богини Луны, защитницы женщин и семей, нагрелся, подтвердив силу и искренность клятвы. И вот тут я уже не выдержала: обняла Дина за шею и разрыдалась от счастья:

— Я люблю тебя сильнее всех на свете!

Долго обниматься нам не дала Эльса — попросилась спать. А на самом деле хотела по-женски поточить лясы. Оказывается, она с Шаем тоже ругалась в это время. За компанию, так сказать, предупреждала на будущее. Чтобы ни-ни. Потом выяснилось, что и Хвесья плакала — тоже под одну лавочку вынудила ни в чем не повинного Мирона обещать, чтобы «ни одной и никогда».

В общем, подружки хоть и были с покрасневшими носами, но улыбались хитро и торжествующе. Плутовки.

Глава 26

Три дня до Елового ручья колесить было сплошным удовольствием, по сравнению с нашими «северными» мучениями. Мы постоянно кого-то встречали и раскланивались, сообщая новости, и вот, наконец, многострадальный обоз догromыхал до огромного валуна, на котором камнерезом были сделаны три стрелки с затейливыми указателями. Еловый ручей лежал прямо. Налево, махнув нам рукой, поскакал Дале́й, соскучившийся по жене. Направо свернул на груженной телеге Наум, затянув занудную песню. Все, южное посольство распалось, выполнив поручения, так и оставшиеся для нас с подругами, по большому счету, тайной за семью печатями. Но, судя по вчерашним суровым, но довольным лицам мужчин после совета, весьма важные.

Телегой правил Дин, Мирон дрых, обернувшись леопардом, лежа на животе, а мы с Хвесей лечили его подпаленную шкуру. Гладили его: она — с любовью, я — используя дар. Мирон даже ухом не повел, когда я уже в который раз нечаянно дернула его за хвост чуть сильнее. Эта краса и гордость особенно пострадала в огне. Поэтому всю дорогу в основном ею я и занималась. Спину можно спрятать, а лысый облезлый хвост у всех на виду крайне смущал леопарда. Вот мы и старались отрастить мех как можно скорее.

Очередная пара стражей, завидев нас, поскакала навстречу и радостно поприветствовала. Нам с Хвесей, как новеньким, достались любопытные взгляды, а Эльсе — едва заметные кривоватые улыбки. Им она тоже пересолила суп, как говаривал ата Вит?

На подъезде к Еловому у меня глаза разбегались. Я крутила головой и жадно рассматривала долину, с которой теперь теснее некуда связано мое будущее. Зеленые поля ровными квадратами уходят до самой горы, перемежаясь с садами. Уже привычные южные ароматы смешиваются с запахом цветущей аррай. Кажется, что Дин везде и во всем, им пахнет даже сам воздух, которым я не могу надышаться.

Добротные крепкие дома начались задолго до Елового — значит, здесь не опасаются нападения, что не может не радовать. Завидев нас, жители выходили за ворота, подходили к калиткам и махали нам, приветствуя, спрашивали, как прошла поездка. Дин доброжелательно кивал и отвечал, что лучше, чем надеялись. Они довольно улыбались и следом их вниманием завладевали мы с подругами. Отметив, что я сижу с Дином

рядышком, народ еще больше загорался интересом.

Еловый — большое село, размерами с Волчий клык, только гораздо ярче. Хозяева домов будто состязались друг с другом, украшая жилье. Диковинные южные цветы потрясали буйством красок. Крыши, крытые черепицей, что удивительно для меня само по себе, ведь на Севере используют тес, пестрели едва не всеми оттенками радуги, заставляя гадать, что добавляли в глину для их изготовления. Невысокие заборчики вокруг огородов и садов некоторые умудрились в разноцветную полоску побелить. Резные наличники на окнах, балясины на верандах и лестницах — сплошь деревянное кружево.

Мы подъехали к хоромам недалеко от центральной площади, Дин с Шаем помогли спуститься нам с Эльсой и забрали нашу увеличившуюся после похода на ярмарку поклажу. Прошли через задний двор в сад, и я увидела необычные... качели, наверное. Огромная полукруглая плетеная корзина, подвешенная цепями к перекладине, напоминающая яйцо. Внутри «яйца», свесив ноги, вольготно устроились на подушках две женщины. Какие необычные качели! Я сразу размечталась, чтобы себе такие завести. Вот было бы здорово сидеть в них, покачиваясь, смотреть на закат или рассвет и... Да что угодно делать, хоть дремать.

— Мама! — радостно позвал Дин.

— Бабуля, тетя Даша, — что есть мочи крикнула Эльса.

— Здравствуйте, ама Лизавета, — уважительно обратился Мирон к первой оборотнице клана Еловый ручей, а затем, мне показалась даже чуть заискивающе, к другой: — Приветствую вас, уважаемая ама Дарья. Как ваше здоровьишко? Я вот с женой приехал, Хвесей зовут.

Высокая, статная, очень молодо выглядящая, светловолосая женщина крепко обнимала Эльсу, свою внучку. Похожи-то как! Я бы подумала, что они мать и дочь, если бы не знала о подружных родителях. Ама Лизавета обнимала, целовала непутевую внучку и попутно ругала за побег и прочие проделки, но совсем не строго.

Старшая родственница, ама Дарья, седая, худая, с грустными карими глазами старушка улыбалась, молча разглядывая прибывших. Дин осторожно обнял ее и звонко чмокнул в сухую морщинистую щеку. За забором собирались поглазеть соседи, и опять больше всех внимания доставалось мне — северянке.

Эльса выбралась из объятий бабушки, краем глаза отметила любопытствующих клановцев и явно решила насладиться своим победным возвращением. Юркнув под руку к Шаю, с гордостью произнесла:

— Бабушка, тетушка, это мой жених Шай из Обжигающей лощины. —

Оценив потрясенные лица родных и зазаборных, она, хихикнув, весьма довольно спросила: — Правда же я самого лучшего оборотня на всем Фарне себе отхватила?

Лизавета и Дарья с вытянутыми в удивлении лицами стояли недолго; как мне показалось, выдохнули они с каким-то невероятным облегчением, словно не могли поверить в свою удачу. Значит Шая в эту семью не просто примут, а с распростертыми объятиями и, как говорится, живым не выпустят, чтобы, не дай Луна, не передумал. Обе бабушки кошками скользнули к будущему зятю и крепко обняли вместе с внучкой.

— Сынок, как же я счастлива тебя видеть снова, но уже по такому приятному поводу! — защебетала Лизавета.

— А уж как Матео обрадуется! Вот будет ему подарок. Такого достойного и серьезного мужчину в зятя еще попробуй заполучи... — подпевала ей Дарья.

— Я буду вам до самой смерти благодарен, если отдадите за меня вашу Эльсу. Я люблю ее и обещаю заботиться и хранить всю жизнь, — заверил невестиних родственниц Шай, поясню им поклонившись как старшим женщинам рода.

Эльса всхлипнула, счастливо, с восторгом глядя на любимого. А мы услышали громкий потрясенный вздох соседей. Хочется надеяться, что те разделили с ней радость, а не сражены новостью, что Шай влюблен в беглую своенравную девицу.

В этот момент в сад пришел огромный мужчина, такой же двухцветный, серо-коричневый тигр, похожий на Дина. Его отец! Можно сказать, сын — молодое продолжение отца, особенно, когда они коротко обнялись. Даже смотрели одинаково: внимательно, тепло, но словно разбирая еще не высказанное по полочкам и пытаюсь предугадать, что будет дальше. С опаской разглядывая Матео, я бы не дала ему восемьдесят лет, слишком молодо выглядит и крепкий как скала.

Как и на Севере, согласно традициям, девица знакомит жениха сначала с женщинами своего рода, и если те одобряют, — с мужчинами. Но Матео, после сына, радостно обнял Шая, да так крепко, что у того кости хрустнули, и с ходу заявил:

— Как же я рад, что Эльса тебе досталась. Теперь я спокоен за нашу кровиночку, любимую деточку.

— Для меня честь — породниться с вами, ата Матео, — с почтением ответил Шай.

Дальше очередь дошла до меня. Дин встал рядом со мной, собираясь согласно той же традиции, представить суженную сперва мужчинам рода, а

потом женщинам:

— Отец, позволь познакомить тебя с моей невестой Савери из далекого северного клана Волчий клык. Ее мать из Тихой заводи, что дальше на юге.

— Хорошая ли Савери хозяйка и выйдет ли из нее достойная жена? — спокойно спросил Матео

Я испуганно замерла: а ну как не придется ко двору?

— Отменная хозяйка, это могут подтвердить многие достойные северяне. Она с малых лет вела дела целого клана как сестра главы, так что многому обучена и знает не понаслышке, — твердо, уверенно сказал Дин, и меня чуть отпустило. Затем, улыбнувшись, громко добавил: — Жена из нее выйдет самая лучшая, для меня — единственная и любимая. И другой не надо.

— Дедушка, Савери еще знахарка отличная, а как готовит вкусно, а мастерица какая, — преданно затараторила Эльса, но закончила не без ехидства: — Главное, нашего Дина любит, просто жуть, взглядом все время его облизывает, восхищается его руками, ногами, хвостом толстым, запахом и...

— Эльса, — прошипела я, краснея от стыда. — Я тебе хвост выдеру...

— Я погляжу, вы подружки закадычные, — усмехнулся Матео.

Бабушки тоже одобрительно улыбались.

— Жизнь заставит, не так раскорячишься, — ухмыльнулась Эльса, подпортив торжественный настрой.

Прибила бы! Тем временем за забором зашептались, почему-то раздраженно и испуганно: «Подруга Эльсы... подруга Эльсы...»

Ритуал выполнили. Амы Лизавета и Дарья подошли ко мне чуть настороженно, а потом крепко обняли, принимая в семейный женский круг и род:

— Добро пожаловать в Еловый ручей, Савери из Волчьего клыка.

Я облегченно всхлипнула и прижалась боком к Дину. Он поцеловал меня в нос, вытер слезы и подтолкнул к матери, шепнув, что котомки заберет.

Мирон, о чем-то перемолвившись с моими будущими родственницами, пообещал вернуть Дину коня попозже и поехал с Хвесей к себе домой. Мы с ней махнули друг другу руками и пообещали «до скорой встречи».

До самого вечера была суэта: мы мылись в бане, готовили, накрывали на стол и рассказывали о поездке. Благо в трапезной собрались только самые близкие: мы с Дином, Шай с Эльсой, Матео с Лизой, тетушка Дарья в удобном мягком стуле, еще трое мужчин из первых лиц клана. Мирон

прислал записку, что сегодня представляет жену своему роду. Смеху было много, особенно, когда мы, смущаясь, рассказывали про побег из дворца. Кое-кто даже лбом об стол приложился от хохота.

Потом разговор пошел о свадьбах. Первой обсудили нашу с Дином и решили, что наследник главы клана обязан жениться с размахом. По сему понадобятся не менее четырех недель на подготовку. Немного поспорили лишь о том, где я все это время жить буду. Дин непоколебимо заявил, что жить мы будем вместе и у него, а если кто-то против — значит, с утра сходит со мной в храм Луны и проведет обряд. Поставит мне брачную метку. Я бы сходила, но родственники и друзья Матео в один голос возмутились, что не дело лишать клан праздника.

Пока на нас в ожидании ответа глазели родственники и гости, мой тигр буравил меня желтыми глазами, словно сам себя уговаривал подождать, потом, положив широкую ладонь на плечо, притиснул к себе и, потершись о мое ухо носом, все-таки уступил. Ну и ладно, а то я устала от нескончаемого любопытства, весь день его кожей ощущала. Ама Дарья, к примеру, в бане проговорила, что худенького стеснительного каракала они совсем не представляли рядом с суровым властным тигром.

Затем пришел черед Эльсы и Шая. Все посмотрели на них. Стальной волк спокойно, с улыбкой взглянул на будущих родственников. А вот Эльса занервничала. Только ама Лизавета открыла рот, чтобы наметить дату, будущий зять строго заявил:

— Месяц ждать не буду. Мой клан может подготовить свадьбу гораздо быстрее. Напиться на дармовщину у нас горазды хоть каждый день. Да и принято же у нас, что свадьбы играют в клане жениха?! Эльсу я заберу к себе сразу. Завтра и отправимся, чего кота за хвост тянуть?

— Но Эльса — внучка главы клана, мы обязаны отметить ее замужество с честью! — возмутилась супруга главы.

Эльса суксилась и заканючила:

— А можно через три или четыре дня отметим у нас в клане, для своих? Второй раз мы с Шаем сыграем свадьбу у него в клане. Всем будет хорошо: и приличия соблюдем, и мы ждать не будем.

— И весь клан увидит, что мужа ты отхватила самого лучшего, чего ж не похвалиться-то, да? — ехидно заметил друг Матео и получил от него укоризненный взгляд.

— Меня здесь все равно никто не любит, — буркнула Эльса, поникнув. — Так зачем ждать месяц?

— Зато мы тебя любим, братец Эль, а нас вон сколько, тебе чего, мало что ли, жадина? — я шутливо толкнула ее в бок.

Подруга посмотрела на меня, подалась резко и обняла крепко:

— Твоя правда, Сава. Мы друг друга столько раз спасали, что...

— Ну-ну, спасительница, — хохотнул Дин, покачав головой.

Шай мягко привлек Эльсу к себе и зарылся носом в волосы на макушке, блаженно выдохнув:

— Она только моя спасительница и ничья больше.

Матео с Лизой и Дарьей смотрели на эту парочку влажными глазами, тая от радости. А потом опять обратили внимание на нас с Дином, который все норовил меня прижать к себе покрепче. Почувствовал, что на своей территории, где никто не мешает обниматься, и дал рукам волю.

Ама Лизавета выдохнула, прижав руки к груди:

— Сколько счастья к нам в дом привалило! Луна, защитница, благодарю тебя за милость!

Потом нас с Эльсой отправили спать. В ее покои, между прочим. Глава с супругой до свадьбы внучки решили держать нас подальше от женихов. Те возмущались, но без толку. Ама Лизавета сыну прямо сказала, что у него есть время подготовить дом для переезда невесты, «пыль вымести и паутину снять», а у нас с Эльсой — отдохнуть, заняться нарядами и навести красоту.

Следующие три дня мы добросовестно кроили и шили, получив в подарок от Лизы множество отрезков ткани и кружева. Матео пригласил в дом помощниц, но те явно недолгоблively Эльсу и предпочитали сидеть в сторонке и шить то, что мы накроили. Кроме того, заказали новую обувь у сапожника. И конечно же приводили себя в порядок после дорожных перипетий: подрезали волосы, смягчили обветренную кожу, отсыпались. Еще с Хвесей шептались, заставляя ее делиться опытом в соблазнении мужа.

Три дня пролетели весело и в приятных хлопотах. Только накануне свадьбы взгрустнулось: Дина я видела лишь мельком, за ужинами, а так хотелось побыть с ним. И пока Эльса с бабушкой ворковали, вспоминая матушку и дочь погибшую, я вышла в сад. Забралась в занимательную подвесную корзину и оттолкнулась ногами. Я медленно покачивалась, глядя на затухающий закат и слушая стрекот насекомых. Глубоко вдохнула, прикрыв глаза, — и тут же уловила знакомый запах: ветер дул от Голубой горы, а аррайи там видимо не видимо...

— Добрый вечер, любимая!

Распахнув глаза, я в восторге уставилась на своего любимого тигра, который, сложив руки на груди, с улыбкой смотрел на меня.

— Дин!..

— Я тоже соскучился и спать без тебя не могу, — кивнул он, поморщившись.

Присел передо мной на корточки и уткнулся лицом в мои колени.

— Как день прошел?

Я наклонилась, потерлась носом о его ухо, макушку и тихонечко пожаловалась:

— Клан у вас не улыбочивый. Все ходят смурные, разговаривают неохотно, а смотрят так, словно ожидают от нас подвоха. Странно как-то...

Дин обхватил мое лицо и нежно поцеловал.

— Ничего, пройдет со временем. Они тебя скоро узнают поближе и поймут, что ты у меня самая добрая и светлая.

— Ты правда так думаешь? — с надеждой спросила я.

Дин потянул меня из корзины, но не удержался на пятках и мы завалились на траву. Мы смеялись, обнимались и целовались, жарко-жарко.

— Правда-правда, не сомневайся! — неожиданно услышали мы от мамы Дина. Оторвались друг от друга и я смущенно посмотрела на будущую свекровь, которая стояла неподалеку и одобрительно смотрела на нас. — Тебя полюбили сразу Эльса и Дин, а они совершенно разные, как небо и земля! Не говоря о сыне, ты что-то хорошее нашла в моей внучке, а это уже о многом говорит.

— Я... мы... простите... — я заворочалась, пытаюсь выбраться из-под Дина и принять более приличный вид.

— Не за что прощать, доченька. Вы в своем праве и в своем доме целуетесь. Нечего здесь стыдиться. А я так вообще счастлива: Дину тридцать пять, по краю ходил, а любви все найти не мог, а тут — ты. Наша кошка-крошка! — передразнила она сына и рассмеялась вместе с ним.

Дин поднялся и помог встать мне. Заботливо отряхнул мое платье, обнял, поцеловал крепко и подтолкнул к матери:

— Иди, любимая. Сегодня опять ночь в одиночестве, еще и день завтра тяжелый. Вам готовиться. Отдохни хорошенько.

* * *

Свадьбу гуляли прямо на площади, поставив столы с угощением ближе к отчему дому Эльсы. Играли музыканты, танцевала молодежь, сидели более солидные амы и аты. За отдельным столом красовались молодожены. Эльса постоянно касалась шеи, где Шай поставил брачную метку, по сути укусил.

В храме Луны с амой Лизаветой и амой Дарьей даже всплакнули во время обряда, такой Эльса хрупкой и невинной выглядела в небесного цвета шелковом платье. Распущенные золотистые волосы блестящей волной лежали на плечах, на голове красовался венок из самых ярких цветов, какие только росли в саду. Любо дорого смотреть на прекрасную невесту. Шай вон до сих пор оторваться не может, не ест не пьет — держит свою ненаглядную за руку и облизывает взглядом.

И все же, что-то было не так. Не было пьяного куража, когда пили за молодую, зато старались за новобрачного — словно в последний путь провожали. Дин с Далеем, прикатившим с хорошенькой, милой супругой Зоей, и отцом только посмеивались, а мы с Хвесей дивились все сильнее.

Вчера целый день парили-варили-жарили едва не всей улицей. Решили приготовить и кабанчика. Эльса попросила украсить ее свадьбу этим блюдом, но не шкурой, а полноценным, с мясом. И я расстаралась: полночи не спала, следила за ним, пока томился.

И вот народ ест-пьет, нахваливает аму Лизавету, но как только Эльса похвалилась, что кабанчика ее подруга Савери готовила, и подобное блюдо князь Валиан с приближенными и гостями больно хвалили, как восторги притухли, а гости с подозрением жевали мясо.

— Они думают, что мы им туда отравы положили? — не выдержала я и тихонько спросила у Дина.

— Нет, просто был у нас один случай, когда Эльса так же что-то нахваливала, а потом весь Еловый после праздника от нужника не отходил, — шепотом поделился со мной Мирон.

— Ей было десять лет, пора бы уже забыть, — отмахнулась бабушка проказливой невесты.

— А в двенадцать, она усыпила пастухов, решив освободить отару овец, подготовленных на продажу. Выпустила на свободу. В итоге половину сожрали дикие волки, а вторая — душникам досталась... — припомнил один из важных друзей ата Матео.

— Ну а в тринадцать влюбилась в Тимоху. Помните, как она невесту у него «отбила»? Переночевала в доме «соперницы», а потом всей округе растрепала ее сны... неприличные, с участием сразу двух любовников. И такая слава за несчастной пошла нехорошая...

— Тоже мне несчастная, — язвительно передразнила Эльса.

— А помните... — начал было Мирон.

— Забыли! — рыкнул глава клана, заставив вздрогнуть всех, кто слышал.

Нарядная молодежь задорно отплясывала, не вникая в разговоры

старших. Глядя на них, Эльса потянула Шая в круг. И я удивилась, насколько он отличный танцор. Только мы с Хвесей, Дином и Мироном решили присоединиться к ним, прямо в центре танцующих разгорелся скандал.

Невеста, уперев руки в боки, стояла напротив какой-то девицы в ярко-желтом платье. Они о чем-то друг другу злобно шипели. А вот Шай явно не знал, как себя вести дальше, ведь вмешиваться в женские споры мужику не полагается. Скоро его ловко оттерли от спорщиц другие девушки, правда тоже настроенные против Эльсы. Я, не раздумывая, уже зная горячую натуру подруги, поспешила к ней, дабы прекратить спор и утихомирить.

Жаль, не успела, новобрачная плюнула в лицо противнице, та ответила ей тем же — и понеслось...

— Я вижу ты увидела наконец свое место в жизни, а оно занято? Хочешь освободить? — разорялась Эльса, двинув, если не ошибаюсь, Лидию.

— Зато тебе все дозволено, только руки коротки! — кричала та в ответ.

— А ты вся в делах и заботах. Сначала Ирека увела у Настены. Надоел — выбросила. Потом Дирема у Ильмы. А сейчас, смотрю, глаз на моего Шая положила. Облезешь и криво обрастешь!

— Да от тебя муж сбежит сам, без моей помощи, кошка ушастая, — не унималась обидчица.

— Тебе больше делать нечего, как поскандалить на празднике. Одиночество заело? Никто больше не любит?

— Проклятая! — крикнула подружка Лидии, пытаясь за волосы оттащить от нее Эльсу.

— Потаскушка, — огрызнулась Эльса, вывернувшись и двинув той помощнице в глаз.

— А ну прекратите! — грозно крикнула я.

— Ага, вот и отмороженная подружка этой спятившей. Небось тоже проклятая, — прошипела третья девица.

Ну тут уже не выдержала я и залепила врушке оплеуху:

— А мы, северяне, своих никогда не бросаем в беде, не то что вы, южная свора дур.

В ответ мне засветили кулаком в глаз. Шумело в голове и сверкало перед глазами после этого знатно. Но стерпеть я уже не могла. Скоро посреди площади шипела, визжала и вопила толпа злобных кошек, разорванные платья и клочья меха медленно оседали на землю. Растаскивали нас старшие гости, во главе с взбешенной Лизаветой, которая отчитывала неблагодарных, не умеющих себя вести девиц, пока

Дарья с грустной Хвесей обихаживали меня с новобрачной.

Дин с Матео говорили с мужчинами, а те виновато разводили руками, мол, что с глупых баб взять.

Поглядев в зеркало в доме родителей Дина, я чуть не расплакалась: под глазом расцветал знатнейший фингал, кровоподтек останется и утром. Вдобавок все лицо и шея расцарапаны. А когда рассмотрела Эльсу с двумя фингалами, то мы дружно икали от смеха.

— Ну точно мы парочка неразлучная!

— Скорее невезучая! — буркнула я

Пришел Шай, от злости глаза тараща, что голодный филин.

— Все, поехали домой, а то в Еловом все бабы дуры. Никакого понимания, что торжество идет, свадьба...

— Не все! — проворчала я, держа у глаза бутыл с холодной водой.

Явившийся следом за Шаем Дин, услышав мой ответ и разглядев нас с Эльсой, расхохотался.

— Заметно, — улыбнулся наконец Шай, покачав головой.

Пока я делала примочки и помогала Эльсе, молодожен чуть не поругался с ее родней. Матео отговаривал его ехать в горы на ночь глядя. Но тот упрямо гнул свое, де ночью для него, наоборот, не опасно. Душники охотятся днем, а обычное зверье к Шаю не полезет.

Но хитромудрый тигр Матео выделил молодоженам охрану и телегу для приданого, да так проволынил отъезд, что отправился отряд в Обжигающую лощину лишь к утру. Эльса с Шаем глаз не сомкнули, не говоря уже о брачной ночи, а меня, полусонную, Дин унес домой. К нам домой!

Глава 27

Кажется, я почему-то легла спать голой, иначе откуда такие острые ощущения гуляющей по телу чужой руки и... скользящего по нежной коже груди меха. Голова пошла кругом, а внутри все замерло в испуганном предвкушении: вот оно, долгожданное, с любимым мужчиной! О чем шептались подружки... И... Как сладко...

— Ди-и-ин, — простонала я, невольно подаваясь навстречу его руке. И удивилась своему голосу, необычно хриплому и томному.

— Да-а-а... моя кошка-крошка!

Надо же, какой большой, а как мурлыкать умеет!

Любимый склонился надо мной. Я посмотрела в его желтые, горящие словно звезды глаза. В них была и любовь, и нежность, и... желание... Мое сердечко билось, как не билось никогда, даже после оборота, когда я зверем носилась по лесу до изнеможения.

— Люблю, — прошептал мой тигр.

И припал губами к моему телу. Целовал, чуть прикусывая ставшую невозможно чувствительной кожу, а я плавилась от его ласк. То отстранялась, то приникала к нему...

— Моя...

У меня вырвался протестующийся писк, когда Дин всего лишь на мгновение лишил меня своего жара. А дальше... Словно солнце ворвалось в комнату и заиграло яркими лучиками в хороводе. Я могла только вскрикивать и... отчаянно хотела чего-то большего. Но чего, сама не понимала. С наслаждением слушала хриплое дыхание моего мужчины, раскрываясь перед ним все больше и больше.

Ушла робость, пропала неловкость. Да весь мир исчез... Я поняла, что хочу его. Больше глотка воздуха хочу! Хочу везде... А он продолжал ласкать меня внизу, сводя с ума, заставляя выгибаться дугой.

И когда мы стали одним целым, когда он со счастливым рыком проник в меня, делая своей окончательно, я закрыла глаза и поблагодарила Луну и Батюшку Солнышко за волшебный дар. Стоило столько ждать, мечтать, верить и пройти трудный путь, чтобы насладиться тем, что я сейчас испытываю. Чтобы получить Дина, подарившего мне любовь и окунуться в его тепло и желание.

Хотелось плакать, смеяться и обнять весь мир, так велико было мое счастье. Миром стал для меня Дин — единственный и любимый. Вот я его

и обняла руками, ногами и хвостом, уткнувшись носом в шею, словно приросла к нему. В груди громко урчала каракал: «Мое-е-е!»

Зверь Дина проглядывал через желтые глаза, меняя зрачок, разрез и выражение — от полного довольства и любви до хищной жажды обладания истинного собственника. И измененная рука-лапа на моем бедре утверждала, что я «его добыча-а-а и только его-о-о-о...»

Немного погодя, придя в себя, я решила оглядеться и, наконец, вылезти из кровати. Бросила косой смущенный взгляд на своего мужчину, потянула к себе простыню прикрыться, но весьма довольный, широко улыбающийся Дин, как только я встала, дернул ткань на себя, оставив меня голой. Хвост сам по себе обернулся вокруг бедер, прикрыв самое сокровенное, а грудь я руками накрыла.

— Савери, любимая, убери руки, дай насмотреться на тебя, — хрипло попросил Дин, сел и, поймав меня за ногу, начал придвигать к себе.

Я послушно опустила руки, но жар смущения опалил лицо, и, спрятав лицо за волосами, подалась в тигриные объятия. Дин крепко обнял за бедра, прижался щекой к моей обнаженной груди, потерся, разметав рыжие пряди в стороны. Я смотрела чуть сверху и выглядели мы невероятно чувственно отчего по моему телу побежала новая дрожь желания.

Дин жадно вздохнул, поднял лицо и позволил мне увидеть понимающие ярко-желтые глаза, сейчас почти полностью трансформированные в звериные, видно сильно и его зверь желал нового слияния.

— Я люблю тебя, Савери, ты веришь мне? — хрипло спросил он.

— Если бы не верила, не знаю как дальше жить смогла бы, — робко ответила я.

Дин лизнул мою грудь, словно опалив жаром. А потом с досадой проворчал:

— А я не знаю, как оставшееся до свадьбы время дотерпеть, пока ты без моей метки брачной ходить будешь. Свободная. Красивая и...

— Твоя и только твоя, — прервала его на полуслове и наклонилась поцеловать, чтобы понапрасну не сомневался. Вдоволь нацеловавшись, попросила с улыбкой: — Покажи мне мой дом. Я столько времени о нем мечтала! Ну очень хочется посмотреть!

— Тогда начнем с бани, заодно и помоемся, — довольно улыбнулся в ответ Дин и встал с кровати, огладив мои бедра. — Я тоже часто думал об этом дне, чтобы привести в свой дом любимую женщину, будущую мать моих детей. В баню вместе ходить.

— Счастье-то какое... — у меня горло перехватило, так

расчувствовалась.

Неожиданно Дин замотал меня в простыню, подхватил на руки и вынес в коридор, а там с хитрой усмешкой спросил:

— Ты меня крепко любишь?

— Ты же знаешь, что крепче некуда, — возмутилась я, шлепнув Дина по обнаженной груди.

— Тогда за котятками долго не станет, после бани посмотрим опочивальни. Я сразу три для детишек сделал! — самодовольно похвастался будущий отец.

— А у меня будет светлица? — вспомнился мне дом на родине.

Дин толкнул ногой соседнюю дверь со словами:

— Вот прямо здесь и будет.

В полупустой, в моем представлении, светлице я увидела на стене небольшое зеркало в резной деревянной раме, в котором заметила свое отражение и испуганно вскрикнула:

— Стой!

Мы оба смотрели в зеркало, разглядывая Дина с маслянисто блестящими глазами и меня, — ох, елки зеленые! — лопухую, веснушчатую, рыжую «красавицу» с большущим желто-синим фингалом под глазом. Хороша невеста, нет слов!

И тем не менее, любимый меня хочет, причем, судя по... восставшей плоти, очень хочет.

Я спрятала лицо у него на груди и простонала:

— Стыд-то какой! Моя первая ночь... утро... любимый, а я такая... страшная. Невестушка, называется! Что ваши амы скажут? Что у тебя жена драчливая и склочная?! — Потом, вспомнив подробности вчерашней потасовки, заявила: — Знаешь, они сами виноваты! Невесту оскорбили, на Шая бессовестно вешались, в драку полезли — вполне заслужили.

— Выглядишь просто чудесно! — мурлыкнул Дин, выходя на лестницу.

Я лишь попискивала от восторга, когда он легко пронесся по двору со мной на руках. Какой же сильный муж достался, сама себе завидую.

После того, как мы вдоволь подуррачились в бане, хозяин дома снова замотал меня в простыню, подхватил на руки и понес осматривать свои владения. Огромные деревянные хоромы оказались ничуть не меньше или скромнее, чем у главы клана и привычных в Волчьем клыке. Все новенькое, добротное, массивное в расчете на размеры и вес хозяина-тигра. Вся утварь из светлого южного дуба. Плетеные и тканые цветастые ковры, и коврики на дощатых полах. Огромная печь в трапезной на первом ярусе. Есть даже

диван, наподобие того, что в княжеских покоях видела. С десятков разных комнат, но жилая одна — опочивальня Дина, вернее, наша с ним теперь. Остальные словно ждут будущую хозяйку, то есть меня.

Я жадно рассматривала южные хоромы, мысленно уже прикидывая, что и как хотела бы сделать по-своему, чтобы обустроить свое логово, как в Волчьем говорили.

— Мне можно кое-что поменять здесь так, как хочу?

— Это твой... наш дом, ты тут хозяйка — тепло и уют на тебе. Как сделаешь, так и будет. А обо всем остальном позабочусь сам. Это моя обязанность. Кстати, в кладовой посмотри. Там много чего нужного ждет хозяйкиной руки.

Я запрыгала, запищала от радости, крепко обняла любимого за шею и расцеловала:

— Ты сейчас подарил мне мечту. Одну из них.

— А какие остальные? — коварно улыбнулся гордый хозяин.

— Обрести любимого мужа, семью... детей, — последнее слово я прошептала.

— Значит, я легко исполню все твои мечты, любимая, — весело посмотрел на меня желтоглазый, счастливый, лохматый жених. — Я у тебя уже есть, за остальным дело не станет.

— Пошли одеваться и во двор? — едва не пела я.

Надев новое, купленное на ярмарке, красивое, зеленое платье, с пышным легким подъюбником и рукавами до локтей, я покрутилась, любуясь летящей юбкой. Заплела волосы в косу и уложила вокруг головы, заколов красивым гребнем. И тут мне на грудь скользнуло тяжелое украшение, которое нарочно подкравшийся Дин завязал на шее. Опустив голову, не веря глазам, я рассматривала невиданной красоты, богатое ожерелье с драгоценными зелеными камнями — изумрудами.

— Для моей любимой все, что у меня есть, — довольно prorokotal Дин.

Я медленно обернулась, положив руку на ожерелье, и совсем оторопела: Дин взял с комода большой ларец и протянул мне, открыв крышку, а та-а-ам...

— Ой, я же еще не жена тебе, а ты такие подарки делаешь, — просипела я, не решаясь прикоснуться к горке драгоценных украшений.

— Ты — моя единственная любовь, другой не будет, никогда. Все это я собирал для тебя, поэтому и ждать обряда незачем. Ты моя, а я твой со всеми потрохами. Чего уж за камни бояться, когда сердце тебе отдал?

Прижав ладони к пылающим щекам, я смотрела на серьезного,

внимательно глядящего на меня Дина. И не могла поверить, что это происходит со мной. Особенно сейчас, когда я хоть и нарядная, но с этим дурацким фингалом под глазом.

— Ну почему самый счастливый день в моей жизни должен быть обязательно испорчен синяком? Обязательно какая-нибудь червоточинка найдется, — досадливо проворчала я, невольно коснувшись саднящей скулы.

Дин немного помолчал, как-то даже недоумевая, а потом, отбросив ларец на комод, подхватил меня на руки и закружил. После поцеловал и насмешливо ответил:

— Сама виновата, могла бы о себе с вечера позаботиться, коль целительница, так нет, ты все над Эльсой ахала, а потом заснула. В следующий раз думай о себе хотя бы чуть больше, чем о болезных.

— Ой, я же хотела напроситься с Дарьей пойти в Женский дом. Может она согласится со мной часть работы разделить. Я же сильная знахарка и повитуха.

— Так тебе Эльса уже рассказала про наш Женский дом? — Дин с улыбкой покачал головой. — Ничего, если она ушла, ты сама найдешь его. В конце улицы стоит длинный дом, рядом с трактиром. В него со всего клана едут роженицы, да и с других кланов обращаются. Сильнее Дарьи повитухи в округе нет. Остальные слабенькие, только малую помощь оказать и могут. А тетушка старенькая уже, жалуется частенько, что сил не осталось. Так что тебе рады будут.

— Надеюсь, я очень люблю свою работу! — радовалась я, обнимая Дина за шею.

Эх, как же я полюбила вот так вот прижаться к нему и побыть хоть чуточку близко-близко, тесно-тесно!

* * *

Летняя жара прибывала. Было душно и жарко. Время будто вернулось на три недели назад. Только вместо Эльсы сегодня я сижу за столом для новобрачных рядом с Дином и постоянно трогаю брачную метку.

— Болит? — шепнул теперь уже самый настоящий муж мне на ухо, ласково приобняв за талию.

Я поморщилась невольно, а потом ворчливо призналась:

— Ты такие клычищи огромные отрастил, что думала: все, загрызет меня бедную, несчастную голодный тигр.

— Ой ли, уж такая несчастная? — тихонько хихикнула сидящая за соседним столом ама Лизавета.

Повезло мне со свекровью, да и с другими родственниками.

— Как тяпнул за шею клычищами, так там что-то хрустнуло даже. А вы сомневаетесь, — весело пожаловалась я.

Матео одним залпом хлобыстнул чарку наливочки, вскинул серую бровь и насмешливо поинтересовался:

— Может это возраст дал знать? Чай не молодка уже, вот шея и хрустит...

— Что-о-?.. — опешила я.

— А коленки не ноют? — продолжал подтрунивать Матео. — А то Дарья вон все жалуется, что ходить ей тяжело в последнее время.

— Пока еще нет, спасибо за заботу, — передразнила я свекра.

— Тогда я бы поспешил с ребятишками, — сообщил о своем желании глава клана.

Жених только посмеивался, поглаживая меня по спине.

— Поспешишь, народ насмешишь, — подняла палец вверх, — а я предпочитаю делать все по уму.

Мы болтали по-семейному, а вокруг гуляли гости. Со всех селений приехали поздравить. Причем дальние веселились во всю — отплясывали и искренне кричали пожелания и тосты. А вот соседи из Елового, особенно солидные амы, улыбались реже, когда тяжелый взгляд амы Лизаветы или аты Матео проходил по рядам. Вот от этого сидела я вроде и счастливая, но с грустинкой.

Мне пошили красивое шелковое платье жемчужного цвета с пышным подъюбником и открытыми плечами, справили туфельки из светлой кожи. А уж какое ожерелье дорогущее преподнес Дин! Заморское, с Желтой стороны, только там умеют такие делать. В волосах у меня белые цветы любимой аррайи и жемчуг. Дин в Храме Луны чуть не обернулся при моем появлении от восхищения. Каждая гостя это заметила и во время танцев уже ни одна даже не дернулась в сторону моего мужа, лишь косились завистливо. А мы, словно прикипев друг к другу, танцевали, касались, пили глазами, кажется, саму душу. В груди мурчали наши звери, рассказывая на своем, кошачьем, о любви.

И вот, присев отдохнуть, я вновь задумалась об отношении ко мне женщин клана — настороженном, опасливом, словно я враг им. И не могла понять, в чем причина? С грустью вспомнила первый день, когда пришла в Женский дом, как в Еловом назвали здание, где ама Дарья принимает будущих рожениц. Интересно, что построить его рядом с трактиром

пришло в голову родственнице Мишека и Дашека, вышедшей замуж за сына трактирщика. Предприимчивая гиена вовремя смекнула, что народ приезжает отовсюду и не у всех есть родня, у которой можно остановиться. А кушать хочется всем. И отпраздновать рождение детей опять же.

Ну а я... Не поверили мне, что я сильная, одаренная повитуха. По поводу знахарки лишь презрительно хмыкали и не подпускали. Я несколько дней пыталась доказать, что могу быть полезной, но все бесполезно. Открыто меня, жену наследника клана, не обзывали и не выгоняли, но нежелание иметь дело со мной было таким явным, что я сдалась. Больно, конечно, но у меня есть Дин и наш дом.

Потом мы поговорили с Дарьей за ужином у родителей Дина, но она так и не смогла убедить изначально настроенных против меня женщин, даже слушать не захотевших, что я настоящая целительница, а не пустозвон.

Хвесея заступалась за меня, но и ее постигла участь изгоя. В женскую компанию нас не принимали. Но скучать и переживать нам было некогда. Мы вместе проводили время в ожидании моей свадьбы, занимаясь своими домами. Зато теперь не стыдно гостей пригласить в уютный дом с черепичной крышей, за белым штакетником. Вечерами мы с Хвесей шили, вышивали и учились плести местные коврики под руководством Лизаветы и Дарьи. Они с удовольствием учили нас всему, что знали сами. Частенько у нас засиживался Мирон, с которым у Дина дела. А мы с лисичкой исподтишка любовались нашими суровыми мужчинами.

Зато меня признали еловские детишки. Как-то раз, когда я ходила по полю, собирая траву для настоек, помогла мальчишке, поранившему ногу. Мы вместе вернулись домой, потом слово за слово разыгрались. Спустя день мальчишка прибежал с другом, и теперь к нам во двор бегают едва не половина местных детей. Мы с Хвесей развлекаем их играми, которые знаем с детства. Повитухой я приняла половину детей из Волчьего клыка, так что мне не привыкать дружить с малышней и занимать их.

Вот и сегодня на свадьбе моему счастью искренне радовались именно дети. Мы с Хвесей водили с ними веселый хоровод и дружно пели смешную, задорную песенку под музыку, а они громко подпевали. И вновь удивительное дело: из соседних сел нас все поддерживали, Дина хвалили за жену, а свои качали головами. Даже слышала шепоток: «Непутевая, как дите неразумное, один ветер в голове...» и прочие неприятные и обидные слова. За что? Непонятно!

Свадьбу отгуляли к ночи, а после сидели с мужем и разбирали подарки. Я повертела пару только что не битых молью шерстяных носок:

— Им небось лет десять, не меньше.

Дин усмехнулся понятливо, почесал за ухом с досадой и пообещал:

— Ничего, разберутся со временем и все наладится.

— В чем разберутся? — Я отложила видимо не нужные неведомым хозяевам носки в сторону и, подняв многочисленные юбки, села к мужу на колени и приникла к его груди.

Мое сказочно красивое платье раскинулось пышной пеной на ногах Дина. Он запустил пальцы мне в волосы, погладил и тихо ответил:

— Что они дальше своего носа не видят. Потерпи немного, я позабочусь об этом.

А дальше был, наверное, самый нежный наш поцелуй — теплый, мягкий, забирающий все тревоги и обещающий любовь и защиту.

Глава 28

Услышав мужские голоса, я выглянула во двор, а там Дин широким жестом приглашает неожиданных гостей в сад, за стол под пологом плетущейся розы. Вечереет, но еще светло, стрекочут насекомые, птицы поют, пахнет цветами, свежее испеченными лепешками. Самой в доме сидеть не хочется, что уж говорить про мужчин.

Быстро собрала разную снедь на широкий поднос, поправила платье и, закинув косы за спину, пошла накрывать на стол.

— Добрый вечер, дорогие гости! — поздоровалась я с улыбкой, с облегчением отметив искренние ответные. Хорошо!

— Добрый, ама Савери, благодарствуем за гостеприимство.

Собрались пятеро помощников Дина, насколько я успела узнать, они отвечают за охрану границ и соблюдение внутренних законов клана. У нас одним из таких Маран был, хоть и суровый, но справедливый и правильный.

Дин сидел в расстегнутой рубаше — вся мощь нараспашку. Только взглядом коснусь — кровь закипает. Оказалось, мужа я не только сильно люблю, но и желаю как никого на свете. Стоит ему лишь остановить на мне свой внимательный горячий взгляд — таю и готова идти за ним хоть на край земли.

Я расставила миски с едой и хотела пойти за другим блюдом, но Дин поймал мою руку, поцеловал каждый пальчик и отпустил с нежной улыбкой. А у меня от ласки сердце дрогнуло: как же я одна без него буду? Ведь Дину на днях отправляться на Совет кланов. От каждого рода отправят наследников, которым доверено решать самые насущные и важные вопросы. А мы всего-то неделю наслаждались семейным счастьем.

Тряхнув головой, отгоняя тоску-печаль, я поспешила на кухню. Скоро стол ломился от разных вкусностей, которые мужчины неторопливо запивали холодным квасом, сбитнем и взваром. Доставая из дворовой печи лепешку, я услышала тихий разговор, который шел обо мне.

— Ох и хорошая тебе хозяйка дома досталась, — похвалил Тимон, черная пума, давно женатый оборотень. — Добрая и приветливая, твой двор словно солнышко освещает.

— Да уж, твоя холостяцкая нора преобразилась до неузнаваемости. Красиво и по-настоящему уютно стало, даже уходить неохота, — согласился пожилой Темрюк, почесав рыжее лисье ухо.

— Мимо вас проходишь бывает, а пахнет — слюной захлебнуться можно. Боюсь, твоя хозяйюшка скоро так раскормит твоего тигра, что ты уже вряд ли сможешь на охоту за душниками ходить, — добавил третий гость.

— А какая красавица и скромница, — выдохнул четвертый.

— Самое главное, смотрит на тебя, будто к ней сам Батюшка Солнышко снизошел. Эх, мне б такую, я бы самым счастливым стал, — по-доброму завистливо протянул самый молодой среди гостей, леопард Гонька.

Имя у него смешное, а сам серый, поджарый и жутковатый. Но Дин ему доверяет, ценит, а он в своем деле всяко лучше меня разбирается.

— Моя Савери одна такая, других нет. Ищи себе свою, — в голосе мужа зазвенел лед, он все равно ревновал, когда другие холостые мужчины начинали подобное говорить.

— Ты прав, больше нет, но может повезет с другими, — понятиливо усмехнулся Гонька.

— Мне нужна ваша помощь, — тихо попросил Дин.

— Дак поможем, чем сможем, делись бедой, — предложил Темрюк.

— Да девки и бабы из Елового носы от Савери моей воротят. Она переживает. Знахарка она сильная, ей дар свой отдавать хочется, а они фыркают, да гонят ее...

— Дин, ты сам понимаешь почему, — виновато проворчал Тимон. — Эльса ваша сколько кровушки попила в юности, сколько бед от нее натерпелась. А тут она вернулась и всем объявила, что Савери ее лучшая подруга.

— Да, теперь и ее все боятся. Не хотят новую беду на голову кликать, вот и остерегаются.

— Мирон тоже давеча рычал на наших баб, что его Хвесю сторонкой обходят, и его лисе досталось через Эльсу...

— Глупость полная, ну вы же понимаете, — рыкнул Дин.

— Да мы-то понимаем, глаза же не на затылке, видим хорошо. Но как с упертыми бабами сладить? Не хворостиной же вбивать им расположение к Савери?

— И Матео уже с Лизаветой мозги им промывал, да все без толку, не верят они. Обида и страхи старые глаза застят.

— И желают отыграться за прошлое, только уже на невиноватой, доброй аме, а не Эльсе бедовой. С той как с гуся вода, а твоя, вишь, страдает.

Дин молчал, я слышала, как он шумно дышит, сдерживая злость, но

дальше я поразились:

— А теперь послушайте меня внимательно. Когда вернусь, проверю: если к моей жене по-прежнему неуважительное отношение будет, то я этого терпеть не стану. И разберусь по-своему, а вы меня хорошо знаете.

— Так бабы же, что с них возьмешь, — заволновались гости.

— Найду, что и с них взять, — строго обещал Дин. — С каких это пор баба в доме решающее слово имеет? Или вы тряпками стали?

— Ата Дин, вы слова-то выбирайте, — тихо возмутился Тимон.

— А зачем? — притворно удивился Дин. — Если меня окружают дураки?! Вот ты, Тимон, головой думаешь? Твоя дочь только в прошлом году замуж вышла, а в Ручейном две обычные повитухи. А что будет, если котят несколько, и они неправильно пойдут? Кто твою Ойку с того света вытащит?

— Типун тебе на язык! — чуть не подскочил от возмущения Тимон. — Если что — в Еловый привезу, ама Дарья не откажет, поможет.

— Ты уверен? — прорычал Дин, уже не приглушая голоса. — Моей тетке сто двадцать, она еще моему отцу зад подтирала. Уже ходит с трудом, а силенок у нее и вовсе почти не осталось.

— Ну, бабы говорят, последнее время Дарья окрепла, на боли не жалуется, вроде, — сказал неуверенно Темрюк.

Лицо Дина и так суровое и хищное перекосила кривая зловещая ухмылка:

— Да, похорошело ей. Потому что Савери месяц ее своими целебными отварами поит, лечит. Она не только повитуха сильная, но и травница отменная.

— Ну и что прикажешь делать с твердолобыми бабами? — уныло спросил Тимон.

Дин пожал плечами и сурово ответил:

— Что хотите, мне теперь плевать. Но моя жена в собственном клане изгоем не будет, это я вам прямо говорю. Как есть. А еще хочу предупредить, срок им на исправление — пока я в отъезде. Если дело на лад не пойдет, значит Савери будет лечить женщин из соседних кланов, раз в нашем безмозглые. А то все на Эльсу мою кивают, а у самих с головой...

— Не наездится, — попытался съехидничать Тимон.

Дин качнул головой, фыркнув:

— Тесный круг столько сил приложил, чтобы меня с Савери разлучить и себе ее заграбастать. Когда мы уезжали, они пытались выторговать ее к себе на время, чтобы приезжала хоть иногда. Или чтобы своих к нам можно было возить. Каждый оборотень, что с нами в обозе был, теперь знает, что

Савери сильная знахарка и повитуха. Понадобится — я запросто первый ярус нашего дома отдам под целительскую. Пусть пользуется чужачек, а свои задирают носы и мрут как мухи, зато гордые. Видно, слишком много у нас бабы знают, раз мужики не могут найти на них управу и прочистить мозги.

Я не выдержала и вышла к гостям, глотая слезы.

— Савери, — Дин встал, напряженно глядя на меня.

Подняла руку, подошла к нему сама и поведала о самом горьком:

— Как судьба нами играет. Еще пару месяцев назад я мечтала о семье и детях, страдала в заточении у брата. Ведь я сильная повитуха и благодаря моему дару он указывал соседям. Использовал меня, чтобы загонять их в неоплатные долги. День и ночь жила под охраной. Меня даже заставляли скрывать собственный запах несколько лет, чтобы ни один оборотень не бросил вызов брату. Единственной возможностью выбраться на свободу и обрести семью стали смотрины у князя. Меня просили, угрожали, чтобы я скрыла ото всех дар. Предупреждали, чтобы помогала только избранным. И вот моя мечта сбылась: я обрела семью, мужа, да только потеряла возможность спасать жизни, лечить, помогать — все, что не давало вырваться раньше. Судьба коварная. Дарит одно, но забирает другое, тоже важное. О чем узнаешь...

— Любимая, я все решу, поверь, — Дин встал и обнял меня за плечи.

Я успокоилась, шмыгнула носом, глаза защипало от слез, но уже не от боли и разочарования, а от любви и восторга. Ведь мой тигр готов ради меня даже переругаться с кланом. С теми, с кем знаком с рождения. Чтобы я в нашем доме знахаркой работала, чтобы была счастлива. Не только с ним, но и сама.

Я подняла лицо, обняла Дина под рубахой и отпустила свои чувства, чтобы Дин смог увидеть их в моих глазах.

— Как же сильно я тебя люблю, Дин. Ты представить не можешь! Ты самый нужный, самый важный. Жизненно необходимый. А остальное — ерунда, жизнь все расставит по своим местам. Главное, люби меня и всегда будь рядом.

Гости молчали, краем глаза я видела, что, услышав мои слова, они удивленно задумались. Осознают.

— Прости, что вмешалась в ваш разговор, но угрозы — лишнее. Добро должно быть нужным, а не навязанным, — шепнула я, с любовью вглядываясь в потемневшие от страсти глаза мужа.

Неожиданно прокашлялся Темрюк. Встал и, коротко поклонившись, глухо произнес:

— Простите, ама Савери, что ваша жизнь по приезду в наш клан и

свадьба оказались немного... сложными. Мы надеемся...

— Мы постараемся, — перебил четвертый гость, — это изменить.

— Еще бы, ведь ты скоро сам жениться собираешься, насколько я слышал, — хохотнул Гонька.

Дин улыбнулся мне с нежностью, коснулся губами моих губ, но я стеснялась настолько откровенно проявлять чувства, поэтому потерлась благодарно щекой о его грудь и, натянуто улыбнувшись остальным, спросила:

— Может, кому кваску подлить? Или еще чего надобно?

Дальше пошли деловые разговоры. Я успокоилась: перемелется все, утрясется как-нибудь, незачем угрозами мне подруг искать. У меня вон Хвеса есть и Лизавета. Дарья у нас старенькая и больше наблюдает, сидя под теплым покрывалом и слушая нас с улыбкой. По-своему она тоже помогала мне: все чаще жаловалась в Женском доме на усталость и что сил почти не осталось. Амы нервничали, но ко мне идти тоже не хотели. Ну что поделать?

Спустя два дня Дин уехал на северную границу. Мы думали, что на неделю, но вышло почти три. Слышала, что там чистят земли от гонимых северянами мародеров и грабителей, и боялась за любимого. Порой сил терпеть не было, хотелось все бросить и к нему рвануть. Лишь свекор со свекровью меня удерживали.

Но появилась и радостная новость: Хвеса понесла. Мирона теперь распирает от счастья, не ходит по Еловому, а словно летает, хвост распушил и плевать ему, что тот заново обрастает и местами облезлый.

У меня дел добавилось. С утра дома управляюсь, в обед с ребяташками играю, потом огород время занимает — посеяла множество целебных трав и теперь тщательно обихаживаю. Сад заботы требует. Вечерами мы с Хвесей приданое шьем для малышей, ведь у лисички с леопардом их может родиться несколько. Этим и спасаюсь от страха за мужа.

Мы с подругой как-то заметили, что селянки, хоть и дружить с нами не напрашиваются, носы не воротят больше. Ходят, присматриваются, здороваются уважительно. Похоже, мужики все-таки вмешались после разговора с Дином. Вскоре он сам вернулся с новостями, что земли до самого Шлепа от лихого народа очистили. Честно говоря, мне было плевать на грабителей, главное любимый рядом.

— Зачем сейчас поехали? — ворчал мой тигруша, понукая коня идти быстрее. — Я только два дня как дома, хотел любимой женой насладиться, а ты меня в дорогу потащила.

— Я по Эльсе соскучилась. Уже давно не виделись. Как у нее там жизнь семейная сложилась — не знаю. А вдруг все плохо? Вдруг ее там не приняли и она страдает? Даже поплакаться некому, ведь я вместе с Хвесей и родными, а она одна-одинешенька, — упрашивала я мужа, с обожанием глядя на него.

Мы выехали за пределы Елового, направляясь в горы, в клан Обжигающая лощина. По словам Дина, они наши соседи, до которых всего сутки пути. Ближе к вечеру мы вышли к очень красивой местности: пологая гора террасами спускается в долину. На одной из них мы стали лагерем. Пока наша охрана из пяти крепких оборотней разжигала костер и готовила ужин, я решила подняться к стекающему узкой струйкой с вершины ручью.

Приподняв юбку, я поднялась по камням-ступенькам, ловко перепрыгивая с одного на другой. И оказалась на небольшой площадке, окруженной кустами пахучего можжевельника. Замерев посередине, расставила руки и запрокинула голову, подставляя лицо солнышку. И услышала, вернее почуяла, как за спиной сквозь кусты пробирается мой тигр. Мой нос всегда на него настроен.

— Они не пойдут за нами сюда? — спросила я, увидев в отдалении еще и двоих охранников.

Спросила просто так, без особой нужды, но вышло как-то заговорщически, с намеком. А по моему телу уже побежала дрожь предвкушения. Я обернулась к мужу — а он как рявкнет:

— Проваливайте!

По-моему, на всю округу разнеслось. А он посмотрел на меня горящими глазами и шепнул:

— Никого не будет, тут только мы...

— Это место... — Я медленно, жадно обвела своего тигра взглядом от макушки до кончика подрагивающего хвоста. Желание накатило неожиданно и скрывать его я не стала. Зачем прятать, если оба испытываем? Облизнув губы, добавила, махнув рукой вокруг: — Тут очень красиво...

Сочная и свежая зелень листвы, пронизанная лучами закатного солнца; сводящий с ума аромат трав; журчание воды, стекающей в крошечную заводь — прелестное местечко, чтобы спрятаться здесь от всех.

— Да... красиво... — выдохнул Дин, словно перекатывая каждое

слово на языке, делая его невыразимо сладостным и тягучим.

Говорил он не о красоте природы, потому что смотрел на меня, но все равно следил за окружением, был на чеку. Если бы кто-то попытался приблизиться, он бы обязательно почувствовал.

— Ты не против немного задержаться на этой чудесной полянке? — игриво предложила я, комкая от волнения подол.

Дин промолчал, зато его взгляд чуть не оглушил ответным «да!», окончательно придав мне уверенности в своем незыблемом праве на этого мужчину. На его время, на его тело... Шагнув ближе и привстав на носочки, я обняла Дина. Ощутила его напряженные широкие плечи в полной уверенности, что это тоже от предвкушения.

Подол моего платья медленно пополз вверх, Дин сминал его в кулаках, добираясь до моих бедер. Я расшнуровывала ворот его рубахи и едва не содрала ее долой. О, Луна, какой же красивый и могучий мне достался муж, насколько великолепен в своей наготе. Дин лихорадочно расстегивал три большие пуговицы на моей груди, потом развязывал бант на спине. Я тихонько рассмеялась, когда, зарывав от нетерпения, он справился с петельками и развернул меня, чтобы не порвать ленты, а найти концы и развязать.

Коварное платье, шурша, свалилось в траву, следом туда отправилась нижняя рубашка с юбкой. На мое тело легли большие ладони и заскользили, лаская, горяча кожу и кровь. Несколько упоительно-томительных минут Дин наслаждался моей грудью, а потом, вырвав протестующий стон, развернул меня к себе лицом. Обхватил мой затылок ладонью и смял жаждущим ртом мои губы. Грубоватый поцелуй был на удивление сладок, как самый поздний лесной мед. И когда я чуть отстранилась, чтобы глотнуть воздуха, то уже едва ли понимала, где мы находимся, потерявшись в ощущениях.

Пользуясь моей слабостью и собственной выдержкой, которая уже трещала по швам, Дин другой рукой подхватил меня под ягодицы, заставив оседлать его бедра. Его рука скользнула между нашими телами, приласкала чувствительную кожу на внутренней стороне бедра. А потом... прикосновение, от которого я окончательно растаяла и беспомощно стонала.

Желание ощутить Дина глубже стало непреодолимым. Сквозь опущенные ресницы я видела, как подрагивали его ноздри от возбуждения и жадного желания глубже втянуть возбуждающий аромат. Я чувствовала трепет собственного тела, с трудом владела собой. Ощущения обострились. Я отчетливо чувствовала запахи сочной травы, влажной земли, мха и... его

желания. Стремясь утонуть в этом аромате, я качнулась, тесно прижимаясь телом к паху, еще скрытому штанами, затем и вовсе попыталась содрать их, не соображая, что рву плотную ткань. Голова шла кругом.

Красный закат, частые удары сердец, отрывистое дыхание — это походило на сказку. Чудесную сказку для нас двоих. Пылко отвечая на глубокий поцелуй, я выпустила коготки, впиваясь ими в бедра Дина, вынуждая его глухо, рвано стонать. И поймала себя на мысли, что его стоны распаляют меня все сильнее и заставляют жаждать момента, когда нежность сменится звериной силой.

Тихое самодовольное урчание Дина — явственное выражение его собственнической природы самца, который сумел найти и завоевать свою самку. Я распалялась, и каракал в полном согласии со мной наслаждалась ласками тигра.

— Кошка-крошка...

Дин тяжело прикрыл глаза, истово колотя хвостом перед наступлением мига, когда окончательно иссякнет сдержанность и он сорвется в пропасть слепой страсти. Но прежде тигр хотел ощутить силу моего наслаждения, убедиться, что доставил его. Дин приласкал мою грудь, дав возможность вдохнуть и — выгнуться, стиснуть его бедра сильнее. Я изнывала, ощущая внутри пустоту.

— Мой тигр... — простонала я, слегка покусывая солоноватую шею Дина.

Тяжело осев на колени и посадив меня на землю, он впился в мои губы страстным глубоким поцелуем, без слов давая понять: время неги прошло. Звериная сущность в Дине брала верх, призывая его действовать жестко и властно, напоминая нам с кошкой, кому покорились.

— Перевер-р-нись, — слегка цапнув меня острым клыком за плечо, раскатило прорычал Дин.

Я не меньше своего оборотня хотела покориться бушующему в венах огню — с истинно звериной плавностью выполнила приказ и прижалась грудью к траве. Тело прошило жаркая волна желания, заставив прогнуться.

Дин восторженно урчал, зверь в нем жаждал обладать.

— Я всю жизнь мечтал о тебе, — признание сорвалось с его губ, прежде чем, нависнув над мной, он скользнул шершавым языком по моей спине.

В ответ мои когти, ставшие длинными и острыми, глубже зарылись в траву. Запахи усилились. На этот раз все казалось ярче, удовольствие — острее, жажда обладания друг другом — сводила с ума даже наших зверей. Неужели с каждым разом наша близость будет все сногшибательнее и

сладостнее?

Человеческие мысли окончательно рассеялись, вытесненные инстинктом и желанием. Мое тело стало продолжением Дина. Это больше всего походило на чувственную и дикую пляску двух рычащих кошек. Очень больших и алчных до удовольствия кошек! Но друг для друга мы были единственным источником невообразимого наслаждения.

Мощный рык, гортанный хрип, вырывающийся из груди при каждом новом иступленном движении. Мой ли, Дина — кто знает. Я больше ничего не видела и не слышала, кроме наших бешено стучащих сердец. Никакой нежности — наши тела стремились обрести желанное освобождение. Тигр и каракал, сотрясаемые сильнейшим удовольствием.

Наконец, утробно рыча, мы рухнули на вспаханную когтями землю. Я прикрыла глаза, наслаждаясь накатившей слабостью и ощущением тяжести мужского тела. Дин с довольным урчанием медленно перебирал мои растрепанные рыжие волосы, упиваясь смесью из наших ароматов. Нас переполняла радость, нега и ощущение упоительной связи, которых не хватало в прежней жизни, до встречи друг с другом.

Мы не спешили возвращаться в лагерь, наслаждаясь уединением. Только мы и небо над нашими головами, и заходящее солнце, ставшее свидетелем нашей страсти. Я получила такое удовольствие, что хотелось плакать от облегчения, греясь в объятиях моего любимого мужчины. Дин даже хвостом спеленал мои бедра, словно поймал свою самую большую добычу. Зарылся лицом в мои волосы и хрипло шепнул:

— В обнимку с тобой в этих горах, пропахших запахом свободы, я мог бы пролежать вечность.

* * *

— Савери-и-и! — вопила Эльса, бежавшая по площади Большого камня — центрального поселка ее нового клана.

Я спешила и понеслась ей навстречу. Крепко обняла и спросила, подозрительно глядя по сторонам:

— Как ты тут без нас? Не обижают?

К нам подошел Шай, улыбаясь легко и свободно, чего раньше за ним не водилось.

Эльса рассмеялась, потащив меня за собой, махнув рукой Дину:

— Охрану на постоянный двор, а вас с Савери мы приглашаем к себе домой. Догоняйте!

Сперва мы зачем-то бежали, а потом остановились, переглянулись и неторопливо, чинно зашагали на окраину поселка. Когда я увидела огромную домину из камня и дерева, даже опешила:

— Это твой?

— Мой! — гордо выпятила грудь Эльса. — Я тоже думала, что в горную хибару попаду, а у меня, оказывается, богатый муж, просто гостей не жалует. Здесь его все побаиваются и уважают.

— Как тебя приняли в клане?

Мы прошли в дом, и я порадовалась за подругу, наверняка приложившую руку к этой «хибаре», сделав ее уютной.

— Ты не поверишь, — сияла Эльса голубыми глазами. — Прикатила я в клан под вечер с фингалами, лицо расцарапано. Ну ты помнишь, да, мне от Лидки досталось...

— Помню, мне тоже, — буркнула я.

— А, ладно. В общем, здесь жителей душники одолевают, а Шай — самый лучший охотник на них. Ну ты знаешь, какой он мрачный и нелюдимый, вот все и боялись, что перейдет грань и сам станет душником. Свирепым, умным убийцей и тогда....

— Кто бы мог подумать... — пробормотала я, уже догадываясь, куда клонит Эльса.

— Приехала я вся такая синяя, расстроенная, готовлюсь к нерадостной встрече, обдумываю как себя вести...

— Ну, да, конечно, как ты, да не подумав.

— А меня, оказывается, узнали сразу...

— Уже не удивительно, — кивнула я.

— ...и решили, что такое подспорье Шаю, защитнику клана, привалило, что дня два все пили на радостях!

— Не с горя? — уточнила я.

Эльса ущипнула меня за бок, заставив возмущенно пискнуть, и поделилась:

— Тут другой народ живет, суровый, к бою всегда готовый. Их сонницей не испугать, они, наоборот, — рады, что бойкая девица Шаю досталась. Робкая на моем месте померла бы со страху еще по дороге сюда.

— Можно сказать, приняли тебя хорошо?! — улыбнулась я с облегчением.

— Лучше, чем ожидала! — хихикнула Эльса. — Правда, теперь меня родители Шая замучили, требуют внуков прямо сейчас. Тем более дар сонника часто через поколение передается, вот они и надеются на спокойную старость, мечтают, что Шай сыновьям свои способности и опыт

охотника передаст.

— От меня тоже свекор прямо на свадьбе внуков требовал, — поделилась я.

В дом зашли Шай с Дином и, к моему изумлению, Эльса сказала мне отдыхать, а сама суежилась, накрывая на стол, хлопоча о гостях и супруге. Стальной волк зорким ястребом следил за своей голубкой. Столько чувств в его взгляде было, что жарко становилось. Да, Эльса с Шаем нашли друг друга, любовь у них крепкая и сумасшедшая на зависть всем.

Дин наблюдал за племянницей, радуясь, что она нашла свое счастье. Да еще с хорошим сильным оборотнем, который сумеет уберечь ее от бед.

В гостях мы замечательно провели несколько дней, а затем отправились домой. В свое логово!

Глава 29

Мальчишки, увидев наш маленький отряд, почему-то срывались с места и с криками «Едут!» убегали прочь. Мы с Динем ехали впереди и весело болтали о старых проделках Эльсы. Порой наши охранники, услышав о том, чему сами были свидетелями, добавляли подробностей и тогда мы смеялись вместе. Как-то само собой вышло, что за время поездки к родне в Большой камень мы нашли общий язык и прониклись дружескими чувствами.

Я поправила задранный ветром подол яркого пышного платья в красно-зеленую клетку и соломенную шляпку, чтобы уши не царапала. И уже представила, как порадую свекра со свекровью, Дарью, Хвесю хорошими новостями из Обжигающей лощины, — Дин нахмурился, а я оказалась в окружении насторожившихся охранников, разглядывающих что-то впереди.

Кажется, их внимание привлекло столпотворение возле трактира. Народ прибывал, но по какому поводу — непонятно? Возле конюшни стояли пять груженных подвод, правда без лошадей. Видимо распрягли и увели в стойло. Рядом сустились еловцы и чужаки. Щурясь на солнце, я пыталась разглядеть, что там случилось и кого мне напоминают эти до странности знакомые чужаки.

— Торговцы с Севера? — глухо предположил один из охранников, разглядывая действительно одетых как на моей родине приезжих.

Дин пожал мощными плечами, бросив на меня быстрый напряженный взгляд. Охрана продолжала гадать:

— Может проездом?

— Или переселенцы?

— Телеги загружены под завязку, словно весь скарб тащат с собой.

Тем временем из трактира вышел высокий плечистый оборотень — и у меня внутри резко ухнуло.

— Маран, — хрипло выдохнула я. — Один из помощников Амаля. И... мой бывший конвоир.

— Что ему здесь надо? — ошетинились наши сопровождающие.

Дин подхватил повод моей лошади, чтобы шла рядом с его огромным конем, и приказал:

— Не отходи от меня ни на шаг!

— Ты же меня никому не отдашь? — я испуганно посмотрела на него.

И ведь знала ответ, но неосознанно вырвалось.

— Я скорее всем кишки выпущу, чем позволю к тебе подойти, — спокойно ответил Дин, заледеневшими желтыми глазами разглядывая врага.

Маран спокойно стоял на крыльце, словно ждал кого-то. А я рассмотрела остальных приезжих и изумленно пробормотала:

— Луна, да он с женой приехал. И их родители здесь и... сестра с мужем. И детей привезли, я сама принимала у Алисы роды пять лет назад.

Услышав меня, Дин неожиданно расслабился, усмехнулся и даже головой качнул, словно досадуя на себя за глупость. Подался ко мне и поцеловал в щеку со словами:

— Моя кошка хоть и крошка, но самая большая драгоценность.

— Ты думаешь? — шаловливо улыбнулась я.

— А то! — подыграл Дин, подмигнув.

К тому моменту как мы подъехали, к таверне подошли и Матео с Лизаветой, но самое удивительное, торопилась присоединиться еще куча жителей Елового. Совсем скоро возле трактира яблоку негде было упасть. Дин помог мне спешиться. Я не знала, как себя вести, только и оставалось разглядывать бывших соклановцев, прибывших сюда всем родом: мать и отец Марана, его сестра с мужем и двумя детьми, жена Дамира, ее родители и подростки-двойняшки сестра с братом, еще старики-долгожители бабка с дедом.

Еловцы окружили северян, напротив которых встали глава клана с супругой, и мы с Дином. Толпа притихла, и, наконец, тишину нарушил глубокий, сильный голос Матео:

— Ама Савери, ты стала женой моего сына — будущего преемника и главного наследника клана Еловый ручей. Ты приняла на себя заботу о нем и о будущем клана. После вашего отъезда в Обжигающую лощину в Еловый приехали твои бывшие соклановцы. Ты знаешь ата Марана и его родню?

Я струхнула, оттого как строго и важно обратился ко мне Матео. Но Дин встал у меня за спиной, положил ладони на плечи, согревая, оберегая, своей непрошибаемой уверенностью помогая справиться с дрожью. Больше я в поддержке своего мужа не сомневалась:

— Да, ата Матео, я знаю ата Марана и его родню. Он служит моему брату Амалю, главе северного клана Волчий клык.

— Кем он служит ему? — снова задал вопрос Матео.

Вот зачем, спрашивается, он задает их мне, да еще перед всем селом?

— Он правая рука брата, одно из самых доверенных лиц.

— Савери, я хочу, чтобы ты искренне сказала, что думаешь об этом оборотне и его родне?

Маран напрягся и заметно нервничал. Его Дамира встала у него за спиной и прижалась к плечу. Родные сурового северянина, даже дети, замерли, словно в ожидании приговора, встревожив меня. Поэтому слова подбирала осторожно, но и врать, зная, что не горазда, не стала:

— Дамира — добрая и светлая душа, еще прекрасная кружевница, чем славится на всю нашу округу. Ее родные — достойные, честные оборотни, известные своими умениями и прилежанием. Сам ата Маран — сильный, умный, смелый волк. Не глава, но если надо, решения принимает правильные. Честный, верный, хоть и со своей правдой. Я думала, он безоговорочно предан моему брату и разделяет его взгляды, но по дороге в Аверт узнала, что Амаль принуждал его, пользуясь моим даром. Маран любит свою жену и боится за ее жизнь и будущее потомство.

Напряженную тишину после моего слова, снова нарушил Матео:

— Савери, ты говорила, что много лет брат держал тебя словно пленницу в собственном доме. Из-за твоего дара повитухи и травницы охранял от всех, украл твою юность и если бы не княжеские смотрины, заставил бы и дальше жить затворницей, без семьи и детей. Чтобы самому управлять твоим даром и решать, какой женщине выжить в родах, а какой нет, тем самым, вовлекая в вечную кабалу их мужей и соседей. Это правда?

— Да, правда, — сглотнув горькую слюну, ответила я, глядя в строгие глаза главы клана.

Что же он задумал? А вот Дин совсем расслабился, кажется, даже ухмылялся, склоняясь над моей макушкой, и медленно растирал мне плечи, помогая успокоиться.

— Каким образом в этом участвовал ата Маран?

— Он назначал мою охрану, следил за мной по приказу брата. Во время поездки в Аверт охранял, а потом должен был устроить так, чтобы князь меня отверг, и вернуть брату. Но я смогла сбежать.

— Неужели? — подтолкнул меня Матео.

— Ата Маран — прекрасный охотник и сильный волк, — грустно усмехнулась я. — Он быстро нашел и поймал меня в Малиннике.

Дин стиснул мои плечи, крепче прижимая к своей груди: понял, что мог потерять меня еще тогда.

— Ты снова сбежала от него? — уточнил с едва заметной улыбкой Матео, а еловцы жадно слушали, затаив дыхание.

— От ата Марана я бы не смогла сбежать, — поморщилась я, а потом улыбнулась, посмотрев, наконец, в глаза своему бывшему кошмару. — Он

пожалел меня и сам отпустил. И дал денег в дорогу. Не испугался навлечь на себя гнев моего бешенного брата.

— Все слышали? — неожиданно рыкнул Матео на всю площадь, заставив кое-кого вздрогнуть

— Да-а... — прошелестело ему в ответ.

Тимон с Темрюком и Гонькой ткнули друг друга локтями в бок, словно разделили одну им известную шутку.

Матео торжественно продолжил:

— Ама Савери, ата Маран прибыл сюда со всем своим родом. Он заверил меня, что отрекся от Волчьего клыка и оставил службу у бывшего главы. Теперь они отщепенцы! Он обратился ко мне, главе клана Еловый ручей, с просьбой разрешить им поселиться на наших землях. Принять их род в наш клан. Просил наделить их обязанностями и дать защиту. Я знаю твою историю, ты жена моего единственного сына, поэтому обещал, что решение принять новый род в клан примешь ты. Сама! Именно ты скажешь, достоин ли этот волк и его родные быть принятым. Можем ли мы доверять ему в будущем наши жизни и семьи.

— Могу ли я задать только один вопрос ата Марану перед этим? — хрипло спросила я.

— Конечно, — кивнул Матео.

Я посмотрела на бывшего конвоира и тихо спросила:

— Почему?

Маран подошел ко мне ближе, неохотно отстранившись от жены. Посверлил меня взглядом, а потом ответил как всегда спокойно, без надрыва и заискивания:

— Я же говорил тебе, что боюсь за Дамиру, а кто как не ты сможешь позаботиться о ней и моих щенках. Мелкой соплюхой ты выхаживала тех, на кого махнули лапой другие. Боролась за каждого последыша. Я терпел Амаля только из-за тебя. Ты молодая, сильная, детей моих детей принимать будешь.

— Но как же дом? Ты для Дамиры хоромы всем на зависть поставил! — выдохнула я потрясенно.

— Дом поставить не проблема, — усмехнулся Маран. — Голова и руки есть, семья рядом, отстроимся.

Я потеряла виски. Вот так свалилось на меня! Дальше Маран поразил до глубины души:

— Пока мы втихомолку собирались, решая все ли едем, уверен, Амаль догадался о том, что я нашел тебя и отпустил. В общем, мы не стали больше ждать и испытывать его нрав. Собрались и укатили. Ну что,

примешь нас к себе, Савери?

— Лу Савери, а мы потом поиграем? — неожиданно дернула меня за подол племянница Марана.

Я опустила взгляд на маленькую забавную волчицу, с которой частенько играла у нас в саду, и мое сердце дрогнуло.

— Обязательно, милая! — улыбнулась я широко и свободно. А ее дяде тихонечко добавила: — Я рада, что вы приехали.

На душе вдруг стало так легко и хорошо. Ведь теперь в Еловом будет жить большая семья, которую я знаю с детства. И Маран — надежный оборотень.

Я подняла взгляд на Матео и громко ответила:

— От лица главы Елового ручья объявляю, мы принимаем род Марана в клан, даруем защиту и разделяем обязанности!

Новоселы захлопали в ладоши, «старожилы» удовлетворенно улыбались, кое-кто смахнул слезу. Следующей взяла слово ама Лизавета:

— У нас есть дом свободный, вам отдадут его на время, пока свой не постройте. Ата Маран, ама Дамира, мы приглашаем вас на разговор к нам в дом, пока ваши родные будут заселяться.

Назначенные Матео оборотни повели радостных новеньких еловцев обустроить дом, а мы с Мараном и Дамирой пошли следом за моими самими лучшими на свете свекром и свекровью.

В саду нас встречала Дарья, сидевшая на качелях. Увидев нас с гостями, она улыбнулась и поинтересовалась у брата:

— Ну что, Матео, вышло все, как ты надеялся? Наши дурехи доперли, какое сокровище второй месяц шпыняют?

Свекор кинул на меня насмешливый взгляд, приобнял довольную супругу и ответил:

— Лучше способа похвалить свою невестку и научить уму-разуму баб я даже представить не мог.

— Спасибо, отец, ты самый умный тигр на Фарне, — улыбался Дин, сверкая белоснежным хищным оскалом.

Дамира, вздрогнув, прижалась к мужу.

— Так вы это нарочно сделали? — изумленно выдохнула я.

— А как иначе? — пожал широкими плечами глава. — Только вы за порог, а тут твои знакомцы всем семейством пожаловали. В трактире начали выпрашивать, не проезжала ли мимо рыжая каракал по имени Савери. Наши тут же мне доложили, ясное дело. Ну я и пригласил их к себе.

— От «приглашения» вооруженных до зубов воинов сложно

отказаться, — ехидно кивнул Маран. — Не понимаю я, зачем это ярмарочное представление на весь город?

— Так вышло, что меня как повитуху не приняли здесь, не верят, что я настоящая целительница, — усмехнулась я, ведь свои точно смогут разделить злую насмешку судьбы.

Дамира недоверчиво вытаращилась на меня, потом на моих родственников, я кивнула, подтверждая.

Маран криво улыбнулся:

— Теперь понятно, почему они подробно о тебе выпрашивали, чуть не в кишки лезли. Не могли поверить, что мы за тобой с самого Севера прикатили.

— К Алисе, пока она с детьми здесь гуляла, все кумушки местные соседились, словно других мест нет. Ты же знаешь Алиску, Савери, — болтушка как есть, прямо душу отвела: столько историй бабам рассказала про твой дар. И про Амаля и про то, как он все соседние кланы в лапе держал. А наши племянники, души детские, по наивности добавили. В общем, наговорила Алиса на месяц вперед, наверное, бедняжка.

Пока заходили в дом, я заметила, что Маран внимательно рассматривал Дина и Матео. Потом поняливо мотнул головой и расхохотался:

— Ага, значит вы нашими языками возвращали доверие к Савери!

— А зачем навязывать то, что легко можно показать с помощью чужаков? — усмехнулся Дин.

Он обменялся с Мараном взглядом, и мне показалось, что эти двое найдут общий язык и сработаются. Тем более, Дин уже понял, что кроме Дамиры для Марана не существует женщин, а значит, и повода для ревности нет. И во мне волк весьма заинтересован, значит еще один ярый охранник кошки-крошки или мохнатого сокровища влюбленного тигра будет

Мужчины и Дамира с Дарьей расселись за столом, мы с Лизаветой начали накрывать. Скоро мы вкусно ужинали, ведя неспешный разговор.

— Как же вас отпустили, Маран? — в первую очередь спросила я.

— Амаль рвал и метал, я так испугалась за мужа, — тихонько призналась Дамира, положив ладонь ему на руку.

Маран поморщился, передернув плечами:

— Разнес весь первый ярус, с корнем выдрал вашу люстру, орал, что лучше бы он тебя на ней оставил. Чуть не вырвал мне глотку, а потом — словно выдохся. Смотрел на меня задумчивым взглядом, понимающим. Если честно, я был готов биться за свободу, когда пришел сказать, что мы

покидаем клан. В первый момент его такая ярость взяла — когтями чуть стол на лохмотья не порвал, а потом скрипнул зубами — и согласился.

— Даже откупные не назначил, отпустил как есть, — добавила Дамира. — А ведь мы думали, что обчистит нас до нитки. Теперь точно отстроимся.

— Почему? — грустно спросила я.

Дин обнял меня, прижал к боку и начал перебирать мои пальцы. Маран малость подумал и ответил:

— Амаль — зверь, конечно, бешеный. И вел себя с тобой как последняя тварь, но он любит тебя. Как умеет. Я полагаю, понял он, что мы едем за тобой. И отпустил, чтобы были рядом, заботились.

Я шмыгнула, глаза защипало — и оказалась у мужа на коленях. Уткнувшись ему в шею, я тихонько всхлипывала. Дин поинтересовался другими делами, давая мне время проплакаться:

— Вы заезжали в Аверт? Не знаете, что там творится?

Маран ощерился в жутковатом оскале и поразил новостями:

— В Аверте сейчас смута. А все потому, что месяц назад Светлейшего князя Валиана Северного не стало. Княжество распадается на прежние границы и кланы, правда некоторые пытаются оттяпать у соседей побольше. Честно сказать, свара очередная, но на войну не похоже.

— А что с князем-то? — У меня мигом слезы высохли.

Маран хмыкнул:

— Как у Валиана умыкнули советника или тот сам сбежал, толком никто не знает, начал он делать одну большую ошибку за другой, да лютовать сильно. Главам авертовских кланов это пришлось не по душе. Насколько я слышал, Серые охотники, Острый клык, Черный хвост и еще пара из самых сильных сговорились и... упразднили князя.

— Упразднили? — вытаращились мы с Лизаветой.

— Да, вроде как, нервы у леопарда не выдержали: устал он, шерсть линяла, усы выпадали — чего только не сказывали. Да только каждый знает, что Валиана того молчком закопали. Там невесты из-за него перегрызлись, ему тоже сильно досталось. Не поделили бедолагу девицы-красавицы. Или корону княгини... им же только цацки подавай. А пока леопард ранылизывал, да мечтал от гарема избавиться, главы подсуетились. И хоть мать Валиана с отчимом пыталась выпросить, чтобы сына просто выгнали вшаей из города, не вышло у нее. Умные врагов за спиной не оставляют. А этот кошак всем, кому мог, кровь попортил. Так что единственное, что сделали, — отказались на площади с Валиана живьем шкуру сдирать, как с его ближайших подельников. Тайно где-то порешили

— и дело с концом.

— Ужас! — выдохнула я.

— Ужас — как любезно, — съязвил Дин.

— Новости про то скоро на Юг дойдут, — сказал Маран, посмотрев на Дина. — Дошли.

— Значит, покой и на наши земли вернется. И банды окончательно изведем.

— Да уж, мы всю дорогу в полглаза спали, бродили рядом всякие, — поморщился Маран.

Мы поболтали еще немного, потом все разошлись по домам. И так мне хорошо было возвращаться в родное логово, вдыхать запахи своего жилья, перебирать подарки от Эльсы. Я здесь, я дома.

А с утра меня ждал сюрприз. Мы позавтракали, и я решила сбегать к Хвесе, рассказать новости. Открыла дверь, а крыльцо заставлено... подарками. Батюшки, и чего только нет: новые, яркие, легкие гольфы; красивая шляпка с тряпочными цветами, а сколько пышных красивых пирогов... Мимо, словно невзначай, соседки шастали, и все как одна широко улыбались, словно знают и любят меня всю жизнь:

— Доброго утречка, ама Савери, как ваше здоровьеце?

— Может помочь чем?

— В Женский дом придете сегодня?

— Ой, а мои сынки о вас только и говорят...

Следом на крыльцо вышел Дин. Я обернулась, взглянула в его сияющие желтые глаза и задорно, счастливо развела руками:

— Живем!

— Папина задумка сработала. Скоро тебя тут так полюбят, что сама прятаться начнешь.

— Зато месяц готовить не надо, вон сколько пирогов! — хихикнула я.

Дин нежно поцеловал меня. Я обняла его, с улыбкой думая, куда девать столько подарков, и о том, что жизнь хороша и дарит все, что нужно, просто надо ценить ее дары.

Эпилог

5 лет спустя

— Лада-а-а!!! — заорала я, рванув к трактиру к знакомой до боли женщине, — не могла поверить своим глазам, что вижу свою любимую подругу.

— Савери, — всхлипнула Ладушка, прижав ладони к щекам.

Мы крепко обнялись.

— Ну здравствуй Савери, далеко ты забралась, долго же мы тебя искали, — раздался знакомый глухой голос Родиона, мужа Лады.

Мы, наконец, разомкнули объятия, и я взглянула на него. Словно и не было пяти лет разлуки, Родя-Родион по-прежнему огромный, хмурый, лохматый, при оружии, в любой момент готовый отразить нападение. Рядом с ним двое его волчат-подростков.

— Вы к нам насовсем? — сжав руки на груди, с робкой надеждой спросила я у старых друзей.

Они вчетвером сразу расслабились. Подруга положила на небольшой живот ладони и с улыбкой пожала плечами:

— Родя боится за меня, вот и решил, что на Юге живется легче, чем на Севере.

— Да-да, замечательно живется! — зачастила я. — У нас тут тепло, хорошо, народ самый лучший. А как весело: то ярмарки, то свадьбы, то посиделки.

— Савери, доченька, ты так рванула, что мы за тобой не поспеваем, — подошла Лизавета, крепко держа за «руки» двух моих четырехлетних пострелят.

Оба тигренка вырвали лохматые лапки из рук бабули и, юркнув ко мне, вцепились в мои руки, с любопытством разглядывая чужаков. Лада с Родионом одобрительно оглядели моих близнецов, которые испытывали бабушкино терпение тем, что отказывались принимать одну из ипостасей. Вот и безобразничали сегодня в промежуточном мохнатом виде: ходили «полутиграми», босиком на двух лапках, но в штанах на лямках.

Мои маленькие полосатики, похожие на отца и деда как две капли воды, недобро зыркали исподлобья на незнакомцев, из-за которых я «бросила» их, когда принесли весть о гостях.

— Ама Лизавета, это мои единственные в Волчьем клыке друзья,

которые очень помогли мне в свое время. И бежать в том числе. Я буду просить главу за них, чтобы их тоже приняли в клан.

— Тоже? — удивились северяне.

— Маран весь свой род к нам перевез, — похвалилась я.

— А скоро весь Волчий клык к нам не переедет? — пошутила свекровь.

— Нет, — неожиданно улыбнулся Родион, редко радовавший жителей Волчьего клана улыбками.

— Матушка, я Ладушку с семьей у себя поселю, пока они отстроятся. — предупредила я. — Дин против не будет.

— Ой, я и не сомневаюсь. Мой сынок против ни словечка тебе сказать не может. Любит без меры, — вроде и ворчала свекровь, да только явно одобряла нас. И сама любит без меры.

— Вы, главное, как Дин с Мироном и Мараном вернутся из Ручейного, к нам на ужин приходите, очень хочется новости послушать, — предложила Лизавета и перехватила сорванцов за лапки: — А я пока внучат к себе заберу, чтобы под ногами не мешались.

— Мы помогаем, мы не мешаем, — буркнули сынули.

— Ну вот мне и поможете, — строго сказала Лизавета.

Уж она-то знает, как с этими полосатыми надо говорить, иначе они ею командовать начинают. Тигры, они такие, властители всея Фарна.

Вечером мы сидели в саду у хлебосольных хозяев большой компанией. Кроме родных пришли Маран с Дамирой, за пять лет волк сдружился с Дином и Мироном, пожаловавшим с Хвесей. Еще и пара близких друзей супругов Матео тоже пришли. И Далее прикатил. Все дружно засыпали вопросами Родиона и смущенную Ладу.

Я ловила каждое их слово о своем бывшем клане и брате.

— Так вот, Савери, за пять лет жизнь в клане сильно изменилась, а все благодаря жене твоего брата.

— Амаль женился? — потрясенно выдохнули мы с Мараном.

— Ага, — хмыкнул Родион. — Были мы в горах на охоте за душниками. Больно расплодились эти твари после войны. Дальнюю деревушку подчистую вырезали. Одну девчонку только и успели спасти. Амаль ее буквально из лап вырвал. Ох и лихо они тогда подрали друг друга. Душник огромный, злобный попался, силы немереной. Вот тогда-то Шаечка — девица спасенная — и поселилась в доме Амаля. Выхаживала своего спасителя с неделю. Удивительно: он на нее орет, как бешеный душник, а она на него круглыми карими глазами смотрит и облизывает взглядом.

— Амаля? Облизывает? — не поверил Маран.

А Родион хохотнул, качнув головой:

— Никто не мог понять, что она в нашем главе нашла, ведь такая нежная, робкая, пригожая девица. А она за ним хвостиком бегают и словно нарываясь на грубость. Носит ему то квас, то покушать, а то бедняжка Амаль весь в трудах, весь в заботах, никто же о нем не беспокоится. А тот срывается и орет на нее. Долго все гадали, как же она его терпит? Амаль слюной брызгает и рычит на нее, а Шаечка дрожит, словно сейчас в обморок упадет от страха.

— Как же они супругами стали? — озадачились мы с Мараном на пару.

Родион совсем развеселился:

— А так. Чуть позже мы догадались, что волчица Шаечка не менее странная, чем наш глава. Только Амаль любит делать больно, а Шаечка любит, когда ей делают больно. И пока Амаль на нее орет, Шаечка аж дрожит от удовольствия. Запах возбуждения то не скрыть...

— Любит боль? — пораженно выдохнули все женщины, кроме Лады. Та только посмеивалась.

— Ага, — кивнул Родион. — Теперь только и слышно из их дома, как Амаль рычит, а Шаечка просит: ну накажи меня, ну накажи, любимый, я плохо себя вела.

Пока все хохотали, Лада добавила:

— Но вы бы видели, как Амаль изменился. Успокоился, подобрел. Нашел повитуху новую, сильную. Платит ей кучу денег. Уважает. Потому что Шаечку свою, на всю голову больную любит сильнее всего на свете. Орет, шлепает, но бережно и любовно, лишь бы доставить ей удовольствие. Когда узнал, что мы к тебе собрались, просил подарки передать и на словах, что просит прощения. За все. Правда, Шаечка услышала, разоралась от ревности, а потом, как обычно, просила наказать за грубость...

К концу рассказа я не знала, плакать от счастья, потому что у брата жизнь наладилась — уберется от грани и не стал душником, или смеяться над его странным семейным счастьем.

А разговор перекинулся на другую тему. Выяснилось, что на Севере теперь полный мир и благодать. Наученные горьким опытом северяне тщательно хранили покой родного края.

Под конец вечера Далея совершенно нечаянно рассказал слухи, доставленные с дальнего Юга. Больше всех поразившие нас с Хвесей. Оказалось, что судьба Глаши из Шварта сложилась самым невообразимым

образом. Говорят, что гораздо дальше на юг, где жарко почти как на Желтой стороне, на берегу океана пять лет назад появилась странная супружеская пара. Гиена альбинос с косыми красными газами и потрясающей фигурой, и невзрачный серый змей гадюка. Зовут их Глафирия и Шан Гадючные на «желтый» манер. Так вот, явились ниоткуда, построили огромный постоянный двор — таверну, как в тех краях говорят, и назвали ее «Жена на час». Поначалу местные оборотни и змеелюды с Желтой стороны, пристающие к тому берегу, думали, что «Жена на час» — это дом, где живут женщины легких нравов. У змеев так называется публичный дом для любовных утех. А оказалось — все далеко не так.

Теперь туда со всего берега ходят и холостые, и женатые, чтобы душу отвести, да настоящей женской заботы узнать. Кому рубаху зашить, кого в бане попарят, да выслушают. А кого непутевого могут и любовно, породственному сковородой отходить по заливку. В общем, каждый там найдет то, что ищет в душе. Заботу и нежность, уход или слово доброе. И за всем там ведет пригляд гиена с крутым нравом и крепким кулаком. Хозяйство у нее процветает, а мужа она почитает почище высших. Трое ребятишек народилось, двое в отца пошли — чешуйчатые, хвостатые змеи, а одна — гиена беловолосая, но, говорят, хорошенькая девчушка.

Сам хозяин таверны известен как целитель душ и мудрец. Каждого выслушает, посоветует, как лучше поступить, да с кланом управиться. Или как невесту завоевать, но не силой, а хитростью. И главное, что советы его ведут по хорошему, правильному пути. И хочет гадюка эта мелкая, чтобы край его процветал в мире и покое, чтобы дети его и любимая жена Глафирия жили долго, счастливо.

Далей замолчал, хлебнул холодного кваску, а потом со смехом добавил:

— Представляете, Шан этот Гадючный свою гиену называет «моя птичка счастья»!

— Ту страшную гиену — птичкой? Счастья? — засомневалась Хвесья.

— Сказывали, змей говорит, что птица счастья не обязательно должна быть красивой, главное — отлично отпугивает беды и неприятности. И судя по тому, как хорошо эта пара живет, Глафирия настоящая птица счастья!

За столом все весело расхохотались, одобряя «хорошую, полезную в хозяйстве птицу». Вскоре вернулась «бабушка Даша» с моими тигрятами. Они обступили ее и просили новую сказку. Старая тетушка Дина улыбалась и отмахивалась: устала она от них быстро. Сыночки быстро забрались к отцу и деду на колени и с горящими любопытством желтыми глазенками,

принялись слушать взрослых.

Я обняла за плечо мужа, легонько поцеловавшего меня в ухо, и с любовью смотрела на наших детей, родных и друзей. И не могла нарадоваться, как же мне в жизни повезло. Сжала мамин амулет, что с детства висит у меня на шее, и мысленно поблагодарила и ее, и высших, за оберег. За жизнь, за любовь, за семью.

Конец

27.07.2018 год